

НИК ПЕРУТОВ

ВОЙНА МАГА

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЭКСМО

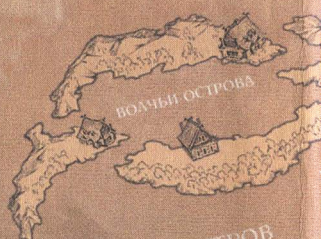
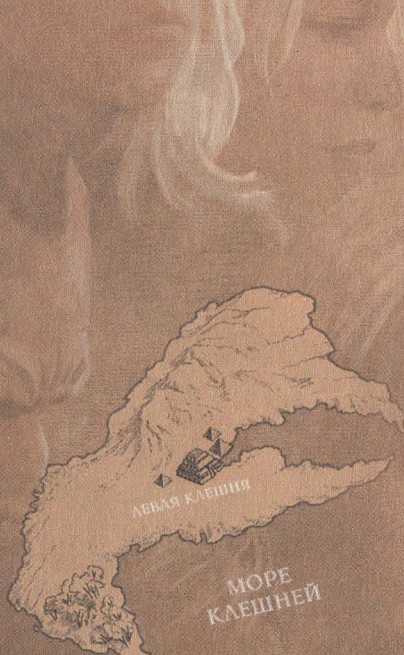
АССОННЭ

РЫСЬ

ФЕСС

ЭТЛАУ

каштан урханг

ОГНЕННЫЙ А

МЕГАН

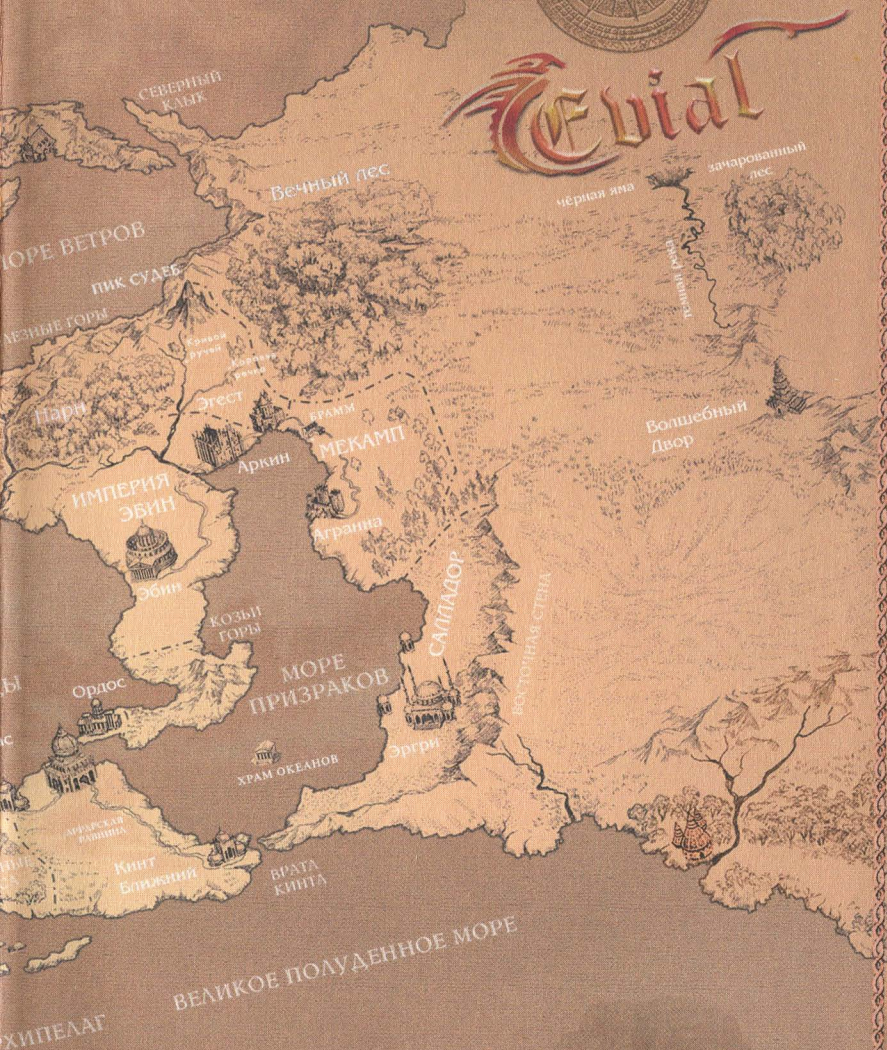
АНЭТО

СИЛЬВИЯ

Evial

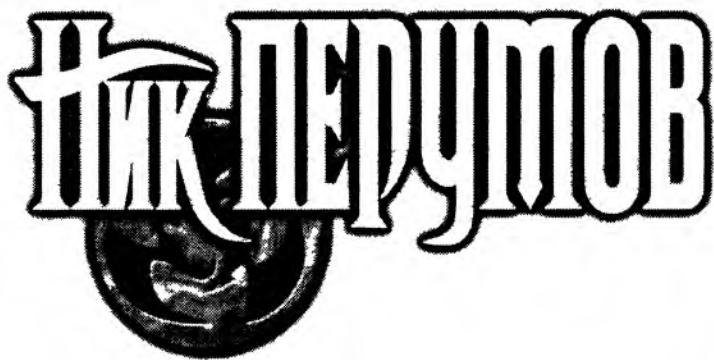

ХРАНИТЕЛЬ МЕЧЕЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЙНА МАГА

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

КОНЕЦ ИГРЫ

Часть 2

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 26

Оформление *И. Саукова*

Художник *В. Бондарь*

Перумов Н. Д.
П 26   **Война мага. Том 4. Конец игры. Часть вторая: Цикл «Хранитель Мечей». Книга 4 / Ник Перумов. — М.: Эксмо, 2006. — 480 с.: ил.**

ISBN 5-699-16577-0
ISBN 5-699-17423-0

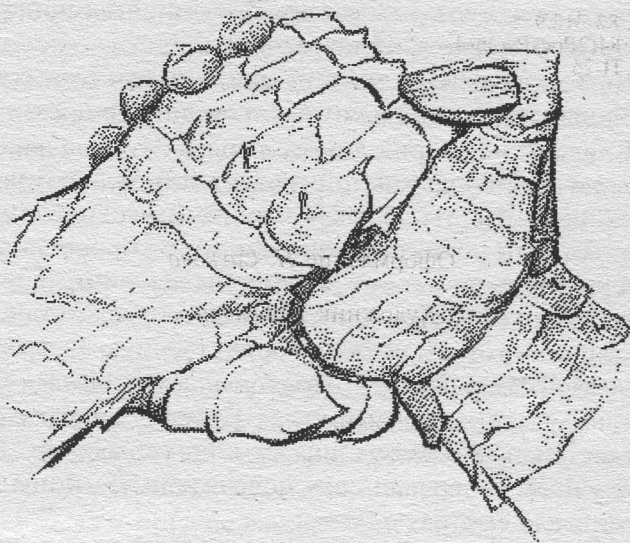
Наступает момент истины, когда каждому предстоит решить, зачем он жил и во имя чего способен умереть. Невероятные по мощи силы стягиваются к Утонувшему Крабу, пустынной островку посреди морей Эвиала. Отныне в его небесах, в подземельях великой, выстроенной на нем пирамиды решается судьба миров и всего Упорядоченного. Здесь боги становятся во главе людского воинства, чтобы побеждать, и люди протягивают им руку помощи в беде, здесь хитроумные заклатья разбиваются о крепость воли и любви, здесь смерть отныне — лишь ступень для новой счастливой жизни. Здесь кончается история мага Кэра Лаэды, некроманта Неясыти, воина Фесса, так непохожая на сказку, потому что все рассказанное в ней — правда.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-16577-0 (ч. 2)
ISBN 5-699-17423-0

© Перумов Н. Д., 2006
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2006

Глава десятая

ещё тепло, ещё зелены берега и мягки воды широкого в нижнем течении Маэда. Здесь, на юге, куда в былые времена не дотягивалась гибельная длань Смертного Ливня, куда не дошли пираты с прибрежий и ещё не успели вытоптать всё козлогоние — могло показаться, что Мельинская Империя высится гордо и несокрушимо во всегдашней мощи.

Считалось, здесь оплот благородного сословия. Землю пахут не свободные общинники, как на севере, а баронские крепостные. Однако стоило Конгрегации выступить, как именно здесь она потерпела первую неудачу — в «малой войне», потому что сервы отнюдь не горели рвением отдавать жизни за обожаемых хозяев.

Сюда отступили легионы Клавдия — в край брошенных замков и самовольно захваченных баронских земель. Мятежники укрепились, как ни странно, на се-

вере, а здесь, в южных землях, большинство простого люда горой стояло за Императора.

Во всяком случае, пока не докатились вести о решённых им человеческих жертвоприношениях.

Клавдий не ударил лицом в грязь. Чуть дальше от реки, по гребню холмистой гряды выстроились многочисленные когорты, сверкая начищенным вооружением, под гордо поднятыми знамёнами с коронованным имперским василиском. Начищены легионные орлы, молодцами смотрят, несмотря ни на что, центурионы, буксинщики готовы сыграть торжественную «встречу».

— Мой Император! — Проконсул отсалютовал правителю Мельина, правый кулак Клавдия впечатался в левую сторону его нагрудника, там, где сердце. — С благополучным возвращением, повелитель. Легионы выстроены для смотра.

За спиной Императора со сходен спускалась передовая манипула Серебряных Лат, привычно смыкали круг Вольные, и проконсул Клавдий смотрел прямо в глаза правителю Мельина.

— Мой повелитель, — встретив Императора привычным салютом легионов, Клавдий вдруг опустился на одно колено. — У меня плохие вести, повелитель.

— Что случилось? — отрывисто бросил Император. — Что-то... с Тарвусом?

Право же, догадаться нетрудно.

— Первый легат Тертуллий Крисп, командир Третьего легиона, прислал известие о гибели графа Тарвуса. Его светлость пал от руки наёмного убийцы. Также оказались отравлены все почтовые голуби, Крисп не мог ни с кем снести. Отправляемые мной птицы погибали в его лагере, Тертуллий подозревает какое-то чародейство, и я с ним согласен. Только сейчас прискакал гонец. Он здесь и готов всё рассказать непосредственно повелителю, если на то последует императорское соизволение.

За спиной правителя Мельина кто-то сдавленно

всхлипнул — похоже, не сдержала чувств Сежес. Закалённая и хладнокровная чародейка прекрасно понимала, что такое смерть Тарвуса, одного из немногих нобилей, с самого начала вставшего на сторону Императора.

— Тарвус. Серая Лига. — Император чувствовал вскипающую ярость. — Ты уверен, проконсул? Гонец — можно ли ему доверять? Знакома ли тебе рука Криспа, как он пишет? Может ли кто-то удостоверить, что писал именно он, а не какой-нибудь маг Солея или Гарама?

— Я могу. — Голос Сежес вновь сделался твёрд. — Пусть принесут свиток.

— В мой шатёр! — обернувшись, гаркнул проконсул. — Мой Император, у меня всё готово. Трапеза...

— Скажи мне сперва, проконсул, почему ты не выполнил прямого приказа и не двинулся на соединение с Тарвусом? С каких пор ты перестал исполнять прямые приказы, Клавдий Септий Варрон? — холодно произнёс Император.

— Да потому что, повелитель, никчёмное это дело, — решительно и твёрдо, с прежней солдатской прямоотой ответил Клавдий. — Окажись я вместе с графом, прирезали б нас обоих, и вся недолга. Уйти на восток — значит бросить весь юг, склады, припасы, арсеналы. Куда б тогда вернулся повелитель?

— Ты не исполнил приказ, проконсул. И даже не потрудился объяснить причину.

— Не доверяю я голубям, повелитель. Тем более в таком деле. Вы вот сомневаетесь, а правда ли написана в том свитке, что гонец привёз; ну, так и я тоже усомнился в этом приказе. Нет в нём никакого смысла. Погибельный он. На том стою.

— Поднимись, Клавдий, хватит коленопреклонений. — Император оставался холоден. — Трапеза трапезой, но, сдаётся мне, тебе ещё за многое предстоит ответить.

— А я ответил, повелитель. Это простой легионер обязан, приказ получив, его исполнить, не рассуждая. А если не станут рассуждать первые легаты и консулы, то и войска очень быстро не станет. Вы же, повелитель, нам всё время твердите и твердили.

— Мятеж затеял, проконсул?

— Ни за что, повелитель. Но с юга уходить всё равно нельзя. Мы с Тарвусом, мир его праху, держали баронов с двух сторон, как ухватами. Они и двинуться никуда не могли — другое войско, того и гляди, в спину зайдёт.

— А теперь?

— Теперь, повелитель? Теперь всё понятно. Двигать на Мельин. С полудня мы, с восхода Тар... то есть Тертуллий. Конгрегации останетса ни с чем убираться обратно на север. Может, и штурмовать столицу не придётся.

— Если это нам позволят козлоногие.

— Козлоногие, повелитель, что-то встали последнее время. Может, по той причине, что рассказал молодой барон Аастер, может, ещё отчего-то. Мы простые легионеры, не маги. Но вперёд твари пока не лезут. А раз так, надо покончить с тем врагом, с каким можем. Сломаем хребет мятежу — вновь повернём против Разлома.

* * *

Что-то не так, терзался Император, лёжа ночью без сна. Рядом точно так же бодрствовала Тайде, она не смыкала глаз, если не спал её Гвин.

— Клавдий...

— Что-то не так. Что-то случилось, — подхватила Сеамни, точно ждала этих слов. Ароматные волосы шёлковой волной накрыли лицо Императора, губы Дану оказались возле его уха:

— Почему убили Тарвуса? И оставили в живых Клавдия?

— В том числе и для того, чтобы мы задались бы этим вопросом, — так же еле слышно шепнул Император. Близость тёплого тела, нечеловечески гладкая кожа навевали совсем иные мысли, под которые подобный разговор вообще невозможен.

— Вопросом, не изменил ли он?

— Да. Если Серая Лига рискнула выступить на стороне Радуги и баронов, то...

— То почему они действительно не убили обоих сразу? Не нашлось, кого послать? Но вот Сертория-то они достали... А если прикинуть расстояние...

— Клавдий был им нужен. Зачем-то. Живым. — Решительности Императору было не занимать.

— Ты так уверен, Гвин?

— Я ни в чём не уверен теперь, Тайде. Но если Радуга дотянулась до Тарвуса и потом не сделала даже попытки покончить с Клавдием, — это странно.

— Если маги попытаются купить проконсула, они очень погорят на этой сделке, — с непреодолимой уверенностью заявила Сеамни.

— Ты настолько убеждена?

— Да. И не вздумай сомневаться в Варроне, что бы он ни сделал.

* * *

Тревога поднялась на следующий день к вечеру; Император успел побывать во всех легионах, заглянуть в солдатские котлы, не пряча от воинов кровоточащую левую руку. Мол, кровит и кровит, я и в ус не дую, так что и вам нечего беспокоиться.

К восточной армии — теперь уже Тертуллия, не Тарвуса! — помчались спешные гонцы. И крылатые, и верхами. Оказавшемуся во главе войска первому легату предписывалось наступать прямо на Мельин.

Готовились к походу и в лагере Клавдия. Собрана немалая сила; к пяти легионам проконсула добавились Серебряные Латы, лучшие воины Империи и гномий

хирд Баламута, едва ли им в чём-то уступающий. Козлоногие стояли; самое время покончить с баронской смутой. Лучше всё-таки иметь только одного врага. Даже если силы и возможности этих врагов несопоставимы.

Клавдий вновь стал прежним. Его неповиновение — показное, если разобраться — Император не забыл. Подобного он не забывал никогда. И такой уж каменно-несокрушимой правоты в отстаиваемой проконсулом позиции правитель Мельина не видел. Да, оставаться здесь имело свои преимущества. Но и объединить две разорванные армии тоже необходимо. К счастью, бароны не в состоянии оказались разбить их по частям.

Но Тарвус, Тарвус! Можно вздохнуть «какая потеря», а можно молчать, сжимая зубы и стараясь отделаться от укоризненного взгляда верного соратника, который теперь навсегда с тобой, и укор его — тоже навсегда.

Не защитил и не уберёг. И не говори «а как же я мог?!». Мог. Отдав другие приказы. Не оправдывая себя и не кайся перед другими — Император всегда прав — только не лги себе и не отшвыривай собственные чувства.

Маги что-то задумали. Что ж, постараемся устроить всё так, чтобы они перехитрили самих себя. Это станет лучшей местью за графа.

...Кучка козлоногих вдруг сбросила оцепенение и, оставив далеко позади «фронт» вторжения, движется прямо к лагерю Клавдия — принёс известие всё тот же барон Марк Аастер. Пареньку, похоже, несказанно везло на подобное. Прошлый раз своими глазами видел резню детишек, этот — натолкнулся на перешедших Маэд тварей.

— Я распорядился выслать отряд. — Клавдий уверенно-успокоительным жестом вскинул руку. — Повелителю незачем беспокоиться.

— Когда это я не беспокоился и когда посылал других на верную смерть? — возмутился Император. — Задержи наших людей, проконсул. Мы отправимся с ними.

— Я тоже, — тотчас заявила Сеамни.

— Ты? — повернулся Император. — Но это...

Он осёкся, посмотрев в глаза Дану.

— Не стоит сажать меня под замок, повелитель, — дерзко бросила девушка.

Император только скрипнул зубами. Его Тайде отличалась поистине непреклонной волей.

— Хорошо. Но только с моим эскортом. Ни шагу в сторону, понятно? Кер-Тинор, прошу тебя особо позаботиться...

— Повелителю не требуется объяснять мне это, — гордо поклонился Вольный.

— А меня? А я? — возмутилась Сежес. — Мне что, предлагается остаться в лагере и, может, заняться постирушками?..

...Что это, разведка? — недоумевал Император, трясясь в седле. С левой руки всё так же срывались тяжёлые и тёплые капли, ночь подхватывала их, словно расторопный слуга, поспешно уносила прочь. Бестии Разлома никогда раньше так не действовали. Они просто валяли валом, их не занимали никакие стратегические или, паче того, тактические ухищрения. И тут небольшой отряд, два десятка — что им тут делать, тем более за Маэдом?

Ночь набросила на речные берега лёгкую вуаль первого сумрака; раньше в такие времена добрые люди, закончив дневные дела и затеплив — по достатку — кто лучину, кто единственную свечу, а кто и целую их люстру, садились, брали на колени набегавшихся к вечеру детей и — кто слушал сказку, кто её рассказывал, но все одинаково смотрели на живое пламя и благодарили про себя прошедший день.

Теперь благодарить некого. Да и детей теперь небось прячут по погребам и лесным заимкам.

...Императора окружал привычный эскорт — Вольные, в их кольцо — Сеамни и Сежес, Кер-Тинор — подле самого стремени правителя Мельина. Впереди, рассыпавшись, ровной, сберегающей силы коней рысью шли четыре полнокровных турмы конных лучников. Гномы остались в лагере, несмотря на шумное возмущение Баламута.

— Ты уж там поосторожнее, государыня моя, — услышал Император слова, вполголоса сказанные гномом чародейке Сежес. Та ничего не ответила, даже не возмутилась, только молча кивнула.

Выступили. Лагерь остался позади, огни костров, запах наваристой похлёбки — Клавдий выгребал последние запасы, но людей кормил досыта. Войне всё равно предстояло очень скоро закончиться, так ли, иначе, но ещё годы она уже не продлится — если, конечно, козлоногие так и не останутся там же, где сейчас.

— Как они перебрались через реку, барон? — окликнул Император молодого Аастера. — Где ты точно их обнаружил?

— Как раз и обнаружил, когда они реку переплывали, по-собачьи, но быстро, повелитель. — Аастер послал коня ближе к надменно-молчаливому кольцу Вольных. — Вылезли, отряхнулись и дальше. — Юноша помедлил и осторожно добавил: — Может, не стоит вам-то самому, повелитель? С двумя десятками мы бы...

Император только покачал головой. Нет, это он обязан увидеть лично, своими глазами. Козлоногие никогда так себя не вели. Что-то случилось. С ними ли, нет — он обязан выяснить. После взрыва пирамиды правитель Мельина мог надеяться не только на простые человеческие чувства.

Как бы только цена не вышла неподъёмной.

Берега Маэда в нижнем течении густо покрывали селения, покосы спускались к самой воде; почти вся земля распахана, лоскуты лесов сохранены лишь строгими указами прежних императоров, запретивших но-

вые порубки и росчищи под страхом мучительной казни. Конечно, двум десяткам козлоногих есть где укрыться, и на этот случай с преследователями отправилось три дюжины свирепых легионных псов, издавна служивших сторожами при воинских лагерях.

И собаки не подвели, взяв след возле самой реки. Козлоногие направлялись прямо на восток, никуда не сворачивая.

— Что, там для них мёдом намазано, что ли? — вслух удивилась Сежес.

В самом деле, в этой войне ведь нет ни ключевых крепостей, ни важных мостов. Тварей Разлома может остановить только океан, да и то неведомо, на какой срок.

Кавалерийские турмы растянулись полукольцом, словно при загонной охоте. Сежес, в мужской одежде, придерживала поводья одной рукою, другой водила перед собой, что-то бормотала — время от времени на Императора накатывали тёплые волны, чародейка готовила какое-то заклинание.

— В лес улепетнули, повелитель! — подскавав, крикнул один из псарей. — Во-он туда!

— Не надо туда, — вдруг схватила Императора за плащ Сеамни.

— Брось, Тайде, — улыбнулся правитель. — Мы в таких безднах с тобой побывали — что нам этот лесок?!

Нет, подумал он, я войду туда сам. Если у кого-то и есть шансы справиться с бестиями один на один, так это у меня или Сежес.

Зажатый меж двумя просёлками, острый клин бучков и грабов вытянулся с севера на юг, будучи в ширину, наверное, не более двух лиг. Есть где собирать грибы или хворост, но не отсиживаться хоть сколько-нибудь долгое время.

Храбрые псы, удерживаемые поводками, рычали и рвались в бой. След козлоногих, никуда не сворачивая, нырлял прямо в подрост, и здесь собаки уже не требова-

лись — на влажной земле остались многочисленные отпечатки раздвоенных копыт, ветки обломаны, листья сбиты.

Псы ярились, а вот кони пугались, Император отдал команду спешиться. Пробираясь по чаще верхами часто вообще невозможно, здесь почищенный и прореженный лес такое бы позволил, но лучше не рисковать.

Выставлены короткие копыя. Люди невольно жалась друг к другу — все кавалеристы побывали у Разлома и помнили, что такое атака козлоногих.

Император понимал, что настоящей загонной охоты тут не устроить. Тварей придётся брать грудь на грудь.

...Первыми ринулись бесстрашные собаки, так рванувшись с поводков, что псари выпустили кожаные ремни. Миг спустя из сгущающейся мглы, из неглубокого овражка прямо на острые копейные навершия выскочили два десятка уродливых тварей Разлома.

С Императором шли бывалые и тёртые бойцы, совсем недавно сражавшиеся с Семандрой и на Ягодной гряде. Они успели сомкнуть ряды и принять первый, самый страшный натиск вовремя опущенными копыями.

Что-то выкрикнула Сежес, в овраге загудело пламя — чародейка предпочитала не рисковать и пользовалась однажды проверенным средством.

Но и козлоногие кое-чему успели научиться. Они атаковали клином, первые три твари свалились, с разгону насадив себя на копыя, однако следующие пятеро перемахнули через падающих собратьев и в один миг расшвыряли спешенных всадников, не успевших выдернуть древки из насквозь пробитых тел.

Из оврага вынеслось несколько бестий, с головы до ног охваченных огнём; но оставшаяся дюжина смяла первую шеренгу и оказалась лицом к лицу с Вольными.

Император видел, как молодой Аастер с размаху рубанул оказавшегося к нему боком козлоногого, видел, как брызнула тёмная кровь и как тварь, перед тем, как

повалиться, так лягнула молодого барона прямо в грудь, что тот отлетел, рухнул и уже не поднялся.

Козлоногие бились поистине «как безумные», не стараясь защитить себя, рвали когтями, били тяжёлыми копытами, с лёгкостью отшвыривая оказавшихся у них на пути; Вольные, несравненные бойцы, не дрогнули и не отступили ни на шаг, однако их кольцо оказалось прорвано в считанные мгновения. Кер-Тинор лихо закрутил головокружительную мельницу парой кривых сабель, так, что сразу от двух тварей полетели в разные стороны кровавые брызги — их, к сожалению, было не убить одним ударом.

Император обнажил собственный меч, закрывая Тайде. Его воины превосходили козлоногих числом, храбрости людям тоже было не занимать, и кольцо сомкнулось вновь, уже вокруг самих тварей Разлома, превратившихся из охотника в добычу; победа близка, Сежес вновь что-то выкрикивает, вскидывает руку — с небес на козлоногих падает огненная сеть; сама чародейка, правда, обессиленно клонится, Сеамни успевает её подхватить, тут же резко размахивается, словно сжимаемая невидимый клинок; дальнейшего Император не увидел, потому что иссечённая, окровавленная тварь играючи отшвырнула Кер-Тинора и, несмотря на вспоротое горло, выбросила обе лапищи, целясь когтями в голову правителя Мельина. Император полоснул наотмашь, рядом возник помятый, но не утративший решительности Кер-Тинор, сабли Вольного запели, и рогатая башка слетела с плеч; однако из охваченного пламенем оврага, на бегу пытаясь сбить пламя, выбегали новые твари, и Император понял, что завёл своих людей в ловушку.

Козлоногие дали разведчикам увидеть небольшой отряд, а сами, наверное заранее, укрыли в том же лесу куда большие силы.

Поддерживаемая Сеамни чародейка тем временем сумела выпрямиться, огненные копыта вынеслись из ов-

рага, разя козлоногих в спины и пронзая насквозь; но бестий оказалось слишком много и строй защитников Императора рухнул, твари просто разбросали людей в разные стороны. Не меньше трех десятков созданий с опалённой, местами дымящейся шерстью оттеснили Вольных, несмотря на всё их искусство; рядом с правителем Мельина остались только Сеамни, поддерживавшая бесчувственную волшебницу, Кер-Тинор да проконсул Клавдий.

Лес дрожал от криков, гудения пламени, ночная тьма не дерзала вползти под густые кроны, белая перчатка на левой руке разогрелась сама собой. Козлоногие напирали со всех сторон.

— Бежим, повелитель! — Клавдий решительно потащил Императора за собой.

— Нет! Ума лишился, проконсул!..

— Вовсе нет, — лицо Клавдия сделалось совершенно непроницаемым. — Вовсе нет... мой Император.

В левой руке проконсул сжимал недлинную, но увесистую булаву, увенчанную гладким шаром; правитель Мельина и глазом моргнуть не успел, как оружие взлетело и, описав дугу, врезалось аккуратно в боковину императорского шлема.

Не стало мира, не стало боли и света. Ночь наконец-то взяла своё.

* * *

Возвращение в сознание после того, как угостили булавой, — порой ещё неприятнее, чем сам удар. В глазах всё плывет, голова раскалывается от боли и кружится, подступает мерзкая тошнота.

Связанный и обезоруженный, Император лежал лицом вниз в мерно скрипящем возке, уткнувшись в груды дурнопахнущего тряпья. Доспехи с него, правда, снимать не стали, удовольствовавшись сорванным шлемом. Сбоку рухлядь промокла от крови, сочившейся из левой руки; правитель Мельина заставил себя перевер-

нуться — в небе звёзды, уже прошла добрая половина ночи. Ступают и пофыркивают лошади, а рядом к нему прижалась Тайде, тоже связанная. С другой стороны, там, где натекла кровь, — Сежес; она без чувств.

— Гвин... — Какое ж облегчение в этом выдохе!

— Тайде. Жива, — шепнул он в ответ.

— Здесь маги. Радуга. Ждут нергианцев.

— Что с нашими? Кер-Тинор, остальные?

— Не знаю, Гвин, — всё так же, одними губами. — Нас разделило во время боя. А потом... потом Клавдий ударил сначала тебя, а потом Сежес.

— Клавдий. — Внутри Императора только боль, пустота да бессильная ярость. — Предал-таки. Продал. Видать, Тарвуса купить не смогли...

— Не надо так, — легко, словно дуновение. — Я от своих слов не откажусь. Что бы ни сделал проконсул, не обвиняй его в предательстве.

— А что ж ещё с ним делать!..

— Ничего не делать. Ждать, Гвин, ждать. Сежес они опоили, у тебя забрали белую перчатку, но зато отогнали тварей.

— Как?! Радуга способна приказывать козлоногим?

— Нет, Гвин. Куда им... наверное, опять жертвоприношение. Твари нас словно не видели, метались туда-сюда, резались со всадниками, с Вольными...

— Кер-Тинор — видел, как Клавдий меня... как проконсул предал?

— Нет, — покачала головой Сеамни. — Бестии оттеснили их чуть раньше.

— Эх, Вольные... — только и вырвалось у Императора.

— Не суди строго, — назидательно сказала Сеамни. — Ни один из них не отступил, их просто смели, словно лавиной.

— Ты словно и не в плену сама...

— Я-то? В плену, Гвин, в плену, вместе с тобой, но я верю Клавдию. Понимаешь — верю!

— А я — нет, — скрипнул зубами Император. — Он бы сказал, предупредил... мы разыграли бы «пленение», если на этом настаивали маги, и тогда...

— Оставь, Гвин. Лежи тихо и береги силы. Я чувствую, что ехать нам осталось недолго.

— А что они собрались с нами сделать, ты не чувствуешь?

— Отчего ж нет, конечно, чувствую, — совершенно спокойно ответила Дану. — Принести нас троих в жертву.

— Весело, ничего не скажешь.

— Ничего. Мы ещё увидим, кто посмеётся последним. — Казалось, уверенность Тайде ничто не поколеблет.

Скрипит возок, ныряет по ухабам и рытвинам; не последняя ль это твоя дорога, правитель Мельина?

* * *

— Прекрасная работа, благородный господин Клавдий Септий Варрон. Уже не «проконсул» Клавдий. Правда, пока ещё и не «Император», но за этим дело не станет. Радуга неукоснительно держит данное слово.

— Пока что слово держал я. Привёз вам всех троих. Сам оглушил...

— Да, да, конечно. Но не надо забывать, что именно Радуга вместе с Нергом устроила эту засаду козлоногих. И она же лишила тварей силы, когда дело было сделано.

— Что, все погибли?

— Разумеется, нет! Мы не звери, принесены только совершенно необходимые жертвы, без которых всё это не выглядело бы убедительно. Вы, сударь командующий армией Империи, сейчас же отправитесь назад. Наши лекари нанесут вам несколько ран...

— Что-о?!

— А как вам иначе поверят? Не волнуйтесь, раны

будут неглубокими, а благодаря обезболивающему снадобью вы вообще ничего не почувствуете.

— Хотел бы я, чтобы такое появилось у моих легионных лекарей...

— Будьте уверены, господин командующий, появится, и очень скоро. Теперь всё вообще пойдёт на лад, я не сомневаюсь.

— Вы-то не сомневаетесь, господин Фалдар. А вот я...

— И вам не следует, милостивый государь. Присутствовать на жертвоприношении вам вовсе не обязательно, и вообще, уже пора поворачивать назад. Рассвет совсем близок.

* * *

Говорят, отчаяние черно. Неправда. У него цвет и вкус крови. У тех, кого не успели или не сочли нужным сломить.

Император не говорил себе — я выдержу. Если к нему подступить со всем магически-пыточным арсеналом, кто знает, чем кончится дело, как долго сможет сопротивляться плоть. Однако правителя Мельина, преданного собственным проконсулом, никто не собирался ни пытаться, ни допрашивать. Пленивших его магов куда больше занимала Сежес — вернее, то, чтобы она как можно дольше оставалась бы без сознания.

А возок всё поскрипывал себе и поскрипывал, лошади равнодушно тащили его по ночной стороне, от деревни к деревне, на север, вдоль вольнотекущего Маэда, то ныряя в глубину предутреннего леса, то вновь выбираясь в поле, под звёзды. Чародеи (а их тут собралось десятка три, не меньше), словно напоказ, не обращали на знатного пленника никакого внимания.

...Остановились, когда на востоке невидимая кисть уже провела блёкло-зелёным по самому горизонту. Река закладывала тут широкий изгиб, с трех сторон обтекающая старый расплывшийся курган с дольменом. Маги деловито принялись стаскивать Императора с повозки,

ворочая его, словно куль муки. Сеамни яростно зашипела, когда её поволокли следом, попыталась гордо бросить, мол, я сама пойду, однако только получила удар кнутом.

— Заткнись, отродье, — зло посоветовал в ответ волшебник в зелёном плаще Флавиза.

— Эт-то ты зря... — зарычал Император; однако чародей только хмыкнул:

— С тобой, кровопийца, я бы тоже потолковал, будь моя воля. Жаль только, кровь твоя нам нужна для иного. Шагай давай, — и ткнул правителя Мельина в спину кнутовищем.

На вершине холма, возле мшистых камней дольмена, с важным видом застыли пятеро немолодых магов — похоже, именно они заправляли всем действием.

Кое-кого Император узнал. Например, незабвенного Гахлана из Оранжевого Ордена.

— Какая встреча! — Правитель Мельина усмехнулся прямо в лицо старику. — Некогда ты меня лечил, а теперь что, собираешься прирезать?

Адепт Гарама отвернулся, губы предательски дрогнули.

— Глаза прячешь, Гахлан? Зря, ты был хорошим врачевателем. Я не забуду этого даже с жертвенным ножом в сердце и не стану тебя проклинать.

— Больно я испугался твоих проклятий, отступник, — буркнул Гахлан, однако взглянуть в глаза Императору так и не решился.

Все, кого тащат на плаху или ведут к жертвеннику, делятся на две очень неравные категории. Первые шагают покорно, потому что «всё уже и так ясно»; такие порой оправдываются перед собою даже в последние мгновения тем, что, мол, своим «спокойствием» они выказали презрение палачам, последним предлагалось очень устыдиться с тем, чтобы в дальнейшем со слезами и раскаянием отказаться от подобной работы. Вторые — их ничтожно мало — даже в кандалах и со свя-

занными руками бросаются на стражников, предпочитая честную солдатскую сталь палаческому топору или, паче того, верёвке висельника.

«Ты так верила в Клавдия...»

Сеамни шла следом, гордо подняв голову. Совершенно спокойная, словно ей предстояло просто потешиться забавным представлением.

Бесчувственную Сежес без всяких церемоний волокли по земле, таща за растрёпанные волосы. Неудобно и непрактично, но, похоже, магам хотелось хотя бы так унижить «предательницу»; очевидно, остальное им запрещал прямой приказ.

Небо медленно зеленело, рассвет готовился вступить в свои права. Сежес грубо швырнули на землю у полузаплывшего дольмена, Император старался стоять прямо, расправив плечи, а Сеамни прижималась к нему.

Чародеи Радуги молчали. Правитель Мельина мог ожидать насмешек, проклятий, злого торжества — а вместо этого мёртвая тишина.

Пятеро старших волшебников чего-то явно ждали.

— Наконец-то, — вырвалось у всё того же Гахлана, когда внутри дольмена мрак сменился неярким серым светом.

Император и Дану воззрились на узкий проход — оттуда один за другим появлялись закутанные в плащи человеческие фигуры, лица скрыты низко надвинутыми капюшонами, рук не видно, подола метут по траве.

Пятеро новоприбывших остановились прямо против пятёрки чародеев Радуги.

— Мы исполнили свою часть, — вполголоса произнёс один из них. Император вгляделся, узнавая: Треор, маг Синего Ордена Солей. Тоже старый знакомец... — Теперь, почтенные господа Всебесцветного Нерга, мы ждём, чтобы вы исполнили свою.

— Мы исполним, не сомневайся. — Голос-то какой противный! Словно жаба пытается произносить человеческие слова, изо всех сил растягивая огромный рот. —

Положите их перед входом. — Пятеро нергианцев встали кругом возле древних камней.

— Они даже ходят не как люди, — прошептала Сеамни, когда трое магов Радуги, сопя от смешанного с ненавистью усердия, потащили её к дольмену.

Императора толкнули в спину, и он шагнул вперёд.

Что ж, вот он, последний бой. Пусть связаны руки, однако ноги свободны, и сейчас об этом кое-кто очень сильно пожалеет.

— Начнём с неё, — указал на Сежес один из нергианцев. Пятеро адептов Всебесцветного Ордена ничем друг от друга не отличались — ни ростом, ни одеждой, ни даже говором, словно за них всё произносил один и тот же голос. — Но сначала...

Аколиты Нерга составили тесный кружок возле самого входа в дольмен. Раздалось неразборчивое бормотание, и в такт ему серый свет внутри сменился зеленоватым. Сияние разгоралось, оно пробилось сквозь щели меж древними плитами, камни напивались им, в свою очередь источая всё то же гниlostное свечение. Император невольно отшатнулся — холодный свет, казалось, высасывает из всего окрест саму жизнь; попятились и маги Радуги, кто-то — кажется, Гахлан — вскинул было руку, но...

— Всем молчать! — хором прошипели пятеро нергианцев.

Из волн зелёного пламени, забушевавшего на месте дольмена, появилась шестая фигура. Вроде как человеческая, однако она плыла над разом пожухшей травой, не касаясь грешной земли. Огромная голова, тщедушное тело, рук и ног не видно, всё скрыто свободно висящим тёмным плащом.

Сеамни застонала и подалась назад. Кое-кто из магов Радуги поспешил опуститься на колени, другие низко склонились.

Пятёрка старших чародеев Семицветья, наверное, собрала в кулак все силы, чтобы приветствовать ново-

прибывшего вежливыми, но не подобострастными наклонами головы.

— Всё ли готово? — сварливо осведомилась парящая фигура. Слова человеческого языка давались ему с явным усилием.

— Всё, как и обещано... э-э... величайший, — с явным трудом ответил Треор.

— Так! — удовлетворённо всхрюкнуло существо, окидывая пленников холодным, равнодушным взглядом. — Не станем терять... а-а-а... времени, как это вы называете.

— Тебе страшно, «величайший»? — вдруг с усмешкой проговорила Сеамни. — Ты уже полностью отвык от человеческого тела, тебе ненавистна сама мысль, что слова надо произносить, колебать воздух, вместо обыденной для тебя мыслеречи?

Император, маги Радуги, нергианцы — все в полном изумлении уставились на ту, кого ещё так недавно звали Видящей народа Дану. Все — кроме самого «величайшего». Тень под низким капюшоном полностью скрывала лицо (или что у этого существа имелось вместо него), но правитель Мельина мог сейчас поклясться — могущественный маг Нерга уставился на дерзкую с неподдельным изумлением, переходящим едва ли не в тревогу.

— А, Иммельсторн, — проскрипел он наконец. — Конечно, конечно. Сила Деревянного Меча велика, Видящая. Надеешься на неё и сейчас? Напрасно. Меч покинул тебя, отрёкся от недостойной его носительницы. Очень скоро он окажется в нужных руках, и тогда-то начнётся самое интересное. Но ты этого уже не увидишь, я обещаю.

— Нельзя быть таким самоуверенным, — спокойно бросила ему в лицо Сеамни. — И не стоит думать, что всех на свете можно купить.

— Отчего же? — Кажется, нергианец стал находить в происходящем нечто забавное. — Всегда можно пред-

ложить равный обмен. Мы предложили его Клавдию Варрону и не ошиблись. Он продал вас за императорскую корону Мельина...

— Что ж, по крайней мере я рад, что он не प्रदेशивил, — сухо бросил Император.

— Ты прав. Варрон не प्रदेशивил. И я намерен исполнить обещание.

— Закрыть Разлом и изгнать козлоногих? — усмехнулся Император. — А я-то уже решил, что вы одна шайка-лейка.

Шипение. Так, наверное, усмехалась бы змея, будь она на такое способна.

— Разлом будет закрыт. Мы не заинтересованы в победе козлоногих здесь и сейчас.

— Смотрите, как бы ваш хозяин не разгневался, — словно невзначай бросил Император. Он не мог не заметить, что волшебники Радуги слушают эту перепалку как зачарованные.

— Наш хозяин? Х-ха! Пребывай в этом заблуждении, глупый человек. Развеивать твоё незнание я не собираюсь. Тем более что тебе осталось совсем недолго.

— Да, у вас нет хозяина, — вдруг кивнула Сеамни. — Вы вступаете в договоры и альянсы со всеми, с кем только можно, ведёте двойную и тройную игру и думаете, что сможете остаться над схваткой. А ведь когда-то вы были людьми. Настоящими людьми. Пока не превратили себя... Разлом ведаёт во что.

— И это всё тебе открыл Деревянный Меч? — недоверчиво переспросил нергианец. Похоже, осведомлённость Дану всерьёз сбила его с толку.

— Считай, что так, — пожала плечами Сеамни. — Но что тебе беспокоиться? Мы ведь все умрём, и очень скоро.

— Да, вы умрёте. А мы получим бесценное знание. У Нерга нет к вам зла, правитель Мельина и его Дану. Нет и к этой чародейке, ей просто не повезло оказаться там, где излилась сила. До внутренних распрей среди

Магических Орденов нам дела нет, как и до большинства происходящего в пределах человеческого мира.

— А зачем потребовалось заманивать нас в пирамиду, ты случайно не знаешь? — как можно более небрежно спросил Император, следуя старому правилу — «если тебя затащили на виселицу, требуй, чтобы верёвку намылили как следует и притом самым лучшим мылом, — кто знает, что случится, пока палач будет занят!».

— Твоё любопытство, человеке, поистине неуместно. Особенно перед лицом ждущей тебя судьбы.

— Но всё-таки, а, всесильный маг Нерга? Ведь для такого мудреца и провидца, как ты, дать ответ ничего не стоит!

— Вас заманили в пирамиду именно для того, чтобы вы её взорвали, — ехидно заявил нергианец. — Когда Разлом и его твари вторгаются в какой-нибудь мир — как тебе известно, миров существует великое множество, — у них есть много способов довести дело до конца. У ваших — и наших, кстати, — врагов всё предусмотрено. Взрыв пирамиды должен был высвободить разрушительную магию. От вашей армии ничего бы не осталось, и солоно пришлось бы многим землям окрест, пусть даже и пустым.

— Но мы остались в живых.

— Да, вы остались в живых. Чем и подарили нам возможность закрыть Разлом. А в живых вы остались только потому, что на тебе, бывший правитель Мельина, была надета белая латная перчатка. Мы знаем и кто носит её пару, знаем, что он вот-вот появится среди нас; а пока могу сказать, что враг перехитрил сам себя. Перчатка должна была помочь тебе, Император, уничтожить Радугу; после чего Мельин бы пал, причём не понадобился бы никакой Разлом. Однако вмешалась другая сила, — Императору показалось, что в голосе нергианца прорезалась настоящая ненависть, — и первоначальный план козлоногих рухнул. Им пришлось идти по обходному пути, относительно долгому и труд-

ному. Того, кто сумел прорваться в их пирамиду, ждала печальная участь, если бы не их же собственный подарок. Этого они никак предусмотреть не могли. Думаю, что и сами не знали.

— Что ж, спасибо за ответ, нергианец, — надменно кивнул Император. — Теперь я умру спокойно.

— Вряд ли вы, люди, на это способны — спокойно умирать, — заявил «величайший». — Впрочем, ты прав. Эти разговоры бессмысленны. Вы перестанете быть, а Разлом закроется. Нерг же получит... однако это вас уж тем более не касается.

Отданный им приказ, наверное, был беззвучным — никто не услышал ни слова, а пятеро младших чародеёв Всебесцветного Ордена разом двинулись к Императору, Сеамни и распростёртой Сежес.

«Величайший» не удержался от нелепого и показательного трюка — заставил бесчувственную волшебницу воспарить над землёй, головой к нему. По двое аколитов встали справа и слева от чародейки, ещё один — в ногах.

— Если ты веришь... — начал было Император, собираясь закончить словами: «в невиновность Клавдия, неплохо бы ему показать себя», и тут предрассветные сумерки вспорола густая стая свистящих стрел.

Иные нашли цель — маги Радуги падали, кто со стоном, а кто безмолвно; другие — воткнулись в землю, на древках с треском горели фитили, пламя быстро перекинулось на холщовые мешочки, сизый дым с необыкновенной быстротой растекался во все стороны, и уцелевшие чародеи зашлись в приступах жесточайшего кашля, падая на колени и хватаясь за горло.

Смесь сгинувшего патриарха Хеона. «Сбор Сежес», немалые запасы которого так и остались в лагере имперской армии. Да ещё, наверное, что-то из арсеналов Баламута, чтобы дыму побольше и растекался побыстрее.

Аколиты Нерга тоже заперхали и захекали, но на них дым действовал, похоже, лишь вполовину силы.

Одному из всебесцветных стрела угодила в плечо, тот зашипел, пошатнулся, но остался на ногах.

— А ты не верил!..

— За мной! — взревел Император, бросаясь прямо на нергианцев.

Невидимые лучники засыпали стрелами склоны холма, стараясь не попасть в самую верхушку с дольменом. Дым волнами поднимался вверх, опрокидывая все природные законы, по земле катались задыхающиеся, враз сделавшиеся совершенно беспомощными маги. Даже нергианцы растерялись. Император отбросил крайнего плечом, попытавшись свободной ногою пнуть «величайшего». Из-под капюшона раздалось хриплое рычание, сапог правителя Мельина налетел на незримую преграду, однако и нергианца отшвырнуло к дольмену, да так, что маг шмякнулся наземь.

А со всех сторон уже лезли разъярённые легионеры: сверкающие серебром латы, наставленные копья, обнажённые мечи. Первым возле Императора оказался Кер-Тинор, ворвался смертоносным вихрем двух кружащихся сабель; один из нергианцев рухнул, обезглавленный, однако «величайший», слабо трепыхаясь у входа в дольмен, вдруг приподнял голову — у подоспевшего следом за капитаном Вольных легионера невидимые когти разодрали горло.

На его месте внезапно оказалась другая фигура, в простом имперском доспехе; аколит зашипел, пригнулся, и с рук его сорвался огненный шар, направленный прямо в Императора, однако легионер оказался расторопнее — прыгнул, закрываясь щитом, и принял удар на себя. Его скутум разлетелся щепками, остатки вспыхнули, воин едва устоял на ногах, пламя перекинулось на тунику, однако боец успел, отбросив наконец бесполезный огрызок щита, ответил выпадам гладиуса, проткнув аколита насквозь.

Ещё двое адептов Нерга погибли, изрубленные Кер-Тинором, однако последний оставшийся втащил «ве-

личайшего» внутрь дольмена и успел юркнуть следом. Зеленоватое свечение тотчас погасло, и бросившиеся следом легионеры не нашли внутри ничего, кроме тесной каморки с земляным полом и каменными стенами.

А возле неподвижной Сежес откуда ни возьмись появился Баламут — топор окровавлен — и упал рядом с ней на колени.

— Повелитель... — Кер-Тинор срезал путы с Императора, и руки его тряслись. Впервые Вольный утратил всегдашнюю ледяную невозмутимость.

— Я цел, цел, всё в порядке, — успокаивал Император бледного телохранителя. — Но скажи мне, как...

— Проконсул Клавдий собрал всех нас и повёл сюда, — как нечто само собой разумеющееся сообщил капитан Вольных.

— Как я и говорила, — невозмутимо заметила Семни, разминая освобождённые от пут запястья. — Хочу отыскать господина проконсула, сама поблагодарить...

— А чего ж его искать? — искренне удивился Кер-Тинор. — Вот же он!

И Вольный протянул руку, помогая подняться тому самому легионеру, собой закрывшему Императора от пущенного в упор огненного шара.

— Клавдий, — выдохнул правитель Мельина, в упор глядя на спокойно снявшего шлем проконсула.

— В вашей власти, мой Император, — сдержанно поклонился тот. — Знаю, о чём подумали. Да только я не предавал. Впрочем, оправдываться не стану. Скажу лишь, что теперь у вас в руках вся верхушка мятежной Радуги. И прямая дорожка во Всебесцветную башню, если, конечно, госпожа Сежес, когда очнётся, сможет подобрать ключ к замку.

Вокруг них схватка уже закончилась. Самые разумные из магов даже не пытались сплести заклятье или хотя бы бежать. Задыхающиеся, полуослепшие, отчаянно зажмурившиеся, они корчились на траве — а легионеры не забывали бросать в пламя пригоршни та-

кой безобидной на первый взгляд сухой травы. Чародеям на всякий случай деловито вязали руки; хотя каждый, даже самый недалёкий солдат понимал — как только запасы «сбора Сежес» иссякнут, эти несколько десятков опытных магов обратят весь легион в кровавую кашу.

— Спасибо тебе, Клавдий. — Сеамни шагнула к проконсулу, не церемонясь, обняла: — Я знала, что ты придёшь.

— Вам, госпожа, моё обратное спасибо.

— Ты не мог сказать всё сразу, Клавдий Септий Варрон?! — надвинулся Император. Голова его до сих пор помнила молодецкий взмах проконсульской булавы.

— Не мог, повелитель. — Клавдий смотрел прямо и глаз не отводил. — Маги навели такое заклятье, что видели и слышали всё, что бы я ни сказал.

— Славная отговорка, — рыкнул Император.

Проконсул пожал плечами и протянул правителю Мельина свой гладиус — эфесом вперёд.

— Судьба моя в руках повелителя. Хочет — пусть казнит. Но я своё дело сделал. Вся головка волшебническая — вот она, перед нами. Доказано, кто главный враг, кто за всем этим стоял — Нерг, Всебесцветные. Жаль только, не удалось главного их гада живьём взять — ну да шустрый он, другие б в таком месте, как их Орден, и подняться не смогли. А я, повелитель, что я — перед вами. В вашей власти. Прикажете — молча пойду на плаху. Прикажете — буду оправдываться. Пусть вот госпожа Сежес скажет, было на мне заклинание или нет. Её-то не обманешь. Скажет, мол, не было ничего — тогда и вправду выйдет, что изменил я подло. Врагу предался, а когда увидел, что дело по-другому повернуть может, спешненько обратно переметнулся. Обманул и Вольных, и остальных. Слова не скажу, повелитель, пойду на пытку. Потому что тогда и впрямь...

— А как ты узнал, проконсул, о заклятье? — Сеам-

ни по-прежнему стояла возле него, положив ладонь ему на сгиб локтя. — Маги сказали?

— Сказали. И даже показали, как это будет. Я и шёпотом слова произносил, и писал — всё видели. Уж не знаю, повелитель, как они при таких-то способностях всё-таки нас проворонили?

— Вынесите Сежес из облака, — вместо ответа приказал Император. — Кер-Тинор, бывшего проконсула — под стражу. Глаз не спускать. Когда чародейка придёт в себя — ко мне её, немедленно.

Молчаливый Вольный невозмутимо кивнул. Баламут, наконец-то соизволивший повернуть голову к Императору, поспешно подхватил бесчувственную магичку на руки и потащил вниз по склону холма.

Сам же Клавдий не сопротивлялся, беспрекословно расставшись с кинжалом и коротким засапожным ножом — его он носил ещё со времён, когда простым рорарием¹ шагал в строю первой своей манипулы.

— Не волнуйся, проконсул, всё будет хорошо. — Сеамни погладила его по щеке. На гнев Императора своенравная данка не обращала никакого внимания.

— Повелитель властен в жизни моей или в смерти, — спокойно, не опуская глаз, ответил Клавдий.

— Увести его, — дёрнув щекой, бросил Император.

Трое Вольных не грубо, но решительно шагнули к проконсулу. Тот молча кивнул и безропотно отправился с ними.

— Гвин, — прошептала Сеамни на ухо правителю Мельина. — Смени гнев на милость, мой повелитель. Клавдий не виноват. Разве я тебя не предупреждала?

— Какие будут приказания, мой Император? — подоспел запыхавшийся легат Первого легиона. — Маги пленены, но дым...

— Возвращаемся в лагерь, — бросил правитель Мель-

---

¹ Рорарий (*рим.*) — молодой, необученный и неопытный легионер.

ина. — Чародеев окуривать всё время, чтобы им не продохнуть было.

— Повелитель!.. О, всемогущий, смилуйся, умоляю! — Деловитые Вольные как раз заканчивали связывать стоявшего на коленях старика Гахлана. Речь чародея то и дело прерывалась приступами мучительно-го, удушливого кашля. — Всем святым тебя умоляю... памятью... я ведь лечил тебя, повелитель... сколько раз... смилуйся... убери дым... долго мы такого не выдержим!

— Убрать дым — чтобы одно твое заклатье, оранжевый, ничего не оставило от целого моего легиона?! Ищи дураков в другом месте, Гахлан. И не думай, что я забыл твои благодеяния. Каждого из вас ждёт суд строгий, но справедливый, как говаривали в старину.

— Я поклянусь... чем угодно... — хрипел и давился старик.

— Радуга поклянётся, а потом так же легко и отречётся от клятвы. Или скажи мне, как сделать так, чтобы ни один из ваших действительно не смог причинить никакого ущерба моим верным слугам, — или дым останется.

— Если он останется... к утру маги начнут умирать сами... безо всякого суда, справедливого или нет!..

— Кто жить захочет, тот не умрёт, — непреклонно отрезал Император. — Я слишком хорошо помню Мельин. И сколько людей погибло, когда вы, маги, наконец опомнились.

— Я был против...

— Разумеется. Впоследствии всегда оказывается, что «вы были против». Или же «только исполняли приказы». Не трать даром дыхание, Гахлан, оно тебе ещё понадобится.

Император повернулся спиной к старику, не обращая внимания на жалкие возгласы, очень быстро сменившиеся неразборчивыми хрипами и булькающим кашлем.

— Мне не доставляет это удовольствия, не ду-

май, — буркнул он укоризненно глядящей Сеамни. — Но как ещё обезопасить моих людей от чародеев, я не ведаю.

— Может, она знает? — Дану кивнула на бледную Сежес; чародейка осторожно, с трудом переставляя негнущиеся ноги, ковыляла к ним, почтительно поддерживаемая под руку Баламутом.

— П-повелитель, — низко поклонилась чародейка. Сморщилась, кашлянула раз-другой, благодарно взглянула на озабоченного и встревоженно-серьёзного гнома.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Сежес.

— Да, повелитель, в добром... насколько это только возможно. О-ох! И поедучую же дрянь я собрала... Впервые на себе опробовала.

Сеамни просто улыбнулась чародейке, погладила ту по плечу, словно подругу, и та слабо улыбнулась в ответ, вновь раскашлявшись.

— Выпейте, государыня моя, — забеспокоился Баламут, протягивая открытую фляжку. — Самонаилучший гномояд. Любую отраву выметает, словно метла хорошая.

— Ох, да ну тебя, скажешь тоже... — вяло отмахнулась чародейка, но фляжку всё-таки взяла. — У-ух!.. У тебя там что, абсолютный растворитель?!

— Нет, всего лишь абсолютный гномояд, — ухмыльнулся Баламут, глядя на разом порозовевшую чародейку. — Так-то лучше, государыня моя, а то ровно вампириша были, ей-же-ей!

— Что делать с пленными, Сежес? — повторил Император всё тот же вопрос. — Всё время их окуривать — так никакого сбора не хватит. Тем более что лето кончается, не пополнишь. Вдобавок Гахлан говорит...

— Повелитель, он говорит правду, — серьёзно кивнула волшебница. — Если держать мага Радуги в этом дыму слишком долго, он задохнётся — хотя обычный человек чувствовал бы разве что известное неудобство.

— Так что же делать, проклятье?!

— Только перебить их всех, — едва слышно произнесла Сежес, однако взгляд не опустила.

— А ты, с твоими новыми силами не можешь сделать магию для них недоступной?

— Нет, — покачала головой чародейка. — С каким-нибудь мальчиком второго года я бы справилась. Но с магистрами...

— Только если они сами откажутся от попытки побега, — вставила Сеамни.

— Х-ха! Никогда такого не будет. Что я, не знаю тех же Гахлана, Треора или Фалдара?!

— И всё-таки я попробую, — решился Император.

Сбитые пинками в одну кучу маги являли самое жалкое зрелище. Окуривавший их дым чуть поредел, но чародеи всё равно заходились в жестоких приступах, ставших лишь немногим менее мучительными. Ни о какой волшбе и речь не шла. Озабоченные legionеры следили, чтобы в костры попадало достаточно заветного «сбора Сежес».

— Слушайте меня, маги Радуги! — громко и отчётливо произнёс Император. Левая рука привычно кровила, и он так же привычно не обращал на это внимания. — Выбора у вас нет. Держать вас в плену бесконечно я не могу. Мне нужно или немедленно вас перевешать... или получить какие-то гарантии, которым я бы поверил. Но прежде — послушайте меня.

Я знаю, как вы остановили козлоногих. Какой ценой и какими мерами. Долго сдерживать тварей Разлома таким образом вы не сможете. Закрыть его так, как предложил вам Нерг? — а вы уверены, что добьётесь успеха? И разве то, что аколиты Всебесцветного Ордена — отнюдь не люди, не внушает вам опасений? Могу сказать — Нерг обещал нам помощь, причём помощь Древних Сил Мельина, уверяя, что, разгромив армию козлоногих, мы сможем избыть Разлом. Это оказалось ложью. Легионы стояли насмерть, но помощь так и не пришла. Нерг преследует свои и только свои цели. Вы

для них — такая же разменная монета, как и всё остальное. Мне ведомо, что для вас я — убийца, палач, мясник и так далее; ваше право, но почему же одна из сильнейших среди вас сочла возможным встать на мою сторону? Может, за ней тоже стоит её собственная правда, к которой не мешает прислушаться? Времена изменились. Радуга больше не будет вертеть Империей.

Маги слушали мрачно, то и дело захлёбываясь кашлем.

Нет, на мою сторону они не перейдут, думал Император. Не хватит ума, в отличие от Сежес. И что тогда с ними делать? Все запасы «сена», я так чувствую, мы потратим у Всебесцветной башни, тем более что дым действует на нергианцев куда слабее, чем на чародеев остальных орденов.

— Мы можем воевать бесконечно — пока козлоногие не очнулись от спячки. Их не остановит даже магия крови, и вы это знаете...

— Это... почему же?... — выдавил всё тот же Гахлан.

— Потому что не хватит детишек, — отрезал Император. — Потому что вас в конце концов поднимут на вилы обезумевшие пахари, у которых вы отнимаете детей для «общего дела». И вы только сдерживаете тварей, вы не можете ни закрыть саму пропасть, ни хотя бы загнать туда уже вырвавшихся бестий.

— А как, кха, кха, победа над Нергом поможет бороться с козлоногими? — Гахлан изо всех сил пытался сохранить достойный вид и осанку.

Император знал, что ответа у него нет. Всебесцветные стали врагом, их нельзя оставлять в покое.

— Если вы задумаетесь — откуда у них такая власть над козлоногими? И, если они обладают этой властью, почему не воспользовались ею раньше? Или вы скажете, что твари явились сюда, повинаясь *вашим* командам?

Гахлан хрипел и отплёвывался, остальные маги вы-

глядели не лучше, однако старый чародей продолжал возражать:

— Пока шла война, Всебесцветный Орден всё время изучал чудовищ Разлома. Ничего удивительного, что он достиг известных успехов.

— Тем не менее сделать магию крови ненужной он не смог? — напирал Император. Сейчас даже не так важна логическая безукоризненность доводов, главное — не допустить в голос и каплю неуверенности. — Или вы не видите, что Нерг состоит из *нелюди*? Неважно, изменили его адепты себя сами, были изменены — факт тот, что они отреклись от нас. Или вы забыли слова древнего Императора: «дай нелюди слово, пообещай, убей и забудь, ибо ложь врагу нашего рода оправдана всегда»? Или вы думаете, что люди, став чем-то иным, забудут об этом правиле?

Тут Император вступал на тонкий лёд догадок. Разумеется, ниоткуда не следовало, что Нерг станет относиться к тем, из чьих домов вышли его аколиты, так же, как люди — к эльфам, Дану, гномам, оркам и прочим во время войн за становление Империи. Но маги, привыкшие судить по себе, этому поверят скорее, чем сказкам о прекраснодушии и благородстве.

Нельзя сказать, что «маги задумались», это не так-то просто сделать, катаясь по земле от кашля. Но Гахлан всё-таки нашёл силы сипло прокаркать:

— Что ты хочешь от нас? И что обещаешь?

— Обещаю жизнь, — просто сказал Император. — Вы поняли, кто я. Врагов я уничтожу, даже ценой собственной смерти, но верно служащие Империи будут возвеличены, как вознесена Сежес. Радуга останется. Но никогда, как я сказал, не сможет вертеть Империей. Она будет принимать на обучение всех, благородных и простолюдинов, любого, в ком найдётся искра таланта. Прекратит преследовать «колдующих незаконно», хотя малефиков, творящих зло, я буду строго карать, неважно, принадлежат они к Семицветью или нет. Ма-

ги станут жить обычной жизнью. Их доходы сократятся, это так; однако никто не помешает им заработать, помогая людям, так же, как помогают им умелые ремесленники или искусные зодчие. Я могу говорить ещё долго, волшебники, но это не главное. Я предлагаю вам жизнь и справедливость. Хотите — принимайте условия. Нет — вы все будете казнены. У меня тоже нет выбора. Я не оставлю вас в плену навсегда. Ты, Гахлан, знаешь меня с малолетства. Скажи, солгал ли я когда и в чём.

Император взглянул старику прямо в глаза, и тот, не выдержав, отвёл взгляд.

— Я... сдаюсь, — выдохнул он. — Советую вам сделать то же самое, — обернулся он к остальным. — Наша смерть ничего не изменит.

— Разумные слова, — одобрил Император.

— Я... я хочу сказать. — Сежес, ещё нетвёрдо держась на ногах, выпрямилась рядом с Императором. — Послушайте, собратья. Я знаю, вы называете меня предательницей. Но я видела, что такое «аколит Нерга». Я видела стену козлоногих, что валит на легионы и остановить их нет никакой возможности, кроме магии крови, да и то лишь на время. Император... прав. Мы — маги, мы не сверхлюди, отнюдь не небожители. Мы можем двинуться тропой Нерга... но кто этого захочет? Нет, моё дело — тут, на земле Мельина. Гахлан, мы дрались с тобой рука об руку, сдерживая тех же козлоногих — когда ещё думали, что сможем тем самым остановить вторжение. Не смогли. Так зачем же тебе теперь принимать сторону нелюди, смотрящей на Разлом, как на любопытную забаву? Вам сказали, что смерти — моя, моего и вашего Императора, Сеамни Оэтаканн — закроет Разлом. И вы поверили? Я была в великой пирамиде, я смотрела в пламя взорванного кристалла... нет, наша гибель не поможет. Или вы сомневаетесь в моих словах? Или вы думаете, что я не пожертвовала бы собой, будучи уверена, что моя смерть закроет Разлом и

обратит в ничто всех козлоногих тварей?! Гахлан, ты знаешь меня десятки лет. Ответь, лгу ли я сейчас.

Маг Оранжевого Гарама только опустил голову.

— Мой Император не может держать вас в дыму бесконечно, — повторила Сежес слова правителя Мельина. — Ему остаётся либо казнить вас всех, либо получить нечто, позволяющее вам поверить и оставить в живых. Гахлан, ты сказал, что готов прекратить войну. Чем подтвердишь ты свои слова?

— Я готов расстаться с магией, — едва выдавил старый волшебник. — Я чувствую в тебе великую мощь, юная Сежес. Тебя опалило таким огнём, что... твои слово и дело замкнут от меня Силу. Готов помочь советом, подсказать форму заклинания... если тебе это потребуется.

— Преда... кха, кха!.. предатель! — завопила одна из пленных чародеек в синем плаще ордена Солей, заходясь жестоким кашлем. Гахлан только усмехнулся:

— Ты думаешь, я боюсь умереть, Файэти? Ничуть не бывало. Ты это знаешь. Но... кровавое безумие надо остановить. Если Император готов опустить боевой стяг, то я делаю то же самое.

— И поклонишься убийце наших детей?! — ещё яростнее выкрикнула волшебница в синем. Сежес потянулась к уху Императора:

— У неё в Мельине погибли двое детей. Подростки, мальчик и девочка. Дрались с когортой Аврамия в Чёрном Городе.

Правитель Мельина молча кивнул.

Мать никогда не примирится с тем, кого считает убийцей её чад. Файэти придётся казнить. Без гнева и ярости, из одной лишь необходимости. И он сделает это сам.

— Что ж, Гахлан, меня обрадовали твои слова. Ты оказал мне услугу, ожидаю от тебя и другой — где мое оружие и... — правитель Мельина помедлил, — и белая перчатка?

...Проклятый дар козлоногих нашёлся на теле одного из аколитов Нерга, так и оставшихся лежать подле опустевшего и угасшего дольмена.

— Итак, маги? — прогремел Император, подвязывая поясную суму-зепь с перчаткой. — Кто из вас пойдёт с Гахланом, а кто останется с Файэти? Последнюю, несмотря на всю её смелость, мне придётся убить. Быстро и без мучений, но убить.

Чародейка Солея пошатнулась, по лицу разливалась бледность. Похоже, она до последнего в это не верила.

— Я не отдам тебя палачу, — продолжал Император, шагнув к ней. Кто-то — кажется, Кер-Тинор — подал ему его собственный меч, отнятый при пленении; наверное, успели найти на месте схватки, мельком подумал правитель Мельина. — Я сам возьму твою жизнь.

Сежес, Вольные, Сеамни остались позади. Император шагнул к трясущейся волшебнице — Файэти вдруг упала на колени, а рядом с ней перед Императором распростёрся Гахлан.

— Повелитель! Умоляю, прости её, неразумную. Рассудок её помутился от горя; у неё, изволишь ли видеть...

— Да, я знаю, — кивнул правитель Мельина. — Она лишилась детей. Как и очень, очень многие из моих верноподданных. А очень многие дети лишились отцов, павших в рядах моих легионов.

— Потому что ты начал войну! — Наверное, магу в фиолетовом плаще пришлось собрать всю смелость.

— Потому что я начал войну. — Император потемнел от гнева. — Потому что маги не будут больше пить кровь из моей державы. Для меня это непреложно, как и то, что солнце встаёт каждое утро и закатывается каждый вечер. Империя — для людей и всех, кто уважает её законы. Никто не поставит себя над ними.

— А ты сам?! — Ободрённый ответом, маг Кутула взглянул в глаза правителю Мельина.

— Я лишь установил новые законы, — яростно бросил Император. — Законы, отменяющие привилегии магов Радуги.

Кутулец поспешно потупился, бормоча что-то о милости и снисхождении — гнев в императорском взгляде, казалось, вот-вот испепелит дерзкого.

...Чародеи Радуги сдались. Один за другим они выползали из гасившего их магию облака, под прицелом многочисленных арбалетов и луков подходили к Сежес, что-то говорили ей на ухо — и Император ощущал болезненный толчок, словно волшебница вырывала у него самого сгнивший, саднящий зуб. Что испытывали чародеи Семицветья, догадаться было нетрудно — они со стонами валились, едва отползая в сторону. По лицу Сежес тёк пот, однако движения оставались отточенными и резкими.

Подняли руки все, даже Файэти.

— Ты был прав, Гвин, — шепнула ему на ухо Сеамни. — Не стоило их убивать. Даже тех, кто готов, как та синяя из Солея, ударить тебе в спину, несмотря ни на какие клятвы.

Уже совсем рассвело, когда Император со свитой и пленными вернулся в лагерь. Проконсул Клавдий оставался под стражей.

* * *

— Прошу тебя ещё об одной услуге, Сежес, — сказал Император.

Все те же — он, Сеамни, Баламут, Кер-Тинор, уже упомянутая чародейка Лива, командиры легионов — собрались в большом шатре. — Мне нужна правда о Клавдии.

Легаты и консулы уже знали о случившемся.

— Мой повелитель! — Сципион, командир Второго легиона, по-уставному прижал кулак к латам. — Прошу дозволения сказать...

— Если в защиту Варрона, то не стоит, — сухо отре-

зал Император. — Все доводы я уже слышал. Клавдий Септий оправдывается тем, что якобы на него было наложено заклинание, позволявшее Радуге видеть всё, что он напишет, и слышать всё, что он скажет. Я никогда не слышал о таком заклинании. К тому же, — он потрогал внушительную шишку, оставленную проконсульской булавой, — я вполне мог бы и отправиться прямиком к Спасителю. Без всяких жертвоприношений.

— Я могу ответить, повелитель, — поднялась Сежес. — Я слыхала о таком заклинании. Но его наложение долго и трудно, требуются редкие ингредиенты, и оно достаточно быстро развеивается. Иначе — да простит мне мой Император эту дерзость! — Семь Орденów не нуждались бы в слежке за вами, повелитель. Достаточно было бы наложить эти чары. Но я могу выяснить.

— Выясни, — кивнул Император. — А пока ты будешь выяснять, вы, господа легаты и консулы, слушайте мою команду. Войско выступает на Мельин. Если бароны покинут столицу, прекрасно. Если нет, оставим заслон и двинемся дальше, на Всебесцветную башню. Надо успеть, пока козлоногие не перекрыли все пути. Выполняйте. Клавдия Септия Варрона привести сюда, — повернулся правитель Мельина к капитану Вольных.

...Проконсул стоял спокойно, твёрдо глядя в глаза Императору. Сежес вывела на полу сложную магическую фигуру, разложила в вершинах, углах и на пересечениях какие-то малоаппетитные ингредиенты заклинания, вроде сушёных лягушачьих лапок и тому подобного.

— Ничего не хочешь сказать напоследок, Варрон? Как ты понимаешь, если Сежес не подтвердит твоих слов...

— Я понимаю, мой Император. Но я и впрямь невиновен. Вернее, виновен в покушении на особу моего повелителя и причинении ему ущерба. Но не в

измене. Маги явили мне доказательства — и впрямь читали всё, что я писал, как угодно закрывшись.

— Я понял тебя, Варрон, — сухо вато ответил Император. — Дальнейшее в руках Сежес. Жди, я вынесу должное решение.

— Не сомневаюсь в справедливости моего Императора. — Клавдий поклонился со сдержанным достоинством. — Хочу лишь понадеяться, что Сежес не допустит ошибки. Когда твоя судьба в руках одного-единственного человека, могущего ошибиться, и чьи слова некому проверить...

Император вскинул подбородок. Клавдий был прав — проверить Сежес некому, её вердикт придётся брать на веру.

— Сейчас, сейчас... — бормотада тем временем Сежес, ползая на коленях по полу, где поправляя линию, где поточнее выставляя чашку с каким-то порошком. Правитель Мельина взглянул на неё — и вдруг ощутил, как волною накатывает дурнота.

Какая разница, предал Клавдий или нет. Какая разница, что творилось у него на душе — в конце концов, что ему мешало дожидаться окончания церемонии, точно так же забросать магов Радуги горящими свёртками с заветным «сбором Сежес», а потом, не церемонясь, скажем, перебить их всех? Легионеры бы это поняли. Как могли, старались спасти повелителя, но — на самую малость опоздали.

Может, всё было так. А может, и нет. Но какая разница, если козлоногие уже заняли добрую половину западных земель, и изгнать их нет никакого средства? Воевать и побеждать надо с теми, кто есть, Император. Идеально чистых и нечеловечески честных поищи в свите Спасителя. Если тебе предлагают корону, так ли уж легко отказаться честному рубака? Тому, кто и впрямь поднялся из самых низов, в отличие от того же Тарвуса, да будем земля ему пухом?

Он мог и дрогнуть, проконсул Клавдий, мог заколе-

баться. Ты требуешь всего от идущих за тобою, Император, и не прощаешь слабостей. Ты уверен, что любой иной подход окончательно разрушит державу. Но, когда страна на самом краю, разбрасываться головами нельзя. Даже повинными.

Император оглянулся на Сеамни. Тайде исчезающе малый миг всматривалась ему в глаза, а потом чуть заметно кивнула; губы Дану дрогнули, словно она из всех сил старалась сдержать радостную улыбку.

— Оставь, Сежес, — как мог мягко и расположенно сказал Император. — Твоё заклинание не потребуется. Я прощаю проконсулу Клавдию Септию Варрону его вину, неважно, действительную или мнимую. Ну, а за твою булаву, проконсул, не взыщи, расплачусь сам. — Император коротко, без замаха, ударил Клавдия по уху раскрытой ладонью. — Никто не смеет касаться правителя Мельинской Империи и остаться безнаказанным.

Потирая ушибленное место, Клавдий вдруг широко улыбнулся:

— Благодарю, повелитель. Я...

— Слов только не надо лишних, Клавдий, честное слово, — остановил его Император. — У нас хватает легионов, чтобы у тебя срочно нашлось неотложное дело. Командуй, проконсул. У нас впереди Мельин, а потом — Всебесцветная башня.

— Всё понял, мой Император! — молодежато гаркнул проконсул, словно вновь вспомнив дни, когда он командовал всего лишь центурией.

— Я же говорила, Клавдий, — прозвенел голос Сеамни. — Я же говорила, что всё будет хорошо!

— Ты добра и прекрасна, госпожа. — И проконсул отсалютовал всегдашним жестом легионера.

— Разумно ли, повелитель? — шёпотом вздохнула Сежес, когда проконсул широким, уверенным шагом покинул шатёр и его зычный голос, отдававший распоряжение, слышался уже где-то в отдалении. — Ведь может быть...

— Всё знаю, многомудрая волшебница. Но сейчас такой день, что лучше простить виновного, чем казнить, прилюдно огласив его вины. Клавдий мог погубить всех нас. Он этого не сделал.

— Может, следует допросить Вольных? — осторожно предложила чародейка. — Как развивались события, кто действительно отдавал приказы — Клавдий или Кер-Тинор, и...

— Проконсул, по словам Вольного, — ответил Император. — Но, Сежес, сейчас это действительно неважно. Клавдий подставился под огнешар, закрывая меня.

— Повелитель убеждён или пытается себя убедить? — Волшебнице не откажешь в проницательности.

— Пытаюсь убедить, — честно ответил правитель Мельина. — Буду осторожен. Кер-Тинору и Вольным придётся попотеть. А пока — на столицу! Хватит там баловать баронам. Я двинулся бы прямо на Всебесцветную башню, но у Конгрегации хватит дурости ударить нам в спину. А так — Мельин, затем Гунберг, Остраг и дальше через Суболичью пустошь Полночным трактом, обогнём Даддроунтгот, прости, Сеамни, я знаю, что произношу его имя неправильно, — а там и оплот Нерга.

— Бароны укрепились в Хвалине, — заметил первый легат Публий, командир Одиннадцатого легиона. — Опираясь также на Ежелин, они могут навалиться нам на левый фланг.

— Вот именно поэтому нам и нужна армия графа Тар... легата Тертуллия Криспа. По меньшей мере двумя легионами мы надавим вдоль тракта из Арсинума на Ежелин. Это свяжет Конгрегации руки.

— Повелитель считает, что для штурма башни Нерга потребуется восемь легионов? — осторожно спросил новый командир Шестого легиона, Тарквиний Бесс, занявший место погибшего Гая.

— Надеюсь обойтись несколькими десятками воинов, — отозвался правитель Мельина. Слушатели друж-

но рассмеялись — слова Императора сочли удачной шуткой.

Император позволил себе лёгкую усмешку. Они не понимают. Он без колебаний положил бы все легионы под этой проклятой башней и сам бы лёг с ними, если б только знал, что это действительно спасёт людей и державу. А так — придётся гадать. Ведь нет никаких доказательств, что Нерг *управляет* вторжением козлоногих. Нет, они явно не союзники, всебесцветным никак не нужна победа козлоногих. Но им не нужна также и победа Императора. А нужен им хаос — если, конечно, смерти его, Тайде и Сежес и в самом деле не способны закрыть Разлом.

Как бы то ни было, пока Радуга сдерживает козлоногих — чудовищной ценой, но сдерживает! — он, Император, обязан сделать так, чтобы у Империи остался только один враг.

— Легионам — марш!..

* * *

Железные змеи ползли на север. Мельинское лето кончалось, уступая место золотой и тёплой осени. Козлоногие вяло шевелились за чертой, иногда продвигались вперёд то тут, то там, но прорываться то ли не торопились, то ли и впрямь действовала магия Радуги. Бароны бездарно теряли время; нового предводителя Конгрегации избрать так и не удалось.

Сдавшиеся чародеи держались по-разному. Кто-то просто мрачно шагал, затравленно озираясь и, похоже, всё время ожидая скорой расправы; кто-то начал робко улыбаться, осторожно осведомляясь, что нужно сделать, чтобы «вернуть расположение повелителя». Но только один волшебник, а именно Гахлан, из кожи вон лез, чтобы действительно вернуть оное «расположение».

Старый маг Оранжевого Ордена очень старался доказать свою полезность и искренность. Мол, он всегда был против этой войны и тщился с самого начала уго-

ворить остальных пойти на примирение с Императором, поступившись своей непререкаемой властью; и не его вина, что чужие упрямство с твердолобостью не дали сим благородным намерениям воплотиться в жизнь.

Гахлан рассказал немало интересного о Нерге и жертвоприношениях: оказалось, что заклатья, коими так гордились остальные Ордена, Радуга получила из рук всебесцветных, изменив лишь самую малость.

— Что им надо, нергианцам? — спрашивал Император, едучи стремя в стремя со старым чародеем. — Гибели Мельина? Закрытия Разлома? Ты понял, маг?

— Повелитель, твой недостойный слуга неустанно размышлял и размышляет на ту же тему. Мне кажется — хотя доказать это я не сумею, — что Нерг ищет способ подчинить Разлом. Не победить, не сдать ему Мельин — а именно подчинить. То же жертвоприношение, жертвой чего едва не стал повелитель... — Гахлан потупился, мол, стыд за содеянное не устанет терзать меня до самой смерти. — Нам пришлось поверить Нергу на слово. Ведь магические демонстрации — это именно демонстрации, ничего больше. Но мы поверили, повелитель. Я не снимаю с себя вины и не пытаюсь оправдаться...

По мнению Императора и судя по выражению лица Тайде, Гахлан пытался проделать именно это.

— ...однако строгих доказательств, что подобное... действо и впрямь поможет избыть сие бедствие, нам, Радуге, представлено так и не было, — продолжал старый маг. — Мы поверили, потому что очень хотели поверить. Ведь это так легко — переложить ответственность на других, в данном случае — на Всебесцветный Орден.

— Так ты думаешь, что оное жертвоприношение могло бы Нергу получить бо́льшую власть над Разломом и его тварями?

— У меня пока нет лучшего объяснения, повелитель. Ведь судя по тому, что говорили нам всебесцвет-

ные, взрыв того кристалла в пирамиде и вбирание повелителем высвободившейся силы и впрямь создали некую загадочную связь между ним и проклятой бездной. Но вот что сделает с Разломом смерть повелителя — я, недостойный, сказать не в силах.

— Ничего не сделает, — раздражённо бросила Сежес. — Хватит болтать ерунду, Гахлан. Я не вижу иного способа, кроме как взять в плен и допросить с пристрастием верхушку Нерга.

— При условии, что они скажут правду, достославная. — Гахлан не забывал кланяться.

— Скажут-скажут, — процедила сквозь зубы чародейка. — Пусть они превратили себя невесть во что, но боли эти создания боятся, как и мы, простые смертные.

— Для начала их ещё надо пленить, — вступила в разговор Сеамни. — Вспомните тот дольмен. Похоже, верхушка Нерга вполне способна переноситься с места на место, открыв секрет древней магии тех мест.

— А что с нашими драконами, Гахлан? — спросила Сежес. — Когда я... уходила, Кутул и Солей как раз пытались навести там порядок.

— Ничего не получилось, — развёл руками маг Оранжевого Ордена. — Драконы все словно взбесились, и чем ближе подходили козлоногие, тем хуже всё становилось. Химмиради наложила на них сонные чары, до лучших времён, если они, конечно, наступят.

— Химмиради? Из Флавиза?

— Да, достославная.

— А остальные чудовища? Авлары, вампиры, оборотни? Всё прочее?

— Очень многое погибло вместе с Красным Арком, — вздохнул Гахлан. — Ещё немало, как известно достославной, мы потеряли вместе с главной башней Кутула.

— Но как же Флавиз и Солей? Они тоже имели внушительные арсеналы!

— Достославная... ты же понимаешь, что значит

выпустить чудовищ, натравив их не на Дану или гномов с орками, но на людей!

— Управляющие чары слабели. — Сежес повернулась к Императору: — Радуга всегда уделяла много внимания подобным бестиям, надеясь обеспечить безопасность; но, когда пришло время, способные отдать правильные распоряжения маги оказались вместе со мной, лицом к лицу с козлоногими, а мальчишки-неофиты сплеховали. Тем не менее надо учитывать — кое-что у Радуги могло остаться, и сейчас это бросят против нас. Возможно. Не так много, как могли, но и это... доставит известные неудобства. В первую очередь, конечно, следует ждать оборотней и вампиров.

Император промолчал. Он представил себе резню возле башни Кутула, если бы защитники той выпустили на легионы орду верволков и упырей.

— Магия Радуги тоже слабела, но Семь... то есть Шесть Орденów не желали признаться себе в этом, — покаянно кивнул Гахлан. — Каюсь, я тоже приложил тут руку.

— Вот почему на Ягодной гряде маги пытались остановить легионеров обычными средствами, — пояснила Сежес.

— Благодарение всем великим силам, — уронил Император. — Много верных слуг державы и её храбрых воинов остались из-за этого в живых.

— Но много молодых нобилей и погибло, — осторожно заметил Гахлан. — Они тоже могли бы стать верными слугами...

— Да, как же! — фыркнула Сежес. — Я их знала. Очень многих. Баронская чушь слишком сильно головы заполнила. Без кровопускания бы не поумнели.

— Это достаточно резкое высказывание, достославная, и я...

— Хватит, — поднял руку Император. — Гахлан, что станет делать Радуга, потерпев неудачу с жертвоприношением и с попыткой купить Клавдия?

— Обратится к Серой Лиге, это прежде всего. — Старый маг не помешкал с ответом. — Доблестного проконсула — уничтожить, вас, повелитель, госпожу Оэтаканн и достославную Сежес — пленить. Правда, Шесть Орденос потеряли верхушку, самых опытных и бывалых чародеев, остались командоры и средние поколения. Но я бы сейчас опасался прежде всего серых. Ещё могут пригрозить ультиматумом, мол, или вы сдаётесь, или мы открываем дорогу козлоногим. Вас они сожрут, а мы опять отгородимся детишками и баронским войском.

— Значит, баронское войско должно перестать существовать, — холодно резюмировал Император. Сежес и Гахлан переглянулись, Сеамни поймала взор своего Гвина, в глазах Дану плескалась тревога: она знала, что значит этот тон правителя Мельина — Император пойдёт к цели, несмотря ни на что.

...Предсказания Гахлана стали сбываться с неприятной точностью.

Вольные лишний раз показали себя, в одну из ночей перехватив убийцу из Серой Лиги. Тот успел взять одну жизнь, но в руки имперских дознавателей попал живым — невероятная удача.

...Невысокий, щуплый, но жилистый, воин Лиги висел на дыбе, и палачи неторопливо, так, чтобы ему всё было видно, разводили огонь в жаровне, раскладывая на кожаных покрывалах устрашающего вида инструменты. Император, Сежес, Тайде и Гахлан пришли вместе.

— Ты будешь говорить? — устало осведомился Император. — Мне недосуг играть с тобой в игры. «Да» — жизнь и свобода, «нет» — медленная и мучительная смерть.

Незадачливый убийца тяжело дышал, не в силах отвести взгляд от жаровни и калящихся крюков. Слабак, подумал Император, невольно вспоминая так и оставшегося в Эвиале Фесса. Из самого отребья. Хеон таких

держал для самых грязных дел, использовать один раз, а дальнейшее уже не важно.

— Говори и не бойся, — подбодрила убийцу Сежес. — Лиги, той, что мы знали, больше нет. Есть лишь горстка отщепенцев, прозававшихся «новыми патриархами». Старые-то, настоящие патриархи все давно на юге, за морем. Вот они бы да, за неисполнение приказа живьём содрали бы с тебя кожу и сварили то, что осталось, на медленном огне, чтобы умер не сразу. А эта шваль... чего её бояться?

Человек судорожно сглотнул.

— Воды, — прохрипел он. — Дайте воды. Я... буду говорить.

— Измельчала Лига, — делано вздохнул Гахлан.

...Взамен жизни, свободы и золота (куда ж без него!), мигом забыв о кодексе Серых, убийца поведал немало интересного. Да, ни один из старых патриархов не присоединился к Конгрегации. Радуга не оставляет надежды захватить Императора живьём; в среде же баронов продолжаютя распри. После гибели графа Тарвуса мятежники было возликовали, однако решительное движение легионов на север, напрямик к Мельину, вызвало панику. Нобили грызутся с магами, все норовят свалить вину друг на друга, и никто не знает, что делать дальше: слишком свежа память о Ягодной гряде. Надежды возлагаются на Всебесцветный Орден, куда чуть ли не каждый день шлются слёзные мольбы о помощи. Поступают ли ответы, убийца не знал.

— Всё, как ты и предсказывал, Гахлан, — заметил Император, проводив взглядом отпущенного ассасина, что горячил коня, гоня его на юг, к взморью.

— Рад оказаться полезным повелителю, — поклонился чародей.

— А почему Радуга не может сплести одно-единственное заклятье, которое, скажем, лишит меня на время разума и отдаст в руки магов?

— Такие чары, увы, — то есть к счастью, к счастью,

конечно же! — сейчас уже не сплести, — торопливо ответил Гахлан. — Ещё после первой битвы с козлоногими, в коей и я, недостойный, принял малое участие, многими опытными магами было замечено, что самые сложные заклинания стали плестись с куда бóльшими сложностями. А когда появился Разлом... наш арсенал съёжился до примитивного стихийного чародейства. Ведь достоправная Сежес тоже не смогла доставить повелителю голову барона Брагги?

— Хм! — фыркнула Сежес, задирая подбородок.

— А Нерг? Если я ему так нужен, а чары этого Ордена настолько отличны от остальной Радуги...

— Повелитель, — решительно вступила Сеамни. — Если бы всебесцветные могли это сделать, они бы не преминули. Раз не сделали, значит, не могут.

— Или ждут момента, — елеиным голосом вставил Гахлан.

— Как бы то ни было, — потемнел Император. — Сперва Мельин. Затем — башня Нерга!

...Последнее из предсказаний Оранжевого мага сбылось, когда кавалерийская турма, шедшая в авангарде, привела очередных послов Семицветья.

Пятеро женщин, на вид — чуть постарше Сежес, от всех оставшихся орденов, кроме Кутула.

— Это наше последнее слово, сын Императора, — начала чародейка в синем плаще. — Мы сдерживаем козлоногих, но наше терпение иссякло. Или ты прекращаешь эту бессмысленную войну, или мы открываем дорогу орде.

— Всё, как и говорил Гахлан. — Правитель Мельина наклонился к уху Сеамни.

— Не всё, — одними губами ответила Тайде. — Пока что они не требуют наших голов.

— Мы уже дрались с этой ордой, — надменно произнёс Император вслух. — Я желаю услышать что-то новое, чародейки, или же вас проводят из лагеря.

Возле каждой из волшебниц застыло по трое Воль-

ных, острия кинжалов возле их шей. Перед Императором — заслон из щитоносцев Первого легиона, мрачных и решительных. Второй ряд — арбалетчики, оголовки стрел смотрят прямо в лица чародейкам.

— Новое? Новым, сын Императора, станет разве что предложение Радуги, чтобы ты поступил подобно великим правителям прошлого, — напыщенно произнесла волшебница Синего Ордена Солей. — Чтобы ты пожертвовал собой ради спасения нашего мира. Но ожидать от тебя подобного с нашей стороны было бы преступно самонадеянно...

— У меня есть встречное предложение, — ровно ответил Император. — Мятежная часть Шести Орденов разрывает союз с баронской Конгрегацией, приносит покаяние и платит выкуп. После чего, оставив заложников, присоединяется к нам. Вашему чародейству найдётся достойное применение.

— Что я говорила, подруги? — Синяя волшебница оглядела спутниц. — Он ни на что не пригоден.

— Не смей оскорблять повелителя, — прорычал Клавдий, до половины выдвигая меч из ножен. — А то я могу и забыть о неприкосновенности послов!

— А ты, дважды предатель, молчи! — ощерилась синяя.

— Прекратить! — бросил Император. — Проконсул Клавдий никого не предавал. Если же тебе больше нечего сказать, колдунья, и твоё посольство окончено, — Кер-Тинор!..

— Нет, нет! — поспешно возразила та, безропотно проглотив оскорбление — «колдуньями» раньше называли исключительно ведуний «из народа», занятых «незаконной волшбой», за которую, как известно, полагалась смертная казнь. — Мы не хотим больше распрей. Мы предлагаем перемирие. Радуга и дальше сдерживает козлоногих, а Император и Конгрегация подписывают мир.

— Вот даже как? — Правитель Мельина поднял бровь. — И что же должен содержать такой договор?

— Вольности и неотчуждаемые права благородного сословия, — отчеканила магичка. — Воссоздание полноправной Ассамблеи Нобилей, неподверженность дворянства имперскому суду, должность коннетабля вместо нынешнего проконсулата, а также...

— Достаточно. — Император спокойно оборвал говорившую. — Можешь не продолжать. Я на это никогда не пойду. Да и вообще, почему Радуга говорит от имени мятежных баронов? Я готов обсудить с тобой судьбу оставшихся Шести Орденов, никак не Конгрегации!

— Судьба Радуги неотделима от участи благородных!

— Чушь, — по-прежнему ровно заметил Император. — Судьба у каждого своя, и с кем её делить — он или она решает сам. Иные маги, например, не сочли возможным делить судьбу с Радугой, я их очень хорошо понимаю.

— Неразумно правителю такой державы опираться на предателей, — высокомерно бросила чародейка.

— Ты, Шённес, кажется, забыла, как ползала передо мной на коленях и сдавала своих товарищей по, гм, тогдашним шалостям, — не выдержала Сежес. — Ты вымолила прощение, а Каррем, Мейтона и Веммити отправились... гм, куда следует.

Чародейка в синем плаще высокомерно проигнорировала слова бывшей волшебницы Голубого Лива.

— У тебя нет выбора, сын Императора, — вновь повторила она. — Или ты садишься за стол переговоров, или мы открываем дорогу козлоногим.

— Отчего ж и не сесть? — пожал плечами Император. — Я направлю своих трибунов, облечённых соответствующими полномочиями.

— А до этого твои легионы останутся на месте! — тотчас выпалила Шённес.

— Ну уж нет, — усмехнулся Император. — Мои легионы останутся там, где я этого пожелаю, колдунья.

— Тогда — никаких уступок! — яростно выкрикнула та, теряя терпение.

— Мне не нужны твои уступки. — Правитель Мельина твёрдо взглянул Шённес прямо в глаза: — Мне нужен мир в моей державе и навечно закрытый Разлом. И я добьюсь этого. Любой ценой. Ты поняла, волшебница? Любой ценой.

...Посольство отбыло, пригрозив ещё раз, что «жертвоприношения прекращаются», а «сила Нерга» якобы поможет «направить козлоногих тварей на непокорные легионы».

— Едва ли это было разумно, повелитель, — осторожно заметила Сежес, обменявшись взглядами с Баламутом. — Мне кажется, стоило бы вступить в переговоры, выиграть время...

— Мы бы ничего не выиграли, стоя на месте, — убеждённо возразил проконсул Клавдий. — Надо брать Мельин и башню Нерга. А если козлоногие хлынут дальше... не знаю, повелитель. Кишка тонка у магов с эдаким огнём играть, да простится мне это легионное. Не рискнут. Может, в крайнем случае постараются напугать. Они ж за свои шкуры дрожат — любому видно! Словно худой новобранец перед первым боем.

— Согласен, проконсул, — кивнул Император. — Легионам — марш!..

* * *

Далеко на запад от реки Маэд, за Разломом, за линией пирамид, на плоском холме на воткнутых в землю копьях развевались флаги, длинные синие и золотистые вымпелы эльфов, рядом с ними — широкие и короткие штандарты гномов.

Аррис и Ульвейн молча наблюдали, как Арбаз давал волю гневу — рычал, бранился сразу на нескольких языках и топал ногами. Врученный Хедином кристалл си-

лы потрескался, однако ворота так и не открылись. Магия Разлома осильнела, козлоногие даже и не думали отступать, несмотря на погашенные отрядом Арриса и Ульвейна пирамиды. Видать, мало их выжгли, слишком мало, остальные приняли удар на себя.

В мельинскую ловушку угодил ещё один отряд Познавшего Тьму. Отряд, который никак не имел на это права.

— Не печалься, брат. — Аррис осторожно коснулся изукрашенного рунами гномьего наплечника. — Будем стоять, пока хватит сил. Мы стянули на себя, наверное, всех здешних козлоногих. Людям на востоке стало легче.

— Сейчас-то им-то стало. — Поток брани на миг прекратился. — А вот что потом с ними делается, когда мы все тут поляжем? Что с гарратом будет без наших бомбард?! Он строго-настрого наказал вас выручить и вернуться!

— Вернёмся, — вдруг сказал Ульвейн. — Кристалл потрескался, но ведь запас его никуда не делся. Надо только подобрать правильное заклинание. Если нельзя пробить стену тараном, то, быть может, удастся сделать подкоп? Аррис, Арбаз — удержите тварей? Нужно, чтобы они лезли как следует — и помирили бы тоже во множестве.

— Гм. Магия Смерти? — поднял бровь Аррис.

— Да. Удивляюсь собственной тупости, только сейчас додумался. — Ульвейн со стыдом покачал головой, шелковистые волосы мотнулись из стороны в сторону. — Как мы не заметили? Они же стали говорить. Выть, орать, вопить, реветь. Значит, что-то испытывают, что-то чувствуют, уже не просто зомби.

— Гаррат не любит некромантии, — проворчал гном, перезаряжая бомбарду. — И правильно, кажись. По мне, так подлая она штука!

— Согласен, — кивнул Ульвейн. — Но перед аэтаросом за неё я отвечу сам.

— Сколько ж тебе их перебить надо? — прищурился бородатый воитель.

— Чем больше, тем лучше, — усмехнулся тёмный эльф. — Тысячи, лучше — десятки тысяч. Разумности в них на ломаный грош, а нам надо собрать денег на дворец из чистого золота. И потом, Арбаз, вступит твой кристалл.

— Идёт. — Гном сжал кулаки. — Будут тебе твои тысячи, Ульв. А этот мир, клянусь бородой, ожидает такой фейерверк, что во веки вечные не забудет!..

* * *

— Повелитель! — Сежес нетерпеливо дёрнула полог императорского шатра. Сеамни недовольно поморщилась, натянула одеяло до подбородка. — Повелитель, важные новости!..

— Бароны сдались? Маги явились с изъявлением покорности? — Император застегнул пояс, машинально проверив, легко ли клинок выходит из ножен.

— Нет! — Чародейка едва не подпрыгивала, вся сияя, — в общем, вела себя совершенно несолидно.

— Мы пытались провидеть, что творится сейчас с козлоногими, — захлёбывалась Сежес. — Почему они не наступают — только ли благодаря жертвоприношениям Шести Орден? И что оказалось, повелитель, — на границе тварей почти не осталось! Десятки там, где вчера кишели тысячи!

— Куда ж они делись? — тихо спросил Император, чувствуя, как замирает сердце.

— Они все на западе! — с торжеством выпалила Сежес, так, словно это было её личной заслугой. — На западе, за Разломом — и там идёт такая волшба, что, повелитель, я готова была от зависти слопать собственную юбку!

— Не стоит смущать моих легионеров, равно как и Баламута, — невозмутимо бросил Император, услышав за спиной тихий смешок Тайде.

— Кто-то заставил стянуться туда всех козлоногих! — Сежес даже не обратила внимания на шпильку. — Кто-то бьёт их в хвост и в гриву, так, что даже костей не остаётся!

— Те, кто выжигал магию пирамид, по-прежнему помогают нам, — тихо проговорила Сеамни. — Не знаю, кто они, откуда, чего хотят, — но помогают!

— Жаль только, не присоединились к нам в преддверии Всебесцветной Башни, — заметил Император.

— Боюсь, что и не присоединятся, — покачала головой чародейка. — Эта магия не от мира сего, не мельинская. И тем, кто бьётся сейчас с козлоногими, нет дела до наших собственных дразг. Там чувствуется и ещё какое-то волшебство, но его я понять уже не могу. Несмотря на новые силы. Я бы и раньше этого не почувствовала, но так уж совпало... да и пламя они распалили — выше неба.

— Что ж, возблагодарим судьбу за этот маленький подарок. — Император торопливо облачался в броню. — Нельзя терять ни дня. А Радуге послать гонца, чтобы немедленно прекратили детоубийства. Конечно, они не послушают, но... А легионам — марш, марш, марш!..

...Радуга ещё пыталась сопротивляться. Когда Серебряные Латы вплотную приблизились к Мельину, мятежная часть Шести Орденов вновь прислала посольство, всё ту же Шённес, гордо бросившую, что «твоя неумная шутка нас не запугает» и что «Радуга больше не сдерживает орду. Она обрушится на тебя, неразумный и недостойный короны сын Императора, и тогда горе тебе!..»

— Не смею препятствовать, — ядовито поклонился Император. — И желаю удачи в столь благородном начинании.

...Голубиная почта вскоре принесла весть, что твари Разлома вновь поползли на запад, но теперь они не мчались, пожирая лиги, они едва тащились, в день одо-

левая едва ли восьмую часть обычного перехода легионов.

Конгрегация же решила Мельин не сдавать. Императора встретили наглухо замкнутые ворота и гордые знамёна знатных родов, щедро украсившие стены и надвратные башни. Легионы поломали бы зубы о столь прочную твердыню; всё, о чём в своё время толковал Брагге проконсул Клавдий, вышло бы справедливо и для имперской армии: крепкие и высокие стены, близость воды, обильные запасы.

— Скаррон, твой Девятый Железный останется здесь, — бросил Император, закончив объезд города. — Мятежники не должны высунуться за стены. Как это сделаешь — не мне тебя учить.

— А чего тут учить? — ухмыльнулся тот. — Костров побольше палить станем, манипулы под разными значками туда-сюда погоняем. Не впервой, повелитель! Ну, а когда разберутся да прочухаются — уже поздно будет.

— Всё верно. И помни, нужно не просто удержать их в городе — а и сберечь легион. Надавят — отходи, сдерживай, но не переусердствуй. Стоять насмерть сейчас нужды нет.

— Как же «нет», повелитель, а если они в спину войску ударят? — возразил командир Девятого легиона.

— Не успеют, — уверенно сказал Император. — Пока разберутся, пока развернут конницу — мы уже доберёмся до Нерга. А без всебесцветных вся эта Конгрегация... — Он покачал головой и усмехнулся: — Сама развалится.

— А козлоногие?

— А им сейчас не до нас.

* * *

— Не умеете вы, эльфы Тёмные, в осадах сидеть, — основательно и веско пробасил Арбаз, стягивая сапог и с наслаждением шевеля пальцами. — Времени-то всего ничего прошло, а вы уже стонете. Хорошо, что гаррат

не слышит. Впрочем, даже услышь он, вам-то что — он добрый, милостивый, нет бы отправить лет на триста драконий навоз разгребать. Ну, чего хнычете, чего сто-нете? Вода у нас есть. Припасов маловато, что верно, то верно, но гном, если надо, и дольше протянет, хотя брюхо у нас куда вместительней вашего. Ты, Ульвейн, скоро заклятье закончишь? Козлоногих жжём сотнями, они уж и сунуться боятся, нам самим спускаться приходится. У меня заряды к бомбарде кончаются. — На лице гнома отразилась искренняя озабоченность. — Опять же людям от нас немалое облегчение. Твари стоят, как цепями к нам прикованные. Потерь, считай, нет, полдюжины легкораненых. Живи да радуйся, эльфы! Нет, всё-то вам не так.

— Разговаривающих или хотя бы воющих всё меньше. — Ульвейн за эти дни исхудал, спал с лица, кожа потемнела. Щегольской смарагдовый наряд обратился в грязные, прожжённые во множестве мест лохмотья. — Силу для моих чар с каждым днем набирать всё труднее. И я чувствую, что твари опять оживились на востоке. Едва ли обитателям Мельина сейчас легко, любезный гном.

— Всем сейчас шею стянуло. — Арбаз сплюнул. — Ты скажи, эльф, сколько тебе ещё этих «разговаривающих» нужно? Отличать я и мои их можем, достать трудненько, что правда, то правда, но — не невозможно. Придётся только чуть подальше отойти.

— Ага, и потом выручать тебя всем отрядом будем, — огрызнулся Аррис. Эльф баюкал левую руку, замотанную тряпками и висящую на перевязи: магия затянула рану, но какое-то зловерное чародейство в ней до сих пор оставалось. — Уж лучше потихоньку-полегоньку...

— Потихоньку да полегоньку не получится, — отрезал Арбаз. — Гаррат велел вас вытащить и поспешать обратно. А мы тут сидим, штаны протираем. Нет, господа эльфы, вы как хотите — этой ночью я пойду на

промысел. Ульв, последний раз спрашиваю — сколько этих тварей тебе нужно?

— Дюжину, — отвёл глаза эльф. — Дюжину разговаривающих или пять сотен вопящих. Молчунов не надо совсем.

— Будет сделано. — Гном ухмыльнулся в бороду. — Нуте-с, сколько ж у нас осталось красной смеси?.. — Он встал на колени перед сундучком, на котором только что сидел, распахнул крышку и стал копаться в почти полностью опустевших алхимических склянках, уютно устроенных в выложенных мягким выемках. — Маловато, эх. Ну ничего. И белая для такого случая сгодится, и даже лиловая.

Он принялся откупоривать флаконы, отмеряя мензуркой сухо потрескивающие порошки, — по их крупинкам иной раз проскакивала быстрая цепочка разноцветных искорок. Оба эльфа взирали на священнодействие с неподдельным уважением. На что способны заряды Арбаза и его бомбарда, они уже видели.

— Эй-гой! Хассар! — окликнул он проходившего мимо гнома — доспехи того покрывала копоть, верно, только что поднялся от внешнего палисада. — Собери наших. Болтунов пойдём промышлять.

— О! То дело! — обрадовался Хассар. И рысью пропустил в глубь осаждённого лагеря, выкрикивая: — Норм! Ковдан! Шумп!..

— Он мне всю дичь распугает, — усмехаясь, пробормотал Арбаз, ссыпав наконец все потребные порошки на расстеленную тряпицу. — Так, завернуть, запечатать... А вы, господа эльфы, не глазейте на меня, словно на воплощение Прекрасной Дамы. Может, нам придётся улепётывать отсюда во все лопатки.

— Наши давно готовы. — Аррис последний раз погладил перевязанное предплечье и встал. Лук остался висеть за спиной в саадаке, сегодня для боя эльф выбрал небольшой арбалет, его можно было заряжать и одной рукой.

— Тогда ждите меня, — распорядился Арбаз. Его сородичи уже собирались — все в разномастной кованой броне, с причудливыми боевыми устройствами-огнебросами, скрещенными с топорами, секирами и даже мечами. Сам предводитель гномов встал, последний раз кивнул эльфам, бросил на лицо глухое зеркальное забрало и что-то забубнил себе под нос, не обращая больше ни на что внимания.

— Идём, Аррис. — Ульвейн тоже встал, пошатнулся, болезненно поморщившись и схватившись за бок. — Если борода сказал, что добудет болтунов, значит, добудет. Даже если его самого принесут на носилках.

Никто не допускал даже мысли, что «полк» Арбаза может оставить его тело врагам, кем бы они ни были.

Ворот в наспех возведённом частоколе эльфы-строители не предусмотрели. Арбаз ловко набросил поверх городьбы стёсанное бревно, с лёгкостью, какой никогда бы не заподозрили в грузном, перевитом вздутыми мышцами теле, взбежал на самый верх, замер, балансируя, на виду у всего козлоногого воинства.

— Вы! — заорал, надсаживаясь, гном. — Рогатые вонючки! Мешки с трухой! Гнилозадые коровы!..

Козлоногие — те, кто мог говорить или хотя бы рычать, — встретили эти слова истошными воплями. Неважно, что гном говорил на языке, созданном Хедином для своих подмастерьев, и знать его твари вроде бы никак не могли; неважно, что ругательства эти были совершенно лишены остроумия или подлинной насмешки; Аррис с Ульвейном подозревали, что кричать Арбаз мог и что-то вроде: «да здравствует великий Неназываемый, наш бессмертный вождь и учитель!», и это сработало бы не хуже.

Гном удовлетворённо кивнул и ловко спрыгнул вниз — ещё одна небольшая привилегия подмастерьев Познавшего Тьму. Следом за ним посыпались его однополчане.

— Держись, сейчас начнётся, — проворчал Аррис, останавливаясь и плотно зажимаясь.

Они с Ульвейном едва успели. За частоколом что-то взорвалось так, что, казалось, сейчас лопнет само небо. Ослепительная вспышка прогнала ночную тень, чисто-снежное пламя, собственное клеймо Арбаза, взметнулось до звёзд и выше, заставив их угаснуть. Рёв козлоногих сменился долгим, протяжным и высоким воем, словно великое множество смертельно раненных волков пело последнюю песнь.

— Поспешим, — потянул Арриса Ульвейн. — Мне без тебя не справиться.

Остальные из их отряда уже бежали к частоколу: гномы лихие рубачи, но, когда они станут отходить обратно за городьбу, им потребуется каждый лук, каждая стрела и каждое боевое заклятье, что поможет сдержать живой прилив воинов Неназываемого.

— Кристалл?..

— При мне, не волнуйся, Аррис. — Ульвейн шагнул быстро, как только мог, и уже задыхался.

На самой вершине холма речными окатышами, взятыми в пересохшем русле, эльфы выложили множество рун — дюжину дюжин, если точно. Выверенные по луне и звёздам, они связывали смерти чувствующих существ с оковавшей Мельин оболочкой.

Некромантия чистой воды, как сказал бы старик Даэнур, доведись ему увидеть подобное. По давней человеческой привычке дуотт бы долго и восхищённо цокал языком, восторгаясь изобретательностью сопряжений и необычностью переходов; заклятье, правда, вызывает немалые разрушения, но чего их бояться в этом безлюдье!

Двое Тёмных эльфов встали в самый центр рунного круга. Ульвейн сжимал в чуть подрагивающих пальцах покрытый трещинами кристалл Арбаза — их единственную надежду вырваться из мельинской ловушки.

За частоколом гремело и полыхало. Стало светло,

как в яркий полдень, вой козлоногих терзал слух. С гордыбы свистнула первая стрела, обернувшись росчерком пламени, — орда ринулась на очередной приступ.

— Начинай, Ульв, не успеем...

— Успеет, Аррис, всё успеет. — Тёмный эльф старался подпустить в голос побольше уверенности. — Арбаз дело знает. Видишь, руны вспыхивают? И впрямь бьёт «болтунов», на выбор, не загрязняя их эманации смертями обычного стада.

По трещинам кристалла тоже побежали цепочки белых огоньков, раздалось негромкое потрескивание. Негромкое — но почему-то отлично слышимое в рёве и грохоте разгоревшегося сражения.

— Сейчас... сейчас... — Ульвейн лихорадочно водил тонкими пальцами по трещинам в кристалле, словно пытаясь проследить их рисунок. Руны горели всё ярче, за рядами остроконечных брёвен вновь полыхнуло белым — Арбаз в очередной раз использовал свой знаменитый заряд.

— Пора, брат. — Аррис не знал всех деталей заклатья, но чувствовал скопившуюся и готовую вот-вот вырваться из узды силу.

— Пусть все отходят, — сквозь зубы, не отрывая взгляда от кристалла, проговорил Ульвейн. — Гномов это тоже касается.

Дозваться неистового предводителя бородатых воинов удалось не сразу.

— Что?! Отходим? Да мы только-только во вкус вошли! — проревел Арбаз.

— Проклятый хвостун, — зашипел Аррис. Заклатье позволяло слышать не только похвалбу гнома, но и стоны его раненых товарищей. — Они потеряли самое меньшее пятерых, сейчас выносят их с поля...

Ульвейн не ответил, он трясся, не отрывая взгляда от разваливающегося прямо у него в руках кристалла. Из трещин вырвалось пламя, охватило ладони эльфа — тот заскрежетал зубами, но пальцев не разжал.

Гномы уже всюду лезли через частокол, товарищи Арриса и Ульвейна встретили козлоногих настоящим вихрем и стрел, и заклятий, но, видать, сегодня Арбаз взбесил тварей из Разлома как-то по-особенному. И «болтуны», и «крикуны», и «стадо» — все рвались вперёд, огромными прыжками, вспыхивая, умирая и распадаясь чёрным пеплом прямо в воздухе, но не останавливались и не поворачивали назад, как не раз случалось прежде за время осады.

...Арбаз, как и положено, последним перевалился через городьбу. Броня гнома стала совершенно чёрной, и сам он больше всего напоминал диковинный, почему-то оживший кусок угля.

— Эй-гой! Аррис, Ульвейн! — Рёв предводителя гномов слышен был повсюду в лагере безо всякой магии. — Мяско-то мы, кажись, слегка пережарили. Пованивать начинает! — Он повернулся, задрал ствол бомбарды высоко в небо, пригнулся и нажал спуск — из жерла вырвался ярко-жёлтый шар, взмыл вверх и нарочито медленно стал опускаться.

— На крайний случай берёг, — крикнул гном. — А ну, все ложись, живо!

Шар скрылся за частоколом; Аррис потянул было Ульвейна, но Тёмный эльф успел: кристалл разлетелся мелким крошевом, над городьбой поднялась вторая стена, призрачная и мерцающая. Она-то и приняла на себя удар, разметавший, точно лучинки, заострённые брёвна, выдравший их из земли и отбросивший на десятки сажений. Холм окружило море пламени, на время оттеснившее даже обезумевших козлоногих. Над центром рунного круга появилось лёгкое дрожание, словно нагретый воздух над камнями в яркий солнечный день.

— Бежим! Скорее, портал долго не продержится!

Гномы, эльфы, люди, другие подмастерья Хедина вперемешку мчались к спасительным вратам. Призрачная преграда задрожала, истаявая, а по жирному пеплу,

во что обратились сотни рогатых тварей, уже валили их новые ряды.

— Молодец, Ульв, — одобрительно бросил эльфу Арбаз, последним вступая в дрожание.

Лавина козлоногих захлестнула оба холма, втоптала во прах остатки заграждений и сомкнулась на вершине, там, где только что закрылась дверь, выведшая из Мельина хединских подмастерьев.

И, оказавшись здесь коричневокрылый сокол, он, облетая место битвы, увидел бы, как под бесчисленными копытами бестий Разлома вдруг задрожала земля, почувствовал бы, как расходятся её пласты, как открываются новые каверны, заполненные тёмным пламенем, и как беззвучно валятся в него рогатые твари — точно куклы, с которыми наскучило играть непоседливому малышу.

Холмы, долина меж ними, ручьи, источники, рощи — всё проваливалось и горело, оставляя на теле Мельина жуткий шрам — но не истекающий гноем, заражённый, как Разлом, — а чистый, хотя и болезненный, оставленный первородным пламенем.

Грохот этого удара слышали во всех концах огромной Империи; он прокатился от моря до северной тундры, от владений Вольных до пустого замка Хозяина Ливней. Конечно, не обошлось без магии — обычный воздух не разнёс бы гром настолько далеко.

Мельинская эпопея соратников Познавшего Тьму закончилась.

Они ушли — но Разлом остался. Всё так же заполнял его живородящий туман; и вот в сгустившейся ночи на краю пропасти возникла первая шеренга рогатых тварей.

Их ждал восток этого мира; дело ещё не окончено.

Козлоногие не признавали поражений.

Штурм будет продолжаться.

Глава одиннадцатая

Ночь всё длилась и длилась. Где-то разлеглась отдыхающим удавом от небес до грешной земли золотая лестница, где-то шествовал по ней Спаситель, неся погрязшему в пороках миру последний суд и, согласно священному преданию, великую справедливость. Где-то далеко на закате бурлил тёмный котёл, выбрасывая длинные струи, словно плюющийся чернилами морской зверь осьминог. Где-то совсем рядом, на юге, от зачумлённого Аркина неудержимой волной катился мрак, и за серой его границей бесновались голодные твари. Поистине наступали последние дни, но ни Анэто, ни Мегане дела до них не было.

Они просто любили друг друга, жадно и неумело. Неудивительно — оба если и испытывали нечто подобное, так в давно прошедшей молодости, и оба же постарались об этом забыть, сами для себя обозвав искренность — неприличием, желание — плотским вожделением, недостойным просвещённого ума.

Сейчас они навёрстывали упущенное — тем более что положение мага и волшебницы, дарованные чарами здоровье и долголетие позволяли испытать всё вновь, так, как если бы им вновь сделалось по двадцать лет.

Не наступало утро, приносящее разочарования. Ночь, придуманная извращённым нечеловеческим разумом как время неодолимого ужаса, стала благословением.

Передыхая, сидели, обнявшись, смотря на такие обманчиво спокойные звёзды. Даже путь Спасителя, та самая золотая лестница, больше не пугал. Огненные болиды больше не разрывали небосвода, и могло показаться, что в Эвиале вновь всё как всегда.

Конечно, они знали — это не так. Над дальним Нарном плясали серебристые призраки, Анэто странно обострившимся чутьём ощущал творимые там заклинания: владычица Вейде завершала свои дела в этом мире. Ещё немного, ещё чуть-чуть — и, когда Спаситель выдержит

скрепляющие сие мироздание скрепы, эльфы уйдут. Все. И живые, и когда-либо жившие здесь. Даэнуру от такой некромантии стоило бы сперва удалиться на десяток лет в добровольное изгнание, а потом пасть перед эльфийкой на колени и умолять взять его в ученики.

Здесь, в Эгесте, и дальше на юг, за областью Святого города, сейчас залитой тьмою, в Эбине и Мекампе, в Семиградье — повсюду в Старом Свете яркие огни горели только в храмах всё того же Спасителя. Там молились. Пели, исповедовались и вновь молились. Священники не успевали отпускать грехи добрым прихожанам.

— Нам с тобой, боюсь, перед Ним не оправдаться, — равнодушно заметил Анэто, почти случайно взглянув на золотую лестницу.

— А я и не собираюсь оправдываться. — Мегана откинула со лба волосы. — Тоже мне, судия. Мне не всё равно, что обо мне думаешь ты, Ан, а не какой-то золотистый призрак, пусть даже способный испепелить Эвиал от горизонта до горизонта.

— И что же, мы так и останемся здесь сидеть? Ничего не попытаемся сделать?

— Что можно сделать против Него? Мы так и не узнали.

— Единственное, — медленно проговорил Анэто, — не хотелось бы умирать, словно курицы под ножом, визжа от ужаса. Лучше уж лицом к лицу. В честном бою, хотя, конечно, какой там честный бой...

— А может, всё и обойдётся. — Извечно женское, когда прижимаешься к плечу любимого.

— Нет, Мег, не обойдётся. Я смотрел Ему в глаза. Вейде говорила, что в сегодняшнем Эвиале этим могут похвастаться она, несколько эльфов Зачарованного леса да я. — Он усмехнулся. — Знаешь, всю жизнь боялся. Что-то потерять, не успеть, прогадать. Боролся с этим страхом. А теперь не боюсь. И не раскаиваюсь.

— А как случилось, что у могущественного чародея,

главы Белого Совета, ректора древней и уважаемой Академии, так и не появилось супруги?

— Да так же, как и у тебя не появилось мужа, Мег. Слишком важными казались успех, карабканье вверх по лестнице, деканство, затем — ректорство... А уж сколько сил потрачено на обмен колкостями с Волшебным Двором, и говорить не приходится.

— Да. — Мегана тихо засмеялась. — Помнишь, когда я подсунула твоим «предельщикам» «вывезенный из-под самой Тьмы артефакт»?

— Такое как же не помнить. Весь факультет битых два месяца ломал головы, как его открыть, наконец додумался, а там... — Анэто засмеялся, махнул рукой.

— Словно дети. — Мегана тоже улыбнулась, покачивая головой. — Разменявшие не один век маг и волшебница подбрасывают друг другу «сюрпризы», словно первогодки твоей Академии.

— Может, мы уже тогда ухаживали друг за другом? Только сами об этом не подозревали?

— Наверняка. — Чародейка закинула руки Анэто на шею. — Долгонько, правда, ждать пришлось, пока оба не догадались.

— Зато теперь всё хорошо. — Маг коснулся губами шелковистой щёчки. — Спаситель, не Спаситель, мы вместе! Чего ещё надо?

— Поесть, — засмеялась Мегана.

— От щедрот их королевского величества нам кое-что перепало. — Анэто слегка пнул сумку. — Пока хватит, а дальше, наверное, уже и не понадобится.

— Ага, ты опять готовишься исключительно к героической смерти?

— Мег, а что ты предлагаешь делать? Отправиться в Ордос или Волшебный Двор, присмотреть домишко попросторнее? — горько бросил Анэто. — Спаситель в Эвиале. Не знаю, почему Он медлит, почему предание не исполняется в точности, — но взгляда Его не забуду. Он один перевесит все трактаты и писания, пусть даже

именуемые «священными». Нет, Мег, нам в стороне не остаться. Слишком уж долго мы гонялись за призраками, за ложными целями. Штурмовали Чёрную башню, слушали Этлау... тьфу, как вспомню, со стыда бы сгорел. Нет нам иной дороги. В сторонке не отстоимся, в ямке не отсидимся. А Его я бы предпочёл встретить...

— Конечно, со мной, — ни на миг не поколебалась Мегана. — Встанем вместе. И не вздумай болтать глупости про то, что, мол, я слабая и меня надо защищать. Я как-никак пока ещё хозяйка Волшебного Двора. А это кое-что значит.

— Мег... — Анэто вновь обнял чародейку, зажмурился, вбирая тонкий и неповторимый аромат её духов. — Я не мог звать тебя с собой, я не мог...

— Ерунда, — решительно отстранилась чародейка. — Предположим, ты и впрямь вздумашь геройски помереть, — а что я стану делать без тебя, ты подумал? Предложишь мне взойти на костёр, как верной жене из старой Синь-И? Нет. Выдюжим — так вместе. Нет — так тоже не поодиночке. Согласен?

Анэто только улыбнулся. И — крепче сжал её тонкую талию.

— Тогда нам одна дорога, — шепнул он. — В Аркин. Сквозь завесу мрака. Туда, где чудовища. Где кончается золотая лестница...

— Невозможно, — задорно откликнулась волшебница. — И потому мы с тобой это сделаем. В конце концов, я горю желанием поквитаться за Чёрную башню.

— Отправимся вдвоём, больше никого звать не станем...

— А никто и не пойдёт, — перебила Мегана. — К чему разочаровываться в старых товарищах, а их ставить перед ложным выбором? Мы знаем, что «никто, кроме нас», а они... они, наверное, ещё на что-то надеются. Особенно те, кто втайне молился Спасителю.

— «Кольцо» бы могло помочь, — невольно вздохнул Анэто.

— Кто знает, что вообще может помочь против Него, не знающего поражений? — резонно возразила Мегана. — Нет уж. Пойдём вдвоём. И то сказать, кто ещё сможет, как мы, прорваться в сам Аркин?

— У меня пока ни единой мысли, *как* именно мы это сделаем, — признался маг. — Ты сражалась с теми тварями, Мег...

— И потому, — вновь перебила волшебница, — вновь лезть в драку не хочу. Для начала проверим, не пресеклись ли тонкие пути. Одно дело, когда меня вытаскивал Эфраим, и совсем другое — мы с тобой. Вот только дождёмся вампира, он обещал слетать на разведку.

* * *

Ракот и рыцари Ордена Прекрасной Дамы шагали сквозь мёртвый Аркин. Воздух застыл в тяжкой неподвижности, его словно заполнило серым пеплом; дышалось тяжело, всем, кроме бывшего Властителя Тьмы.

Снесённые крыши, стены, рухнувшие грудями битого кирпича, сиротливо повисшие на чудом уцелевшей петле ставни. Внутренности жилищ, чей-то с любовью выстраивавшийся уют выпотрошены, выставлены на поругание. Кое-где за обвалившимися фасадами открылись почти нетронутые комнаты; рыцари невольно косились на брошенную утварь, одежду, кое-где среди камней попадались детские игрушки — забавные куклы, тряпичные зверята. Ракот краем глаза заметил, как один из рыцарей, нагнувшись, осторожно поднял обсыпанного известью полосатого тигра, набитого ватой. Вытащил и, не стесняясь, сунул в поясную суму — служителям Прекрасной Дамы прощалась известная сентиментальность, невозможная среди иного воинского люда. Пусто, мёртво, безмолвно. Твари поспешили убраться куда подальше, поджав хвосты и не дерзая больше заступать пришельцам дорогу. Только дважды обезумевшие одиночки, один раз — громадный паук и второй —

диковинная смесь краба с осьминогом попытались броситься на отряд из развалин; Ракоту не пришлось даже снимать меч с плеча, рыцари справлялись с бестиями решительно и безо всяких колебаний.

Путь через руины Святого города занял немало времени. Кое-где рухнули мосты, но даже вода не журчала радостно, переливаясь через обломки, — она тоже замерла, превратившись в серый кисель.

И всё ближе становилась золотая лестница, её сияние уже начинало резать глаза.

— Как твой след, командор? — осведомился Ракот, перед тем как отряд вступил на просторную площадь перед кафедральным собором.

— След есть, — сдержанно кивнул рыцарь. Заметно было, как он пытается сдержать и не выказать волнения. — Прекрасная Дама где-то рядом.

— Рядом? Совсем рядом? — поднял брови Ракот.

— Нет, конечно же нет, — смутился-таки старый воин. — «Рядом» следует понимать метафизически, отнюдь не телесно. Её эманации коснулись этих камней, вот что я имел в виду, сударь.

— А, — кивнул названный брат Хедина. — Ну, а подниматься по этим ступеням — готов ли, командор?

— Готов. — Тот бестрепетно склонил голову. — Идущая по ним Сущность враждебна Прекрасной Даме. Ордену этого достаточно.

— Хотел бы я, чтобы мне вот так же всё было ясно и достаточно, — вздохнул Ракот. — Что ж, рыцари, — вот наш бой. Прекрасная Дама, уверен, одобрила бы наш порыв...

— Она сама бы встала рядом с нами! — яростно выкрикнул один из рыцарей, тот самый, что поднял игрушечного тигра.

— Тихо, Доас, — нахмурился командор. — Не нам решать, что сделала бы Она. Мы можем лишь своей смертью приблизить Её новое возрождение.

Ракот мысленно почесал в затылке. Верования Ор-

дена Прекрасной Дамы отличались порой совершенно неожиданными поворотами.

— Сударь. — Названный Доасом рыцарь шагнул к Ракоту, и Повелитель Тьмы увидел, что тот совсем ещё молод. — Позвольте встать рядом с вами. Вы не имеете оруженосца, а в битве...

— Тишшше! — зашипел сквозь зубы скандализированный командор. — Предлагать свою службу *такому* сюзерену!.. Прошу простить несдержанность молодости, сударь, готов ручаться...

— Я отнюдь не оскорблён, — усмехнулся Ракот. — Но всё-таки я пойду первым. И без оруженосца. Пусть те, кто пожелает, следуют за мной, но не ближе сотни ступеней. Я дам приказ, если надо.

— Орден Прекрасной Дамы помнит свой долг и исполнит его! — Поистине, командор казался просто напичкан напыщенными декламациями.

— Тогда идёмте.

Вот она, заветная лестница. Широкие ступени — в ряд смело пройдут пятеро. Радостно лучащиеся, словно из гладкого, отполированного золота, они кажутся совершенно реальными, настоящими, из плоти этого мира, отнюдь не призрачными.

Ракот помедлил, скинул с плеча чёрный меч. Он ждал этого мига, мечтал о нём, предвкушал, представлял во всех деталях, смаковал саму мысль о нём. Схватиться со Спасителем лицом к лицу, сойтись в честной рукопашной — чего ещё может пожелать бывший Владыка Мрака, не единожды штурмовавший Обетованное, претерпевший самое сокрушительное из возможных поражений, переживший ужас развоплощения и заточения на Дне Миров?..

Былые хозяева Упорядоченного сокрушены и изгнаны. Они с братом не заплатили Ямерту и его родичам той же монетой, не стали изничтожать или обращать в бесплотных и бессильных призраков. Если Молодые Боги появились в Упорядоченном, значит, это

произошло не случайно. И совсем извести Ямерта и компанию, стерев даже память о них, не представлялось разумным. В первую очередь, конечно же, Хедину. Но здесь Ракот был с ним согласен.

Ну, что же ты медлишь, Повелитель Тьмы? Ты втихую ненавидишь приставку «бывший», ты толком не знаешь, что делается сейчас в некогда твоём домене, что там натворил Чёрный из поколения Новых Магов, некогда посуливший им с Хедином присмотреть за братцами и сестрицами? Почему ты оробел сейчас?

Рядом с Ракотом появился его всегдашний спутник, чёрный зверь, смахивающий на кабана, но покрытый тёмной блестящей чешуёй, словно дракон. Блестят клыки, глаза устремлены на господина — ну когда же он отдаст приказ?

А хозяин медлит. Он смотрит вверх, на уходящие к небесам ступени, и медлит.

У Хедина можно научиться многому, но главное — осторожности. Что произойдёт, когда он, Ракот, Ракот-Заступник, как называют его в тех немногих мирах, где они с братом разрешили верить в себя открыто, — когда он сойдётся врукопашную со Спасителем? Последствия Брандея помнились крепко.

Нет, иного выбора не осталось. Или он рискнёт — или удавится со стыда, глядя, как Спаситель оставляет пустую оболочку от ещё одного мира. От мира, который пасть не имеет права. Ракот делает шаг.

Нога в чёрной броне опускается прямо на золотую ступень, опускается — и проходит сквозь, вновь оказавшись на опалённых тёмным пламенем камнях Аркина.

У бывшего Владыки Мрака вырывается сдержанное рычание.

Орден Прекрасной Дамы застыл, не сводя глаз с происходящего. Из развалин домов по краям площади высунулись чудовищные хари новых хозяев Святого

города; приближаться они не дерзают, но смотрят, смотрят во все глаза, гляделки и буркалы.

Вторая попытка. Ракот подкрепляет движение магией, естественной, как дыхание, — но дыхание как раз сбоит, горло словно наполняется сухим и горьким пеплом. Нога остаётся там же, где и была.

Ступени Спасителя не собираются держать Нового Бога.

— Трррус, — яростно рычит Ракот, в бешенстве крутанув клинок.

— Позвольте мне, сударь. — Доас почтительно кланяется, опускает забрало и, держа наготове и щит, и меч, осторожно ступает на первую ступень.

Золотое сияние не расступается, оно ничего не имеет против белых доспехов рыцаря Прекрасной Дамы. Доас спокойно делает ещё шаг, поднимается на следующую ступень, потом — на третью, четвёртую, пятую.

— Вот видите, сударь, вам никак не обойтись без оруженосца. — Молодой рыцарь разводит руками.

— Тогда пойдём мы все, — решительно бросил командор. — Становись!..

— Нет, меня так просто не возьмёшь, — рыкнул Ракот, одним движением оказываясь на спине чёрного зверя. — Нельзя идти — полечу!

Красный плащ не затрепетал, как обычно, когда его хозяин устремился ввысь. Умерли не только ветра, умерла и способность воздуха сопротивляться. Хорошо ещё, что им можно было дышать.

Зверь Ракота закладывал круг вокруг золотой лестницы, не нуждавшейся в опорах. Где-то далеко вверху сияла небольшая фигурка Спасителя; Орден Прекрасной Дамы названому брату Хедина пришлось останавливать чуть ли не силой.

— Оставайтесь внизу, — втолковывал он им. — Я позову, когда понадобится.

Рыцари нехотя подчинились, последним остановился Доас.

Ну, теперь всё. Чёрный зверь ввинчивался в недвижимый воздух, продирался сквозь него, глаза горели яростью, с клыков срывалась слюна. Воины в белых доспехах встали в круг, выставив мечи, — с уходом Ракота твари по краям площади явно осмелели.

Сияющая фигурка мало-помалу приближалась, земля уходила вниз, серый полумрак странной ночи скрадывал шпили соборов и развалины домов, набрасывая призрачный занавес. Ракот перехватил меч поудобнее. Что ж, Спаситель, ты не захотел драться честно. Твои ступени меня не держат? — тебе же хуже. Я могу летать, как угодно, а ты никуда не денешься с собственной лестницы. Если божественная сила сама налагает на себя ограничения, то даже ей отменить их обратно не так-то просто.

Ближе, ближе, ещё ближе... Ну, унылый странник, вестник тоски и гибели, что тебе остаётся делать? Побежишь, покажешь спину — или примешь удар лицом к лицу?..

У Ракота вырвалось хищное рычание. Наконец-то равный противник. Наконец-то достойный бой!

* * *

Суматошно хлопая крыльями, словно заурядная курица, вдруг вздумавшая воспарить в небеса, Эфраим свалился рядом с едва успевшими разжать объятия Анэ-то и Меганой.

— Т-там... там... Он уже... близко, совсем-совсем... — бестолково забормотал старый вампир.

Мегана тревожно взглянула на мага. Надо знать бы-вало,го, тёртого вожака Ночного Народа, чтобы понять, насколько он потрясён.

— Спаситель, — уже более внятно проговорил Эфраим, — спускается. И Он в ярости. Меня едва коснулся Его взгляд... и я решил, что всё, рассыпаюсь золой.

— А мы как раз собрались Ему навстречу, — спо-

койно сказал Анэто. — Ты с нами, Эфраим? Это будет славная битва, клянусь своей ректорской кафедрой.

— Всё шутите, — укоризненно проворчал вампир. — Я, конечно, вас донести до Аркина смогу. Но вот дальше... на лестницу ту вставать... я, государи мои, к ней и приблизиться не сумею. Есть вещи посильнее меня, и никакая магия не защитит.

— Ничего такого и не потребуется, — заверил его Анэто. — Нам бы только добраться до Святого города. А дальше уже сами.

— Но только если тонкий путь не раскроется, — уточнила Мегана.

Маг молча кивнул.

— Тогда за дело, Ан. А ты, Эфраим... если хочешь, можем проститься. Мы тебя не держим, ты нам ничего не должен. Напротив, это мы перед тобой в долгу и, кто знает, сумеем ли расплатиться.

— Бросьте, государыня, — отвернулся вампир. — Не брошу я вас. И не уйду никуда. Решили вы Спасителю противустать — ну, так и я с вами. Загадывать, как оно всё выйдет, не стану. Глядишь, и пригожусь.

— Спасибо тебе, Эфраим, — кивнул Анэто. — Конечно, мы не откажемся от помощи. Любому, кто захочет встать рядом с нами, мы рады. Давай, Мег, открывай врата. Время не ждёт, если я правильно понял нашего крылатого спутника.

Хозяйка Волшебного Двора молча склонила голову.

...Тонкий путь открылся на удивление легко. Однако он, конечно, вёл не в сам Аркин, верно, не в состоянии пробиться сквозь серую завесу, окружившую Святой город. Незримая тропа кончалась недалеко от тёмного барьера.

— Что ж, и на том спасибо, — подытожил Анэто. — Эфраим, ты с нами?

Вместо ответа вампир протянул руки магу и волшебнице. И так, взявшись за руки, двое людей и вождь

Ночного Народа скрылись в раскрывшейся перед ними незримой двери.

...В окрестностях Аркина — как помнила Мегана — ничего не изменилось. Та же серая ночь, тот же барьер тьмы, уверенно расползавшийся в разные стороны. Шпилей Святого города не видно — слишком далеко.

Нет, я не права, подумала чародейка. Кое-что не так. Куда-то делись все чудовища, что ярились за пологом. Да и сама завеса... как-то неравномерно она двигается, справа и слева от нас отмеряла куда больше, чем посередине. Что-то там не так. Совсем не так...

— Прошли тут до нас какие-то странные, — вдруг заметил вампир. — Аккурат посередке и прошли.

— Да, и прямо во тьму, — проговорил Анэто, напряжённо морща лоб. — Хотел бы я знать — кто такие, как прорвались... а то я уже голову успел сломать, как сквозь преграду пробиваться.

— Чего гадать? Пойдём и увидим.

Они увидели — колышущиеся серые края разрубленного покрывала. Мрак даже не пытался вырываться тут через прореху, да и чудовищ, бросавшихся на преграду, нигде не было видно. За исключением тех, что валялись, изрубленные мечами и истыканные короткими снежно-белыми стрелами — от арбалетов, не луков.

— Кто бы тут ни прошёл, он на нашей стороне, — решительно произнёс Анэто. — Ну, Эфраим, пойдём дальше?

— Когда столько прошли, какой смысл поворачивать? — Вампир философски пожал плечами.

Анэто и Мегана держались за руки, переступая серую черту. Шагнули — и разом окунулись в затхлый, застоявшийся воздух, словно очутились в наглухо запечатанном склепе. Даже Эфраим поморщился.

— А теперь предлагаю лететь, государь и государыня мои. — Он кивнул, указывая на замелькавшие по сторонам тени. — Сюда-то эти твари не суются, верно,

крепкий зарок от них положили, но стоит нам отойти... Так что, если не побрезгуете, милорд ректор...

— Побрезгую? — возмутился Анэто. — О чём ты, Эфраим?

— Тогда держитесь крепче, государь мой.

Они взлетели, провожаемые множеством жадных взглядов.

Вот и Аркин, выжженный, полуразрушенный, с пятнами погасших пожаров, залитый мглой; шпили соборов тянутся к тёмному небу надгробными крестами, бесильно целит ввысь перечёркнутая стрела Спасителя. Меж трупами домов мельтешат, извиваясь, перетекая с места на место, смутные тени, то и дело пляшущиеся вверх огоньками многочисленных глаз.

А золотая лестница — вон она, совсем близко.

Вампир взмахивал крыльями всё тяжелее и всё ниже опускался к земле.

— Больше не могу, — выдохнул он наконец, без сил почти рухнув на камни. — Ступени эти... не получается.

— Ничего, — быстро огляделся Анэто. — Улетай, Эфраим. Спасибо, что пронёс так далеко. А насчёт тварей не беспокойся, мы с Мег их удержим, пока ты не отдохнёшь. У нас-то пока время ещё есть.

— Обратнo-то я улечу, прочь удирать совсем не то, что грудью переть, — не мог прийти в себя вампир. — Спасибо за заботу, милорд ректор. Хотел бы я рядом с вами оказаться, когда самое главное начнётся. Но... давит меня Его сила, давит и в ничто обращает. Недаром нас вечно Его именем гнали. Вот, уже и легче стало, — фальшиво заявил он, напоказ расправив крылья. — Всё, уже лечу, лечу. Обо мне не думайте, господа чародеи и чародейки. Вы на себя взвалили небывалое, я же так... чуть-чуть плечо подставил.

— Эфраим! — Мегана порывисто шагнула к нему, обняла. — Спасибо тебе за всё, сделанное и несделанное. Если повезёт, ещё увидимся. Если нет — прости, коли в чём обидела.

Вампир не ответил, только кивнул, издавая горлом странные звуки. Если бы Анэто не знал, что вампиры не плачут, он поклялся бы, что Эфраим давится слезами.

Летучая мышь взмыла вверх, перекувыркнулась и стрелой помчалась прочь.

Маг и волшебница остались одни.

— Идём, Мег, — просто вымолвил Анэто. — Думаю, эти милые зверюшки не дадут нам соскучиться, но и задерживаться тут нечего.

...Бестии и впрямь попытались напасть, но как-то робко, с оглядкой, словно поминутно ожидая появления куда более могущественной сущности. Волшебник и чародейка отбились на удивление легко. Пробираться через развалины Святого города им пришлось недолго — вампир протащил их далеко в глубь Аркина.

— Ан, смотри! Лестница... и кто-то в белом? Откуда здесь эти воины? Кто они такие? — ошеломлённо прошептала Мегана.

У подножия золотых ступеней ровным квадратом, прикрывшись щитами и выставив клинки, застыли несколько десятков рыцарей в снежно-белой броне, недвусмысленно предупреждая мельтешащих по краям площади чудовищ, что им лучше не приближаться. И те, надо сказать, следовали этому совету.

Анэто и Мегану заметили тотчас. Над рядами рыцарей взвился белый с золотом стяг, несколько раз качнувшийся из стороны в сторону.

Только когда маг и волшебница одолели добрую треть пути, твари за их спиной опомнились. С десятка бросились было следом; град белых стрел пригвоздил самых дерзких к камням, остальные с глухим рычанием отступили, торопливо уползая обратно в развалины.

Рыцари раскрыли строй, пропуская ордосского ректора и хозяйку Волшебного Двора внутрь. Забрала поднимались, открывая красивые и гордые человеческие лица, однако язык, на котором немолодой уже воин обратился к чародеям, оказался непонятен. Рыцарь, по-

хоже, на другое и не рассчитывал, досадливо поморщившись.

— Вы... идёте... туда? — показала Мегана на уходящие вверх ступени.

На сей раз предводитель белых воинов её понял. И отрицательно покачал головой.

— Мы... можем? — Чародейка сделала шаг к ступеням.

Пожилой рыцарь вздохнул. А потом вдруг что-то гортанно скомандовал своим — десятки мечей взлетели в торжественном салюте.

— Они почему-то не могут идти сами. Но приветствуют нашу, гм, смелость, — несколько обескуражено проговорил Анэто, низко поклонившись в знак благодарности.

— Идём, Ан, — тихонько сказала Мегана, первой ступая на золото ступеней. Рыцари провожали её восхищёнными взорами.

Крепкие, прочные ступени. Широкие. Словно из настоящего золота. Перил, правда, нет, ну да ничего, мы бывалые, не свалимся.

Рука об руку, смотря только вперёд, Анэто и Мегана стали подниматься.

* * *

Летучему зверю Ракота пришлось попотеть, доставляя седока к мерно шагающей фигурке Спасителя. Он казался совсем близок, однако шло время, мчались назад золотые ступени, а сам страшный гость Эвиала не приближался, окружавшее Его сияние по-прежнему маячило где-то возле звёздного горизонта.

— Хитёр ты, братец, — прорычал Ракот себе под нос. — Хитёр, умеешь играть с пространством, да и со временем тоже, однако посмотрим, поможет ли тебе это против доброго клинка!

Владыка Тьмы сам не помнил, как долго он мчался навстречу заклятому врагу. Предательская лестница

искрилась рядом, такая обманчиво прочная, словно приглашающая довериться её ступеням. И держать Ракота на себе она не держала, но не давала и пролетать сквозь себя. Названный брат Хедина попытался пустить своего зверя вскачь по сияющим маршам — напрасно, летун проваливался точно так же.

— Значит, ни меня, ни со мной, — сказал Ракот наглому сооружению. — Что ж, каков хозяин, такой и слуга. Поглядим, что станет, когда лицом к лицу сойдёмся!..

...Момент этот настал внезапно, только что Спаситель казался крошечной искрой где-то далеко впереди; и вон Он уже рядом — потрёпанный хитон, стёртые сандалии, грубый посох, печально поникшие плечи и скорбный лик. Руки — мозолисты, натружены, словно их обладатель ещё вчера махал киркой в каменоломне или день-деньской шагал за плугом.

На Ракота Спаситель взглянул прежним, сдержанно-горестным взором. Клокочущая ярость Владыки Тьмы его, похоже, совершенно не трогала.

Он настолько уверен в себе? — резанула Ракота холодная, неприятная мысль. Его вопрежь уже налетал на врага справа-сбоку, чтобы седоку было удобнее рубануть наотмашь.

— Теперь не увернёшься! — бросил Ракот прямо в лицо Спасителю. — Дерись, слышишь, дерись!

Чёрный клинок летел плашмя, готовый рассечь всё на своём пути: сталь, дерево, плоть. И, подобно стопе Ракота, провалившейся насквозь через золотую ступень, меч пронёсся сквозь тело Спасителя, не причинив тому ни малейшего вреда. Брат Хедина мог бы поклясться, что имеет дело не с призраком; но лезвие глубоко погрузилось в человеческое по виду тело и завершило круг, не оставив следа.

Выражение Спасителя не изменилось. Он всё так же горестно взирал на неразумное дитя, кружащее вокруг него на чёрном вопре и изрыгающее проклятия на

доброй дюжине варварских наречий, а потом покачал головой и сделал ещё один шаг, тяжело опираясь на посох, словно и в самом деле страдал болями в колене.

Вепрь Ракота замер на месте, его бока бурно вздымались, точно магическому зверю стало трудно дышать полным незримой золою воздухом.

То, что стало Спасителем здесь, в Эвиале, не поддавало под власть Ракота. То, чему он привык доверять больше всего — испытанная веками и множеством битв магическая сталь, — оказалось бессильно.

— Хорошо же, — прорычал Ракот, посылая вепря ближе к лестнице. — Драться по-честному ты не хочешь. Поглядим, как выйдет, если нечестно!

Спокойно, Владыка Ночи. Вспомни, как ты обхитрил самого Ялмога в битве у Шести островов, в мире со странным названием Яарцык. Ни ты, ни Хедин никогда ещё не сходились со Спасителем так близко. Какой прекрасный повод узнать наконец, «что у него внутри».

Чёрный зверь преградил Спасителю путь, зависнув над самыми ступенями. Ракот вбросил бесполезный клинок обратно в ножны, прищурившись, вгляделся в смуглое от загара лицо со скорбной складкой меж бровями.

Что же ты такое, Спаситель? Слова о «воплощении людских чаяний» слишком общи. В конце концов, ты разрушаешь миры, ты поглощаешь людские души — во множестве. И при этом подчиняешься каким-то малопонятным пророчествам, записанным в глухой древности теми, кто едва ли сам понимал их смысл.

Заклятья познания у Ракота не принадлежали к излюбленным. Он всегда отдавал предпочтение силе. Многочисленности полков, порождённых великой Тьмой. Исполинским истребительным волнам, «таранам Ракота», какими он сметал возведённые в Межреальности баррикады и бастионы Молодых Богов — тогда, во время второго и самого успешного наступления на Обетованное. Ордам голодных драконов, в конце концов. Он хорошо умел ломить массу массой, крушить барьеры и

преграды, умел выигрывать сражения, даже оказавшись в отчаянном положении.

Но что делать с сущностью, подобной Спасителю?

Вепрь тревожно всхрапнул, завертел клыкастой башкой, не выдерживая прямого и строгого взгляда Того, кто шагал сейчас по золотым ступеням.

Ракот застыл с поднятой рукой, впился взглядом в непроницаемо-усталые глаза под набрякшими веками. Как встарь, он поворачивал мир вокруг себя, скручивая магические потоки тугой спиралью, ставя себя в самый центр незримого шторма — некогда с его помощью он мог перетасовывать пласты реальности, мог заставить течь вспять реки, а горы — рассыпаться мелким песком. Сейчас он вспоминал, как впервые вошёл в Великую Тьму, не растерянным, дрожащим и подавленным, но, как сейчас — яростным и готовым к схватке. Исполинская предвечная сущность лежала тогда перед ним, и требовалось прорваться к её сердцу, сдвинуть, заставить биться в унисон с собственным.

Двое на золотой нити, протянутой от неба до земли; и Ракот вновь чувствовал себя, как перед решающим, третьим штурмом Обетованного — уж теперь-то он не мог проиграть, он дважды являлся сюда, дважды его отбрасывали, третьего поражения не случится, трижды он никогда не проигрывал.

Нет, века зря не проходят. Тебя не берёт моя сталь, Спаситель, может, не возьмёт и магический удар. Но даром эти прогулки тоже не пройдут, даже не надейся, если, конечно, ты способен надеяться.

Что за этими глазами, за мозолистыми руками? Бьётся ли сердце, струится ли кровь по жилам? Или ты только мёрзок, не доступный нашему пониманию?

Как же ты спокоен. Подобного борения взглядов не выдержать даже Яэту, а тебе — хоть бы что. Неживой? Жизнь для тебя — просто свет, который ты собираешь и гасишь в себе?

Кажется, Спаситель что-то почувствовал. Одна бровь

поднялась, словно бы иронически. С немалым трудом собранная Ракотом сила потянулась бесчисленными щупами к фигуре в сером хитоне, тщаь обнаружить если не содержание, то хотя бы форму.

Воздух начал потрескивать, не видимая доселе зола вспыхивала, словно проживая вторую жизнь, с тем чтобы умереть на сей раз последней и окончательной смертью.

Ракота и Спасителя разделяло всего пять ступенек.

Посох мерно ударял по золоту. Каждый шаг — лишняя строчка в приговоре Эвиалу. Брат Хедина не мучил себя сомнениями, не терзался — а не стоит ли за его нынешним противником какая-то «его собственная правда». Перед ним — лютый и беспощадный враг, ещё более ненавистный из-за того, что с ним нельзя схватиться, как достойно истинного воина. Молодые Боги тоже трусили, не выйдя на поединок, когда он, Ракот, стоял под стенами Обетованного; но они хотя бы боялись, и это было понятно. А тут — конечно, чего страшиться, если никакое оружие не в силах тебя зацепить. Никакое? Совсем-совсем никакое?

Магическая сущность такого масштаба не может не оставлять следов в тонких, нематериальных сферах, в тех слоях Упорядоченного, куда нет хода даже богам. Но туда дотянутся заклатья познания, в коих так силён брат Хедин. Эх, Познавшего Тьму бы сюда — пусть бы просто стоял в любимой позе, скрестив руки на груди и полупрезрительно сощурившись.

Текли мгновения, посох постукивал о золотые ступени — их между Ракотом и Спасителем оставалось всего три, — а мощь, пущенная Ракотом в ход, не находила ничего. Ни формы, ни содержания, ни даже пустоты. Надвигавшегося на Владыку Тьмы просто не существовало, как и золотой лестницы у того под ногами.

Не может быть. Любой враг, даже козлоногие твари Неназываемого, даже сам Неназываемый, ненасытный пожиратель всего и вся, оставались познаваемыми, хо-

тя бы до некоего предела. Здесь же заклатья натыкались на дыру, провал во плоти Упорядоченного, квинт-эссенцию «отсутствия всего», как выразился бы Хедин.

Две ступени. И прежний взгляд. Не пустой, не мёртвый — но чужой, совершенно и полностью чужой.

Прежний Ракот, Истинный Маг, принадлежавший к Поколению Мерлина, наверное, взъярился б до последней крайности, слепо ринувшись на врага; Ракот нынешний, Бог Равновесия, не пошевелился.

Пустота — это вместилище. Когда-то Познавший Тьму проделал ловкий ход с обрушившейся на Хединсей лавиной Лишённых Тел: даровал голодным и алчным призракам тела, когда они всей ордой мчались на бастионы острова.

Что, если?..

Когда-то Истинным Магам было строго запрещено творение. Только изменение. Беспощадный закон Равновесия многое запрещал и Новым Богам. Они не могли по мановению руки создать из ничего неисчислимые армии.

Но заполнить одну-единственную пустоту, выведенную непонятной болезнью каверну в плоти несчастного мира — закон не запретит?!

Думай, бывший Владыка, думай — как поступил бы сейчас твой названный брат, что бы он решил? Потому что он, Хедин, победил там, где ты проиграл. И, если бы не Познавший Тьму, ты так бы и пребывал развоплощённым, на проклятом Дне Миров. Поэтому тебе надо рассуждать так же, как Хедин, смотреть на Спасителя глазами Хедина и надеяться, что ты решишь задачу так же удачно, как он в своё время, сокрушив множества сильнейших врагов — магов Поколения, самого Мерлина, а потом и Молодых Богов.

Заклатья Ракота тянулись далеко за пределы Эвиа-ла — сквозь многочисленные прорехи в некогда несокрушимой тёмной броне. Сейчас сгодится любое, любые подонки, любая гниль из Межреальности. Ничего

лучшего этот вампир, прозванный Спасителем, и не заслуживает.

Ракот не маскировал своих намерений — когда стоишь лицом к лицу с *таким* противником, это не поможет.

Дать твари перед ним плоть. Превратить ничто в нечто.

Губы Спасителя слегка дрогнули, неуловимый намёк на печальную улыбку. Именно печальную, отнюдь не глумливую.

Небо над Ракотом вскипело, меняя цвет с чёрного на тёмно-вишнёвый, словно раскалённое железо. Из-за пределов Эвиала потекли незримые реки, набирая мощь и разбег, властно раздвигая закрывавшие мир плиты. И без того приоткрывшийся удел Западной Тьмы начинали продувать вольные ветра Межреальности, свободнее текла животворная сила, и под горами — чувствовал Ракот — всё ярче и ярче разгорались Кристаллы магии.

Природа не терпит пустоты. Выболевшую каверну следует заполнить. Не знаю имя твоей «болезни», Спаситель, но голодную бездну, странствующую от мира к миру меж светилами, так оставлять нельзя. Я даже не лекарь, я — скальпель в руках великого Упорядоченного.

Одна ступень. Стук посоха отдаётся неожиданной болью во всём теле Ракота, и названный брат Хедина невольно удивляется — он привык терпеть, особенно странствуя в облике черноволосого варвара-воителя, но эта боль идёт словно из самой сердцевины костей. Сознание туманится, перед мысленным взором откуда ни возмись появляются картины далёкого прошлого, молодость Поколения, навек потерянный Джибулистан, и лицо той, кого он так хорошо и накрепко забыл.

Нет! — беззвучно кричит сам себе Ракот. Ты устоишь, Владыка Тьмы, а ты, Спаситель, великая пустота, бездна, что хуже Неназываемого, — ты не пройдёшь. Ты требуешь поклонения, слёз и покаяний — нам с братом

не нужно ничего, кроме чести. Тебе молятся, ползая на брюхе и покупая за деньги «отпущения грехов», частенько только и исключительно мысленных — мы не знаем, что это такое, мы судим по делам, мы хотим, чтобы кровь вольно текла по жилам и те, кому назначено умереть, уходили бы с поднятой головой, как воины, сделавшие для победы всё и даже больше.

Ты — Спаситель плакс, трусов и слабаков, тех, кто боится взять меч, выпрямиться и принять бой. Устами твоих адептов ты называешь себя «любовью», служащие тебе толкуют о милости и снисхождении — так почему ж после вас остаются пустые миры?!

Нет, мы не опустим клинков. Ни я, ни брат.

Ракота душила ярость — но то была высокая и чистая ярость идущего в последний бой. Лёгкая усмешка на тонких губах Спасителя — посмотрим, сколько ты ещё просмеёшься!

Поперёк золотой лестницы сгущается иссиня-чёрная завеса. Барьер Богов, заклинание, созданное Ракотом уже после победы над Ямертом и его присными. Свет и ветер, вода и лёд, пламя и небо — всё отдало по частице сущности, чтобы он, Ракот, в нужное время смог остановить или хотя б задержать то, что преодолеет любые иные преграды. Пока заклатья, заполняющие пустулу, ещё не начали работать.

Спаситель приостановился, с лёгким интересом, не отменяющим общей скорби, бегло взглянул на тёмный занавес, разделивший его и Ракота.

— Ага! — хрипло каркнул брат Хедина. — Проняло-таки, плакальщик!

Спаситель не ответил. Лишь протянул посох, аккуратно, почти бережно коснувшись преграды сбитым его концом.

— А-а-а-аргх!

Ракот едва удержался на спине летучего вепря. Его отшвырнуло с дороги Спасителя, словно пушинку, словно осенний лист порывом ветра. Земля и небо, всё за-

кружилось перед глазами. Заклятье лопнуло, барьер рассыпался чёрной пылью — а внизу тяжело застонал сам мир, потому что до предела натянутые струны божественных чар хлестнули по нему, точно кнуты.

Не видя — это для бога необязательно, — Ракот всей кожей ощутил вспыхнувшие внизу лесные пожары, вскипевшие реки, устремившиеся вниз с гор лавины и камнепады. Где-то на южных и северных островах оживали давно дремавшие вулканы; Закон Равновесия показывал себя во всей красе.

— Пр-проклятье! — зарычал Ракот, наконец выровняв полёт очумевшего вепря. Барьер исчез, Спаситель спокойно шагал дальше, а заполняющие пустоту заклинания всё никак не начинали работать.

Оставалось только сжать зубы и погнать летучего зверя обратно к золотой лестнице. Он, Ракот, Владыка Мрака, пусть даже и бывший, так просто не сдастся.

Только сейчас он заметил на золотой лестнице две сцепившиеся вместе человеческие фигурки, и это были отнюдь не его рыцари.

* * *

Анэто и Мегана бежали вверх по бесконечным золотым ступеням, каблучки хозяйки Волшебного Двора звонко стучали. Вниз, где остались рыцари в белом, ни маг, ни волшебница старались не смотреть. По-детски взявшись за руки, они оставляли позади ступени десятков за десятком. Что они станут делать, когда столкнутся лицом к лицу со сверкающей фигурой, спускающейся им навстречу, ни он, ни она не думали — сейчас главным было добежать, дотянуть, не сорваться.

И ещё главным оставались соединённые, намертво вцепившиеся друг в друга руки.

— Ничего, — пыхтел Анэто, утирая пот со лба. — Продержимся. Вдвоём-то — и не продержаться! Да мы, если надо, тут с тобою год простоем...

...Они не знали, что поднимаются куда быстрее Ра-

кота. Без всяких летучих зверей, просто прыгая по золотым ступеням, они стремительно настигали Нового Бога.

— Ан, кто это? Что это? — едва вымолвила запыхавшаяся Мегана, останавливаясь и почти повисая на руке мага.

Они перестали обращать внимание на Спасителя, во все глаза глядя на преградившего тому путь могучего воина в роскошной чёрной броне и накинута на плечи алом плаще. Воин восседал верхом на жуткого вида клыкастом звере, без всяких крыльев, но явно способном летать, потому что между копытами этого вепря и золотом ступеней оставался ещё добрый локоть.

— Не знаю, Мег. Но, кто бы это ни оказался, нам он друг. Смотри, смотри!

Они невольно пригнулись — незримый ветер от могущественного заклятья плеснул прямо в лица. Воин в чёрном и алом резко повёл рукою, словно проводя черту — перед ним вскипела тёмная завеса, словно нож, рассекла золотистый путь Спасителя.

— Внизу-то что творится... — охнул вдруг Анэто, невольно бросив взгляд за край лестницы.

Несмотря на окутывавшую Эвиал злую ночь, с золотых ступеней открывался широкий вид. Мегана, с каплей вампирского яда в крови, видела ещё дальше и чётче.

Земля заходила ходуном, деревья с треском выбрасывало из их гнёзд, растопыренные корни пытались удержаться и лопались. С грохотом валились вековые стволы, людские домики обращало в пыль. Хозяйке Волшебного Двора даже показалось — она видит бегущие фигурки.

Однако ярко освещённые храмы не тронуло. Полосовало холмы и горы, рушились мосты и башни, но твердыни Спасителя не поколебало.

Зачарованные этим зрелищем, Анэто с Меганой пропустили миг, когда Спаситель коснулся посохом тём-

ной преграды. Они едва удержались на ступенях, отчаянно вцепившись в холодные и гладкие края; а внизу разверзся настоящий хаос.

Что-то незримое, шипящее и свистящее пронеслось от схватившихся врагов, прынуло вниз, разя без разбору лес и поле, реку, озеро и деревню. Словно катились невидимые колёса, оставляя за собой широкие огненные борозды. Вековые дубы ломало, словно щепки, размётывало замки, опрокидывало корабли в гаванях — незримые колёса всё катились, неся смерть и разрушение Эгесту, Мекампу и области Святого Престола. Тьма не стала им преградой, её занавес лопнул во множестве мест, Аркин обращался в руины.

— Они ж тут ничего не оставят! — вырвалось у Меганы. — Вставай, Ан, вставай. — Чародейка вскочила на ноги с нечеловеческой лёгкостью и грацией. Ещё один невольный дар Эфраима.

Маг стиснул зубы и заставил себя оторваться от казавшихся такими надёжными и спасительными ступеней.

Воина в чёрном и алом тоже отбросило далеко в сторону, однако на спине вопреки он удержался, вновь понёсся к сияющей лестнице, наперерез Спасителю — однако дорогу тому уже заступила разъярённая Мегана.

— Стой! — Её голос обрёл неожиданную силу, загремел, разносясь из конца в конец небосвода. — Поворачивай назад! Эвиал — не твой!

Печальный странник в поношенном сером хитоне. Грустные, всепонимающие глаза — иконописцы рисовали Его правильно, а может, Ему заблагорассудилось принять именно такой облик. Но почему же за оболочкой этих глаз она, Мегана, чувствует звериный... нет, вампирий голод?! Да, там крылось ещё много чего, кроме этого голода, но его волшебница ощутила первым.

Родственные души, видно.

Спасибо тебе, Эфраим. Ты дал мне силы *понять*.

— Явился сожрать нас всех? — подбоченилась чаро-

дейка. Анэто встал рядом с ней, бледный, но решительный.

— Ты не пройдёшь, сущность, — как мог твёрдо бросил маг.

На Ракота Спаситель надвигался бестрепетно и неостановимо, не утруждая себя даже защитой от назойливой мухи. Однако перед Анэто и Меганой Он приостановился. Выражение Его лица не изменилось — однако он *стоял*, и правая рука медленно поползла вниз по отполированному посоху.

Внизу бушевал хаос, и Анэто вдруг ощутил себя и впрямь защитником всего Эвиала. Полы его плаща наполнил прилетевший снизу свежий ветер; да, он нёс гарь пожаров, крики умиравших в пламени, грохот рушащихся стен и треск ломающихся мачт; но боль Эвиала стала силой чародея.

Анэто не думал, какое заклятье выбрать или как лучше ударить. Атаковало всё его естество, вся его память с первого дня до последнего; всё, сделавшее смышлёного и одарённого эбинского паренька главой Белого Совета и ректором Академии.

Молния. Чистое, неосквернённое пламя, облачный огонь. Она восстанавливает равновесие меж небесами и землёй, возвращая скопившуюся силу.

Спасителя оплела слепяще-белая паутина, гром сотряс золотую лестницу, и её ступени вдруг заходили ходундом, меж ними появились чёрные трещины.

Неистово завизжала Мегана, оскалилась — во рту у неё стремительно удлинялись клыки, вытягивались двумя парами белых игл.

Спаситель замер, затем принялся неторопливо срывать с себя яростно трещащие молнии Анэто, что из всех сил пытались сейчас задушить своего великого врага. Молнии, словно белые змеи, сопротивлялись до последнего, но всё-таки не выдерживали — заскоружные тёмные пальцы Спасителя рвали их и роняли на празднично сверкающие ступени.

* * *

Люди. Пусть не простые, волшебники, и, по меркам Эвиала — из первых; но пришли, встали на гибельный для себя бой, не испугались и не согнулись.

Продержаться ещё чуть-чуть — должны же сработать его заклинания! Почему не получилось, где он ошибся — неужели Хедин применил бы нечто совершенно иное?!

Ракот яростно гикнул, налетел сбоку — и тут Спаситель впервые удостоил его вниманием. Повёл посохом — уже не лениво и медленно, а быстро, резко, побоевому — Владыка Тьмы с ходу врезался в незримую преграду, обратившую его вепря в кровавое месиво, а сам Ракот низринулся вниз, навстречу тёмной, озаряемой лишь пожарами земле.

Его слуха достиг тяжкий стон мира — из Эвиала с кровью выдирали его естество. Но Спаситель потратил слишком много на этот удар, и теперь...

Тело в чёрных доспехах глухо ударилось о землю.

* * *

Лёгкость, с какой Спаситель расправился с могущественным противником, ужасала. Великий чародей оказался смят и опрокинут в считанные мгновения.

Что могут сделать они, два человека, два обычных волшебника, не смеющие и помыслить, скажем, о таких полётах?

Шипя, погасла последняя молния. Однако на хитоне Спасителя остались следы гари. Значит, всё-таки наша магия не совсем уж бессильна?!

В дело вступила Мегана — пока Анэто отхаркивался кровью. Отката не было, просто маг отдал слишком много сил.

— Я ведь верила в тебя, — с расстановкой прошипела она прямо в Его лик с гневно сдвинувшимися бровями. — Молилась. Читала и перечитывала священные

книги. Пока не поняла, что ты такое на самом деле. — Мегана усмехнулась, выразительно показав длинные, готовые к бою клыки. — Ты мой брат. Мой и Эфраимов. Только очень высоко поднявшийся. Но взамен, чтобы насытиться, тебе нужно куда больше. Я права, верно? И ты шляешься по мирам, выжидая только момента, чтобы вонзить клыки и присосаться. Ну, давай, покажи зубки. Ручаюсь, что у меня и длиннее, и белее.

На лице Спасителя не дрогнул ни один мускул, лишь в глазах медленно разгоралось жёлтое пламя. Однако же он не напал, не ударил — медленно переступая, подходил всё ближе, надвигаясь на преградивших ему дорогу человека и полувампиру. Полу — потому что Мегана не умирала. При ней остались и все умения хозайки Волшебного Двора.

Мегана чувствовала пришедшие в движение силы, напиравшие откуда-то из-за пределов Эвиала, и догадывалась, что, быть может, это работа сгинувшего воина в чёрном и алом. Могущественные заклятья, нацеленные на Спасителя, могущественные... и бесполезные.

Такую пустоту не заполнишь. Тем более что это не просто пустота. И даже не тупо ненасытная утроба обычного хищника.

Тем не менее удар в спину заставил Спасителя пошатнуться, а скорбное лицо потемнело. На миг промелькнуло выражение лёгкой досады, ещё одно отстраняющее движение посохом — и в этот миг Мегана прыгнула.

Одновременно с порывом ветра, бросившего прямо ей в руки горящую сосновую ветку. Обычную ветку из обычного эвиальского леса, сейчас погибавшего в разожжённом иномировыми силами пламени. Время почти остановилось, волшебница успела ощутить аромат смолы и хвоинок, разглядеть чуть слезящийся излом, заметить даже крошечную гусеницу, невесть как угодившую на обречённую ветвь; трепещущее, сры-

вающееся пламя обволокло ладонь чародейки, но не обожгло — та ощутила лишь приятное тепло, словно сам Эвиал, как мог, пытался её поддержать.

И этой пылающей веткой она что было сил хлестнула по глазам ту сущность, что сейчас поворачивалась к ней. Не «человека», не «Спасителя» — безымянную и жуткую Сущность, неведомым капризом вселенских сил заполучившую несказанную, не полагающуюся ей мощь.

Иглы и искры так и посыпались в разные стороны. По-прежнему безмолвный, словно немой, Спаситель дёрнулся и отступил на шаг, выпустил посох, пытаясь оторвать от себя взбешённую чародейку. А Мегана, чувствуя под руками плоть, с яростью вонзила клыки противнику в шею.

Пришёл в себя Анэто и, несмотря на льющуюся из носа кровь, тоже кинулся в схватку. Мелькнул короткий кинжал, вокруг лезвия плясали белые огоньки, словно снежинки. Маг забыл сейчас обо всём, он видел лишь открытый бок врага и знал, что лезвие должно найти цель.

В спины им дохнуло тёплым, словно неслышно подступил исполинский конь, дружелюбно фыркнул; ветка по-прежнему горела в руке Меганы, а та, забыв обо всём, хлестала и хлестала ею, куда придётся, не разжимая челюстей. Языка коснулась холодная, словно у змеи, кровь, волной накатила дурнота; но все четыре клыка новообращённой полувампириши лишь впились ещё глубже.

Спаситель наконец оторвал от себя волшебницу — хитон на плече разодран, из четырёх аккуратных проколов на шее течёт нечеловечески яркая кровь, больше похожая на краску. Лицо оставалось почти спокойным, только уголки губ опустились да хищно сощурились глаза. Кинжал Анэто он отбил мягким, неразличимым движением, от удара в спину маг увернулся каким-то

чудом — а то бы лететь ему с золотой лестницы вниз, вслед за воином в чёрных доспехах.

...Они помогли друг другу подняться, Анэто и Мегана, дрожащие, едва удерживаясь на ногах. Казалось, все чувства исчезли, осталась одна лишь боль. Маг лишился кинжала, платье на боках Меганы разорвалось, на лопнувшей, покрасневшей, как от ожога, коже отпечатались ладони Спасителя. А он всё никак не спешил обойти двух отчаянно цепляющихся друг за друга людей, всё чего-то ждал, медлил, как будто Ему отчего-то никак невозможно было оставить их за спиной или сбросить в бездну одним мановением посоха, как он уже поступил с первым противником.

А в руке Меганы так и осталась гореть сосновая ветка, гореть ровным и чистым огнём, пламенем самой природы, порождающей и сжигающей, одинаково доброй ко всем своим детям.

— Что... делать... Мег? — прохрипел Анэто. Маг лихорадочно перебирал в памяти подходящие заклятья — и ничего не мог найти.

Вместо ответа чародейка провела пальцами по обнажившемуся боку — подушечки окрасились алым. Тяжёлая капля сорвалась с длинного и по-вампирии острого ноготка, полетела вниз, коснулась золотой ступени... и сияние погасло, по гладкой, сверкающей поверхности стремительно расплзлось тёмное пятно.

Спаситель бросил быстрый взгляд вниз. И — подхватив посох наперевес, угрожающе надвинулся на мага и волшебницу.

— Заклятья его не остановят... — прошептал Анэто.

— Да. Но я знаю, *что* остановит, — отозвалась Мегана. — Держи меня. Обними крепче. Ещё крепче! Ещё!

— Мы отрекаемся от тебя, — бросила она в лицо врагу. — Возьми наши жизни, изорви в клочья наши души, но Эвиала тебе не видать. За нами придут другие. Те, кто хочет жить, а не каяться, любить, а не подсчитывать грехи, дышать полной грудью, а не гото-

виться всю жизнь к твоему «справедливому суду». Думаешь, мы не понимаем, почему ты так возишься тут с нами? Тебе недостаточно просто убить нас. Ты сделал бы это легко. Тебе надо нас раздавить, поразить ужасом, чтобы мы содрогнулись от ожидающей нас участи, да? Ну, признайся, мы ведь уже никому не успеем рассказать...

Спаситель оказался совсем рядом, посох нацелился Мегане в сердце. Чародейка со змеиной ловкостью увернулась, Анэто ответил ледяной стрелой, разбившейся о грудь Спасителя, так, что тот слегка пошатнулся и отступил на полшага. Лишь на полшага, но Мегане хватило, чтобы вновь повиснуть у него на плечах, рвя, кусая и терзая ему шею.

И вновь её отбросили; на сей раз Анэто в последний момент поймал волшебницу на самом краю золотой лестницы.

— Кажется, ребро... — простила Мегана. Дышала она тяжело, с хрипом. — Больно как...

— Держись, Мег, держись. — Анэто подхватил её под мышки, отступил на две ступени. Спаситель надвигался медленно и неотвратно, словно сама смерть.

Бессмысленные слова любимого. Что значит «держаться»? Чем, как, за что?

— Друг за друга, — словно услышал её Анэто. Маг был очень бледен, но кровь по лицу больше не струилась. Мегана ощутила, как чародей собирает силы, плетёт какое-то заклинание, — и уже знала, что это бесполезно.

Пустота вберёт в себя всё. И останется пустотой. Это не банальная яма, которую можно заполнить.

Чёрные пятна, оставшиеся от капель её крови на золотых ступенях.

Магия крови, сила жертвоприношения, чего всегда избегали маги как Ордоса, так и Волшебного Двора и чем не брезговали инквизиторы — знали кошки, чьё мясо съели.

— Ан... не стоит... — взглянула ему в глаза. Как же не хочется уходить... и как хочется верить, что там, за неведомым порогом, они вновь встретятся.

...Он таки ударил, неисправимый упрямец, и вновь Спаситель лишь покачулся. Жёлтое пламя в его глазах сделалось чуть ярче, он наступал, чуть ли не грудью отталкивая их вниз, словно норовя насладиться их беспомощностью и отчаянием, словно ему было так важно увидеть их сломленными, понявшими, что они — никто и ничто, прах, бессильный что-либо изменить.

...И вновь они прижимались друг к другу, шаг за шагом отступая, глядя в нечеловеческие глаза прикинувшейся человеком силы, шатающиеся, израненные, в изорванной, местами прожжённой одежде. Клыки Меганы втянулись, вампирство, оказывается, тоже требовало сил, а холодная кровь Спасителя — одна видимость — не могла напитать.

...Мегану осенило внезапно, когда уже почти угасла надежда.

— Ступени, — одними губами произнесла Мегана. — Вдвоём. Понимаешь?

— Понимаю. Не боишься?

— Боюсь, — призналась она. — Но с тобой — меньше.

— Видишь, как оно обернулось... прости меня, Мег, если можешь.

— О чём ты? Я счастлива. Драться бок о бок с моим мужчиной и знать, что он не отступит ни перед кем, даже Спасителем?.. Ну, так каким заклятьем?

— Может, — Анэто невольно вздрогнул, — прямым крестом? Средство старое и жуткое...

— Нет, не надо. — Мегана облизнула губы. — Только держи меня крепче, Ан, держи крепче!

В жёлтых глазах Спасителя мелькнуло нечто вроде лёгкого беспокойства. Посох взлетел, на сей раз готовый смести дерзких, покончить с нелепым спектаклем раз и навсегда, но...

Мегана выдернула из-за пазухи давно ожидавшуюся своего часа виалу с огневеющей кровью самого Спасителя.

Высоко подняла, издевательски усмехаясь прямо в заполненные жёлтым пламенем очи.

— Ты не можешь без этого, незванный гость. Вот и посмотрим сейчас, есть ли хоть доля правды в твоих священных книгах, или эта «кровь» — всего лишь приправленная магией видимость.

Спаситель замер, впившись в чародейку огнистым взором. Заколебался? Почувствовал неуверенность? В самом деле, от Его имени столько вещалось о претерпленных Им мучках, о Его кровавых слезах, истинных слезах и истинно кровавых — что, быть может, Он не рискнул обратить всё подделкой?

Мегана рывком выдернула пробку, скорее, пока не вмешался вопящий от ужаса рассудок, вскинула склянницу к губам.

Ледяной холод, а вовсе не огонь, чего она ожидала. Ледяной холод и великая сила, растекающаяся по телу. Этой плоти оставалось жить считанные мгновения, ничто тварное не выдержит «частицы Спасителя».

— Выходит, не врал ты...

Соединялось несоединимое. Человеческая кровь, живая и тёплая, солёная, как породившее жизнь море, — с иноматериальной, состоящей лишь из магии, «кровью Спасителя». Людское и явившееся извне — они схватились в ещё одной битве, из бесконечного ряда бесчисленных сражений, что идут в Упорядоченном с того самого момента, как пробудилось сознание первых людей, а другие сущности поняли, какой лакомой добычей может сделаться исторгнутая из тела душа.

Анэто почти вырвал виалу у Мег, залпом опрокинул в себя остатки алой крови. Им оставалось последнее.

— Эсперо! — в два голоса выкрикнули Анэто и Мегана.

Эсперо. Древние чары, занесённые во все магические книги под рубрикой «запретное». Слово, сочетающееся с жестом и мыслью, подкреплённое верой и решимостью, настоящей, непреклонной.

— А-аххх... — горестно выдохнул им в спины невидимый старый конь — Эвиал.

Его тёплое дыхание коснулось их спин, мягко обволакивая раны, словно лучшее целительное снадобье. Оно не могло утишить боль или уменьшить страдание, оно лишь показывало — я с вами, дорогие мои дети. До самого конца, так что ваша мука — и моя тоже.

Стремительные огненные змейки помчались от сердца по жилам, проникая в самые мелкие их ответвления, и кровь становилась пламенем, таким же чистым, как и две души, его породившие. Сгорал ядовитый лёд Спасителя, сгорали их «грехи», подлинные и мнимые, оставалось лишь одно — Эвиал и то, что они умирают за него и других, деливших с ними одно небо, одно море и один воздух.

Жилы раскрывались, выпуская пламя на свободу. Ещё в самых древних алхимических трактатах утверждалось о могуществе «соединённого несоединимого»; именно это сейчас и разрывало на части два простых человеческих тела, завершивших свой путь и исполнивших долг.

Анэто и Мегана ещё держались на ногах, но поток крови уже вырвался из их тел, хлынул, окатив Спасителя с ног до головы, и его отполированный посох тотчас вспыхнул.

— Проклинаю... — ещё успела произнести Мегана.

Золотые ступени стремительно чернели, так же, как и хитон Спасителя. Угасало сияние, поверхность покрывалась дырами, словно тут работала целая армия грызунов. Лестница начала разваливаться, рассыпаться тёмной пылью, и Спасителю пришлось подняться сперва на одну ступень, потом — ещё и ещё. Куда стремительнее таяла та часть золотого пути, что вела к Арки-

ну; мощь самого Спасителя останавливала заклинание у него под ногами. Но впереди золото обращалось в прах, и проложенная Им для самого себя дорога погибала.

— Ан... — простонала Мегана. Боль уже почти погасила зрение. Но прежде чем двое обнявшихся любовников рухнули в разверзшуюся пропасть, они увидели, как стремительно исчезают золотые ступени за их спинами. Пути для Спасителя больше не существовало, и сам он пятился, а с плеч у него лоскутьями сваливался сгоревший хитон; а в глазах, показалось Мегане, во вновь ставших почти человеческими, глазах мелькнуло нечто... нечто человеческое же. Хозяйке Волшебного Двора очень хотелось бы верить, что это «человеческое» — есть хотя бы страх, если уж не настоящий ужас.

...Маг и волшебница низринулись вниз, не разжимая рук. Их веки смежились, на губах замерла счастливая улыбка. Им удалось, поверили они.

Следом, кружась и медленно угасая, падала та самая сосновая ветвь.

Эвиал принял их в тёмную длань уцелевшего леса, схоронил изломанные, потерявшие человеческий вид тела, и там, где маг и волшебница коснулись лохматой сырой земли, из-под камней в тот же миг ударили два родника, чьи воды, бурля и пузырясь, слились в небольшой, но упрямый ручёёк.

А горящая ветка коснулась земли, и пламя тотчас угасло. Вода из двух смешавшихся ключей омыла её, и чернота стала исчезать, как по волшебству; ещё миг — и ветка пустила корни, выбросила вверх первый побег.

Если устоит сам Эвиал, то укорениться и этой сосне, стать праматерью славного племени. А если нет — то сгнать, молча и гордо, до последнего удерживая корнями рассыпающуюся землю.

Ракот со стоном приподнялся на локте. Хорошо быть богом, невольно подумал он. Мне — хорошо, а тем двоим...

Брат Хедина видел всё, до последнего мгновения. Перед ним, в десятке шагов, из-под камней выбивались два ключа, окружённые чистыми камнями. Ни крови, ни костей, ни останков — кровь Анэто и Мегана отдали всю, а всё прочее вобрала в себя милосердная земля.

— Да будет так, — сумрачно проговорил Владыка Тьмы. — Пусть эти ключи текут здесь вечно, что бы ни случилось. Разольётся ли новое море или воздвигнутся горы — вы не иссякнете, и магия ваша не истончится. Путник найдёт тут покой и отдохновение, и вас будут помнить по именам очень, очень долго — уж об этом я позабочусь.

Он поднял голову — золотая лестница таяла, её нижней части не существовало, и Спасителю пришлось отступить далеко назад; но сейчас Он уже вновь стоял крепко, прочно и больше пятиться не собирался. Ему отрезали одну дорогу, его собственную; но кто сказал, что такая сущность не отыщет обходных путей?

Ракот больше не тратил времени, просто воспарил над истерзанном лесом, в самом сердце которого появился островок тишины и покоя — вокруг двух новых источников.

Новый Бог, названный брат Хедина, не мог ни повернуть назад, ни отступить. Двое пожертвовали собой, чтобы жил их мир, их Эвиал, — так как же мог Владыка Тьмы дать их крови пропасть втуне?

...Спаситель выглядел неважно. Посох его обуглился, хитон превратился в лохмотья, едва прикрывавшие наготу, по груди и рукам расплзлись пятна обширных ожогов, борода и усы сгорели, скорбный лик мудрого и всепрощающего божества обернулся свирепой и кро-

вожадной маской. Почти выжгло один глаз, второй смотрел мутно и куда-то в сторону.

— Потрепало тебя, — с насмешливой яростью бросил Ракот. — Что, не нравится, когда против тебя люди выходят? Настоящие люди, с горячей кровью, готовые умирать, чтобы жили другие? По морде твоей вижу, что не нравится. Ну, ничего, теперь и я ещё постараюсь добавить. Видишь, от меня ведь не так просто избавиться.

Спаситель по-прежнему не отвечал. Но на Ракота смотрел уже совсем по-другому.

Чёрные доспехи Ракота покрывали грязь и вмятины, на рассечённом лбу запеклась кровь; однако отступить он и не думал.

Зов брата, Хедина, Познавшего Тьму, настиг его на самой середине заклатья. Зов, пробивающийся сквозь все преграды и барьеры, попирающий сам Закон Равновесия, зов, не откликнуться на который Ракот не мог.

— Ко мне, брат, ко мне!

Ракот знал, куда означало это «ко мне». Видел остров в далёком океане, услышал его название — Утонувший Краб. И понял, что надо спешить, так спешить, как никогда в жизни.

— Ну что, Спаситель, последуешь за мной? Негоже прекращать такой славный поединок! А меня зовёт мой брат, и я не могу остаться. Идёшь ли ты? Или...

Спаситель безмолвно склонил голову. Сквозь запекшуюся кровь в глазнице пробивалось яростное жёлтое пламя.

Внизу мирно бурлили два ключа, их воды, сливаясь, омывали корни молодой сосенки.

И, словно очнувшись от спячки, принялся поспешно светлеть восточный горизонт. Казавшаяся бесконечной ночь кончилась.

Глава двенадцатая

— Утонувший Краб, мой добрый Динтра. Всё, как просили. — Архимаг Игнациус шутовски-преувеличенно поклонился старому целителю. Читающий, вновь принявший свой обычный облик — размытой тени, — молча плыл за ними следом.

Торная дорога кончилась. А ведь такое только я в Долине и могу, не без самодовольства подумал Игнациус. Открывать тонкие пути в любом мире, в любое место, по одной лишь допотопной карте... они — не сдюжили бы, все эти молодые заносчивые глупцы в чёрной коже с серебряными заклёпками или что там у них сейчас в моде.

Двое магов и их диковинный спутник стояли на краю прибрежного пляжа, в полосе густой растительности. Дюны покрывал высокий шелестящий кустарник, неведомо как ухитрявшийся расти на голом песке, корни вонзались в желтовато-белые волны, словно змеи в добычу. Жёсткие и кожистые листья, наверное, способны были удерживать влагу на случай продолжительных засух, колючки... гм, спишем на издержки здешней эволюции.

— Утонувший Краб, — повторил Игнациус, искоса наблюдая за толстым лекарем. — Мы на месте, милейший друг мой. Куда вам было б желательно попасть теперь?

Динтра шутливового тона не принял.

— В глубь острова, где можно увидеть хоть что-нибудь кроме пляжа да кустов. — В его голосе прорезалось раздражение.

— Может, сперва попросим вашего спутника поведать, нет ли каких-либо насторожённых заклятий, уловлять таких вот незваных гостей, как мы?

Динтра ничего не ответил, просто повернулся к сво-

ему призрачному приятелю. Некоторое время длился беззвучный диалог, после чего целитель заговорил вновь:

— Заклятья есть. Сторожевые, дозорные, обездвиживающие. Всё, что угодно. Здесь нет часовых, тут уповают на магию.

— Ничего лучше и пожелать нельзя, — потёр руки Игнациус. — Не в моём, да и не в вашем, уважаемый Динтра, возрасте горными козлами сказать по рвам, эскарпам, горжам и бастиянам.

— Не в нашем, — коротко кивнул лекарь. — Будем осторожно снимать?

— Снимать? — демонстративно поморщился Игнациус. — О чём вы, любезный друг? Я просто открою ещё одни ворота. Конечно, малые расстояния по тонким путям пройти куда труднее, чем большие, но я уж постараюсь. Скажите мне лучше, как далеко от берега тянется пояс охранной магии?

— Пол-лиги, — после недолгого и беззвучного совещания с Читающим.

— Молодцы, — недовольно буркнул Игнациус. — Пол-лиги! Случилось мне однажды прогуливаться возле одной приморской крепости, так её хозяйева, как сейчас помню, протянули сети аж на полста лиг в океан! А на берегу — так до самых стен и даже дальше. Правда, им это всё равно не помогло, крепость я тогда взял...

— Кто бы сомневался, мессир, — не без ехидства заметил Динтра.

— Вы-то не сомневаетесь, друг мой, а вот молодёжи всё сам покажи, расскажи да дай попробовать. Упадок нравов, что ни говори! — Игнациус с наигранным отчаянием воздел руки.

Сколько ещё мне придётся тянуть этот мерзкий спектакль?! Когда я наконец вскрою этого лекаришку от паха до подбородка, когда пойму, кто он такой и кому служит?!. Стоп, сударь мой Архимаг, стоп. Ты добился всего, чего добился, только и исключительно по-

тому, что знал, когда следует терять терпение. Сейчас ещё не время.

— Тут совсем недалеко — скалы, — ещё молча посоветовавшись с Читающим, объявил Динтра. — Если перебираться, то уж сразу за них.

— Нет ничего проще, — расшаркался Игнациус. — И всё-таки, любезный друг, что такого ужасного вы нашли на этом островке? Место как место, ничего особенного. Да, некие маги тут укрепились. Но вас ли этим удивить?

— Думаю, меня уже ничем не удивить, вы правы, мессир. А ужасное на Утонувшем Крабе не здесь. Дальше, за скалами и, как водится, под землёй.

— Очень мило. А какой-нибудь порт здесь есть? Город?..

— Гостиница с миленькими служаночками? — усмехнувшись, закончил Динтра.

— Что-то вы последнее время уж больно колючи, друг мой. Да, я люблю миленьких служаночек, этих простых девушек из народа. Я уже немолод, любезный Динтра, и холодные постели нахожу весьма бесполезными для своего здоровья. А оно мне, видите ли, дорого, как я уже имел честь не раз объяснять. Ладно, желаете за скалы — открою дорогу туда. Постараюсь найти место позакрытее, навроде этого...

...И почему принято считать, что собой гордиться — это плохо? Заклятье легло идеально, стежок к стежку, линия к линии. Перенос — почти без эха, если кто и следит за тем, что творится не на побережье, а сразу за скалами, то останется с носом.

— Посмотрим, посмотрим, что тут за очередная «цитадель зла», — приговаривал Игнациус, осторожно раздвигая ветви, — они вновь очутились в самом сердце зарослей. На удивление безмолвных и безжизненных, словно и не было тут ни птиц, ни мелких зверюшек, ни даже насекомых. Никто не вспархивал из-под ног, никто не удирал без оглядки и никто не копошился в траве.

Мессира Архимага, впрочем, это не волновало. Зверьё отлично чувствует скопление силы и, как правило, стремится убраться подобра-поздорову. В том числе и оттого, что понимает — такое сокровище рано или поздно отыщут двуногие, и тогда жди беды. Разорят гнёзда, разроют норы, выкурят из логовищ, детёнышей отправят на мелкие алтари, взрослых просто перебьют.

Он уже почти не сомневался, что именно откроется за полосой зарослей. Игнациус привык доверять чутью мага куда больше, чем простому человеческому зрению; но сейчас, стоя в полушаге от величайшей своей победы, так хотелось... наверное, лишний раз убедиться. Посмаковать.

Чародей осторожно отвлёл от лица колючую и жёсткую ветвь, словно распахивая окно — в мир, созданный по его правилам.

Остров со странным названием Утонувший Краб, по меркам Эвиала, считался немалым: три дня пути с севера на юг, два — с востока на запад. Окружённый сплошным кольцом отвесных скал, выставивших зубы сразу за прибрежными дюнами и неширокой полоской леса. А вот за скалами...

Молодцы, нечего сказать, подумал Игнациус, оглядывая открывшуюся ему картину. Славно потрудились. Со времён моего последнего визита многое изменилось. Великая работа закончена. И уже не один год как приносит полновесные плоды.

От чародея с трёхтысячелетним опытом нет смысла прятать могущественные магические артефакты или скопленные огромные запасы мощи — они сами позовут его, сами выберут достойного ими распоряжаться. Немногие чародеи доживают до понимания сего не-сложного правила и оттого столько времени и сил тратят на сокрытие плодов своего труда — напрасные попытки, когда имеешь дело с ним, Игнациусом. Что-то мелкое от него спрятать, конечно, можно, в конце кон-

цов, он не всемоушен. Но нечто по-настоящему крупное — никогда.

— Кажется, многое проясняется, не так ли, дорогой друг? — невозмутимо осведомился Игнациус у молчаливого и насупленного Динтры.

— Да, мессир, — помедлив, отозвался тот. — Много проясняется. Не скажу, что всё, но и впрямь многое.

— Тогда командуйте, любезный мой целитель. — Игнациус развёл руками. — Вы стремились сюда. Мы на месте. Что дальше?

— А разве вы не знаете, мессир?

— Я-то? Простите, мой дорогой, но это ваша идея. Вам и решать. Хотя на вашем бы месте я воздержался от любых... необратимых поступков. Слишком хрупок баланс этого места. Если мы ударим, скорлупа Эвиала может не выдержать, скованное и пленённое здесь вырвется на свободу. А это, как вы понимаете, — бедствия, поистине неопиcуемые, не для одного мира, но для сотни, если не тысячи.

Динтра не ответил, и Игнациуса вдруг кольнуло внезапное беспокойство — целителю полагалось сейчас яриться, размахивать короткими ручками и требовать положить *этому* конец, положить немедленно и сейчас же, а он лишь молчал да, прищурившись, обозревал им открывшееся.

— Совершенно необязательно лупить по «скорлупе», как выразились вы, мессир, со всей силы кузнечным молотом.

— Динтра, не стоит тягаться со мной в многомудрых отвлечённых фразах, лекции нашим дорогим студияозам я читаю куда дольше вашего, — раздражённо бросил Игнациус. — Скажите чётко и ясно, что вы от меня хотите? Сжечь это место? Затопить? Устроить извержение вулкана?

— Ну вот, мессир, а говорите — не надо отвлечённых

фраз. Всё, вами предложенное, — это ж и есть тот самый молот. И вы это прекрасно понимаете.

— Всё, я умываю руки. — Раздражение Игнациуса сделалось непритворным. Ну, или почти непритворным. — Делайте что хотите, Динтра. А я посмотрю.

— В таком случае, мессир, позвольте покорнейше просить вас сопроводить меня к во-он тем скалам, примерно в паре лиг от нас к югу. Нет-нет, пойдём пешком, никаких больше перемещений тонкими путями. Здесь нас уже почуют, несмотря на всё ваше искусство и скрытность.

— Вон к тем скалам... — проворчал Игнациус, плотнее запахивая плащ, чтобы поменьше цеплялся за колючки. — Вам, Динтра, разумеется, требуются не скалы, а то маленькое строеньеце, что перед ними? И вход, так напоминающий устье катакомб?

— Вы, мессир, сегодня сама проникательность.

Игнациус сдержал гнев. Пусть говорит. Я уже заставил его действовать. Ясно как день — Динтра вполне представляет, с чем мы здесь столкнулись. Или бывал здесь сам... или кто-то ему рассказал. И вот этот *кто-то* меня чрезвычайно интересуется.

Пришлось тащиться, пробираясь сквозь ошетилившуюся острыми шипами чашу, вдоль самых скал. Игнациус не сомневался, что каждое дерево и каждый куст здесь — самые настоящие мастера по втыканию игл в живую добычу: мессир Архимаг постоянно ойкал, шипел и дёргался, то и дело натываясь на очень некстати подворачивающиеся ветки.

Ну ничего, вы и за это мне тоже ответите, мысленно посулил он. Когда надобность в вас отпадёт — ох, и устрою ж я тут фейерверк! Пусть даже для единственного зрителя — самого себя.

Понятно, почему Динтра даже не смотрит вправо. И не говорит. Лекаришке, пусть и пошедшему на службу к кому-то очень могущественному, с лежащим там не справиться. Вот и делает вид, что игнорирует, — что

ему ещё остаётся? И понятно, отчего его заинтересовали те дальние скалы, — даже отсюда хорошо видна чёрная дыра входа в подземелье, вблизи, наверное, это покажется и вовсе грандиозным. А он, Игнациус, ощущает и слабые магические вибрации, доносящиеся оттуда, и, похоже, уже знает, с чем это связано. И с чем, и с кем.

А пока что приходится пробираться колючими зарослями, оставляя на шипах обрывки плаща.

* * *

— Утонувший Краб, кирия Клара. — Капитан орков не обернулся, пристально глядя на поднимавшиеся из воды скалы. Воды вокруг проклятого острова были пустынные, «длинные» не встретили ни единой чёрно-зелёной галеры. Исчезли, однако, и морские птицы, на побережье даже не оказалось чаек.

Клара Хюммель молча кивнула. Она почти висела над кипящей под носом драккара волной, обхватив резную шею морского страшилища, и до рези в глазах вглядывалась в смутные очертания неведомой земли.

Это здесь, говорило всё естество боевого мага. Это здесь, подсказывал богатый опыт. Чёрная завеса, разделившая мир, — ключи к ней спрятаны именно здесь, за кольцом невысоких скал.

Странно — ни стражи, ни охранных флотилий, словно хозяевам острова было совершенно всё равно, кто шастает по омывающим его водам. Где боевые башни, где дозорные галеры? Где укреплённые порты? Остров немал, но пустынен и не прокормит много ртов, сюда должны вереницей тащиться пузатые купеческие каравеллы — а корабли Уртханга не встретили ни одной. За скалами тоже ничего не видно, хотя драккары, пренебрегая осторожностью, подошли почти к самому берегу.

Сторожевые и охранные заклинания? Быть может. Однако лишь на магию опирается только глупец — Кларе уже приходилось сталкиваться с такими, под другими солнцами и в других мирах.

— Где станем высаживаться, кирия?

Ночь никак не окончится, спокойное и пустынное море, с «длинных» виден пляж с неспешным прибоем... Идиллия. Разумеется, это обман. В лесу за полосой дюн наверняка скрыта засада, скалы таят в себе замаскированные гнёзда мощных катапульта и баллист, и хорошо, если только их.

— Тебе совсем необязательно следовать за мной, капитан, — вдруг бросила Клара, поддавшись внезапному порыву. Слишком уж мирен этот берег, слишком спокоен. Слишком смахивает на западню. А что смогут сделать храбрые, но простые орки против настоящего чародейства? — Я бы отправилась с моим отрядом, право слово. Это не урон вашей чести! — поспешно добавила она, видя, как набычился предводитель вольной дружины. — Это...

— Это трусость! — рявкнул Уртханг. — Мы — орки, и мы пойдём до конца. Ты думаешь, кирия, мы не чуем того зла, что за скалами? Чуем, и ещё как! Вся грязь, вся накипь, все подонки Эвиала — там, впереди. Их сюда стягивали специально, невесть сколько годков — а ты говоришь нам «оставайтесь на палубах»?! Ни один из моих тебя не послушает, и прав будет. Такой бой один раз в жизни выпадает, и даже кто голову сложит — падёт с великой славой, песни о нём петь станут, баллады слагать! А ты говоришь — «необязательно следовать». Нет уж, мы последуем. Вот только бы где проход в этих утёсах отыскать... — добавил он уже задумчиво, не гневно.

— Обходить остров, что тут ещё поделаешь, — подал голос кормчий Дарграт.

— Не надо ничего обходить. Я сама всё сделаю, — вызвалась вдруг Тави. — Путь найти — этому у Вольных учили круто. Да и наставник мой тоже руку приложил.

Клара промолчала. Конечно, можно проделать это

самой, но зачем лишать мельнику удовольствия быть нужной?

...Проход в скалах отыскался, и даже не слишком далеко — на самой северной оконечности острова. «Длинные», не таясь, скользили по спокойному морю, и Дарграт даже стал ворчать — «нам бы сейчас хоть завалившего туману...»

— Туман я соберу, — пообещала Клара.

Заклятье она плела очень осторожно, упрятывая его, насколько возможно, — пусть на Утонувшем Крабе поломают головы, естественным путём появилась здесь мгла над волнами или нет. А пока станут ломать, мы окажемся уже у цели.

...— Башня! Башня! — вдруг зашептались орки, и Клара приподнялась с покрытой плащом скамьи. Ей казалось — она едва преклонила голову, а флотилия, оказывается, уже на месте.

Впереди, на чуть выдавшемся вперёд мысу, и впрямь возвышалась башня, белая, словно выпиленная из огромного куска сахара. Увенчанная короной из пяти острых рогов, она не имела ни одного окна или бойницы — во всяком случае, никто из наблюдателей, проглядев все глаза, так ничего и не заметил. За мысом лежала узкая и вытянутая к югу бухта; стены скал размыкались, пропуская морской язык в глубь загадочного острова.

Однако и тут драккары не встретили ни одного чужого судна. Громада башни немо застыла, прочертив чёрное небо, отразившись в спокойных водах океана; ни флагов над ней, ни выпелов. Между зубцами на самой верхотуре тоже никого.

— Вымерли они тут все, что ли? — сквозь зубы пробормотал Уртханг.

— Башня пуста, — заметил Бельт, пристально проглядев на исполинское строение. — Не знаю, есть ли на ней какие чары, но никого живого тут нет.

— А неживого? — Клара припомнила жутких воинов Империи Клешной.

— Неживого тоже, — проговорил Кицум. Клоун казался донельзя озабоченным, хмурил лоб, смотрел то на небо, то на волны; Утонувшего Краба и белой башни он словно бы и не замечал. — И не могу сказать, что мне это нравится.

— Но, господин, — почтительно поклонился Бельт. — Разве не можете вы сказать, куда и почему исчезли...

— Не могу! — резко и зло оборвал старого некроманта Кицум. — Если б ты знал, Бельт, как я сам от этого устал, — добавил он немного погодя, уже существенно мягче. — Знать — и не иметь возможности поделиться. Чувствовать, как подступает удушающий барьер, за которым — горящие миры, прорывы козлоногих и иные, неведомые никому бедствия. Если б ты знал, как я хочу выдернуть свою петельку, лихо присвистнуть и пойти сносить головы, как прежде!.. Я с наслаждением вспоминаю, как мы дрались с Сильвией. Потому что тогда мне на шею ещё не накинули удавку.

— Кто накинуд? Какую удавку? — разом выпалили Клара и Тави. Ниакрис промолчала, лишь загадочно улыбнувшись, Райна же, не произнеся ни слова, шагнула к клоуну, положила руку ему на плечо, открыто и строго взглянула в глаза.

— Я знаю, о чём твоя скорбь, великий. Знать — и не мочь. Видеть беду — и не иметь права предупредить о ней, чтобы, согласно принципу меньшего зла, не вызвать нечто куда более ужасное. Быть может, ты ведёшь нас на смерть, великий. Не сомневайся, мы готовы. Я, во всяком случае. — Валькирия окинула товарищей гордо пламенеющим взглядом. — Мне уже доводилось проходить через подобное. Давным-давно, так давно, что даже ты, великий, наверное, не помнишь. Боргильдова битва...

— Я — не помню, — кивнул Кицум. — Но послав-

шее меня — оно помнит. Оно помнит всё случившееся и знает, к чему привело бы неслучившееся.

— После той битвы я отреклась от себя, — продолжала валькирия. — Мои сёстры пали. Я уцелела одна...¹ И решила, что забуду прошлое. Что стану жить просто наперекор моим врагам. Что дождусь дня, когда падут их высокие престолы. Я дождалась. Престолы пали, но в жизни моей ничего не изменилось. В ней не появился смысл, как я по наивности надеялась. Спасибо тебе, кирия Клара, спасибо тебе, великий, — вы вернули мне надежду. Надежду, что я умру, сражаясь за истинно правое дело. Я хорошо помню Мекамп и Агранну, кирия. Помню наш общий разговор и вашу клятву. Вы её исполнили. Дальнейшее — не в ваших руках, но в наших мечях. Правильно я сказала, братья и сёстры?

— Правильно. — Глаза Тави блестели. — Когда я покидала Мельин, то не знала ни пути, ни цели. Сейчас путь пройден, а цель перед нами. Осталось только показать всё, на что мы способны. Кирия Клара, доблестная Райна — мы втроём стояли на холме, окружённые козлоногими, но остановили их. Да, если б не жертва моего учителя, не знаю, как кончилось бы дело, — но уверена, что без наших мечей и его подвиг бы остался напрасным. Я готова идти до самого конца. И, даже если моя дорога пресечётся, кирия, я умру со спокойным сердцем. Благословляя тебя.

Клара опустила голову, щёки её нестерпимо горели.

Как они верят в неё. Как верят!.. И она не может, не имеет права подвести друзей. Нет уж, пусть *она* погибнет в грядущей схватке. Она, а не Райна, Тави, Никарис или её отец. Пусть они выживут, вдруг горячо взмолилась она. Пусть все они останутся живы, а я, пусть я уйду.

— Хорош словесами-то горячими перекидываться, — пробурчал тем временем капитан Уртханг. — Не-

---

¹ Райна не права. Очевидно, она не знает о спасении Старого Хрофта.

чего допрежд боя высокопарно выражаться и красивые позы принимать. Драться почнём — тогда всё и решится. А тебе, кирия Клара, я тоже спасибо скажу. От всех моих молодцов. Добыча такая, что все Волчьи острова завистью изойдут, но да не в этом дело. Как тут благородная Райна рекла — за правое дело сражаемся, мол. Мы, свободные орки, в том никогда не сомневались, иначе прозвание б нам было совсем иное, и звались бы мы обычными пиратами, каких хватает в том же Кинте Дальнем. Мы на штурм за тобою пойдём со всей готовностью и желанием, даже и не сомневайся. Назад никто не повернёт. Покажем тутошним, что такое орочья сталь! Покажем, молодцы?

— Покажем! — дружно взревели орки, потрясая разномастным оружием.

— Вот и ладно. А теперь все к вёслам, брони вздеть, щиты поднять! Лучники и прашники — вперёд! Я нутром своим орочьим чую — неспроста эта белая штукавина пустой стоит. Не иначе как заманивают нас, кирия Клара.

Чародейка лишь молча кивнула. Она думала о том же самом. Вход не может не охраняться. С исполинской башни не могли просто так исчезнуть наблюдатели и сторожа. А впереди...

— Ой-гой! — Вперёдсмотрящий резко взмахнул рукой. — Вижу пирсы! Пустые! Никого нет!

— Сам вижу, что никого нет, — проворчал Уртханг, кладя зеленокожую лапищу на рукоять кривой широкой сабли. — Оно-то меня и пугает, аж поджилки, так их и растак, трясутся! Не знаю, куда от стыда деваться, кирия. Прямиком ведь в западню лезем.

Клара молчала, до хруста стиснув зубы. Орк был прав, кругом прав. Если бы восемь «длинных» с боем пробивались к заветной бухте, шли на абордаж, перебрасывались с чёрно-зелёными галерами зажигательными стрелами — она бы поняла. И, если честно, то бы и не беспокоилась. А сейчас...

Драккары медленно пробирались узким проходом. Клара ошиблась — это была не бухта, а скорее канал, созданный самой природой. Впереди — разрыв в скальном обруче, серые склоны взметнулись острыми вершинами, словно поставленные лезвием вверх ножи. У подножия теснятся купы деревьев, обычные для южных побережий длиннохвойные кедр, подножия увиты плющом. Берега нетронуты, нет даже лодочных подмо-стков; а впереди возле самой воды клубится туман. Не очень густой и вроде даже не магический, в отличие от укрывавшего корабли капитана Уртханга.

Драккары миновали каменное горло пролива, за скалистой грядой лежал ещё один неширокий зелёный пояс; носы с гордо взнесёнными волчьими, кабаньими и медвежьими мордами резали сгустившуюся мглу, впереди стали проступать очертания берега.

И — пирамид.

Каменные пирсы небольшого порта, кое-где из неподвижной воды торчат сваи. «Длинные» едва крадутся, лишь чуть-чуть перебирая вёслами, каждый миг ожидая вражьей стрелы или ядра из спрятанной катапульты. Но на дерзких никто не обращает внимания, весь остров словно вымер.

Драккар капитана Уртханга первым подошёл к сомкнувшемуся вокруг бухты каменному обручу набережной. С грохотом упал штурмовой мостик, стальные зубья высекли снопы искр, плиты пирса потрескались. Без обычного боевого рёва орки перебежали на берег, прикрывшись щитами и выставив копья, словно подражая гномам.

В полусотне шагов от воды начинались пирамиды. Бесконечные ряды пирамид, протянувшиеся в обе стороны. Ступенчатые, с ведущими к вершине многомаршевыми лестницами. Возле подножий выстроились статуи — обращённые жуткими мордами к морю чудовища, с разинутыми пастьми, угрожающе вытянутыми лапищами, где неведомые скульпторы не поленились изобразить во всех деталях когти, подобные настоящим

саблям. Чаще всего попадались изображения огромного дуотта, шестирукого великана с мечами, скребками и чашами, а также крылатой твари, изогнувшей позвоночнику шею и оскалившей зубы.

Все бестии тупо пялились пустыми глазницами в сторону бухты и моря. Земля между пирсами и пирамидами оказалась вся вымощена, здесь не допускалось ни единой травинки, между плитами не влезло бы и острие самого тонкого ножа, настолько плотно их пригнали друг к другу.

Кое-где на высоких ступенях пирамиды горели огни в широких чашах на треножниках; но возле них — никого. Пусто, тихо, мрачно, только чуть слышно подывает ветер, словно скорбя о чём-то.

Все восемь «длинных» без помех высадили отряд Урthanга на пирсы Утонувшего Краба. Такого не случилось ещё никогда — вваливаться во вражью столицу с парадного хода, и — никого не встретить? Где армии неживых зомби с косами сиреновой стали, в ало-зелёных шипастых доспехах? Где боевые башни, готовые засыпать дерзких налётчиков ядрами и копьями, залить жидким огнём?

Орки быстро и ловко построились тремя клиньями, впереди щитоносцы и копейщики, стрелки — в середине. Клара со спутниками и Урthanг пошли с центральным отрядом, нацелившимся прямо на проход между двумя ступенчатыми пирамидами.

Капитан махнул рукой своим, и несколько орков, таща внушительные мотки верёвок, пригибаясь, бросились к ближайшим строениям.

— Внутрь лезть не станем, а вот наверх подняться стоит... — процедил сквозь зубы предводитель дружины Рейервена.

Орки молча ждали, наклонив копья и сдвинув щиты. Посланцы резво припустили по ступеням, словно уверившись, что вокруг на добрую лигу никого нет. Клара провожала их взглядом, каждый миг ожидая ма-

гического удара; но нет, никто не воспрепятствовал удалцам с Волчьих островов добраться до самой вершины.

Они исчезли там, скрывшись за нагромождением изваяний, — а потом завопили, замахали руками, указывая туда, за линию передовых пирамид.

Уртханг коротко мотнул головой; клин орков захотел сапожищами по выглаженным плитам, втянулся меж пирамид, миновал их, потом второй ряд...

Клара замерла, давая крик. Такого она ещё не видела, но, в конце концов, что уж тут такого особенного, не от всего большого боевая волшебница зажимает рот ладонью, словно перепуганная девчонка. Нет, вовсе нет.

За двойной цепью пустых пирамид Клару наконец настигла обжигающая, давящая, распластывающая по камням сила, та самая, что она поклялась навсегда избыть из Эвиала. В каждый сустав, каждое сочленение ввинчивались раскалённые шурупы, волшебница если и устояла на ногах, то лишь благодаря Райне и Шердраде, подхватившим её с двух сторон.

— Кирия Клара!

— Уже всё, уже проходит, — прохрипела чародейка. Дурнота и впрямь отступала, чудовищный пресс поднимался.

— Вот и дошли, госпожа Клара, — неправдоподобно спокойно проговорил Бельт. — Влезли в мышеловку и даже хвост втянули. Что ж дальше, а, госпожа?

— О... отойдём, — выдавила волшебница.

Клара, Райна, Тави, Бельт, Ниакрис, Уртханг и Кицум встали тесным кружком; все, за исключением клоуна, постарались встать спиной к открывшемуся зрелищу. Орки мрачно рычали и скалили зубы, что было мочи сжимая в руках копейные древки, — никто не остался незатронутым.

— Отпусти орков, — сразу, без предисловий, вдруг сказал Кицум. — Тут ничего не изменит ни восемь со-

тен мечей, ни даже восемьдесят тысяч. Тебе предстоит пробиваться одной. Или с теми, кто захочет пойти с тобой, но, предупреждаю, одних мечей тут будет мало.

— Мы назад не повернём! — зарычал Уртханг, показывая клыки.

— Не повернёте, знаю. И все тут поляжете. Это тебе не столицу Клешной за мягкое брюхо потрогать, капитан. А Кларе вы не поможете. Думал я, что плохо окажется, но не знал, что настолько. Поворачивай драккары, брат. Уходи отсюда. Домой, к вечному Громотягу. Здесь же на вас одного огнешара хватит, ты мне поверь.

Мрачный и злой, орк выбросил сжатый кулак.

— Отродясь ни от кого не бегали. И сейчас не побегим. Зря тащились, что ли? А огнешары... смерть каждому из нас написана. Смерть и огненное погребение. От мяса и костей, что отжили, избавиться; так что нам этих заклятий бояться не пристало. Да и не верю я, что тут такие чародеи. Разве ж допустили б они, чтобы мы их щипали, словно курицу?! Да ни в жисть. Явились бы к нам на Волчьи острова и срыли б их до самого дна морского.

— А ты, Кицум? Что посоветуешь? Ты ж велел... — начала было Клара, но клоун резко и сердито перебил её:

— Что сказал — то сказал, обратно не возьму. Однако и в том был не прав. Всё, исчерпал позволенное, до самого края. Смотрю на это, — он ткнул пальцем Кларе за спину, — самого оторопь берёт. Знаю лишь одно — то, что тебе нужно, — на самом дне. Надо спускаться. А хозяева только этого и ждут. Что ж до меня... — он опустил голову, словно не имея сил смотреть Кларе в глаза. — Моя дорога кончилась. Что мог, я сделал. Тебе предстоит сделать куда больше.

— К-как? — опешила Клара. — Кицум, но мы... но я... но там же...

— Думаешь, я не кинулся бы сейчас туда первым, будь на то моя воля? — тихо спросил клоун, поднимая

взгляд. — Думаешь, не дрался бы? Испугался б, побегал? Наивная...

— Но... куда же ты?

— Куда? — горько усмехнулся Кицум. — Мой срок кончается. Единое призывает меня обратно. Миссия старого клоуна закончена. Пора возвращаться. Я сольюсь с Единым, отдам ему всё, здесь накопленное. Выражаясь по-вашему, я умру. Личности Кицума больше не будет.

Он произнёс это спокойно и буднично, как нечто само собой разумеющееся.

— Силы уходят, люди остаются. — Кицум положил Кларе тяжёлую руку на плечо. — Так всегда было и будет. Наше благословение и наше проклятие, Закон Равновесия. То, что я узнал в Империи Клешной, и то, что я оставил вас без помощи, позволило мне, во-первых, успеть к жертвенникам и, во-вторых, указать дорогу сюда. Всё. Большого мне уже не позволено, и Единое призывает вернуться.

— Разве ты не можешь... не послушаться?

— Как может не слушаться тебя твоя же собственная рука, если, конечно, она не пробита насквозь? — возразил Кицум. — Я — именно такая рука. — Он досадливо покачал головой: — Прощайте, друзья. Я очень хотел бы рассказать, что вас ждёт там, — кивок за спину Кларе, — но это лишь сделает ваш путь много, много труднее, придав вашим врагам удачливости. Не понимаешь меня, орче?

— Нет, — буркнул Уртханг, отворачиваясь. — Одно только знаю, что ты перед боем убраться решил куда подальше.

Кицум грустно улыбнулся:

— В этом-то и состоит разница между мною, Единым, и теми, кто сейчас правит Упорядоченным. Я ухожу. Убираюсь куда подальше, как заявил доблестный Уртханг. А они — они, Клара, идут в бой во главе своих полков, как встарь, не гнушаясь ни копейного древка,

ни сабельного эфеса. Знала бы ты, как я им завидую!.. Ну, прощайте. Похоже, здешние хозяева знают, что я тут. Или, по крайней мере, подозревают. Потому и бездействуют. Стоит мне уйти, и тут начнётся такое...

— Так, может, погодите ещё, великий? — осторожно заметил Бельт. — Спуститесь с нами до самого низу, а там видно будет. Захотите, так и уйдёте себе потихонечку.

— Выдумщик ты, Бельт, — усмехнулся Кицум. — Что ж, проверим твои слова. Ну, орче, в последний раз говорю тебе...

— А я в последний раз тебе отвечаю — мы назад не повернём!

— Как знаешь, — вздохнул клоун. — Что ж, Клара, идём. Ты всё увидишь сама. Нет, нет, вставай в середине. Райна, Ниакрис — прикройте её спереди. Шердрада — закройешь кирии спину. Бельт, тебе придётся попотеть.

— Догадываюсь. — Старый некромант с хрустом размял пальцы. — Пустим зомбей побегать!

— Пустим, пустим... Ну, пошли.

Все дружно обнажили оружие — за исключением Кицума. Тот демонстративно заложил руки за спину.

Так они и двинулись вперёд — малый отряд Клары, Кицум, а за ним — гулко топающий по камням строй орков.

Пирамиды остались позади.

Впереди лежала судьба.

* * *

Утонувший Краб, подумала Сильвия, из последних сил взмахивая крыльями. Остров выросал из морских глубин, расталкивая плечами невысоких, но отвесных утёсов сгустившиеся туманы.

Вокруг всё спокойно. Верно, она и в самом деле сильно опередила Наллику, Трогвара и их стихиялий. Что ж, подождём.

Исходящую от острова силу Сильвия почуяла изда- лека и повторила себе, что положение Хозяйки Смерт- ного Ливня имело свои преимущества.

Для неё над островом крутился медленный серый смерч, словно исполинское сверло, ввинчивающееся в земную твердь. Кто-то, неведомо кто, стянул под себя поистине неописуемую мощь. Стянул и удобно на ней устроился, подложив под сидеалище.

Имелось на этом острове и кое-что иное, также не- безынтересное, на дальнем закатном побережье. Силь- вия не поленилась сделать крюк и облететь Утонувший Краб, несмотря на уставшие крылья.

Память услужливо восстановила картину.

Да, она успела побывать здесь. Давным-давно, дру- гой Сильвией и в другой жизни. Тогда она ещё ничего не понимала. Ничего в ней не было, кроме лишь жгуче- го желания выбраться из этой ловушки. Правда, те- перь, сделавшись Хозяйкой, она могла вспомнить в себе и что-то ещё, невнятное, смутное, почти неуловимое — её словно вёл кто-то, подсказывая, что нужно сделать.

Кому-то очень могущественному требовалось, что- бы она разрубила-таки ту скрижаль.

И Сильвия разрубила.

Так не является ли всё последующее её непосредст- венной виной?

Раньше Сильвия, внучка главы Красного Арка, над этим бы даже не стала задумываться. Вопрос «виновата ли я?» волновал её с единственной точки зрения — не придерётся ли дед, за любые провинности так и нор- вивший уложить любимую наследницу на лавку со спу- щенными штанами и выпороть.

Сова опустила на мокрый песок, встряхнулась, обращаясь для Сильвии в себя прежнюю, для сторон- ного наблюдателя — в жуткое умертвие, получеловека, полужомби. Однако пальцы, где сквозь прогнившую плоть виднелись белые фаланги, эфес громадного фламберга держали крепко.

Она осторожно шла по пляжу, озираясь, вспоминая...

Не здесь ли разбил лагерь отряд Клары Хюммель?

Но тогда лес на дюнах и за ними жил и дышал полной грудью: пели птицы, порхали бабочки, проносились стрекозы. Сейчас здесь нет никого и ничего. Только печально шепчутся о чём-то деревья, роняя длинные листья.

А вот здесь был холм с криптой, вдруг подумала Сильвия, глядя на уродливый чёрный овраг. Взрыв разметал землю, котлован лишь чуть-чуть не дошёл до океана. Здесь ничего не растёт, даже трава так и не смогла пробиться на обугленных склонах.

Сильвия постояла у ямы, смотрела, вспоминала...

Сколько воды утекло, сколько прошло времени. Чему научилась она, наследница великих магов, последняя из Красного Арка? Наверное, только одному — не покончить с собой, обернувшись жутким страшилищем. Законы космоса универсальны и бездушны, им нету дела до её страданий. Значит, ей остаётся лишь одно — разрубить их, так же, как некогда она рассекла фламбергом зачарованную скрижаль, отмеченную перечёркнутой стрелой, знаком местного Спасителя.

Однако сюда она прилетела совсем не ради воспоминаний. Смертный Ливень готов пролиться на проклятый остров и, если такова цена за возвращение к Сильвии прежней, что ж, её уплатят.

Существо вновь сделалось совой, взмахнуло крыльями, воспаряя над лесом.

Вот и кольцо скал, тесный ошейник, опоясавший весь остров. Истечение силы всё сильнее, серый вихрь крутится, засасывая незримое; да, Хранительница Эвиала не случайно послала её сюда, подумала Сильвия, пролетая над острыми зазубренными вершинами.

Для неё силы имели и цвет, и запах. Они могли совершать любое, эти силы, «доброе» или «злое», «хорошее» или «плохое»; цвет не значил ничего. Запах, каза-

лось бы, тоже — ведь и рыцарь в сверкающей броне, и придворный щёголь, умахённый благовониями, способны проехать мимо замерзающего ребёнка, а запаршивевший нищий — спасти беднягу; однако над Утонувшим Крабом для Сильвии стояла вонь тухлятины, разлагающейся плоти, словно в оставленной без присмотра мясной лавке после нескольких недель летней жары.

Ничего подобного она не чувствовала даже в Империи Клешной. Впрочем, тогда она ещё оставалась Сильвией...

Сова миновала скалы. Внизу лежало сердце Утонувшего Краба, и последняя из Красного Арка едва удерживалась в воздухе — вихрь так и норовил прижать её к камням, обломать крылья, вырвать фламберг...

После Храма Океанов Сильвия уже ничего не боялась и готова была ко всему. Однако сейчас она, как замороженная смотрела туда, куда устремлялся серый вихрь, смотрела и не могла оторвать взгляда.

Грандиозно. Неопишимо. Завораживающе.

Способные создать такое, наверное, могут гасить и вновь зажигать звёзды и командовать громадами материков.

Нет! — прикрикнула она на себя. Если бы так — не сидели бы они на крошечном островке, запертые в клетке, не способные вырваться на простор Упорядоченного.

Она сделает то, ради чего послана.

Вот только дожждаться бы Наллики...

Эй, а что это там, по левую руку? Уж не рати ли Храма Океанов? Хотя нет, что я говорю — стихииалии, конечно, так не маршируют. Похоже, на Утонувший Краб заглянул кто-то ещё. Но кто?!

Ответ пришёл очень скоро.

От небольшой бухты на севере, миновав двойное кольцо пирамид, шагал довольно многочисленный отряд, ошетинившийся копьями, прикрывшийся щита-

ми. Сова вгляделась — зеленокожие орки в полном вооружении, а впереди них...

Старая знакомая. Клара Хюммель. А вот и Ниакрис, та самая, задолжавшая Сильвии хорошую трёпку.

Все здесь. И Райна, и Тави, и Бельт.

Что ж, посмотрим, на что вы способны. Во всяком случае, Смертный Ливень я привела сюда явно не про вашу честь.

Сова заложила лихой кульбит и ринулась вниз, устроившись на высоком кедре возле самых скал.

Она едва успела усесться на ветке, как Утонувший Краб ответил.

Ответил Кларе Хюммель.

* * *

— Началось, — вполголоса заметил Динтра, обращаясь к Игнациусу.

— А что вы удивляетесь, друг мой? — пожал тот плечами. — Я не я буду, если это не наша дорогая Клархен. Явилась, так сказать, мечом утверждать идеалы добра и справедливости.

— Вы не хотите ей помочь, мессир?

— Динтра. Простите мою несдержанность, обращусь к старому и заслуженному целителю словно к школяру в моей Академии: вы каким местом меня слушали? Клара должна схватиться с Западной Тьмой, чтобы сюда явились Падшие. Это место — Её преддверие, прямая дорога к Ней. Клархен всё делает правильно. Орки отвлекут здешних стражей, а сама Хюммель сумеет прорваться. Что логичным образом напоминает нам о необходимости спешить. Под этими скалами — последняя неуравновешенная гирилка в моей схеме. Когда Клара продвинется достаточно далеко, мы обязаны разобраться с этим. Впрочем, друг мой, вы это и сами понимаете, иначе не шагали бы столь уверенно.

Лекарь молча кивнул.

Невозбранно, никем не замеченные, они добрались до заветного входа.

Позади них Утонувший Краб оказывал Кларе Хюмель поистине королевские почести. Динтра то и дело оборачивался, мрачнел и тискал эфес клинка, Игнациус шагал показно-спокойно, даже не глядя назад.

...Каменные руки утёсов сошлись здесь, выставив что-то вроде сжавшегося кулака. Пальмы, кедровые и колючий подрост расступались, края замощённой площадки украшали изваяния, всё из того же серого камня, что и сами окружавшие остров скалы.

Статуи. Шестирукий гигант, дуотт и крылатая тварь. По три с каждой стороны входа, вблизи и впрямь оказавшегося громадным чёрным провалом.

Игнациус помедлил. Из катакомб прямо-таки разлилось — силой и кровью. Силой и кровью, разумеется, человеческой.

Мессир Архимаг глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

Ну, вот оно. Ты не кривил душой, толкуя Динтре о «последней неуравновешенной гирьке». Ты ведь уже знаешь, что ждёт тебя внизу, друг мой Игнациус? Ты понимаешь, что придётся потрянуть стариной?

Рука невольно коснулась сумы с заботливо вызволенными артефактами и едва не отдернулась.

Череп нерождённого заметно потеплел, так, что чувствовалось даже сквозь плотный юфтевый бок поясной зепи.

Череп. Тёплый. Это значит, что...

— Да, Спаситель совсем близко, — не оборачиваясь, бросил Динтра. — Мы опережаем Его совсем ненамного.

Глаза Игнациуса сузились. По носу меня ещё никто не щёлкал и щёлкать не станет, Динтра. А Спаситель... что ж, моему плану Он не помешает. А может, даже и поспособствует. Невольно, разумеется.

Да, подобного поворота план не предусматривал,

признался себе Игнациус. Этого никто не в силах предугадать, даже я. Но Ему сейчас не до нас. Его дело — нисходить, поднимать мёртвых и так далее и тому подобное. Понаблюдать за этим было б небезынтересно, а возможно, и крайне желательно; но — шаг за шагом, Игнациус, шаг за шагом. Сейчас тебя ждёт самый важный в твоей жизни разговор.

Разговор, запомни это, а не драка.

Динтра бестрепетно выбрался на площадку перед входом в подземелье. Плиты под ногами ходили ходуном, почти пускаясь в пляс, а уж что творилось на небе, лучше даже и не думать.

Клара молодец, с невольным уважением подумал Игнациус. Хорошо идёт. Во всяком случае, звучно. И продвигается, несмотря ни на что. Пора и нам поспешить.

— Да, поспешить, — закончил он вслух. — Следуйте за мной, любезный друг. И не хватайтесь за меч, умоляю вас. Дайте мне сперва поговорить.

Глава тринадцатая

Зов Хедина достиг адаты Гелерры вовремя. Её полк покинул опустевшее поле сражения победителем. Наблюдатели заметили бегство врагов, проследили их путь — адата даже удивилась, насколько легко это им удалось. Несколько миров на самой дальней границе Упорядоченного, где сама Гелерра никогда не бывала. Но великий Хедин, конечно же, всё предвидел и предусмотрел, и новые приказы повелителя не замедлят...

— Гели. — Голос Познавшего Тьму казался глух и сдавлен. — Ты выполнила просимое, благодарю и не забуду. А теперь ты и твой полк нужны мне.

— Да, великий! — горячо откликнулась гарпия, падая на одно колено. — Мы проследуем в Кирддин немедленно и станем ожидать там...

— Забудь о Кирддине. Там справятся без вас. Эви-

ал, вот куда тебе следует отправиться. И притом немедленно. Отставших не жди, выберутся сами. В Эвиале найди меня. Думаю, тебе это будет нетрудно сделать. — Жёсткая и жестокая усмешка.

Учитель знает, что предстоит битва. Но только почему Эвиал? Откуда Эвиал? Бежавший враг направился совсем не туда...

— Не рассуждай! — резанули слова Хедина. — Выполняй приказ, адата! И торопись! От тебя и твоего полка, быть может, зависит исход нашего главного сражения!

Наставник ещё никогда не говорил с ней настолько резко. Наверное, дела и впрямь плохи, наверное, ей, Гелерре, предстоит сыграть роль последнего резерва. Конечно, повелителю не до политесов, когда решается участь Упорядоченного!

Велено спешить. Что ж, она постарается. Учителю не придётся разочароваться в своей самой верной ученице.

* * *

Эйвилль стояла на коленях — тропа через Межреальность кончилась. Впереди Эвиал. Она исполнила потребованное от неё Дальними — привела сюда Хедина, а Ракот, как оказалось, явился сам. Проследовал в Эвиал и Спаситель — отчего эльфийку начинало просто трясти. Во всём Упорядоченном не сыщешь большего ненавистника её рода.

Вампириша смотрела на исполинскую глобулу некогда закрытого мира со стороны, видела многочисленные прорехи, испятнавшие некогда неодолимую преграду, видела золотые концентрические круги — там, где в обречённый (да-да, обречённый, теперь-то понятно!) мир вступил этот самый Спаситель.

Её новых союзников не видно и не слышно. Ничего и не чувствуется.

При себе, но так, что не найдёт даже Новый Бог,

Эйвилль держала полученный от Дальних залог — обломок тёмно-зелёного кристалла с пляшущим в глубине языком пламени. Как и обещалось, она нашла его в покинутом всеми мире, после того, как оттуда убралась тупоумная курица-Гелерра и её не менее тупые подчинённые. И да, эльфийка осталась довольна найденным. Пока сила не инкапсулировалась вокруг зелёного камня, в её пламени можно было сжечь, наверное, целый мир. Дальние правы — обнаружь Хедин такой артефакт, и предательство вампириши можно считать доказанным, тут не отговоришься, мол, «нашла на поле боя».

Однако надо торопиться. Не хотелось бы упустить возможности и впрямь насытиться кровью богов, причём настоящих, а не Падших.

* * *

Приказ Гелерре немедленно следовать сюда, в Эвиал. Такой же приказ Арбазу с его гномами и Аррису с Ульвейном. Нельзя совсем оголить и Кирддин, поэтому оттуда возьмём только половину собранных там подмастерьев.

Судя по всему, вновь предстоит испытывать пределы Закона Равновесия.

Семеро спутников Хедина почтительно внимали его распоряжениям.

Готовы. Готовы на всё. Верят ему.

Что ж, сегодня он бесстыдно и бессовестно воспользуется этой верой. Вместо того чтобы дожидаться многочисленных подкреплений, ему придётся вновь лезть в западню прямо сейчас. Составившие хитроумный план Дальние не должны догадаться, что лишь пляшут под его, Хедина, дудку.

В таком случае появление свежих сил Гелерры, Арриса и остальных станет для Дальних неприятным сюрпризом. В том же исключительно маловероятном слу-

чае, что враг прознает о них, — что ж, Познавший Тьму учёл и это.

— Спускаемся, — бросил Хедин.

Сегодня ему предстоит взглянуть на Эвиал собственными глазами, а не коричневокрылого сокола.

Подмастерья молча повиновались.

Следовало разыскать Хагена. Однако Ученик молчит, и его Читающий не отвечает тоже. Они живы, любой иной исход Познавший Тьму бы почувствовал; следовательно — наткнулись на нечто поистине крупное, зацепили настоящую добычу.

Держись, тан Хединсея, помощь идёт. В том числе и та, на которую ты и не рассчитывал.

А вот Спаситель что-то мешкает, подумал Хедин. Разумеется, он видел золотую лестницу, протянувшуюся сквозь небесные сферы, видел и шагавшую по ней скромную человеческую фигурку, облачённую в золотое сияние; где-то неподалёку должен быть и Ракот. А вот Хаген... Хаген... нет, на востоке его нет, значит, своей целью он выбрал не Спасителя.

Запад? Та самая Тьма?

И, кстати, почему весь Эвиал покрыт мраком, хотя ночи давно бы пора кончиться? Весь, кроме лишь крайнего запада, где всё оставалось как обычно.

Да, Спаситель. Воистину велик Ты. И умеешь красиво появиться на сцене.

Долго ждать Хедину не пришлось. Хаген показал себя, да так, что Познавшему Тьму только и оставалось — сломя голову броситься на его зов.

* * *

Полёт драконов. Последний полёт. Девять стремительных стрел, ломящихся напролом, сметающих возведённые косной материей барьеры. Девять драконов.

Тёмно-багровый Чаргос; чёрный Сфайрат; огненно-рыжая Менгли; белый, как слепящий свет, Эртан; смарагдовая Вайесс; серебристый Редрон; ярко-крас-

ная Беллем; янтарно-жёлтая Флейвелл; и, наконец, жемчужная Аэсоннэ.

С ними, на их спинах: Кэр Лаэда, он же Фесс, он же некромант Неясыть. Преподобный отец Этлау. Эй-тери, она же Сотворяющая, чародейка народа гномов. Север, гномий же охотник за неупокоенными с верным «лепестком»-фальчионом. Безымянная, деревянный лесной голем. И — Рысь-первая, её не живое и не мёртвое тело.

Вдребезги расшибив воздвигнутые естеством Эвиа-ла пределы, девять драконов медленно кружили над Утонувшим Крабом. И Фесс во все глаза глядел вниз.

Потому что там раскрылось поистине небывалое.

Издали Утонувший Краб представлял совершенно обычным островом. Пляжи; полоска зелени; отвесные скалистые утёсы. Ничего особенного.

Но только на первый взгляд.

Даже если отрешиться от эманаций этого места, с воздуха, с высоты, где кружилась девятка драконов, во всех деталях виднелась исполинская, титаническая пирамида, занимавшая всю территорию острова, насколько мог окинуть глаз.

Только пирамида опрокинута. Уходящая бесчисленными этажами-ступенями в глубь земли, а не стремящаяся к небу. Её грани сходились где-то в тёмной бездне, заполненной туманною мглой, сквозь хмарь светило множество огоньков, сливавшихся в бесконечные цепочки. Рыже-алый камень, множество широких лестничных маршей, на уступах, шириной в добрый тракт, проедут в ряд четыре конные упряжки; там же какие-то башни и башенки, ниши, изваяния в них, бесчисленные двери и окна — перед Фессом лежал громадный город, способный вместить десятки тысяч населения.

Взгляд некроманта приковывала глубина пирамиды, он чувствовал — дна там нет. Этажи и грани схо-

дятся бесконечно, но всё никак не сойдутся, и куда ведёт этот провал — кто знает?

По краям провал окружало двойное кольцо обычных пирамид, поднявших к пасмурному небу тупые срезанные вершины.

В небольшой гавани на северной оконечности Уто-нувшего Краба застыли восемь низких и длинных кораблей, совсем не похожих на чёрно-зелёные галеры Империи Клешней; а на третьем ярусе пирамиды, на лестничных маршах и вокруг них, кипит отчаянный бой.

С высоты Фесс затруднялся понять, кто и почему там сражается; какой-то отряд, похоже, упрямо проби-вался в глубь рукотворной бездны. Там яростно спу-хали облака пламени, с громом и треском оплетали це-ли ветвящиеся молнии, проносились каменные ядра, дождём сыпались стрелы. Башни и башенки оказались поставленными не просто так — из их бойниц и с их шпилей срывались нацеленные во вторгшихся огнеша-ры, молнии и какие-то бледные лучи, заканчивавшие-ся рыже-чёрными вспышками в тех местах, куда они ударяли. Летели брызги раскрошенного и плавящегося камня (впрочем, брызгами они казались с высоты, а в действительности — громадные глыбы), волоча за со-бой дымные хвосты.

Широкие «этажи» опрокинутой пирамиды заполня-ли крошечные фигурки — и людей, и нелюди. С боков ворвавшийся на нижние ярусы отряд сдавили воины в привычной ало-зелёной броне; над головами воинов бушевала настоящая огненная буря, здесь столкнулась могущественная магия, и пока что хозяева пирамиды не могли похвастаться, что смели защиту противников в считанные мгновения.

У Фесса захватывало дух. Он ждал этого мига долго, очень долго, простым студиязусом в Академии Высо-кого Волшебства, некромантом, считавшим, что его удел — простая, рутинная работа по упокаиванию клад-бищ вокруг Арвеста; беглецом, преследуемым Инкви-

зицией Эвиала, сидельцем Чёрной башни и вновь беглецом; и, наконец, собой нынешним, собравшим воедино драконов-Хранителей и Великую Тёмную Шестёрку.

И теперь остаётся только одно — туда, вниз, ко дну, которого нет, к той точке, где достигается бесконечность, где пересекаются параллельные прямые, где утрачивают смысл прошлое и будущее, где есть только настоящее, где не может существовать ничего материального — лишь пространство, остановившееся время да вечнотекущая магия — единственно подвижное в царстве абсолютной омертвелости.

Там, в этой недостижимой точке, он и встретит Западную Тьму.

А навстречу ему должны ударить Уккарон и его сородичи.

Замирает сердце над великой бездной, кружат головы бесконечные цепочки сливающихся огоньков; лопаются огнешары, кажущиеся отсюда безобидными праздничными шутихами.

«Ты готов, некромант?» — прогремел Чаргос.

Те, кто бьётся с ало-зелёными, — мои друзья.

«Готов, Чаргос. Только поможем сперва нашим. Заходим по кругу, бьём — видишь те башни?»

«Ещё б не видеть!» — расхохотался дракон. — *«Не думай, некромант, снесём с одного прохода. Ну а уж дальше — как скажешь».*

Чаргос завис в воздухе, по-змеиному изогнул шею, взревел — остальные восемь драконов согласно ответили ему. Вожак эвиальских Хранителей словно бы переломился, складывая крылья и отвесно устремляясь вниз. Аэсоннэ ринулась следом, в ушах некроманта взвыл ветер, озарённые пламенем «этажи» опрокинутой пирамиды понеслись навстречу; увлекаемые Чаргосом и юной драконицей, сложили крылья и остальные семеро Хранителей. Фесса обогнали чёрный Сфайрат, кроваво-красная Беллем, тёмно-золотая Флейвелл, изумруд-

ная Вайесс, камнями обрушиваясь прямо на взметнувшиеся им навстречу вспышки и разрывы огнешаров.

Фесс кричал, не слыша собственного крика, возторг сдавил горло, он был сейчас бессмертен и неуязвим, а там, внизу — да кто они такие и что они такое, чтобы встать против него!

Ниже, ниже, ниже, растут очертания башен и малых пирамид, видны рассёкшие их отвесные щели необычно длинных бойниц; вырвавшийся далеко вперёд Сфайрат чёрной молнией мелькнул над ярусами, играючи уклонился от прынувшей почти в упор молнии, выдохнул пламя — тугой кулак грянул в основание башни, и камни словно обрели крылья, разлетаясь во все стороны, по широкому ярусу устремился текущий огонь.

Следующей атаковала Флейвелл, рядом с ней возникли Менгли с Редроном, и, наверное, на добрые поллиги ярус опрокинутой пирамиды обратился в сплошное море огня. Взрывались и рушились боевые башни, распадались купола, раскалывались малые пирамидки, изваяния срывало с постаментов и волокно десятки сажений, ломая на куски и обращая в незримую горящую пыль.

Аэсоннэ не отставала от других. Воздух перед драконами словно сгустился от враждебной магии, с расположенных выше башен, пирамид, куполов, из окружённых на первый взгляд такими изящными колоннадами спонсонов — отовсюду летели тугие клубы пламени, хлестали змеящиеся молнии, разворачивались веера ледяных игл, смешивавшиеся с каменными глыбами: стихийная магия во всей красе. Не некромантия, как можно было бы ожидать; нет, именно «изначально-чистое» чародейство первооснов. Магия смерти тоже присутствовала, но больше как дающая подобие жизни мёртвым воинам в ало-зелёном.

Проносясь над упорно отбивающимся отрядом, некромант видел воодушевившихся орков, падающих зом-

би в разрубленных и пробитых насквозь доспехах, а драконы не замедляли бег, сметая всё и вся перед собой; ярусы стремительно пустели, и прямо в лицо крылатым Хранителям разила вся мощь великой подземной пирамиды.

Но пока ещё драконы держались, ловко уклоняясь от нацеленного в них пламени. За ними оставались опустевшие и горящие ярусы великой пирамиды, однако оживали глубинные этажи, и оттуда, сквозь мглу, неслись разящие огнешары, облака ледяных игл, каменные ядра, усеянные бесчисленными шипами...

Хранители замыкали круг. Три верхних яруса опрокинутой пирамиды замолчали, там медленно угасало драконье пламя; отряд орков опрокинул напиравших зомби в ало-зелёных доспехах, спускаясь глубже и дальше по широченной, как три торных дороги вместе, лестнице.

Нет, это только детские забавы, билось у Фесса в сознании. Надо идти глубже, гораздо глубже; и орков, сражающихся на ступенях верхних ярусов, придётся оставить. Выжигать *всё и вся* на всех этажах опрокинутой пирамиды — не хватит сил даже у драконов.

Сам некромант доселе лишь отражал направленные в него и других драконов удары. Помогало то, что защитники Утонувшего Краба пока не прибегли к особо изощрённой магии.

Замыкается круг, вот под крыльями Аэсоннэ вновь разожжённое её сородичами пламя. Фесс загоняет подалее боевой азарт, жгучий порыв, ненависть, стараясь вновь сделаться Неясутью, потому что только он способен принять сейчас единственно верное решение.

Круг замыкается. Все Хранители живы, целы и не ранены. Он, Фесс, — тоже, и даже пресловутый откат почти не чувствуется. Воздвигать незримые щиты на пути огнешаров и молний — нелёгкая работа. Фесс отклонял нацеленные молнии и тому подобное, встретить их грубой силой у него не достало бы мощи.

Круг замыкается.

В том, что впереди их ждёт засада, Клара Хюммель почти не сомневалась. Поверить тому, что исполинская пирамида, которую возводили, наверное, не одно столетие, покинута, — благодарю покорно!

Построившись в боевой порядок, орки осторожно спускались по широченной лестнице. Красноватый камень под ногами, отполированные плиты — это сколько ж труда потребно, чтобы их так выгладить?

Первый ярус. В ряд свободно проедут четыре экипажа; статуи в нишах, всё та же троица — шестирукий великан, дуотт, крылатая тварь. Башни, тонкие и потолще, купола, словно черепаший панцири. И — пустота.

— Сейчас захлопнется, — негромко и спокойно проговорила Ниакрис, оглядываясь. И точно — стоило последнему ряду орков вступить на ведущую вниз лестницу, как великая пирамида ожила.

Из бесчисленных узких дверей и дверок, ведущих в неведомую тьму проёмов, по всему огромному ярусу и ярусам стали появляться многочисленные фигурки и людей, и нелюди. Клара заметила дуоттов, титанов, возвышавшихся над прочими, словно осадные башни, и совсем уже непонятных существ, передвигавшихся на пяти ногах.

А из ближайших к лестнице ворот выплеснулась настоящая волна уже знакомых воинов в алом и зелёном. Вокруг них распространялся смрад гниющей плоти — Утонувший Краб, как и следовало ожидать, пустил в ход своих зомби.

Разом ожили, запылали бесчисленные бойницы; Клара инстинктивно встретила их отпорными заклятьями, повалившись при этом на колени. Отката нет или почти нет, уже хорошо, но обрушившаяся мощь почти вжала её в каменные ступени.

Следом за шеренгами в шипастых панцирях валили и живые обитатели Утонувшего Краба, причём те, с кем

Клара ни разу не сталкивалась в странствиях по Эвиа-лу: огромные великаны и диковинные пятиногие существа. Их было заметно меньше, чем людей или дуоттов, но зато именно от них на отряд Клары обрушивались самые убийственные гостинцы.

Боковые ряды орков не растерялись, несмотря на бушующий над головами огонь. Сиреневая сталь длинных кос столкнулась с воронёными клинками удалцов Урthanга; тесно сбив строй и сомкнув щиты, орки отразили первый натиск.

«Долго мне этот щит не продержать, — в панике подумала Клара.

Они смотрят на меня, те, кто не в первых рядах, перед чьими глазами нет стремительного разлёта вражьей стали. Сцепив пальцы перед грудью, что-то бормочет Бельт, Тави и Ниакрис, дисциплинированные воительницы, прикрывают меня, Райна... вот твой-то мимо-лётный взгляд жжёт сильнее всего.

Я завела вас в ловушку. И неважно, что «вы сами отказались» повернуть назад. Это стихийное чародейство я ещё сколько-то выдержу, а потом...»

Он не успела додумать. Сверху раздался яростный рёв, и миг спустя небо извергло из себя девятку разъярённых драконов.

* * *

Подземелье казалось совершенно обычным. Игнациус при всём желании не смог бы вспомнить, в скольких подобных ему уже довелось побывать. Сотнях, тысячах? А может, и десятках тысяч? Сколько раз его враги тщились укрыть всё под такими надёжными и несокрушимыми каменными сводами!..

Правда, заканчивалось всё одним и тем же — являлся он, Игнациус, и разрывал чужие логовища до самого дна. В коллекции экзотических черепов прибавлялся новый экземпляр.

Гладкий и широкий проход плавно вёл вниз, днев-

ной свет, серый и неяркий, быстро угасал за спинами. Вспышки разрывов над пропастью опрокинутой пирамиды ещё играли на стенах, но вот туннель резко свернул — воцарились темнота и бесшумье. Игнациус всем телом ощущал громадность раскинувшегося перед ним провала; он, конечно, уступал бездонной пропасти, оставшейся у них за спинами, но главное позаимствовалось: то же ощущение стянутой в точку бесконечности, узкого крысиного лаза, ведущего куда-то на другую сторону мира, в неведомые области Упорядоченного.

Темнота. Для Игнациуса она не стала помехой; как, впрочем, и для Динтры, решительно обнажившего меч. Голубой клинок ярко засиял, словно настоящая звезда, неведомо как спустившаяся сюда, в подземные каверны.

Это явно послужило сигналом. Им готовили торжественную встречу.

По окружности подземного зала вспыхнули тысячи факелов. Не простых, магических, не требовавших для горения ни топлива, ни воздуха и не дававших копоти. Они озарили угаданный Игнациусом провал, и да, он не имел дна. Стены сходились как бы воронкой, но сойтись никак не могли — до той самой точки, где утрачивали значение законы повседневного смысла.

Бездну заполняли бесчисленные прозрачные пузыри, в которых бесновались или безучастно лежали, бросались на стенки или вяло шевелили конечностями те самые существа — или сущности, — падение которых в огненных болидах Игнациус наблюдал так недавно.

Их собрались здесь сотни, если не тысячи. Насколько мог окинуть глаз, от стены до стены, от одного кольца факелов до другого — в невесомости плавали призрачные сферы, заключив в себе такое множество разнообразных созданий.

Да. Всё, как и ожидал он, Игнациус.

А вот что собрался делать Динтра — вызывает особый интерес.

Старый лекарь застыл, слегка поводя острием меча, словно ожидая появления вражеского поединщика.

Ну-ну. Посмотрим, как ты будешь воевать, старина.

И, главное, за кого. Не «против», а именно «за».

Читающий размытой тенью колыхался у плеча Динтры, и мессир Архимаг готов был поклясться, что между этим призраком и лекарем происходит сейчас слышимый разговор.

Впереди, в десятке шагов, на краю обрыва, громоздилась бесформенная груда гладко обтёсанных каменных блоков, их бока густо испещрили причудливые руны. Игнациус ожидал нечто донельзя древнее, но нет — все эти надписи нанесли совсем недавно, в последние дни.

Ещё интереснее. Мессир Архимаг готов был поклясться, что эта груда — не что иное, как обломки «малой крипты», где совершались служения и приносились жертвы некоему весьма свирепому божеству. Надписи, однако, свежи. К чему бы?

— Рад приветствовать столь достойных и уважаемых гостей, — проговорил медоточивый голос.

Игнациус сморгнул, ощутив, как неприятно сжался желудок. И было отчего.

На самом краю провала появился человек, смугловатый, с недлинной чёрной бородкой и व्यющимися тёмными волосами. На мессира Архимага с затаённой насмешкой взглянули глубоко посаженные агатовые глаза.

Гость говорил на классическом эбинском; Игнациус помнил этот язык ещё наречием только-только укрепившихся на полуострове молодых варварских племён, не успевших осесть, цивилизоваться и основать империю, одну из величайших в Старом Свете.

— И тебе здравствовать, уважаемый хозяин, — в тон отозвался Игнациус.

Динтра даже не подумал отвечать, равно как и спрятать меч.

— Приятно, когда свидетелями твоего триумфа становятся столь сильномогучие чародеи, — насмешливо поклонился человек. — Позвольте представиться — Эвенгар, прозываемый Салладорским. Основатель... автор... гм, всё это уже неважно. Не уверен, однако, что имя моё что-либо поведает достопочтенным визитёрам.

— Наши имена тоже ничего не скажут достопочтенному Эвенгару из Салладора, но всё же назову их: с мечом в руке стоит славный Динтра, многоискусный как в нанесении ран, так и в их исцелении, я же, недостойный, прозываюсь Игнациусом.

— Динтра, — поклонился Салладорец, — Игнациус. Добро пожаловать. Вы станете свидетелями редкого зрелища. Но сперва надлежит слегка поправить сцену для действия.

Лёгкий жест, и расписанные рунами глыбы начали послушно складываться в высокий каменный куб. Алые символы сливались в рисунок — ручеёк двуногих фигурок, текущий к пропасти, и шестирукий великан с парой мечей, чаш и скребков, занёсший над несчастными свои смертоубийственные орудия.

— *Keann* Игнациус, *keann* Динтра. Всемогушей судьбе угодно было прислать вас для лицезрения последней стадии перехода от человека к богу. Хотя, разумеется, слово «бог» тут не годится. Люди изобрели это понятие как мечту о всесилии и всевластии, не понимая, что сверхчеловеческие силы исключают пребывание в том же плане всего, именуемого моралью, этикой, совестью или тому подобного. Они также не понимали, что нельзя обрести запредельную мощь и остаться при этом «такими же, как они». Наивная мечта, прибежище слабых. Мечта о том, как в один прекрасный день вчерашний неудачник проснётся исполином, избранным для великой миссии, и, конечно, в первую очередь посчитается со старыми обидчиками. — Эвенгар рассмеялся. — Все, творившие богов по своему образу и подобию, не понимали, что творят лишь бледные копии и

отражения собственных гаденьких мечтаний. Простите меня, я многословен. Это тоже слабость, полностью мной осознаваемая, от которой я надеюсь избавиться в самое ближайшее время. Нелепые человеческие желания, рудименты уходящей эпохи. Видите, я готов выступать с речами перед первыми попавшимися слушателями, даже перед врагами; вряд ли я ошибусь, *keannea*, предположив, что вы явились сюда с намерениями, весьма далёкими от дружественных.

Игнациус внимательно слушал, время от времени одобрительно и подбадривающе кивая. От мессира Архимага не укрылось, что их собеседник даже не упомянул Читающего. Динтра застыл, точно статуя, не опуская меча, смотревшего прямо в грудь Эвенгару.

— Увы, слаба человеческая природа! — театрально всплеснул руками Салладорец. — Лишнее доказательство того, что люди — лишь переходный этап в развитии мыслящей материи, способной порождать богов, да простится мне использование не совсем верного термина. Стоя на пороге величайшей победы, что когда-либо одерживал любой из магов моей бывшей расы, я произношу длиннейшие декламации, не в силах уйти безмолвно, с должным достоинством!..

— Ну что вы, *keann*, — поспешил заверить оратора Игнациус. — Могу сказать — я более чем впечатлён увиденным. Не обижайтесь на моего собрата Динтру. Нам пришлось немало сражаться на пути сюда, и он... стал немного подозрителен.

— Да-да, разумеется, конечно. — В тёмных глазах Эвенгара сверкнула искра полубезумной усмешки. — Немного подозрителен, лучшее описание, что можно найти для ученика одного из двух владык Упорядоченного.

Динтра по-прежнему не шевелился, не отрывая взгляда от усмехающегося Салладорца. Казалось, всё, что говорил эвиальский чародей, целителя совершенно не интересовало.

— Ученика одного из владык? — Игнациус поднял

бровь, как бы в знак некоторого сомнения. — Поми-
луйте, *keann* Эвенгар, какое это имеет значение? Мы с
радостью станем свидетелями вашего триумфа, по край-
ней мере, за себя я ручаюсь.

— Ручаетесь, *keann* Игнациус? Что ж, постараюсь
поверить. Вы ведь не солгали, называя своё имя. Да-да,
не удивляйтесь. Эвиал помнит вас, и уж конечно, пом-
ню я, основатель Школы Тьмы. Ах, простите, не удер-
жался-таки от хвастовства.

Ты хотел достойного соперника, мессир Архимаг?
Что ж, вот он, искать пришлось недолго.

— Никак не вижу, почему факт моего давнего посе-
щения сего мира может как-то повлиять на нынеш-
нюю встречу, — как можно мягче и располагающе про-
изнёс он вслух. — Вы ведь затеяли нечто грандиозное,
не так ли, *keann* Эвенгар из Салладора? Горю нетерпе-
нием увидеть. А бывал ли я в Эвиале, нет — какое это
имеет значение?

— Очень большое. — Салладорец облизнул губы. —
Вас ведь занимали Кристаллы Магии, не так ли? Вы по-
пытались подобраться к ним, но потерпели неудачу?

Игнациус постарался кивнуть как можно более рав-
нодушно.

— У любого мага случаются осечки и даже неудачи.
Я, *keann* Эвенгар, не исключение.

Не думай сейчас о том, откуда твоему визави из-
вестно о случившемся. На данный момент это неважно.

— Похвальная искренность, — скривился Салладо-
рец. — Вы ведь тшились узнать, кто и зачем поставил в
Эвиале эти сокровища?

— Любой на моём месте заинтересовался бы подоб-
ными артефактами. Думаю, что и вы, *keann*, отдали дань
их изучению.

— Конечно! — фыркнул Салладорец. — Мне было
отпущено совсем немного времени, но успел я, скажу
без ложной скромности, немало.

— Почему бы вам не поведать нам это? — невозму-
тимо уронил Игнациус.

Блеск в глазах Салладорца становился всё заметнее и ярче.

— Ведь ваш триумф совсем близок. Он сладок, он пьянее и дурманнее всего, что может предложить виноделие или алхимия. Мы — внимательные и благодарные слушатели, не более того. Никто не пытается напасть на вас, *keann* Эвенгар из Салладора.

— Тогда зачем вы здесь? — Голос эвиальского чародея вдруг сделался совершенно жестяным и подозрительным. — Разве не явились вы пресечь моё возвышение? Разве не за этим бог Хедин послал сюда своего лучшего ученика, Хагена?

Ка-а-акие подробности, язвительно подумал про себя Игнациус. И всё совершенно бесплатно, то есть даром. Ты, Эвенгар, поистине достиг многого.

— Почтительно склоняю голову пред мудростью *keanno*. Но я здесь с целями исключительно познавательными. Мы столкнулись с удивительным феноменом, объяснений которому в рамках существующих теорий магостроения Упорядоченного просто не существует. Очень хотел бы услышать вашу трактовку истории появления Кристаллов Магии, почтенный Эвенгар.

В пещере царила абсолютная тишина — если на поверхности и продолжался бой, то сюда не проникало ни звука.

— Сколько раз, — проговорил Салладорец со странной полузастывшей улыбкой, — сколько раз я представлял себе это. И то, как обращаюсь с последней речью к замершим зрителям, в ужасе и восторге ловящим каждый мой жест и каждое слово. Сколько раз я гневно осуждал себя, сколько твердил, что выше этого, что подобное — лишь для слабых умов, нуждающихся во внешних атрибутах власти, величия, успеха. И вот сам оказался таким же. Ну не смешно ли, дорогой Игнациус? Да, я хотел бы сказать многое. Объяснить, быть может — в последний раз побыть человеком. Люди несовершенны, это лишь глина, из которой великий творец лепит новые, необычные, во всех отношениях идеаль-

ные существа. Что же до Кристаллов... Эвиал — необычный мир. В иных обстоятельствах на выяснения всех аспектов его положения, структуры, членения ушли бы века. Мне повезло — многое досталось, так сказать, даром. — Кривая усмешка. — Лежание в каменном гробу имеет некоторые достоинства, поистине сугубо специальные. Я понимаю, отчего вы спрашиваете о Кристаллах. Маг таких масштаба и силы просто не может не переживать, и притом очень остро, когда-то случившиеся поражения. К ним возвращаешься раз за разом, как горький пьяница к бутылке. Крутишь и вертишь воспоминания то так, то эдак, прикидываешь, гадаешь, а что случилось бы, если?..

Игнациус не выказывал ни малейшего нетерпения. Динтра тоже. Казалось, рассказ Салладорца захватил его всего, без остатка.

— Кристаллы Магии — это благословение и проклятие Эвиала. Многие — я имею в виду из сил, действующих вне пределов нашего бедного мирка, — подозревали, что их появление — дело рук их противников. Однако это не так. Те, кто посвятил изучению Кристаллов целые века и счёл потом возможным поделиться со мной этим знанием, утверждают, что великие артефакты зародились здесь сами. Я подозреваю, что это не так, но... Во всяком случае, древние маги, великие маги, истинные маги — не чета нам с вами, дорогой Игнациус, увы! — сочли необходимым поставить надёжную стражу. Так появились Хранители. Девять драконов. Раньше их было больше, но постепенно даже лучшие заклатья, сотворённые лучшими чародеями, истаивают и подтачиваются. Именно из-за Кристаллов Эвиал сделался «закрытым миром». Новые владыки Упорядоченного не стали вмешиваться в существующий порядок вещей.

— Безумно интересно, *кеанн* Эвенгар, просто невероятно! Но, полагаю, подобные тезисы...

— Нуждаются в развёрнутой системе доказательств? Совершенно верно. К сожалению, я лишён удовольст-

вия устроить здесь и сейчас настоящий диспут. Меня, — Салладорец оглянулся на заполненную призрачными пузырями пропасть, — призывают иные дела, кои я и без того слишком долго откладывал. Удовлетворитесь этими тезисами, любезный маг Игнациус. Не сомневаюсь, при должном старании и настойчивости вы найдёте необходимые доказательства. Мне, — ещё одна ядовитая усмешка, — требовалось лишь направить ваши размышления в правильное русло.

— Никогда не гнушался учиться у более сильного, — сдержанно поклонился Игнациус.

Всё идёт по плану, только не спугни его, мессир Архимаг, только не спугни...

— Значит, Кристаллы Магии возникли в Эвиале самопроизвольно? — самым мягким, располагающим и мирным голосом, каким только мог, осведомился Игнациус.

— Не совсем так. Здесь имелись условия для их зарождения. Но в формировании зародышей приняли участие совсем иные сущности. Какие именно — я выяснять уже не стал, для моих целей это было совершенно неважно. — Казалось, Салладорец стал утрачивать интерес к разговору. — Но я должен попросить прощения. Два великих врага, почтивших меня, ничтожного чародея из заштатного мирка, не могут и не должны столько ждать.

— Ну, отчего же так сразу — «врага»...

— *Keann* Игнациус, не оскверняйте уст своих ложью. Не огорчайте меня, ведь я испытываю перед вами такой пиетет. Конечно, вы мои враги. Явившиеся уничтожить меня, но справедливо решившие, что прямая атака может обойтись слишком дорого. — Салладорец поморщился. — Поэтому позвольте мне приступить к тому, ради чего я встал во главе сего гостеприимного острова. — Голос его неожиданно обернулся рёвом дикого зверя, отразился от низкого потолка, рухнул в бездну; беспокойно задвигались, зашевелились пленённые в прозрачных сферах существа. Один из пузырей

поднялся над пропастью, опустил на грудь каменных глыб, исписанных алыми рунами; внутри сферы билось, свиваясь в клубок и вновь распрямляясь, яростно бросаясь на стены, причудливое существо, полуужасина, полускорпион. Устрашающее жало на могучем хвосте разило направо и налево, но лишь бессильно отлетало от зачарованной преграды.

Салладорец лёгким прыжком, без малейшего усилия, оказался на верху каменного куба. Повторить подобное не смог бы никакой атлет.

— А теперь смотрите! — В руке Эвенгара оказался причудливо изогнутый нож чёрного обсидиана, эвигальский маг распахнул одежду, обнажив мускулистый торс, и бестрепетно провёл лезвием по левому предплечью. Полилась кровь, куда обильнее, чем у обычного человека; Салладорец, похоже, нанёс себе очень глубокую рану. Алые брызги долетели до ног Игнациуса, и тот осторожно, очень осторожно и неторопливо сделал маленький шагок назад.

Салладорец окропил собственной кровью каменный жертвенник, обильно смочил лезвие чёрного кинжала.

Сейчас, сейчас, Игнациус. Следует подождать совсем чуть-чуть, пока твои подозрения не превратятся в уверенность.

Эвенгар шагнул к прозрачной сфере, небрежно взмахнул клинком, словно вспарывая туго набитый мешок. Пузырь с треском лопнул, женщина-скорпион забилась на гладких камнях, пытаясь встать, достать мучителя жалом, однако Эвенгар оказался быстрее. С ловкостью, говорившей о немалом опыте, он вздернул голову жертве за подбородок и молниеносно перерезал ей горло.

Игнациусу потребовалась вся его выдержка, чтобы не отвернуться и остаться столь же спокойным.

Визг перешёл в сипение, сменившееся хлюпаньем и бульканьем. Салладорец с ледяным хладнокровием приподнял трепыхающуюся жертву, подставил собст-

венную рассечённую руку под поток чего-то тёмного, живого, шевелящегося — словно состоящего из сонма живых и двигавшихся сами по себе частичек, — хлынувшего из горла жертвы.

— Это, конечно, лишь символизм, — прозвучал его голос, на сей раз — слегка стеснённый, с придыханием. — Знак, устанавливающий сродство, ничего больше. Хотя моей человеческой плоти это и не нравится...

Тёмная кровь жертвы не растекалась по камням, она вся, без остатка, втягивалась в рану Салладорца.

— Не так-то просто было затянуть сюда всех этих Древних, — продолжал чародей, небрежно сбрасывая прямо в пропасть обмякшее тело. — Требовалось выполнение стольких условий! Не могу не заметить, что мне очень помогли. Тот же некромант Неясыть, к примеру... Ах, как хорошо. Как хорошо... Если бы вы знали, враги мои, что я сейчас испытываю... — Голова Эвенгара запрокинулась, словно в экстазе. — Это не банальная сила, это нечто большее, чему я даже затрудняюсь с ходу подобрать определение. Так... теперь следующее...

Взлетел, ударился о камни и распался ещё один шар. Прекрасный обнажённый мужчина с длинными, до пят волосами, матово-блестящей кожей и внушительными мускулами; он казался одурманенным и даже не дёрнулся, когда чёрное лезвие прочертило кровавую линию у него под подбородком.

Салладорец, как и прежде, подставил рану под живой поток. Об Игнациусе и Динтре он словно бы забыл.

Старый лекарь, названный Эвенгаром «учеником одного из двух владык Упорядоченного», так же спокойно, как и Салладорец, шагнул вперёд, занося голубой клинок для удара. Игнациус позволил себе короткий смешок — про себя, разумеется, только про себя!

Ничего лучше и пожелать нельзя. Кажется, новый план, в спешке составленный на морском берегу невдалеке от Ордоса, начал работать.

Динтра не принимал выпренных поз, не творил заклятий — он просто шёл прямо на жертвенник Салладорца, где расставалась с жизнью уже третья жертва.

— О, не стоит беспокойства, *keann*, — издевательски проговорил Эвенгар, не поднимая век. — Я принял соответствующие меры. Вам не достать меня, достойные враги. Сойтись с вами на ристалище стало бы большой честью для меня... окажись я всё-таки неисправимым идиотом, верящим в «совесть», «честь», «достойнство» и прочие выдумки слабых, чей смысл — связать руки сильным, не дать им сбросить постылую человеческую личину. Нет нужды трудиться, уважаемый Динтра. Вам не пройти.

Мановение руки — и добрая дюжина прозрачных сфер вместе с заключёнными в них существами преградила Динтре дорогу, соприкоснувшись боками. Иные создания в шарах лежали без чувств, другие, выкатив обезумевшие глаза — или заменявшее их, — слепо бросались на несокрушимые стены.

Динтра даже не замедлил шага. Голубой меч взлетел и рухнул, по лицу старого целителя прошла судорога, его облик на миг размылся, словно окутавшись серой дымкой; однако шар-ловушка лопнул, закованный в тёмно-зелёную чешуйчатую броню многоногий спрут бесформенной грудой повалился на пол пещеры; Динтра перешагнул через недвижную тушу, поднимая клинок для нового удара.

Салладорец соизволил открыть глаза.

— Вот даже как, — протянул он, всё ещё позволяя себе игру в глумливое удивление. — Меня заставляют пожалеть о собственном милосердии? Что ж, не стану терять времени.

Быстрый жест, пальцы левой руки заплесали у Эвенгара перед грудью, и Игнациус тотчас ощутил, как эвильский чародей высасывает из Динтры саму жизнь. Салладорец не разменивался на ерунду вроде молний и огненных шаров. Он просто убивал, как лучший из некромантов.

Динтра замер на месте, склонился, словно под сильным ветром. Меч задрожал в выставленной вперёд руке, острие нагнулось, словно ловя что-то; по клинку зазмеились алые струйки пламени, угасая на крестовине эфеса и стекая на камень жирными, уже не красными, но чёрными каплями.

Выпрямившись, с блестящим от пота лицом, Динтра вновь шагнул к Салладорцу. Нацеленного в него убийственного заклятья больше не существовало, оно просто сгнуло, распалось, обратившись в ничто.

Мысленно Игнациус заплодировал целителю — на всякий случай отступив подальше.

Динтре, похоже, и в голову не пришло просить мессира Архимага о поддержке. Он словно напрочь забыл о самом существовании Игнациуса.

Теперь Салладорец уже не зажмурился и не запрокидывал голову. Он засуетился, с лихорадочной быстротой пластая чёрным ножом беспомощные жертвы; маг вскинул руку, готовя ещё какое-то заклинание, но в этот миг Динтра прыгнул. Личина старого, одышливого толстяка Динтры исчезла, ошарашенный Игнациус увидел седого воина, поджарого и мускулистого, словно старый тигр, в короткой чёрной кольчуге, открывавшей мощные руки и шею.

Одним движением этот новый «Динтра» оказался на алтаре, вторым сбросил в пропасть только что повалившуюся на камни жертву, жуткого вида клыкастое чудовище с длинным хоботом и роговым гребнем вдоль всей спины; третьим же...

Третье движение должно было закончиться поворотом голубого меча, проткнувшего Эвенгара насквозь, однако эвиальский маг тоже не мешкал.

Острие клинка Динтры заскрежетало, окуталось искрами, с явным трудом пробивая незримую броню Салладорца. Эвенгар попытался ткнуть Динтру в лицо чёрным окровавленным кинжалом, тот уклонился, однако ж сдавленно застонал и отступил на два шага, к самому краю жертвенника. Салладорец со змеиной быстротой

прикончил ещё одно существо, прежде чем Динтра успел ему помешать.

Игнациус мелкими шажками отступал, удивлённо вытянув губы трубочкой. Такого его план не предусматривал. То есть он, конечно, ожидал, что «целитель» раскроет себя, ожидал, что Салладорец нападёт; но чего он не ожидал — это пущенной в ход мощи. Пещере давно следовало бы рухнуть, сферам-ловушкам — полопаться, как мыльным пузырям; вместо этого всё оставалось как есть, а выпрямившийся Динтра чуть было не снёс Эвенгару голову стремительно-неуловимым движением голубого клинка.

«Кажется, мне пора», — подумал Игнациус, отступая к выходу. Что ж, план нуждался в срочной корректировке.

Читающего нигде не было видно. Небось сбежал, едва только запахло жареным.

...Над сражающимися взлетело сразу три шара, они столкнулись с грохотом и треском, осыпая всё вокруг длинными веерами пламенных искр; потолок затрясся, прямо под ногами Игнациуса раскололась каменная плита.

Салладорец оказался страшным противником. Похоже, схватись он с Динтрой один на один, «целитель» не продержался бы долго; его спасало лишь то, что Эвенгар пытался делать два дела одновременно: сражаться со спутником Игнациуса и приносить всё новые жертвы. И, надо сказать, ему это удавалось.

Мессир Архимаг осторожно пятился, не спуская глаз с поединка. Вновь взлетели шары, столкнулись, взорвались — Салладорец неудачно попал под взмах огненного клинка, завопил от боли, поперёк груди пролегла дымящаяся полоса; маг чуть было не сорвался в бездну, но именно — «чуть не». Ему вновь удалось выпрямиться, и теперь уже настала очередь Динтры отступать, отбивая голубым мечом невидимые для Игнациуса выпады Эвенгара.

Взрывы сотрясали пещеру, своды и пол ходили ходуном.

«Кажется, события, — подумал Игнациус, — приняли совершенно новый поворот. Что не может не радовать».

* * *

Драконы замыкали первый круг, когда сотрясся весь остров, а из какой-то дыры возле самых скал на южной оконечности вырвался поток пламени. Утонувший Краб словно подбросило, заколебались утёсы, вспенилось море, словно получив удар исполинским незримым бичом. Изумрудная Вайесс, оказавшаяся ближе всех, закувыркалась, с трудом выровняв полёт; её настигли разом две молнии, броня драконицы задымилась, шея изогнулась в муке, из распахнувшейся пасти вырвался почти человеческий вопль боли пополам с кипящим пламенем.

Фесс ощутил, как содрогнулась Аэсоннэ, драконы, похоже, чувствовали страдания сородичей, словно свои. Некромант приготовился к худшему, однако в подземельях словно заработал огромный насос, извергавший к небу огненные фонтаны; и в такт ему на всё, изрывающее в крылатых Хранителей боевые заклатья, словно набросили серое покрывало.

Наверное, так проносится коса над ничего не подзревающими травами. Опрокинутая пирамида точно подёрнулась тонкой серою пеленой, а нацеленный в драконов шквал обратился в ревуший хаос, бывший куда угодно, но только не по Хранителям.

Под скалами схватились могущественные и не уступающие друг другу противники. И — не выдержала тонкая настройка исполинского магического инструмента, опрокинутой пирамиды, конечно же, предназначенного не для того, чтобы швыряться сосульками в обнаглевших драконов.

Обгоняя Фесса и Аэсоннэ, рвался вниз торжествующий рёв крылатых Хранителей. Они побеждали.

Не то, не то, опять не то! — резануло некроманта. Они валились в очередную ловушку, казалось бы, совершенно явную, даже имевшую вид классической воронки, куда, как известно, очень легко попасть, но почти невозможно выбраться.

«Рысь, снижаемся. Надо сесть около тех орков».

«Поняла, папа!»

Юная драконица заложила крутой вираж, ловко лавируя меж хаотично рвущимися в небо огнешарами, и, прочертив когтями длинные борозды в камне, опустилась возле головы орочьего отряда, уменьшившегося в числе, но по-прежнему решительно наступавшего. Воинов в ало-зелёном частично смёл драконий огонь, частично — перебили сами орки, вернее, изрубили в кашу, потому что иначе справиться с этими зомби не получалось.

Следом за Аэсоннэ рядом неожиданно опустился Сфайрат, чёрный дракон поспешно, ещё не коснувшись земли, обернулся человеком.

Ба. Знакомые всё лица, подумал некромант, сам поразившись собственному спокойствию — перед ним, яростно сжимая кулаки, стояла сама Клара Хюммель, тонкие ноздри раздуваются, глаза мечут молнии — а он даже не сразу заметил висящие у неё на поясе Алмазный и Деревянный Мечи. Ну висят себе и висят...

Пустота внутри души заросла, а он даже и не заметил. Не запомнил того момента, когда окончательно освободился от магии закалённого в ненависти оружия.

Освободился от одного, чтобы попасть в зависимость от другого? — мелькнула мысль, когда пальцы сами собой нащупали твёрдые режущие грани чёрного шестигранника, зародыша Чёрной башни.

— Клара. — Он смотрел прямо ей в глаза и не ве-рил — неужели когда-то главной его бедой были её визиты — с неперменной многоюродной племянницей, «чудеснейшей, милейшей девушкой, которая тебе непременно понравится!»

— Кэр. — Она постаралась выдержать тон. — Какая встреча.

— Обыкновенная. — Он пожал плечами. — Тебе и твоему отряду лучше всего повернуть назад. Во всяком случае, отошли орков. Нам удался один проход, но только один. Сейчас эти лихие стрелки придут в себя, и...

— Он прав, Клариче, — шагнул к ней Сфайрат, глядя прямо в глаза. И — Фесс не поверил увиденному! — губы железной Клары вдруг жалко задрожали, она резко отвернулась, едва сдерживая рыдание. — Он прав, — настойчиво повторил Сфайрат.

Однако дракон отчего-то принял не свой обычный облик, как делал всегда, оборачиваясь человеком. Совсем другое лицо, фигура, походка... стойте, да это же не кто иной, как сам Аветус Стайн! Ну да, конечно, Фесс запомнил его портрет в гильдейском зале памяти; что он задумал, этот дракон, для чего показывается на глаза бедной Кларе в облике её давно пропавшего возлюбленного? Конечно, Сфайрат и сам какое-то время был этим возлюбленным, хотя Клара-то не сомневалась, что делит ложе с магом своей Гильдии, а отнюдь не с принявшим его облик драконом из совершенно иного мира.

— Вам надо уходить. Оставь Мечи некроманту, Клара, и... если хочешь, то уйдём вместе. Я всё тебе объясню.

— Ты... ты... — Чародейка дрожала, как в лихорадке. — Ты, оборотень... зачем тебе эти фокусы, я никогда... я не...

— Ты погубишь всех, кто идёт за тобой, — грустно покачал головой Сфайрат-Аветус. Сейчас у Хранителя Кристалла изменилось всё, даже голос. — Думаешь, я не почувствовал, кто подставил тебе плечо, когда ты держала щит, отражая всю сыпавшуюся на вас красоту?

— Я... не...

— Оставь в покое кирию! — не выдержала верная Райна. — У тебя облик Аветуса Стайна, дракон, и я не понимаю...

— А тебе и не положено! — рывкнул Сфайрат.

Валькирия пугливостью не отличалась:

— В бою со своими копыта не преламявают. Но ради такого негодяя, как ты, я готова изменить и последнему закону чести!

— Довольно! — возвысил голос немолодой, совершенно лысый, мощный телом мужчина из Кларинового отряда — и все мигом повиновались. — Хватит спорить. Мне пора прощаться, я оставался с вами, сколько мог. Поддерживал щит, да, Клара, да. Понимаю, это неприятно слышать. Но иначе от всего нашего воинства остались бы одни угольки — ещё на самых верхних ступенях. Единое зовёт меня, и послушаться я больше не в силах. Воспользуйтесь моментом, выбирайтесь отсюда. Что же до тебя, некромант... — Мужчина шагнул к Фессу, и тому пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы не отвести взгляда и не попятиться. — Ты прав. Твоя дорога — туда, в бездну. Не думаю, что ты вернёшься, не стану утешать лживыми словами. Не могу ничего советовать, Весы и без того опасно раскачиваются. Прощайте, храбрые драконы, прощай, Ниакрис, прощай, Бельт. Ты, смелая Райна, ты, доблестная Тави. Я ухожу. Зов Единого непереносим. — По морщинистому лицу прокатилась, словно горная лавина, гримаса боли. — Если вы победите... знайте, вы спасёте много большее, чем просто мир.

Он глухо застонал, упал на одно колено.

— Почему сейчас?! Нет, почему именно сейчас?.. — услышал Фесс сдавленный рык, полный такого отчаяния, что простой человек бы уже давно бросился в пропасть головой вниз. — Сейчас, когда надо драться, когда бегут только трусы?! — Всё тело вдруг сотряслось, и человек выпрямился, словно вздёргнутый на ноги незримой петлёй.

— Сюда идёт Хедин, — услышали Фесс, Клара и остальные тяжёлый шёпот. — Равновесие нарушено окончательно. Я не могу больше вам помогать. Ни делом, ни даже словом. Чтобы спасти то, ради чего мы

сражались, мне надо уйти. Обрекая вас, оставляя без защиты. В ваших глазах — позорно и постыдно бежать, но... Нет, не могу, не могу. — Он схватился за горло, согнулся, жестоко кашляя. — Прощайте все! И... храни вас Великий Дух!

Очертания человеческой фигуры дрогнули, расплываясь. В упор на Фесса взглянули удивительные глаза о четырёх зрачках каждый — и золотой дракон, уменьшаясь с каждой секундой, взмыл прямо вверх, не обращая никакого внимания на бушующую там огненную бурю.

* * *

Хедин очень спешил. С правой стороны в груди нарастала тупая, незнакомая доселе боль; тем не менее он точно знал её причину.

Равновесие не просто нарушено, оно грозит вот-вот рухнуть окончательно. Там, на западе, на Утонувшем Крабе, кипит битва, чьей мощи и ярости могут не выдержать старые кости Эвиала.

Не требовалось даже обладать способностями Нового Бога, чтобы услышать в неистовом звоне сшибающихся незримых клинков боевую песнь клинка, с незапамятных времён принадлежавшего тану Хагену. Ученик Хедина схватился с кем-то, схватился насмерть, и, несмотря на прожитые годы, обрётённые силы, знания и способности, дела его оказались плохи. Насколько плохи — Познавший Тьму ещё не успел понять. Но, раз это чувство пришло — Хаген действительно стоит на самом краю бездны.

Пора бы уже подтянуться сюда и подкреплениям. Отрядам Арриса и Арбаза, полку Гелерры... да и Эйвилль — где она? Почему не торопится за наградой? Или что-то поняла, что-то раскусила?

Вот и тот самый остров. Распахнутая пасть опрокинутой в глубь земли пирамиды — молодцы, придумавшие её, нечего сказать. Жерло затянуто дымом, прочерчено молниями, то тут, то там лопаются рыжие

клубки огнешаров. Во мгле мелькают стремительные тени драконов, крылатые Хранители не жалеют собственного огня, и верхние ярусы пирамиды уже охвачены пламенем, хотя, казалось бы, гореть там совершенно нечему.

А его ученик бьётся чуть в стороне, под внешним кольцом скал, и противник его...

Хедин нахмурился. Противник Хагена, как ощущал его сейчас Познавший Тьму, казался чем-то совершенно новым, неопределимым, расплывчатым, без чёткого облика; хотя впитанная в огромном избытке мощь Древних Сил присутствовала несомненно.

Гнусно на душе, как сказали бы люди. Есть ли эта самая «душа» у него самого, Познавший Тьму не знал. Вперёд опять пойдёт не он, а подмастерья. О да, это дарует им несколько мгновений счастья. Но потом...

Коричневокрылый сокол заклекотал, быстрее ветра несясь над окутанным дымами островом. Его соратники знали, что нужно делать, — один за другим, касаясь земли, они скрывались в чёрном провале, по-прежнему то и дело исторгавшем из чрева длинные клубящиеся струи пламени.

Око кружащегося в небе сокола видело всё — в том числе и неподвижно застывшую полярную сову странного вида, держащую в когтях жуткого вида чёрный фламберг. Она пряталась в кронах, чего-то выжидая.

Ракоту она наверняка покажется интересной.

Познавший Тьму загляделся на диковинную сову, под натянутым на человеческое тело магическим опереньем крылась угловатая девушка-подросток, вся изрубленная и иссечённая, словно старый воин. Её людская сущность почти погибла, пожранная злой силой истечения смерти, в иных мирах именуемой ещё и Смертным Ливнем.

Хедин загляделся — и едва не пропустил мига, когда над островом воспарил золоточешуйный дракон о четырёх зрачках в каждом глазу. Воспарил и промчался

мимо, не обратив на него, Познавшего Тьму, никакого внимания.

Вот оно как — даже ты, Великий Дух, почтил сие действо присутствием собственной аватары. И почему-то исчез, хотя сейчас-то и начнётся самое для тебя интересное. Утоляя твой вечный голод и жажду познания, люди, эльфы, гномы, драконы и иные существа, обитатели Утонувшего Краба, примутся с ещё большим старанием и ожесточением убивать друг друга.

До тех пор, пока неумолимый Закон не разрешит вмешаться мне, Познавшему Тьму.

Золотой дракон словно тараном пробил небо, растворяясь в заокраинных сферах. Значит, Дух Познания всё видел и обо всём был осведомлён с самого начала? Всё интереснее и интереснее.

Дым над Утонувшим Крабом становился всё гуще, и в самой сердцевине костей Хедина болезненно отдавались удары, обрушивавшиеся на схватившихся соперников. Его подмастерья ввязались в схватку, и серая скала взлетела на воздух, разом пронзённая множеством ярких, солнечно-жёлтых копий. В клубах мелькнул костяной гребень Ктаура, радужного змея; над ним развернулись крылья Рабаара, дракон прикрывал товарищей, принимая на себя и гася нацеленные в них боевые заклятья.

— Не молчи, Читающий.

Тень, застывшая рядом с Познавшим Тьму, едва заметно шевельнулась.

«Твой враг приносит в жертву воплощения Древних Сил. Его мощь возрастает. Хагену и остальным не справиться. Скоро ты сможешь вмешаться сам, повелитель».

Хедин с хрустом сжал кулаки. Читающий прав. Если Закон Равновесия трещит по швам — то долг Нового Бога состоит в том, чтобы не дать рухнуть великим Весам. Надо ждать.

«Ты можешь сказать, кто он?»

«Нет», — после некоторых колебаний ответил Читающий.

— Толку от тебя, — в сердцах бросил Хедин вслух.

Сокол сложил крылья и камнем рухнул туда, где возле кольца разваливающихся утёсов продолжалось сражение.

* * *

Игнациус, достойный мессир Архимаг, осторожно приподнял голову. На него ещё сыпался дождь раскалённых обломков взорвавшейся скалы, совсем рядом полыхали заросли, словно политые чёрным земляным маслом.

К Динтре подоспела помощь. Шестеро воинов, каждый из которых, наверное, в одиночку справился бы со всей Гильдией боевых магов. Дракон, нечто вроде летучей змеи, только без крыльев, жуткий серый спрут, и трое более привычного вида, человек, гном и эльф.

Последнее, что успел разглядеть Игнациус, прежде чем ему пришлось убраться из пещеры, — Динтра, стоящий на одном колене, на лице пот смешивается с кровью, голубой меч летает из стороны в сторону, словно отбивая невидимые выпады; а Салладорец с немыслимой быстротой успевает и осыпать противника градом заклятий (мессир Архимаг не успевал расшифровать и четверти их), и с поистине несказанным мастерством резать всё новых и новых пленников. Эвенгар ещё оставался в человеческом облике, однако левая сторона груди и плечо чудовищно раздулись, под кожей словно что-то ворочалось.

Великолепно, мессир Архимаг, просто замечательно. Лучшего и желать нельзя. Ещё немного, ещё чуть-чуть... и ловушка сработает. А до этого срока лучше всего не высовываться и не попадаться никому на глаза. Артефакты при тебе, и это — лучшая гарантия того, что уж ноги-то ты отсюда унести всяко успеешь.

...Появившиеся шестеро соратников Динтры набросились на Эвенгара разом, со всех сторон, не тратя времени на всякие глупости вроде переговоров или хотя

бы предложений сдаться. Вокруг салладорского мага замелькало нечто вроде крутящегося смерча тёмных листьев, над головой нависла туча, потянувшаяся к голове чародея десятками тонких извивающихся щупалец, дракон плюнул в мятежника тонкой нитью огня — Игнациусу стало дурно от одной волны, распространявшейся вокруг этого не слишком опасного или впечатляющего на первый взгляд чародейства.

Эльф растянул лук до плеча, выпустив звенящую стрелу с густо покрытыми рунами древком, в полёте обернувшуюся многоглавой змеей.

Гном вперёд не лез, быстро расставил бронзовую треногу и, не обращая внимания на царящий вокруг хаос, принялся смешивать на небольшом круглом столике какие-то снадобья.

Человек же просто извлек из ножен меч, встряхнулся, поправляя щит, и бросился на подмогу к самому Динтре.

Салладорец громко захохотал — Игнациус с ужасом понял, что смеётся эвиальский чародей совершенно искренне, с наслаждением, смакуя каждый миг сражения. Из бездны взмывали шары, вереницами падали на жертвенник, раскрывались, обращая каменную площадку в жуткую мешанину плоти, конечностей, рук, лап, ног, клешней, щупалец и тому подобного. Кто-то оседал мешком и оставался лежать, кому-то хватало сил и ярости броситься на мучителя — но конец всех ждал один. Взмах чёрного кинжала и поток жизненной силы, вырывающейся из вспоротого горла.

Иные шары валились на противников Эвенгара; заключённые в них создания бились от ужаса, кидались на стены, корчились, закрывая лица руками (те, у кого имелось и то, и другое). Здесь ждала участь ничем не лучше, чем у гибнущих на алтаре: призрачные сферы взрывались, охваченные огнём существа, повинувшись какому-то заклятью, яростно бросались на соратников Динтры, тратя последние мгновения своего существования на тщетные попытки пробить их защиту.

Отступая перед натиском незримого, Динтра и пришедший ему на помощь воин в воронёных доспехах оказались на самом краю пропасти. Дракон и летучий змей бросились им на выручку, и тут один из шаров врезался прямо в змея. Вспышка, дым, разлетающиеся брызги пламени; заключённое в сфере существо, напоминавшее громадного шестилапного пса, вцепилось в шею змея многозубой пастью. Оно уже горело само, пылала шерсть, с лап валилась пылающая плоть, однако огонь перекинулся и на соратника Динтры.

Радужный змей и пёс вместе рухнули на содрогающийся, трескающийся пол пещеры. Существо из шара сгорело без остатка, не оставив даже обугленных костей; змей, покрытый собственной кровью и копотью, попытался взлететь, зашипел-засвистел, корчась от боли, и, конвульсивно дёрнувшись, пополз к гному с бронзовой треногой.

Салладорец вновь захохотал.

* * *

В опрокинутой пирамиде явно творилось что-то неладное; на верхних ярусах до сих пор полыхал драконий огонь, полыхал весело, не собираясь гаснуть, пожирая развалины боевых башен и колоннад. Однако затихали и глубины, в отряд Клары и кружащих драконов уже не летел сплошной поток молний, смешанных с огнешарами или ледяными копьями.

Золотой дракон скрылся в серых тучах. Неправдоподобная ночь истаивала, но в горячке боя этого никто не заметил. Бельт опустился на одно колено, склонил голову, подняв сцепленные руки, словно воздавая последние почести скрывшейся сущности.

— Великий Дух, — прошептала Ниакрис, провожая золотого дракона взглядом.

— Вы его знали, — резко повернулась к ним Клара. На Сфайрата-Аветуса она старалась не смотреть.

— Знали, — глухо подтвердил Бельт. — В иной жиз-

ни, прожитой в иных мирах. В других личинах. С другой памятью, от которой остались лишь туман да пережитая боль.

— Достаточно, — резко бросил Фесс. — Кто-то сражается с хозяевами этого милого местечка, помимо нас. И притом очень хорошо. Окажем ли мы помощь этим неожиданным союзникам — или пойдём дальше, вглубь?

— Ты никуда не пойдёшь... — начала было Клара, однако некромант рассмеялся ей прямо в лицо, несмотря на недовольную гримасу Сфайрата. Аэсоннэ предупредительно заворчала, показывая боевой чародейке внушительные клыки.

— Не стоит, Клара, — покачал головой некромант. — Мы оба явились сюда с одной целью. Вот только пути к ней совершенно разные. Мне больше не нужны эти Мечи. Я ошибался, уповая на них. Надеяться можно только на себя. Мы сами — страшное оружие, превыше всех и всяческих артефактов. И разве ты не понимаешь, что спускаться по этой лестнице ты можешь бесконечно? Или у тебя хватит смелости броситься в провал? Или надеешься, что здесь сработает заклятье левитации? Эта пирамида не имеет дна, Клара. Там, внизу, — он ткнул пальцем, — только новые и новые этажи. Может, населённые, может, безлюдные. Это неважно. Главное — ты не достигнешь дна. А достигнув, ничего не сможешь там сделать.

— Мечи... — начала Клара, однако Фесс уверенно перебил волшебницу:

— Мечи дают лишь то, что мы готовы им отдать сами. Тебе придётся броситься в пропасть, да и то без особой надежды, что попадёшь куда нужно.

— А ты? — зло сощурилась Клара. — Ты, мальчишка, сумеешь оказаться именно там, где надо? И сделать то, что требуется?

— Да, — спокойно кивнул Фесс. — *Мы* окажемся. Вот вместе с ней.

Аэсоннэ склонила изящную шею, выразительно взглянула янтарными глазищами прямо в лицо Кларе, и чародейка невольно попятилась.

— Тогда я пойду с тобой, — решила волшебница.

— Нет. Тебе придётся прикрывать нас. Потому что, чувствую, та битва, — Фесс кивнул в сторону кипящего пламенем облака над южной стороной опрокинутой пирамиды, — рано или поздно закончится. Сильно подзреваю, тому, кто бы в ней ни победил, наше самоуправство придётся не по вкусу. Вроде того, как тебе не пришлось по вкусу моё.

— Ерунда! — вспыхнула Клара, однако Сфайрат осторожно коснулся её плеча.

— Некромант прав.

Чародейка отдёргнулась, чуть ли не отскочила. Теперь её разъярённый взгляд впился в дракона-Аветуса.

— Ты, ты, ты... — прошипела она, не находя слов.

...Остальные драконы садились поблизости, только жадные до боя Менгли, Флейвелл и Редрон заливали пламенем ярусы пониже. Смысла это особого не имело — если пирамида и впрямь уходит в бесконечность.

Сфайрат и Клара заспорили вполголоса, взгляд волшебницы метал молнии; дракон же говорил мягко, спокойно, словно и не отличался никогда прескверным и вспыльчивым характером.

Безымянная осторожно помогла спуститься Рыси-неупокоенной; та двигалась безвольно, словно мягкая тряпичная кукла.

Спутники Клары, передовые ряды орков, изумлённо воззрились на странную пару.

— Ты нашла, что искала, Безымянная?

— Нет, — глухо ответило деревянное существо. — Здесь всё ещё слишком много порядка. Глубже, надо ещё глубже!

— Ну, за этим дело не станет, — заметил Чаргос, тоже опустившийся и принявший человеческий об-

лик. — Только надо поспешить. Скоро силачи намотают друг другу бока и вспомнят о добыче полегче.

— Хотел бы я знать, кто там сражается... — обронила Тави.

— А тут и гадать нечего, — обернулся к ней предводитель крылатых Хранителей. — Бьётся тут один наш маг, прозвищем Эвенгар Салладорский. Давний прихвостень Западной Тьмы, как мы подозреваем...

— И не только, — вставил Фесс.

— И не только, — согласился дракон. — А вот его противники...

— Силой они не обделены, — заметила мельинская воительница.

— Но не те, что сражались на Боргильдовом поле, — вдруг произнесла Райна. — Не Молодые Боги. Не Ямерт и иже с ним.

Фесс наморщил лоб — в этом предмете он разбирался скверно. Но Чаргос слова Райны явно понял как следует.

— Надо идти дальше, вниз. Вернее, лететь. Нам, драконам. А вам, орки...

Зеленокожие удалыцы капитана Уртханга не теряли времени даром — вышибли несколько ближайших дверей, зашарили по комнатам. Возвращались не с пустыми руками — местные обитатели знали толк в роскоши.

Фесс поморщился, но останавливать орков не стал.

— А им надо уходить, — докончила за него Клара, повернувшись к мрачному Уртхангу. — Здесь нет чести, капитан. Ни чести, ни доблести. Только полчища безмозглых зомби. Сейчас нам повезло, мы получили передышку; надолго ли? Кицум... он поддержал меня, иначе наш щит просто бы смели. Отсюда надо уходить. Всем. Или наверх, к кораблям... или вниз. Храбрецам-оркам там точно делать нечего.

— Я не... — горячо заспорил было орочий капитан, однако его с поистине архипрелатским достоинством остановил отец Этлау:

— Сын мой. — «Это кто ещё такой?» — громким шёпотом осведомилась Тави. — Ты и твои воины уже совершили все подвиги, какие только может потребовать от вас орочья честь. Вы стянули на себя мертвяков, благодаря чему они и попали под истребительное драконье пламя. Ваша доблесть останется жить в веках, пока стоят Волчьи острова. Уйти сейчас, целыми и с добычей — не трусость, но мудрость...

Его речи прервал очередной раскат грома, опрокинутая пирамида содрогнулась, казалось, до самого недостижимого основания. Медленно раскалываясь на куски, окутанные облаками едкой каменной пыли, рушились скалы вокруг Утонувшего Краба, чуть не к самым небесам взметнулся гейзер, вода, смешанная с паром. Глубокий раскол пролёг по морскому дну, океан ринулся в проломину, добираясь до глубинных слоёв. На восток и на запад устремились волны высотой с самый высокий из аркинских шпилей; они натворят немало бед, достигнув суши.

Споры пресеклись. Замерев, все смотрели на медленно поднимающееся облако дыма и пара, совершенно скрывшее южную оконечность острова. В ход там шла магия, не сопоставимая с той, какой владели та же Клара или Фесс.

Разумеется, если не брать в расчёт Алмазный и Деревянный Мечи.

* * *

Познавший Тьму давно научился испытывать настоящий страх. Даже оказавшись вместе с Ракотом и Гелеррой в замке-западне, он его не ощущал. Настоящего, подсердечного страха, когда перехватывает горло и подгибаются ноги, как бы ты ни пытался выпрямиться.

Сейчас Новый Бог, один из двух некоронованных владык безбрежного Упорядоченного, испытывал именно такой страх и ничего не мог с собой поделать.

Хаген и лучшие из подмастерьев едва держались

всемером против какого-то смертного мага, медленно отступали, отбиваясь, как могли, да так, что рана на теле Эвиала становилась всё глубже.

Они пытались отрезать мятежного чародея от заполненной Древними сущностями пропасти — напрасно, он не поддался на уловки. Пытались опрокинуть грубой силой — чародей выставлял непробиваемые щиты, ловко отводил заклятья, подставлял под них шары с пленниками. От каменного свода пещеры уже давно ничего не осталось, трескались, крошились и рушились окрестные скалы, пылали деревья, в глубокие трещины врывалась вода. Разломы угрожающе потянулись к самой опрокинутой пирамиде.

Эвиальский чародей сражался мастерски. Да, он накачал себя до предела силой, жертвоприношения и магия крови — сильнейшее оружие; но к таким подмастерья Познавшего Тьму привыкли, они частенько сталкивались с «тёмными властелинами», не умевшими ничего, кроме как пытаться и мучить угодивших им в руки несчастных. Тем же самым занимался и приснопамятный Бог Горы, когда ещё не служил Хедину и Ракоту.

Однако их сегодняшний противник умел и многое другое. Много из того арсенала, что невольно заставляло Хедина вспомнить совсем уж далёкое прошлое, его первые столкновения с Поколением, войну, изгнание, возвращение и последующее восстание, приведшее их вместе с Ракотом на свитые из терновых ветвей «троны Упорядоченного».

Заклятья из арсенала Истинных Магов. Да, упрощённые, да, приниженные; но в сочетании с магией крови в руках смертного чародея они сделались поистине убийственными.

Пора вступать в дело самому Познавшему Тьму. Мятежник теснит его Ученика и подмастерьев, явно прорываясь к жерлу опрокинутой пирамиды. Раз ему туда нужно — то он не пройдёт.

Сокол молнией метнулся вниз.

И одновременно:

— Ко мне, брат, ко мне!

Они должны покончить с мятежником, пока обезумевшая магия не расколола пополам весь Эвиал.

Новый Бог не разменивался на молнии и пламя. Заслужил ли смерть местный чародей — решат они с Ракотом, когда кончится вся эта история. Поэтому всё, что требуется, — разорвать его связь со впитанными кровью и силой, за шиворот вытащить из этого места, отправив под надёжной охраной, скажем, в тот замок, где он, Хедин, принимал особо важных гостей.

Ветер стонал, рассекаемый коричневыми крыльями. Сокол стремглав мчался к земле, обгоняя самые бешеные ураганы. Почти задевая камни концами длинных маховых перьев, очертил короткую петлю вокруг напиравшего на его подмастерьев мага. Маневр этот не остался незамеченным — чародей незримым щитом, словно обычным, отбросил потрёпанного дракона, глубоко посаженные агатовые глаза впились в новоприбывшего.

Да, ты хорош, ты очень силён, с невольным уважением подумал Хедин. Ты стал бы отличным подмастерьем, достойным водить мои полки, — не встань ты на сторону моих врагов. Впрочем, ещё ничего не потеряно.

Вверх! Отвесно вверх! Подсекая, словно рыбак добычу!..

Незримая петля рванула чародея, отрывая от земли, вздёргнув разом на добрые полсотни локтей. Маг яростно взвыл, больше от досады и гнева, чем от боли; завертелся, забился, словно ёрш на крючке.

Сокол что было сил работал крыльями, пробивая воздушные барьеры, устремляясь вверх, только вверх, к звездным сферам. Необычная и неожиданная тяжесть добычи тянула обратно, к земле, но нет, нельзя, вперёд, лишь вперёд, и тогда...

Бьющийся на незримой лесе чародей сунул правую руку прямо в раскрытую чудовищную рану на левом предплечье. Чёрное, смешанное с красным — прямо перед ним начерталась какая-то руна, древняя, злая и мощная; её извивы, словно паук, вцепились в удавку — и заклятье Познавшего Тьму лопнуло, да так, что сокол закувыркался, едва выправив полёт.

Его освободившийся противник камнем рухнул вниз, однако в последний момент успел сотворить нечто вроде воздушной перины. Во всяком случае, на обугленную и почерневшую землю Утонувшего Краба его ноги ступили мягко, словно и не падал он с нескольких сотен локтей.

Оторопевшие подмастерья попятились. Один Хаген — доспехи прожжены в нескольких местах, словно холщовая рубаха — непреклонно шагнул к нему. Голубой меч занесён, лезвие сияет девственно-злой чистотой.

Последний настоящий Ученик последнего настоящего Мага даже не помышлял об отступлении.

Сokol издал яростный клёкот. Расправил крылья, закладывая крутой вираж, камнем обрушился вниз; Хедин успел заметить в воздетой руке мятежника странный предмет, словно составленный из чёрных кубиков, по граням меж ними проворно сновали алые змейки — и с маху налетел на соткавшуюся из ничего прямо перед ним стену.

Заклятье было сплетено идеально. Молниеносно, скрытно, неотразимо; так, что не перехватишь и не разнимешь на составляющие. Конечно, серьёзно ранить или потрясти Нового Бога было не так просто; но эвиальский чародей благоразумно не собирался нападать, ограничиваясь обороной; и очень разумно, потому что...

— Держись, брат! — загремел Ракот. Он появился прямо на земле, среди дыма и пламени, против обыкновения, не на своём любимом летучем чёрном вебре.

Следом за ним из раскрывшегося портала двинулись стройные ряды рыцарей в белой броне — Орден Прекрасной Дамы, его лучшие из лучших.

Мятежный чародей издевательски захохотал. Правда, это больше походило на смех сумасшедшего, пляшущего с горящим факелом на груде бочек с горячим маслом.

Ракот бросил короткий взгляд на Хагена, угрюмо сдвинул брови, поудобнее перехватил клинок и шагнул наперерез врагу.

* * *

«Прекрасно, прекрасно, ничего лучше и не может быть. — Игнациус мысленно потирал руки и промокал честный трудовой пот. — Осталось совсем немного. Они не могут не явиться. Не могут не услышать, не могут не почуять призыв. А потом...»

Конечно, уцелеть и остаться невредимым в таком хаосе непросто даже для Архимага Долины. Тем более когда требуется не просто уцелеть, а и держать в полной боевой готовности давным-давно заготовленные заклятья.

Но он выдержит. День Гнева будет отомщён.

День Гнева. И не только.

* * *

«Как же я вас всех ненавижу, — билась одна-единственная мысль. Сильвия прекрасно чувствовала Игнациуса — спасибо крови отца — Хозяина Ливней. Ишь, затаился, мразь. Ничего, на твои-то благородные седины мой дождик прольётся прежде всего. Дай только срок. Пусть здесь соберутся все, все, все!.. и тогда я затоплю всю эту пирамиду, залью бездну — пусть горит без огня, пусть растворяется без остатка. Ненавижу вас всех!..»

Фесс и остальные со всевозрастающим изумлением взирали на разворачивающуюся битву. Некромант чуть не упал, вроде бы узнавая в противниках Эвенгара старых знакомых — Эвенстайна и Бахмута. Нет, внешне они стали другими, что и неудивительно; но всё-таки сходства обнаруживалось куда больше.

Что ж, красиво, сильно, зло. Решительно. Да только куда вам против Салладорца, не умеете вы ненавидеть так, как он. Триста лет в каменном гробу — это не шутка. Вот и раскидывает он вас, как котят, несмотря на всю вашу силу. И рыцари в белом тут не помогут — надо не просто «желать победы» и даже не драться за собственную жизнь — нужно рваться из жил, чтобы стереть этого гада с лица земли, выдрать из-под кожи кости раздробленного черепа, просто потому, что только так можно дать выход неистовой ярости. У Салладорца такая ярость есть. Мир для него — абсолютное зло, каждый миг существования неба, земли, моря и воздуха Эвенгару оскорбителен. Если не встретить эту ярость своей собственной — он вас сметёт. Пусть вы стократ более умелы и изощрены в плетении заковыристых заклинаний.

Некромант чувствовал всё это. Неистовство Салладорца. Растерянность тех, кто пытался его остановить. И недоумение двух действительно могущественных существ, появившихся на сцене последними.

Разумеется, Фесс видел их не простым зрением. Они уже успели спуститься довольно глубоко, южную часть опрокинутой пирамиды заполнило дымом. Битва смешала и спутала все магические потоки, и защитники Утонувшего Краба предпочли поспрятаться, нежели рисковать, навлекая на себя ответный пламень драконов.

Но всё-таки настоящих противников у Эвенгара теперь оказалось двое. Салладорец вертелся волчком, заклиная так и сыпались, перемежаясь с чем-то, очень

напоминающим некроманту жертвоприношения. Во всяком случае, во время кошачьего гримуара в Скавелле Фесс чувствовал нечто подобное.

Что ж, противники, похоже, надолго занялись друг другом. Пора идти дальше и, да простится мне эта банальность, «исполнять свой долг», подумалось некроманту.

— Впе...

— Смотрите, там, там! — истошно выкрикнула вдруг зоркая Тави.

Ниакрис скрипнула зубами, Райна спокойно и гордо вздёрнула подбородок, Бельт побледнел, прищурился и что-то быстро забормотал себе под нос; Безымянная с Рысью-неупокоенной остались, как и положено, бесстрастно-невозмутимы, а преподобный отец Этлау с хрипом схватился за грудь, зашатался, однако сумел выпрямиться сам, прежде чем Фесс успел поддержать его под руку. Бывший инквизитор перхал и заходился кашлем, однако глаза его горели так, что ясно было — вот он-то ненавидит врага как положено.

Восточный горизонт, откуда следовало накатываться ночи, резко посветлел, золотисто-шафранное зарево, казалось, предвосхищает новый рассвет. Однако оно разгоралось не вдоль всего края неба, лишь в самой его середине; сонм облаков устремился вперёд, послушно выстраиваясь исполинско-триумфальной аркой. Оттуда, из-под арки, пролился яркий, режущий свет, идеально-белый, терзавший глаза, чуть не выжигавший их; из снежно-девственного сияния возникла алая капля, так напоминавшая кровь. Словно крошечный лоскут пламени, она затрепетала посреди неба, стремительно приближаясь и волоча за собой длинные, множественные шлейфы призрачного пламени.

Отец Этлау обеими руками придерживал веки, не давая им закрываться. Его шатало, из глаз градом лились слёзы, однако он не зажмурился и не отворачивался.

— Спаситель-во-Гневе, — услышал Фесс сипение преподобного. — Спаситель-во-Гневе, всемогущее что-то, услышь нас, спаси и оборони!

— Оборонить себя мы сможем только сами, — зло бросил ему некромант.

Орки скалились, иные отворачивались, закрываясь сгибом руки; но куда больше даже не подумали бросать оружие.

— Обороним, само собой, — рыкнул Уртханг, в свою очередь не сводя глаз со Спасителя. — Нам страшиться нечего. Говорят же, будто у нашего племени души и вовсе нету.

— Тогда вниз, — начал было Фесс, однако его прервало издевательское:

— Не думаю, что тебе стоит торопиться, некромант Неясыть.

Голос Эвенгара слышался невероятно чётко, хотя самого Салладорца нигде поблизости не было видно.

Не обращая внимания на глумление Тёмного мага, Фесс коснулся шеи Аэсоннэ, её теплой и гибкой брони, скрывавшей перекатывающиеся мускулы.

Пора лететь, дочка. Вперёд и вниз, до самого конца. А если потребуется, то и дальше.

Спаситель стремительно приближался. Язычок дальнего пламени превратился в человеческую фигуру, облачённую в алое. Лик Спасителя каждый видел в мельчайших деталях, и Фесс невольно удивился — повергателя миров словно только что сунули головой в кузнечный горн, настолько обожжено и жутко казалось его лицо. Нет, любой, хоть раз взглянувший на иконы с Его образом, тотчас бы узнал небесного странника.

Обгорелый лик из скорбного сделался страшен. Спаситель шагал под облачным потолком по стремительно развёртывающейся прямо в воздухе золотой тропе, шёл быстрым упругим шагом воина, а не погружённого в молитвенные раздумья пилигрима.

Алая накидка трепетала за плечами, словно боевой стяг.

— Ответил-таки! — проревел Ракот, потрясая чёрным клинком. — Надо ж, а то я уж думал — опять струсишь!

Схватка с мятежным чародеем на миг утихла. Названные братья не успели как следует взяться за него, а уже появился враг куда серьезнее.

— Хаген, сможете его сдержать? Не одолеть, только сдержать?

— Сможем, учитель, — услышал коричневопёрый сокол голос хединсейского тана.

— Нам, похоже, придётся заняться кое-чем другим. — Хедин желчно и ядовито усмехнулся. Смеялся он сам над собой — никогда не верил Ракоту, что существо, подобная Спасителю, явится на открытый поединок, а вот ведь как оно вышло...

— Учитель, мы не отступим. Как тогда, в Храме. В столице Видрира.

— Я знаю, Хаген, — а что тут ещё скажешь?

— На тебя надежда, Читающий.

«*Всегда готов к услугам*», — равнодушно отозвался тот. Ничего не страшится, что и неудивительно: вот уж у кого души точно нет и никогда не имелось.

...Обычно Ракот избегал нематериальности, развоплощений, бесплотья. Слишком уж сильно и живо, несмотря на протёкшие столетия, это напоминало о жутких временах его собственного заточения на Дне Миров. Черноволосый воин в тёмной броне предпочитал клинок хитроумным заклятьям, вольно или невольно ограничивая себя. Но — не сегодня. Он уже попробовал остановить Спасителя «обычным образом», пытаясь представить, как действовал бы на его месте многомудрый Хедин или как он сам стал бы сражаться с могущественным, но диким колдуном, каких немало попадалось на его пути.

Ракот видел взметнувшегося ввысь коричневокрылого сокола — Хедин спешил на подмогу. Далеко внизу

остались подмастерья, Хаген, рыцари Прекрасной Дамы — их битве придётся подождать, как ни печально. Новым Богам предстояло схватиться со Спасителем.

Явившимся, куда позвали. Ответившим на вызов.

Владыка Тьмы чувствовал — его враг изменился. Жертва тех двоих, не разжавших объятий до самого конца, нанесла Спасителю куда более глубокую рану, чем все атаки Ракота.

Отлично. Как не преминул бы посоветовать Хедин, используем открывшуюся слабость. Словно он, Владыка Тьмы, хотя и бывший, этого не понимает!

— Спасибо, что пришёл! — Могучий глас Ракота пронёсся над Эвиалом, от горизонта до горизонта, заставляя вздыматься волны и в ужасе разлетаться облака. Далеко на севере трескались вечные ледяные поля, на юге смерчи сшибались друг с другом, сойдя с веками исхоженных троп. — Честь и слово тебе не чужды, так?

...Нет, чужды, вдруг подумал Ракот. Я произношу пустые слова. Я хочу верить, что мой враг, как и я, блюдёт вежество поединка. Но я же знаю — он есть пустота, обманка, тлен, мигающий болотный огонёк, заманивающий путника в глубь трясины. Как такой может уважать священные правила единоборства, почитающиеся таковыми среди самых диких и кровожадных племён?

Как поступил бы сейчас Хедин?.. Или, может, лучше — как поступить сейчас Ракоту, Владыке Тьмы, отнюдь не бывшему, Ракоту Восставшему, обращавшемуся и зажигавшему словом миллионные массы тех, кто верил ему и шёл ради него на смерть?.. Ради него и вместе с ним, потому что Восставший никогда не бежал от боя, никогда не прятался в высоких крепостях и не окружал себя многочисленной стражей.

— Осторожно, брат. — Хедин, в отличие от Ракота, говорил так, что его слышал один лишь Владыка

Тьмы. — Эвиал не выдерживает тяжести Спасителя. Кости земли начинают трещать, не чувствуешь?

Ракот не ответил. За плечами Спасителя дерзкой насмешкой развевался красный плащ, такой же, как и боевое одеяние Владыки Тьмы.

...Осторожно, брат! — можно подумать, он слепо бросится на этого Спасителя.

...Про тебя говорят, что ты умираешь в каждом мире, куда нисходишь в первый раз. Умираешь в человеческом облике мучительной и позорной смертью, оставив священные книги, последователей, готовых на всё, свою «церковь» — словно бросаешь якорь, чтобы много веков спустя вернуться — и забрать законную добычу. Говорят, что ты даришь надежду, что ты спасешь души от «ужаса посмертия». Но ты оставляешь за собой лишь пустыню. Мы считаем это самым настоящим злом, и встать против тебя требует не только долг стражей Упорядоченного, но и наша собственная совесть, совесть Истинных Магов, унаследованная Новыми Богами.

Да, ты мучился и страдал. Зная, что это — не настоящая смерть. Может, твоё человеческое воплощение действительно корчилось от боли и ужаса — ты, настоящий, смотрел на происходящее с усмешкой. Ведь это всё понарошку. Что за смерть, за которой приходит «чудо воскрешения»?

За тобой — только ложь.

Сейчас Ракоту казалось, что он видит Спасителя словно со всех сторон, множеством глаз. Золотая тропа развёртывается, чуть наклоняясь к земле, человеческая фигурка в алом плаще шагает быстро и упруго, готовая к бою.

Ты, свободнотекущая магия, великая кровь Упорядоченного, дающая жизнь всему под бесчисленными звёздами! Вы, хрустальные сферы небес, приводимые в движение её током, вы, луны и светила, всё, что создано в единый миг великим и непостижимым разумом

предвечного Творца, всё, окружающее человека, — дайте мне силу встретить смерть — смертью и пламя — пламенем.

Ракот сейчас ощущал за плечами неисчислимые сонмы миров. Восторг ярился испепеляющим огнём, Владыка Тьмы знал, что острие его удара пронзит любые магические барьеры. О Хедине он не думал.

...Спаситель. Неведомый, непонятный, поддерживаемый неведомыми какими силами. Непобедимый. Очень хочется сказать с иронией — «непобедимый ли?», но последнее «ли?» как-то не выговаривается. Враг, чью броню не пробить никакими заклятьями. Нет, нет, этого не может быть. Стоит лишь напрячь память, спросить Читающего, вспомнить соответствующие разделы... Они плохо готовились к этому бою, яростно корил себя Познавший Тьму. Надо было не пытаться распутать хитросплетения заговора Дальних — в конце концов, пусть бы плели себе и дальше, — а искать средство для победы над Спасителем, искать, приложив к этому все силы. Перетряхнуть прах забытых храмов, зарыться в наследства одиноких пророков — мы слишком увлеклись повседневным, мы мало разрабатывали новых заклятий и чар, уповая на старый багаж да на божественную мощь.

А в столкновении с другим богом её-то и не хватило.

Неназываемый страшен, и его надо сдерживать. Но нельзя было забывать о Спасителе. Они, вернее он, Хедин, Познавший Тьму, не имел на это права, раз уж Ракот только и знал, что играть в образе черноволосого и голубоглазого воителя.

Заклятьё! Всё дело в нём. Правильно подобрать слова, компоненты, направления, учесть множество сил, великих и малых, действующих в Упорядоченном. Как к любому замку можно подобрать ключ, так и против

любого врага можно найти действенное заклинание, не сомневался Хедин.

Заклятье. Так просто — и так сложно. Ум, вот что требовалось, чтобы победить. Ум, хладнокровие, здравый расчёт. На кажущуюся непостижимой тайну не бросаются с бешеным рёвом, размахивая клинком.

...А Ракот лезет на рожон, забыв обо всём. Разве так можно?

Вот и сейчас. Ну что за наивность, что за ребячество?! Спаситель, приходится признать, велик, могущественен и непонятен. На непонятное не кидаются с клинком наголо. Его атакуют сперва в тиши кабинета, тщательно продумав соответствующий план. Или, раз уж пришлось до срока сойтись на поле боя, — каскадами заклинаний, всей мощью хитроумной магии Упорядоченного. Иначе они проиграют.

Непонятно, что задумал Ракот. Скорее всего — ничего. К сожалению. Взъярился, глаза заткало красным — и он ринулся в бой, забывая обо всём. Сейчас Спаситель его отбросит, и...

— Осторожно, брат! — вороном каркнул Хедин. — Закон...

Он хотел напомнить забывшемуся брату о Равновесии. Но — не успел.

Ракот стянул в тончайшую нить всю силу, что текла сквозь Эвиал, или же огибала его — там, где ещё сохранилась чёрная броня некогда закрытого мира. Тоньше волоса, тоньше наимельчайшей тварной частицы — его оружие ударило неотразимо, навывлет пронзив грудь Спасителя и обращая в облака золотого пепла развернувшуюся тропу у того за спиной.

За всех, обманутых, растративших жизни на молитвы и послушание. За всех, кто мог стать героем, создателем, воином или капитаном, открывателем новых земель, кто дерзнул бросить вызов косному бытию — и не стал, разменявшись на обещание «награды в посмертии», «воздаяния за порогом бытия». Ничего там нет,

за этим порогом. Серая пустота, мелькали яростные мысли. Пустота, и её не заполнишь чужой верой, даже самой искренней и истовой.

И я ударяю, я атакую, забыв о законах и Весах. Ответ — на мне. Я приму то, чему суждено обрушиться, но не смиренно, а буду драться вплоть до ногтей и зубов. Драться, перестав быть богом, магом, оставаясь лишь человеком; до тех пор, пока не лопнут перенапрягшиеся мышцы и не выгорят глаза.

Драться, так же, как дерётся сейчас статный воин в чёрных доспехах с вычеканенным на груди царственным змеем, коронованным василиском. Напирая плечом, он с усилием продирается сквозь плотную пелену серого тумана, холодного, словно яд самой смерти. Ракот не знает этого воина, никогда его не видел — но чувствует текущую по жилам того силу, выжигающую изнутри; осталось совсем недолго, и уже от него, Владыки Тьмы, во многом зависит, упадёт воин ничком в стылom море злой мглы — или пробьётся к нему, Ракоту — подобно тому, как пробивались некогда те, кому он протягивал руку.

Названный брат Ракота словно раздваивается, он-второй замирает на вершине холма, поднявшегося над волнами серого моря — сквозь муть, пригнувшись и выставив плечо, пробивается воин со знаком василиска.

И в тот самый момент, когда он-первый ринулся на Спасителя, дав волю бушующей ненависти и испепеляющей жажде жизни, он-второй там, на холме, просто протянул руку бредущему сквозь мглу воину. Не дотянулся — но человек вскинул голову, слово почувствовав что-то. Поникшие были плечи распрямились, он налёг на незримую преграду, шаги сделались твёрже, шире и увереннее.

Ракот улыбнулся.

Ты придёшь ко мне. И тогда мы поговорим. Никогда, с самого мига освобождения, когда брат Хедин со-

крушил мою темницу, я не испытывал ничего подобного.

Не знаю, кто ты, боюсь поверить — но, если мы переживём этот бой...

Как странно — даже будучи Новым Богом, я не мог оказаться разом в двух разных местах. До этого момента.

...Момента, когда я наконец-то вцеплюсь в глотку этой сволочи, оставляющей после себя исполинские кладбища, разумеется, ради исключительно лишь «спасения заблудших»!..

...От удара Владыки Тьмы в ужасе взвыли ветра, море под ними расступилось, оголяя чёрно-коричневое дно, ещё стоявшие скалы Утонувшего Краба затряслись, обрушиваясь горами праха. Серые облака сдуло в единый миг, по небесной голубизне расплывалась злобного вида тёмная клякса.

Спаситель остановился. Пошатнулся, схватившись за «пробитую навывлет грудь». Закашлялся.

— Оставь его! Он мой! — проревел Ракот, обращаясь к Хедину. — Это поединок!

...Что он делает, брат мой, что он делает?! Я побеждаю, не знаю, как, но побеждаю, беру верх, Спаситель уже дрогнул!..

Познавший Тьму не удостоил брата ответом.

Коричневокрылый сокол налетел, пронесаясь над самой головой странника в алом, за выставленными когтями тянулся длинный шлейф искр, плоть Эвиала рвалась и расходилась, открывая жуткий провал — темнота, холод и ветер, засасывающий всё в ненасытную утробу.

Спаситель пошатнулся. Золотая тропа исчезла, лишь под его стоптанными сандалиями остался крошечный огрызок, однако вот и он рассыпался тонкой, миготавшей исчезнувшей в провале пылью.

Фигура в алом плаще зависла в воздухе — ткань трещала, срываясь с худых плеч, чёрная щель в теле Эвиала распахивалась всё шире, и теперь уже предостере-

гающе крикнул Ракот, оставаясь невоплощённым — его названный брат не хотел рисковать повторными ударами, но нанесённая миру рана раскрывается, и уже рушатся дальние хребты на соседних островах, море в слепой ярости бросается на берега, оживают огненосные горы, извергая потоки лавы. Теряются жизни, как и всегда случается при таких катаклизмах.

Первыми гибли корабли, застигнутые исполинскими волнами, заливало приморские деревушки и портовые города, неблагоразумно возведённые поселения возле древних вулканов стремительно пустели, а дома разваливались и вспыхивали, сжатые в испепеляющих объятиях наплывающей лавы.

Спаситель медленно, словно ввявь преодолевая напор ураганного ветра, выпрямился, опираясь прямо на воздух. Ни в каких «лестницах» и «тропах» Он, конечно же, не нуждался — или нуждался в иной ипостаси.

Алый плащ намок и лип к телу — из вроде как пробитой насквозь груди пролилась кровь. Да, оружие Новых Богов получило власть над Ним — вот только хватит ли его мощи, чтобы довершить начатое?

В руках Спасителя серебряным блеском засияла перечёркнутая стрела. Он высоко вскинул её, и небо содрогнулось.

Низкий, непередаваемо грозный зов прокатился по Эвиалу, зов без единого понятного живым слова. Губы Спасителя оставались плотно сжаты — но зов достиг слуха всех без исключения обитателей мира, неважно, разумных или нет, смертных или бессмертных.

Коричневый сокол яростно заклекотал, намереваясь вновь броситься на врага, — щель затягивалась, плоть Эвиала вновь становилась единым целым.

— Нет, брат, нет!

На сей раз Ракот успел.

«Он поднимает мёртвых», — услышали названные братья равнодушный голос Читающего.

— И собирает живых, — едва вымолвил Владыка Тьмы.

Под ними кипело море — отовсюду, когда б ни погибли здесь корабли, к Спасителю по воде, аки посуху, шествовали первые вереницы мертвецов. Не скелетами или зомби — нет, такими, какими были перед самой гибелью. Но глаза — пусты, сердца не бьются и нет дыхания. А там, где они поднялись на поверхность моря, вода начинала кипеть, вспучиваясь множеством пузырей и извергая облака пара.

Начинался великий марш мёртвых, во всех подробностях описанный в священном предании. Эвиал обошёл без предсказанного моря, но в конце дороги оказывалось всё равно то же самое.

* * *

Битва на Утонувшем Крабе разгоралась с новой силой. Салладорец теснил противников, мятежный маг упрямо и настойчиво пробивался к опрокинутой пирамиде — а Фесс, Клара и остальные по-прежнему бездействовали. Некромант почувствовал, как Эвенгар прибег к силе Аркинского Ключа, отбросив врага, но не уничтожив. А потом начало раскрываться небо, появился Спаситель — и, казалось, теперь уж вовсе не до драки, когда вокруг рушатся скалы, а морские волны вот-вот перехлестнут через кольцо окраинных пирамид на границе самой бездны.

Но даже среди всеобщего хаоса и разрушения шаги Салладорца отдавались по всему обречённому острову; Фесс ощущал угрюмую и упорную ненависть Эвенгара, направленную на него и только на него. Остальные Тёмного мага не интересовали, только он, некромант Неясыть. Ещё немного — и великий чародей окажется совсем рядом. А судя по тому, как он отбивался от поистине грозных противников, бой этот не сулил Фессу ничего хорошего.

Вдобавок оживала сама бездна. Опрокинутая пира-

мида, несмотря на дым и драконье пламя, охватившее верхние ярусы, не собиралась сдаваться. Её обитатели явно не читали Священного Писания, отнюдь не падали ниц и не молили в последний миг Спасителя о прощении. Вместо этого они вновь избрали своей целью отряд Клары — только на сей раз рядом с ней не оказалось никого, кто подставил бы плечо, поддержав её отпорный щит...

Совсем рядом взорвался первый огнешар, и двое орков рухнули вниз, объятые пламенем — молча, как и положено воинам.

Что делать? Вниз? Наверх? Снизу, всё усиливаясь, бьют и бьют по отряду невидимые маги-стрелки; наверху — Салладорец, а ещё выше со Спасителем схватились такие силы, что смертным только и остаётся убираться подобру-поздорову с их дороги.

Куда уходить? А если внутрь? В казематы самой опрокинутой пирамиды, защититься хотя бы от убийственного ливня стихийной магии.

— Шевелись! — рывкнул Уртханг. — Покуда без ног не остались!

Внутрь. Нет, это не для него, подумал Фесс. Салладорец всё ближе, а он, Кэр Лаэда, явился сюда не для того, чтобы тягаться с Эвенгаром. Не он его главная цель.

Некромант коротко взглянул на Аэсоннэ, и драконница, поняв его без слов, кивнула.

«Да, папа. Увлечём его за нами, на такую глубину, где всё сделается своей противоположностью...»

— Смотрите, смотрите! — выкрикнула вдруг Эйтери. Маленькая чародейка народа гномов с ужасом смотрела на Безымянную и неупокоенную Рысь.

Ещё совсем недавно незрячие глаза Рыси открылись. Запрокинув голову, она смотрела вверх, туда, где неподвижно зависла фигура Спасителя в алом плаще. Оттолкнув стоявшую у неё на дороге гному, полуэльфийка решительно зашагала к соседней лестнице; на-

целенный в неё огнешар поспешно и трусливо отвернул, взорвался, ударившись о стену, не дерзая причинить ей вред.

— Рысь! Нет! — Фесс сам не слышал своего голоса.

— Куда? — заорала из укрытия Клара, но некромант уже бросился наперерез мерно шагающему телу.

Кукла Спасителя. Ничего не понимающая и не видящая, кроме лишь Него.

Дальнейшее заняло лишь доли мгновения. Не сдержавшись, Фесс вцепился Рыси в плечо — и отдёргнулся.

Холод камня, монолит скалы.

— Не так, не так! — выкрикнула Безымянная, кинувшись следом.

Лесной голем с разбегу оттолкнулась от стены, бросилась на мерно шагающую и ничего вокруг себя не видящую Рысь, потащила её к краю бездны. Неупоконенная задёргалась, словно тряпичный болванчик на нитке, но Безымянной хватило лишь доли мгновения. Крепко сжимая сестру-близнеца в объятиях, она оттолкнулась от каменного парапета, на секунду зависла — и низринулась вниз.

Нет, не на следующий ярус и даже не на последующий. Опровергая все законы природы, две плотно сцепившихся фигурки падали прямо к сердцу бездны, словно указывая путь остальным.

Аэсоннэ возникла рядом, жемчужная шея выгнута — юная драконица готова к последнему полёту.

Что-то прорычал Чаргос, тёмно-бордовое чешуйчатое тело напряглось; Фесс ощутил себя верхом на Рыси, Аэсоннэ торжествующе взревела и отвесно бросилась вниз, уже в полёте ловко увернувшись от ветвистой молнии.

Следом за ними ринулись Чаргос, Флейвелл, Вайесс и остальные драконы. Все — за исключением Сфайрата.

Он, в облике Аветуса, так и остался подле Клары Хюммель.

А она, стоя возле узкой бойницы, вдруг ощутила, что руки её сами собой потащили из ножен Алмазный и Деревянный Мечи.

* * *

Подмастерья Хедина и Хаген вместе с рыцарями Прекрасной Дамы старались не отставать от Салладорца — а тот ринулся в достойный титана прыжок по огромной дуге с одного края опрокинутой пирамиды на другой. Они видели, куда тот нацелился, — туда, где, спасаясь от смерча истребительных заклятий, зеленокожие орки поспешили укрыться в стенах самой пирамиды.

Снизу сразу по всем маршам двигались отряды зомби в ало-зелёном — Спаситель оказался не властен над ними, маги Утонувшего Краба и подвластной ему Империи Клешной не зря корпели над выведением новых мертвяков.

Ещё в воздухе Салладорец что-то прокричал, прибегая к древней, как мир, практике произносимых заклинаний, — заполнивший пирамиду дым на глазах уплотнился, превращаясь в огромную крышку, наглухо закупорившую бездонный провал.

Рыцари в белой броне, сомкнув ряды, устремились навстречу одному из ало-зелёных отрядов; шеренги сшиблись, и тела в шипастых доспехах из панцирей морских чуд горохом покатались вниз. Иные провалились сквозь твердеющую завесу Салладорца, иные — так на ней и оставались. Жаль, что преграда не оставлиwała летящие снизу огнешары и молнии, для посылавших их барьер, наверное, оставался прозрачным.

Отряд Ордена играючи разбросал преградивших им дорогу зомби и, не задерживаясь, скрылся под серой крышкой. Их она отчего-то не задержала.

Что они почувствовали там, к чему прорывались? Во всяком случае, помогать взятым в кольцо оркам они явно не собирались.

Однако Салладорца интересовали явно не они. Невероятным прыжком мятежный маг очутился прямо напротив Клары Хюммель; чародейка бестрепетно шагнула ему навстречу.

Алмазный и Деревянный Мечи прочно и надёжно лежали в её руках, их острия со спокойной уверенностью смотрели прямо в грудь Эвенгару.

— Ты не пройдёшь, — на наречии Долины произнесла Клара, уверенная, что противник её поймёт.

Два клинка поднялись и скрестились, принимая позицию. От них исходила могучая, древняя сила, злая и кровожадная, заставлявшая туманиться рассудок. Однако первый же огнешар, пущенный в их сторону, разбился о невидимую преграду — Мечи признали новую хозяйку и, как могли, оберегали её.

Салладорец не ответил. Лицо его покрывали копоть и кровь, левое плечо и часть груди превратились в чудовищную опухоль, вздулись щека и шея, один глаз почти заплыл. Но зато второй полыхал таким пламенем, что Клара невольно пошатнулась.

Она почувствовала, как рядом с ней бесшумно появилась Ниакрис, одновременно — Тави и Райна; за правым плечом встала непокорная Шердрада.

— Ты не пройдёшь, — повторила Клара по-эбински, и на этот раз Салладорец не стал отмалчиваться.

...Серая удавка осталась бы незримой для всех, включая саму Клару, если б только не Мечи. Чародейка упала на одно колено в длинном выпаде, Алмазный Меч разрубил магическую петлю, набрасываемую на неё Эвенгаром, Деревянный ударил Тёмному магу в живот.

Прыгнула Ниакрис, на полсекунды отстала от неё Тави.

Салладорец уже не смеялся, его глаза бешено вращались в орбитах, руки мелькали так, что движения сливались. Раз — отлетела Тави, распростёршись на

плитах, два — отброшена Ниакрис, три — зазвенел и согнулся наконечник копья Райны.

«Надеюсь, что Кэру хватит именно этих мгновений», — мимоходом подумала Клара, разом прикрывая друзей и бросаясь в новую атаку. Алмазный и Деревянный Мечи безмолвно взвыли, требуя крови.

И, словно откликаясь на их зов, высоко в небе над обречённым Эвиалом стали появляться новые фигуры. Шестеро. Вечно молодые и вечно прекрасные, несмотря ни на что.

* * *

Ну, вот и дождался, Игнациус, — выдохнул мессир Архимаг.

Неожиданно навалилась усталость. Всепоглощающая, высасывающая всё. Захотелось закрыть глаза, прижаться к сотрясающейся земле и уснуть. Прямо тут, среди рвущих друг друга на части врагов.

Всё вышло, как ты и планировал. Всё — и даже больше. Видать, плохим прознатчиком оказался ваш Динтра, о всеильные владыки Упорядоченного. Не сумел, не разглядел всего замысла, небось докладывал только о частях, которые я решил сделать достоянием гласности. И все силы, большие и малые, сочли, что старик Игнациус действует в их интересах и им на пользу.

О да, разумеется. Всегда лучше, чтобы твои планы до поры до времени совпадали с интересами сильных мира сего.

Кряхтя, Архимаг перевернулся на спину. Небо затягивал дым, но старый чародей и так видел всё, что требовалось.

Шестеро новоприбывших. Он ждал их столько лет, что впору было сбиться со счёта. Забыть, вычеркнуть из памяти. Заняться повседневностью. Объявить, в конце концов, себя владыкой Долины, разогнать неженков и лежебок, железной рукой взнудать Гильдию боевых магов, превратить её в ударный отряд Долины — и

вперёд, от победы к победе, присоединяя к невиданной ранее магической империи всё новые и новые миры. Не страны, не континенты — именно миры. Открывать меж ними надёжные порталы, чтобы простые смертные тоже вкусили бы плоды — торговля, новые товары, новые земли, для лихих сердцем — новые приключения. И поверх всего он — вечный Император, Владыка Сущего.

Да, он достиг бы цели. Трон из черепов воздвигся бы выше облаков, Игнациусу воздавали бы божественные почести. За три тысячи лет Долины в большинстве миров прошли бы путь от полной дикости до цветущих, просвещённых деспотий (ибо только единоличная власть, полагал Игнациус, позволяет хоть чего-то добиться). Там забыли бы старых богов и поклонялись бы ему и только ему, подателю благ, дарящему и отнимающему.

Он усмехнулся. Над головой неслись дымные обрывки, ревели, гремело и грохотало.

Вы все, сильномогучие, все как один, явились на мой зов. Шестеро Молодых Богов — как они могли пропустить миг триумфа, обретение Алмазного и Деревянного Мечей, способных вновь открыть им дорогу к тронам Упорядоченного? Сложные и запутанные законы мироздания, законы, что сильнее воли богов и магов, не подпускали их к заветному оружию; у него, Игнациуса, не одно столетие ушло на то, чтобы хоть приблизительно установить их значение. Еще больше времени потребовала подготовка приманки и устройство самой западни.

Он ничуть не страшился, оставляя третий Меч, чёрный фламберг, Меч Людей, в руках сперва Хозяина Ливней, а потом Сильвии, его наследницы. Все пути ведут к нему, Игнациусу, если он озаботится лично их проложить.

Что он и проделал.

Сильвия тоже здесь, ждёт, наслаждаясь новооб-

ретённой властью. Глупая девчонка. Но ты меня не интересуешь. Ты сыграла свою роль, загнала Клару, куда следует, хотя, конечно, мне тоже пришлось постараться.

Ну, а теперь всё устроится самым лучшим образом.

Конечно, риск был, — признавался себе Игнациус. — Что, если б сюда явился только Ямерт? Но, зная характер самого владыки солнечного света и его сородичей, я предположил — и не ошибся. Их привлекли гордыня и жажда мести. Я знал также, что сюда пожалуют ниспровергшие их силы — а Мечи дадут Ямерту и его присным надежду отомстить здесь и сейчас. Тем более что их старые враги заняты Спасителем.

Я не зря топтал тропинки Мельина, Эвиала и многих других миров. Не зря исползал всю Межреальность вокруг них. И, конечно, не зря брал с собой целителя Динтру или Хагена, если это и вправду он.

Осталось устранить последний фактор, не учтённый мною в предварительных расчётах. Но на этот случай я и вручил Сильвии те самые артефакты. Иной сказал бы, что с ними старик Игнациус явно перемудрил, — почему было не взять их с собой с самого начала?

Во-первых, я не знал, что случится, когда придётся пересечь с *таким* багажом границу Эвиала. Мир закрыт не случайно, не просто так; несмотря на все изыскания, я не ведал, какие — точно! — дозорные заклатья охраняют тёмную глобулу. Потому мог неосознанно пересечь некий барьер, насторожив незримых охранников. А что и видимые сторожа у Эвиала превосходны, Игнациус убедился на собственном опыте, потерпев поражение в стычке с драконами, Хранителями магических Кристаллов.

Лучше было не рисковать. К тому же саму Сильвию эти артефакты помогли бы держать в узде, но девчонка что-то поняла (или же её надоумили), избавившись от опасных подарков.

Пусть, теперь она никому не интересна.

Конечно, несколько удивляла быстрота, с какой

Шестеро вступили в Эвиал. Следили за эманациями Мечей, это понятно. И — испугались, что Клара Хюм-мель сейчас растратит их силу до конца, оставив от заветных клинков лишь обугленные, ни на что не годные огрызки. Видать, Ямерт поджидал где-то поблизости, извещённый союзниками. Но последними я займусь после. А пока...

Ух ты, ух ты, я на месте Ямерта бы тоже забеспокоился. Клара совсем не понимает, что за сокровище угодило ей в руки, — на что я и рассчитывал. Мощь Мечей она тратит совершенно бездумно, и надолго этой мощи, конечно, не хватит.

Долго ж вы ждали, Ямерт, Ямбрен, Яэт, Ялмог, Ятана, Явлата...

Что ж, радуйтесь.

Пока я, Игнациус, разрешаю. Пока.

Но сперва — напомнил себе мессир Архимаг — этот неведомый чародей. Извини, приятель, но ты оказался у меня на пути. Меж нами нет зла, но тебе придётся уйти. В других обстоятельствах мы с удовольствием выпили бы подогретого вина, поданного с белыми улитками в собственном соку, но сейчас...

Впрочем, и после вина с улитками тебе бы тоже пришлось исчезнуть.

Игнациус выпрямился в полный рост. Расстегнул поясную зепь, пальцы легли на холодную поверхность орба-негатора магии. Архимаг не обманывал Сильвию, он всего лишь, как обычно, не говорил всей правды.

Конечно, негатор надолго не остановит этого безумца, тем более впитавшего такое количество жертвенной силы. Он лишь откроет дорогу иному оружию.

Ну, за дело.

...А потом, если всё сложится удачно, мы натянем нос и Спасителю.

Не зря ж у нас столько веков валялся без дела череп Его нерождённого сына.

Архимаг Игнациус решительно возражал против перспективы собственного «спасения».

Череп — он нужен, чтобы отбиться. Если же очень, очень, очень повезёт — то ударить самому.

Здесь в единственном месте план мессира Архимага допускал неоднозначность. Или — или.

Или Спаситель постарается загрести и меня; или же Он равнодушно пройдёт мимо. В последнее Игнациус не верил.

Значит, придётся отбиваться. На то и предназначался заветный артефакт.

* * *

...Даже с мощью двух зачарованных Мечей, впитавших в себя ненависть целых народов, Кларе удавалось лишь сдерживать эвильского мага. Тот казался неуязвимым, ухитряясь появляться самое меньшее в трёх местах разом. Её удары пропадали зря, Мечи гневно выли в бессильной ярости, алчно требуя крови.

Откуда-то из дымных облаков просвистел, стукнувшись об оплавленную стену невдалеке от Клары, небольшой тёмный шар. По камням побежали трещины, посыпались острые осколки; сам же шар, крутясь, откатился прямо под ноги Салладорцу.

Надо отдать должное Эвенгару — он даже не покосился, ловко попытавшись отбросить шар заклинанием; однако тот внезапно полыхнул всеми цветами радуги, над ним закружился хоровод из семи призрачных мечей, от алого до тёмно-фиолетового.

А в следующий миг на лице Салладорца появилось несказанное, поистине великое удивление.

Клара почувствовала слабеющую защиту врага, прыгнула, размахнулась...

И опоздала. Потому что оттуда же, из клубов дыма, вынеслось странно знакомое лезвие, бесплотное, сотканное из языков прозрачного пламени. Узнавая, острой болью вспыхнуло плечо.

Ну да. Кинжал Игнациуса, которым ткнула её Сильвия в поединке возле городишки Скавелла.

Лезвие вошло точно в спину Салладорца, пронзило его насквозь, высунулось из груди, но продолжало резать и кромсать — теперь уже камень.

— Аррргх! — Скрюченные пальцы Салладорца почти схватились за призрачный клинок, мгновенно покрывшийся тёмными пятнами. Чудовищная опухоль на плече задёргалась, сокращаясь с невероятной быстротой, разбрасывая вокруг себя дымящиеся багряные капли. Эвенгар неловко отшагнул назад, оказавшись у самого края пропасти; трясущиеся руки словно пытались вытолкнуть обратно пробивший мага навывлет клинок.

— Один! Один! — С копьём в одной руке и чужим, взятым у кого-то из мёртвых мечом Райна прыгнула вперёд. Кларе почудилось, будто за спиной у валькирии выросли огромные светящиеся крылья, сотканные из светлого пламени. Согнутый ранее наконечник копья исчез, взамен там горел плотный сгусток огня, теперь уже отнюдь не призрачного, величиной с детский кулачок.

Меч воительницы отшиб в сторону поднявшуюся для защиты руку Салладорца — правда, и сам разлетелся на куски. Райна изогнулась дугой, занося копьё — и ударила, с быстротой молнии — прямо под чудовищную опухоль, туда, где сердце.

Тёмного мага отшвырнуло; с прежним безмерным удивлением на лице Эвенгар Салладорский стал заваливаться назад, заваливаться — и наконец сорвался. Как и деревянное существо с неупокоенной немногим раньше, он летел странно, мимо выступавших ярусов, нарушая все законы земного притяжения. Серая завеса, сотканная им совсем недавно, быстро расползлась.

Салладорец падал.

А тёмный шар, очутившийся у него под ногами, рассыпался кучкой безобидного пепла.

Снизу бежали, топоча по ступеням, неустоимые зомби в зелёном и красном. Не давали высунуться из-за укрытий маги опрокинутой пирамиды, терзая стихийные силы требованиями всё новых огнешаров, молний и смерчей.

Никто не успел порадоваться победе — бой продолжался, и требовалось драться, чтобы выжить, чтобы протянуть ещё хоть немного — до следующей схватки, быть может, более важной.

* * *

Архимаг Игнациус удовлетворённо вздохнул. Вот что значит составить хороший, надёжный, с многократным запасом прочности план. План, что вместит даже совершенно непредвиденное. Да, Игнациус пожертвовал негатором, но дело того стоило. Неведомый чародей сокрушён. Не убит, о нет, так далеко надежды мессира Архимага не простирались — но, во всяком случае, немалую толику полученной от жертв силы ему придётся потратить, чтобы только не уйти в Серые Пределы.

Что с ним станет потом — Игнациуса уже не волновало. К тому же из этой милой бездны, из опрокинутой пирамиды, не имеющей дна, выбраться его врагу будет весьма непросто.

А если говорить прямо — то и просто невозможно. Бездна в данном случае именно «без дна». Вернее, дно у неё имеется, однако он, Игнациус, устроил всё так, что для его жертв пропасть станет поистине «бездонной».

Оставались Клара Хюммель с Мечами, паршивка Сильвия — но с ними он разберётся позже.

Время пришло.

Игнациус зажмурился, смакуя торжество. Как бы не стала жизнь пустой и пресной после эдакого триумфа. Или, чем тьма не шутит, и впрямь сделаться владыкой Империи Тысячи Миров?.. Во всяком случае, это

будет забавно, если, конечно, не относиться чересчур «суриозно», как выражались некоторые знакомые схоласты.

А что? Ведь и впрямь достойная идея. Добиться этого положения окажется непросто, воздвигнутся немалые препятствия — чего ещё надо скромному мессир-у Игнациусу, превыше всего ценящему, как известно всей Долине, состязание умов?

Конечно, союзники могут выказать неудовольствие.

Игнациус не обманывался на их счёт. Они надеются, что его руками будет сделана вся грязная работа, что им удастся провести глупого старого мага. Ещё бы — на него, Игнациуса, ополчатся все силы Упорядоченного, божественные и иные; его станут проклинать, на его голову призовут все громы небесные. Вдобавок старый глупый маг потратит в жаркой схватке редчайшие артефакты, применить кои можно только один-единственный раз, как и положено уважающим себя магическим предметам.

Они всё рассчитали правильно, эти союзнички. Вот только забыли, что имеют дело хоть и с человеком, но самым добившимся бесконечно долгой жизни, почти что бессмертия, в то время как им оное бессмертие поднесли на блюдецке. С голубой каёмочкой.

Так что пусть себе верят, что провели старика. Это очень полезное заблуждение, у врагов его стоит поддерживать всеми силами.

Ну всё, хватит тянуть, Игнациус. Время настало.

Архимаг открыл глаза и шёпотом произнёс заклинание.

Он мог бы бросить его и мысленно, в исчезающе малое мгновение; но хотелось, чтобы оно именно прозвучало, пусть и очень негромко, впиталось в воздух, разнеслось на гребне боя.

Мессир Архимаг произнёс заклинание, и Эвиал, от полюса до полюса, скрутила судорога жестокой боли.

В тысячах мест, за множество лиг от Утонувшего Краба, над старыми, забытыми алтарями, вросшими в землю или занесёнными песком жертвенниками всех вер и всех культов — закурились первые дымки. Словно роящиеся пчёлы, частички земли или песка поднимались вверх, кружась, образуя воронки. Столбы пыли начинали расти, меж их частицами проскакивали искры, сливались в цепочки, от них по смерчам растекалось пламя. Жадно распахнутыми ртами смерчи тянулись к небу, не зря и недаром так напоминая те же самые воронки, что поглотили Арвест.

Только смерчи Игнациуса поднимались по всему Эвиалу, от Утонувшего Краба до империи Синь-И и дальних необитаемых островов на самом краю Западной Тьмы, островов, для которых Она стала бы Восточной.

Они поднимались всё выше, пронзая толщи аэра, всё наливаясь и наливаясь силой. Мессиру Архимагу не требовалось при решении задачи сохранять жизни каких-то там смертных. Ну, или бессмертных, всё равно.

От пламенных воронок по земле кругами расходилась смерть. В разных обличьях, быстрая и медленная, лёгкая и мучительная; оживали тени тех, кому некогда посвящались эти алтари, храмы и жертвенники, забытых, оставленных в небрежении — и оттого тем более страшных в неистовой жажде отомстить.

Мессир Архимаг знал, где искать помощников. И, главное, каких.

Закрыв глаза, раскинув руки, Игнациус видел и ощущал сейчас весь Эвиал. Видел, как вырвавшиеся из смерча свирепые призраки — ни рук, ни ног, одни разинутые пасти — окружают какую-то эгестскую церквушку, врываются внутрь, не обращая внимания на перечеёркнутую стрелу Спасителя, впиваются в тела, миглом очищая костяки от плоти.

На далёких и цветущих островах Огненного архипелага камни выпускали лапы, отращивали щупальца,

воспаряли в воздух — чтобы хватать разбегавшихся обитателей крошечных рыбацких деревушек.

И то же самое творилось в Мекампе, Салладоре, Эбине, Аррасе, Семиградье, в Кинте Дальнем, где поднявшиеся из морских глубин твари огромными трезубцами раскалывали пытавшиеся спастись бегством пиратские корабли, акульими пастями выхватывая из воды барахтавшихся человечков.

В степях Замекампыя. В Харре. В Синь-И.

Устоял лишь Зачарованный лес, да в опустевших Вечном и его соседе, Нарне, смерчи Игнациуса не нашли добычу.

Но эльфья твердыня мессира Архимага не волновала. Пусть, прочность его ловушки это не нарушит. Его план допускал малую степень отклонения и неравномерности в действии заклинания.

Чёрная броня Эвиала стремительно восстанавливалась, прорехи и разрывы заполнялись. Стороннему наблюдателю показалось бы, что глобула закрытого мира вновь сама собой замыкается.

Трое сражавшихся, Спаситель и двое Его врагов, что-то почуяли. И разом остановились. А вот Шестеро других, нацелившихся на Кларыны Мечи, продолжали спуск, уверенные в себе и в победе. Наверное, видели именно то, что ожидали увидеть, обещанное, напророченное.

Он стоял открыто, ни от кого не прячась и не таясь. Да и чего таиться? Бросившихся к нему Динтру и его соратников играючи подхватил вынырнувший прямо из земли иссиня-чёрный ковёр, вернее — тончайшее, как шёлк, покрывало, мигом потащившее их вверх. Дракон и летучий змей попытались было вырваться — напрасная попытка, на их пути лишь воздвигались новые стены. Сверкнул голубой клинок Динтры и даже пробил тёмный шёлк — но прореха тотчас затянулась, и невидимые руки поспешили наложить заплату крестнакрест.

Такие же чёрные паруса развернулись вокруг шестерых Падших — теперь-то они сделаются падшими не только на словах.

Пленники, конечно, пытались сопротивляться. Но не зря мессир Архимаг провёл столько времени в собственном кабинете, вычерчивая, рассчитывая и планируя. Эвиал примет на себя каждый нацеленный в Игнациуса удар, оборачивающийся лишь новыми жертвами и, следовательно, большей крепостью стен ловушки.

Молодые Боги заметались. «Ага, поняли наконец, что дело пошло как-то не так?» — злорадно подумал Игнациус. Ему хотелось пуститься в пляс, он с трудом удерживался — нельзя портить долгожданную победу столь недостойным поведением.

А те двое, наверное, считавшие себя «истинными хозяевами Упорядоченного»?

Игнациус видел лишь коричневокрылого сокола, но чувствовал и присутствие второго, к кому так и напрашивалось прозвание «Ярый». Его кипящий гнев и неистовство мессир Архимаг ощущал, словно испепеляющий жар. Сокол же, напротив, оставался холоден и невозмутим. В нём хозяин Долины вдруг разглядел нечто родственное — наверное, такую же страсть к дошному, скрупулёзному планированию.

На них тоже со всех сторон надвигались чёрные паруса, словно несчётные фрегаты и каравеллы, несомые всеми ветрами Эвиала разом.

Сокол издал резкий клёкот и мгновенно изменился: в воздухе неподвижно завис человек в тёмном плаще, безо всякого оружия, по крайней мере на виду.

Игнациус ощутил на себе взгляд — пристальный, проникающий до глубины и пробирающий до печёнок. Пусть, мессир Архимаг готов к этому. Ловушка такой силы неизбежно выдаёт насторожившего её, прятаться бессмысленно.

...Конечно, они сопротивлялись. Что и как сделали пленяемые боги, Игнациус не разобрал, да он и не рас-

считывал. Зато его зеркало сработало как надо, отразив нацеленные и в чёрные паруса, и в него самого удары — где-то на окраинах Эвиала к небу взметнулись чудовищные протуберанцы пламени.

— Давайте-давайте, — вырвалось у мессира Архимага.

Каждый миг множил число пожранных его магией жертв, ответ богов только прибавлял ему силы. Ну, давайте же, вдарьте ещё, как следует! Я ведь так долго разрабатывал эту систему!.. Покажите себя во всей красе, испепелите этот мирок совсем, мне он больше не нужен!

Забывшись, Игнациус вопил и подпрыгивал, грозя небесам сухоньким кулаком.

А тем временем боги, и Сокол, и Ярый, перестали сопротивляться. Похоже, поняли, чем это оборачивается. Что ж, тоже тактика. Жертвы только укрепили бы прочность капкана. Надеетесь выскользнуть, освободиться «позднее»? Х-ха, вы ещё не имели дела с Архимагом Игнациусом. Сквозь эту оболочку не пробиться даже вам, надменные. И разрушить её невозможно. Ну... или почти невозможно, но для этого потребовалось бы, наверное, вмешательство самого Творца, если б, конечно, Он существовал.

...Молодые же Боги, Ямерт и его родня, попытались бежать — напрасно. Отрезая дорогу, на пути у них тоже распустились чёрные паруса. Вот одна из фигур отвесно рухнула вниз, прорезая воздух, — Ямбрен, владыка ветров. Нацелился на Мечи, ясное дело. Поздно, мой хороший, — Игнациус не мог сдержать злорадства. Думаешь, я этого не предвидел? Думаешь, я напрасно тратил все эти годы?

...Ямбрен с размаху врезался в возникшее словно бы ниоткуда широкое чёрное покрывало — его мгновенно спеленало, словно младенца, и, словно младенца же нянька, неумолимо потащило наверх, к остальной пятёрке.

Всё идёт, как ему и положено идти.

А эта пара и впрямь не сопротивляется. Боитесь крови, уважаемые? А это неправильно. Правитель тем и отличается от простолюдина, что не боится проливать эту самую кровь. И уж я, если мне приспичит создать ту самую Империю Тысячи Миров, никогда не совершу подобной ошибки. Крови будет пролито ровно столько, сколько необходимо. В конце концов, не случайно же цирюльники для облегчения состояния больного пускают ему кровь. Метод варварский, но верный.

Нет, всё-таки жаль, что вы не стали дёргаться и пытаться вырваться, с сожалением подумал Игнациус. Вон, ваши подручные до сих пор размахивают голубыми мечами и пытаются пробить чёрные стены магией. Наивные... А вот ваш последний удар наверняка расколол бы весь Эвиал. Миллиарды живых душ, невинных жертв, — ах, какую прочность обрела бы тогда моя западня!

Всё, сомкнулось. Три чёрных шара в небесах, стремительно мчатся друг к другу, сливаются — западня хлопнулась.

Чёрный шар стал быстро сжиматься, вот он уже с крупную гору... с холм... вот он уже не больше особняка самого Игнациуса в Долине... вот уже с комнату в том же особняке...

Сжимающийся с каждой секундой шар низринулся в разверстую пасть пирамиды. Всё правильно, подобное притягивается подобным. Игнациус проводил исчезающую точку долгим взглядом.

Лети, лети. Путь твой долог — до самого дна, которого нет. Лететь тебе вечно, и, пока ты в полёте — никакие заклятья пленников ничего не смогут сделать. Пусть даже на свободе они, эти пленники, смогли бы сварить уху в средних размеров океане.

Всех вас туда. В бездну. Заносчивых богов. Надми-

ровых сущностей, возомнивших о себе слишком многое.

Их ничто не удержит. Падение станет вечным.

Тюрьма захлопнулась. Ворота закрыты, замки заперты, ключи выброшены, петли заклёпаны.

Его, Игнациуса, работа сделана.

Вся сила Упорядоченного в его распоряжении. Хотя нет. Оставался ещё Спаситель — эвон, сколько поднятых Им для последнего суда мертвецов толпится на кипящем и исходящем паром океане.

Хотя явившаяся в Эвиал сущность не слишком волновала мессира Архимага. В конце концов, Спасителя мало занимала власть как таковая, в изначальном смысле этого слова. Конечно, изучить Его необходимо. И он, Игнациус, теперь сможет заняться этим вплотную и спокойно, без помех. Эвиал закупорен наглухо. Войти сюда ещё возможно, а вот выйти — выйти сможет только он сам. Ну и те, кому он милостиво позволит «взяться за стремя».

Сейчас же Спаситель застыл, словно изумлённый невесть откуда явившейся помощью, разом избавившей Его от обоих врагов. Вокруг Утонувшего Краба по-прежнему ревел набирающий силу хаос, океан извергал клубы пара, на поверхность всплывали всё новые и новые трупы, кому присутствие Спасителя на краткий миг придало гротескное подобие жизни. Но самое интересное — обратил внимание Игнациус, — что застывали, глядя на Него, даже некоторые «новые зомби» Империи Клешной, точно муравьи, карабкавшиеся вверх по лестничным маршам Великой Опрокинутой Пирамиды.

Велика ж Твоя власть, Спаситель.

На мгновение мессиру Архимагу пришла в голову поистине безумная мысль. А что, если не ждать, ничего не «изучать», а рискнуть — и Его, Спасителя, великую силу — туда же, следом за Молодыми Богами и теми,

кто явился им на смену, в пропасть, в бездонную утробу зачарованного острова?

Разве не для того я изошрялся, стараясь протащить в Эвиал череп Его нерождённого сына?

Нет, не для того, оспорил сам себя маг. Этот череп — мой последний резерв, если дело обернётся совсем уж скверно и Спаситель решит вписать и меня в реестры «спасаемых». Я не знаю в точности, насколько Он силён и удержит ли Его вообще моя ловушка. Конечно, мой план включал в себя и такую возможность — вычеркнуть Спасителя из баланса сил в Упорядоченном куда как заманчиво. Хотя бы из соображений безопасности верноподданных моей грядущей Империи, как бишь её, Тысячи Солнц. Или Тысячи Миров?

Но сейчас я вижу — не управиться. Неопределённость чересчур высока. Я до конца не уверен, удержит ли моя западня Спасителя, или же он легко стряхнёт с себя чёрные тенета.

Игнациус умел быть честен с собой.

«Нет, этот враг мне не по зубам. Потом, когда я окончательно возьмусь за вожжи и магические потоки Упорядоченного станут повиноваться даже не моему слову, а одной лишь мысли, — тогда, не раньше, мы переведаемся с тобой, Спаситель. А пока...

Пока думай, что я — твой друг, раз атаковал твоих врагов. Хотя, конечно, у подобного тебе создания друзей нет и быть не может».

Игнациус заложил руки за голову, покачался с носка на пятку. Подумал, взглянул на Спасителя и поспешно опустился на колени.

Ему это наверняка понравится. Самые могущественные силы более всего падки на грубые, простые символы поклонения.

Так что собирай своих мертвецов, Спаситель. Мне нетрудно отбить Тебе десяток-другой поклонов. А протянешь руки — имеется, чем дать по пальцам.

А вообще уже пора поставить последнюю точку и убираться отсюда. Вытащить, что ли, Клару из заварушки с красно-зелёными? В конце концов, Алмазный и Деревянный Мечи пригодятся и самому мессире Архимагу.

Хотя бы как украшение на стену.

Глава четырнадцатая

Когда легионы маршируют, сердце мирного обывателя радуется.

Во всяком случае, именно с этих слов начинался эдикт одного из прошлых Императоров, предписывавший всем тягловым сословиям при прохождении имперского войска через места их, сословий, проживания, со всей спешкой выбегать на улицы, становясь в ряды и возглашая хвалу храбрым воинам с их командирами.

Сейчас армия Императора тянулась через опустевшую, разорённую страну. Здесь не успели побывать козлоногие, здесь не хозяйничали пираты — но пресловутая Конгрегация за недолгий срок правления успела выжать из пахаря с мастеровым все соки. «Общественные работы», строительство укреплений, бесконечные поборы, да деньгами, никак не натурой! — и люди побежали. Иные — на юг, но куда больше двинулось на восток, подальше от драки, справедливо полагая, что при таких обстоятельствах Семандра окажется меньшим злом.

Бароны, разумеется, пытались перехватывать беглецов и возвращать на место. Восстание зрело и не вспыхнуло лишь потому, что легионы под знаменем Василиска сами перешли в наступление.

Большая часть войск Конгрегации оказалась в глухом тылу Императора, в окружённом, но не осаждённом Мельине. Оставленные там когорты Скаррона, из испытанного Девятого Железного, как могли, создава-

ли видимость многочисленной армии, готовящейся к немедленному приступу: маршировали отдельные манипулы со значками других легионов, копались рвы, валились деревья, возводились контрвალационная и циркумвალационная линии, строились мощные осадные башни, особо дальнобойные катапульты и требушеты.

Бароны пока что не дерзали высовываться из-за мельинских стен, но долго обман, конечно же, не продержится. Шестьдесят сотен легионеров не смогут вечно изображать семидесятитысячную армию.

Остальные силы мятежников, удерживавшие северные города — Гунберг, Остраг, Ежелин, — готовились к отпору. Баронские разъезды медленно пятились, оттягиваясь назад перед выдвинувшимися кавалерийскими турмами Императора.

Арсинум сохранил верность правителю Мельина. Горожане так и не открыли ворота, несмотря на все посулы присланного баронского отряда и угрозы магов. Сидельцы немало претерпели — на их головы обрушился огненный дождь, дома горели, мощный взрыв разнёс ворота, и город бы наверняка пал, не возведи защитники заблаговременно вторую, временную стену — штурмующие упёрлись в засыпанные землёй срубы, соединённые тройным частоколом, и, понеся потери, откатились.

Магов было мало, они требовались для отпора козлоногим, ещё больше их застряло во взятом Мельине — лежащий на отшибе Арсинум бароны оставили в покое «до лучших времён», справедливо полагая, что город и так никуда не денется и что сперва надо справиться с Императором.

Сейчас от Арсинума дальше на север, на Ежелин, наступали два легиона из пришедших с Тертуллием Криспом, Десятый и Двенадцатый. Третий и Пятый присоединились к главным силам.

Империя давно не собирала такой армии, со времён

битв с Семандрой на Свилле и Суолле. Первый, Второй, Третий, Пятый, Шестой, Одиннадцатый и Пятнадцатый легионы вместе с испытанным хирдом гномов.

Семь легионов наступали восточным трактом, пролётшим через Гунберг на Остраг. Арсинум выстоял, но Гунберг баронам удалось захватить — не без помощи Радуги, конечно.

Император ехал по главе Первого легиона, Серебряных Лат, шагавших в армейском авангарде, и на все уговоры Клавдия, объединившегося с Сежес, лишь качал головой.

Наступала осень, обычная мельинская осень, безо всяких грозных предзнаменований, коими так изобиловала та, знаменитая, закончившаяся страшной битвой Алмазного и Деревянного Мечей у стен Мельина. С северо-запада, от Хребта Скелетов и Царь-горы, дули холодные ветры. Правда, восток теперь оставался чистым — чудовищный Смертный Ливень сгинул, словно его никогда и не бывало. И, с усмешкой рассказывала Императору Сежес, уже нашлись такие поселяне, что сетуют на «новую напасть» — мол, раньше-то земляца куда лучше родила, не в пример нынешней! Ну и что, что прятались да каждую щёлочку в крыше камнем да извёсткой забивали — зато какие урожаи поднимались! А теперь гнисть втрое больше, навоз на поля вози, спину ломай... — Таковы простолюдины, — философски закончила чародейка. — Им бы лишь на печи валяться. А как работать — так нет, не надо, уж лучше мы Смертный Ливень потерпим. Ещё и хорошо, покуда он лупит, никуда ходить не надо, а с голодухи не помрём. Особенно если на лавку забиться да одеялом накрыться. Можно, как медведь, пол-осени проспять.

Сеамни лишь тихо улыбалась. Последние две недели она вдруг сделалась как-то по-особенному спокойной и умиротворённой. «Всё будет хорошо», — только и повторяла она.

Ночами она прижималась к Императору и не спала. В какой бы момент он ни приоткрыл веки — на него в упор смотрели огромные миндалевидные глаза Дану. Пристально, неотрывно. Словно запоминая всё, до мельчайшей чёрточки.

...А призналась она, лишь когда перед легионами замаячили башни славного Гунберга, густо увешанные для поднятия боевого духа штандартами и вымпелами Конгрегации.

Император, как, наверное, все мужчины и до него, и после, сперва вытарашил глаза. А потом — нет, он не бормотал «как же так, ты ж говорила, ничего не будет...», не изображал бурную, но фальшивую радость, и даже не совершил сакраментального Возложения Мужской Длани на Лоно Любимой.

Просто стоял рядом с Сеамни, закрыв глаза и вдыхая пряный, нечеловеческий, тонкий аромат её волос цвета воронова крыла.

С левой руки медленными каплями, пятная ковёр походного шатра, уже привычно сочилась кровь.

— Я в тягости, — одними губами повторила Сеамни. — Да, знаю, что невозможно. Что никогда не случилось. А оно возьми и случись. Со мной. Не хочу ни о чём сейчас думать. Жалеть, сокрушаться, загадывать. Хочу ждать и радоваться. Слушать, как *он* растёт. Мы, Дану, это умеем — куда лучше, чем люди.

«Пирамида, — подумал Император. — Больше откуда. Что-то случилось там, и со мной, и с Сежес, что-то, опрокинувшее былые запреты. Что именно? — неважно. Почему мне так тепло? Откуда это? И почему зашипало в глазах?..»

...В тайну они вынужденно посвятили троих: проконсула Клавдия, Кер-Тинора, капитана Вольных — и чародейку Сежес.

Именно волшебница-то и схватилась за голову, пока Клавдий церемонно, как ему казалось, поздравлял тихую и счастливую Дану.

— Что люди-то скажут! — вырвалось у Сежес. — Все ж знают, сызмальства приучены — не может быть детей у людей и Дану! У скольких благородных имелись наложницы из пленных, именно потому и завёдённые! Решат, что... — Чародейка осеклась.

— Решат, что я «гульнула», как у вас толкуют, — безмятежно закончила за неё Сеамни. — Разбитые бароны заговорят о «бастарде» на престоле. О том, что Дану захватывают власть. Пойдёт новая смута. Верно, Сежес? Ты ведь именно это хотела сказать?

Чародейка смутилась:

— Ну, если говорить прямо, то...

— А только прямо и надо.

— Тогда чего ты добиваешься?! — не выдержала Сежес. — Новой смуты?! Простолюдины — это простолюдины! Легионерам сказали — гномы, мол, союзники, и им этого хватает, а кто станет умствовать, тому центурион пропишет действенное средство в виде засыпки или там чистки лагерных отхожих рвов! А пахарям ты этого не объяснишь! Они ещё поход Деревянного Меча не забыли, а им тут пожалуйста, наследник великой Империи — Дану! Люди, они ведь такие — в плохое куда легче верят. В твою, Сеамни, прости меня, ложную блудливость, про то, что повелителю изменяешь в ближайших кустах с притаившимся сородичем, — поверят сразу, охотно, и свидетель не один найдётся!

— Таких — на осину, сразу и без разговоров! — не выдержал Клавдий.

Сежес безнадёжно махнула рукой.

— Вздёрни одного болтуна — его бред подхватят сотни. Не повесь ни одного, сделай вид, что тебя это не волнует, — отравя пойдёт по умам, медленно, но верно. А уж повод восстать, не беспокойся, найдётся. Сейчас легионы охотно идут за повелителем, потому что он — против баронов и магов, а их простой народ ненавидит. А ну как на престоле окажется... гм...

— Значит, наш долг — сделать так, чтобы повода

восстать не нашлось, — железным голосом отрезал Император. — Мы, господа совет, ещё не победили. У нас впереди бароны в Гунберге и Остраге, за ними — Нерг, а за спиной — козлоногие. Притихшие, но надолго ли? А распоряжения я сделаю. Ты, проконсул, станешь первым регентом и Хранителем Престола. Ты, Сежес, — вторым. Сеамни — императрицей-матерью. Править вам придётся втроём — печать я распилю натрое.

— Стой. — Глаза Тайде сделались совершенно темными и непроницаемыми. — О чём ты... повелитель? — Она запнулась, чуть не назвав Императора запретным, ею самой придуманным именем. — Словно завещание пишешь. Какие регенты, какие соправители?!

— Перед нами — Нерг, — тяжело проговорил Император, избегая смотреть ей в глаза, — такая боль таилась за тёмной бронёй. — Это куда хуже Кутула. А мне придётся идти первому.

— Почему?! — разом возмутились и Клавдий, и Сежес, и даже Сеамни.

Император молча взглянул в лицо и проконсулу, и чародейке — они отвернулись. Встречаться со взором своей Тайде он сам избегал.

— Башни Нерга страшатся куда больше, чем всей остальной Радуги, вместе взятой. И, боюсь, нас встретят не мальчишки и девчонки, только что из-за парты, а матёрые аколиты, вроде тех, что явились через дольмен. Могут, кстати, через те же дольмены и сбежать, если поле и стены останутся за нами.

— Не сбегут, — тихо сказала Сеамни, садясь и зажимая тонкие ладошки между коленей. — Мы им нужны, и притом — живыми. Если б дело всё упиралось в то, чтобы нас убить... Это смогли бы сделать и ассасины Лиги.

Кер-Тинор, молчаливый и неподвижный, как изваяние, не выдержал — у Вольного вырвалось сдавленное-яростное «хмф!».

— Не обижайся, Кер, — виновато попросила Сеамни. — Но ведь это правда.

— Неправда! — вспыхнул капитан ближней стражи. — Лига, Серые — жалкие щенки! Они крали объедки с нашего стола, учили своих так, что половина ломала себе руки, ноги, а порой и шеи. Против Вольных они — ничто!

— Не горячись, Кер, — остановил его правитель Мельина. — Сеамни права, Нергу мы нужны живыми. Склоки внутри самой Империи всебесцветных занимают мало. А вот Разлом и всё, с ним связанное... какая сила, какая мощь пропадает бесцельно! Разве ж это достойно — изломать какой-то забытый всеми мир? Нет, в Нерге наверняка спят и видят себя оседлавшими Разлом, покорившими его и научившимися им управлять. Наверное, каким-то образом мы и впрямь связаны с той бездной...

Сеамни молча кивнула — она, похоже, быстро теряла интерес к подобным разговорам, как только изнутри неё раздавался ей одной слышимый голосок, говоривший с нею без единого слова. Даже если её Гвин заявлял, что пойдёт на штурм зловещей башни первым, словно простой застрельщик.

— Всё будет хорошо. — Император обнял Дану за плечи. — Я им нужен. Как и Сежес, как и ты. И потому они...

— Наш нерождённый сын им тоже понадобится, — тихо и убеждённо отозвалась Сеамни.

Клавдий глухо зарычал:

— Кровью умоются!..

— Не грози зря, храбрый проконсул, — покачала головой Сежес. — Ты не видел башни Нерга.

— А что там такого? Пять колец крепостных стен, одна другой выше? Рвы? Ловушки? Что?

— Ничего. Просто башня. — Сежес зябко повела плечами. — Высокая, пирамидальная. Гладкие стены.

— Ворота там какие? — деловито осведомился про-

консул. — Сталь, дерево? Толстые? Какой подход, дорога какая?

— Там нет ворот, — криво усмехнулась чародейка. — Есть узкая дверца. Нас, если ты помнишь, доблестный проконсул, никогда не пускали внутрь. На отшибе выстроен специальный двор для гостей. Притом не отличающийся роскошью или особыми удобствами.

— О штурме самой башни станем думать, подступив к ней, — заметил Император. — Перед нами Гунберг. Клавдий, у тебя всё готово?

— Мой повелитель, — вытянулся проконсул. — Счастлив донести — всё поистине готово.

— Тогда начнём этой же ночью. Сежес! Сможешь сделать, что обещала?

Волшебница уверенно тряхнула волосами.

— Смогу, мой Император. Вчера ночью пробовала — тяжело, но получается.

— Тогда действуем, как условлено.

— Да, мой повелитель, — поклонилась чародейка.

* * *

Чародей в фиолетовом плаще нервно прохаживался по парапету гунбергской стены, то и дело принимаясь грызть ногти. Окажись здесь Тави, воспитанница Вольных, она, конечно, тотчас узнала бы старого знакомого.

Мэтр Ондуласт. Маг Кутула. Просидевший в Хвалине все главные события той страшной осени, опоздавший к штурму главной твердыни своего Ордена, не взятый его набольшими в их таинственную вылазку куда-то за пределы самого мира — и вот сейчас оказавшийся здесь, в окружённом Гунберге, да ещё и в компании с гномом!

Последнее снести оказалось тяжелее всего. Тем более что воины Каменного Престола, союзника Конгрегации, конечно же, не носили никаких биров.

Но — приказы вышестоящих не обсуждаются. И вот мэтр Ондуласт нёс ночную стражу на гребне стены, на

том самом участке, что выпало оборонять малому отряду, пришедшему от Каменного Престола на помощь восставшим баронам.

— Мэтр, — за спиной затопали. Маг обернулся, раздражение и неприязнь пробивались даже сквозь животный страх.

— Что тебе, Сидри?

— Пришёл взглянуть, как там легионы узурпатора, — отозвался гном, выглядывая в бойницу меж зубцами.

— А что на них глядеть? Чего глядеть, я спрашиваю? Встали. Разбили лагерь. Палят костры. Дров-то у них в избытке, не то что у нас. И провизии. Всё, вишь, велено было в Мельин свезти!

— Не слишком разумно, не слишком, — отозвался гном, пристально вглядываясь в быстро сгущающийся сумрак. Вокруг стен Гунберга действительно разгорались многочисленные костры. — Сколько ж тут когорт?

— Десять легионов, — буркнул Ондуласт. — Где смог собрать столько? Потому что ещё целое войско осаждает столицу... Небось вывел все силы с побережья, да ещё и наборы были, я знаю...

— Нет там десяти легионов, мэтр, — уверенно бросил Сидри. — Семь, самое большее.

— Семь... нам и того хватит. — Ондуласт едва не сорвался на визг. — Сколько в гарнизоне? Три сотни рыцарей, пять тысяч пехоты; из них только половина — дружинники, а остальное... сам знаешь, гноме.

— Знаю. Наёмники. Арендаторы, силой взятые. Эти-то разбегутся сразу, едва завидев Серебряные Латы.

— А твои? — не удержался чародей.

— Мои-то, мэтр? — тяжело взглянул на него Сидри. — Мои станут драться до конца и даже дальше. С узурпатором идут предатели, отщепенцы, кого отверг сам Каменный Престол, — себя они называют гномами «молота и василиска». Х-холуи!.. — Сидри сплюнул. — Небось когда со всеми шли... — Он рыкнул что-то совсем неразборчивое и замолчал.

Право же, не следовало напоминать обидчивому хуннусу о своей роли во «вторжении Драгнира», как теперь стали именоваться те события.

— Так что они делать-то станут, эти легионы? — тормошил Ондуласт гнома. Страх вновь брал своё, и когда-то презренный «подземный карл» уже начинал казаться испытанным боевым товарищем. Кутульского мага бросало из крайности в крайность.

— Что делать? Ежели не дураки — а там отнюдь не дураки сидят, мэтр, уж поверь мне, — то ничего делать не будут. Встанут в осаду. Сил у них хватит. Узурпатору надо Мельин брать, а не с нами ковыряться.

— А зачем же тогда он сюда явился?

— Может, ещё куда направляется? На Ежелин, к примеру? Там-то ваших куда больше, чем здесь.

— Никто не думал, что он кинется на север, — прошипел Ондуласт, вновь принимаясь за огрызок ногтя на правом безымянном пальце. — Все считали, что упрётся лбом в мельинскую твердыню, а мы в это время...

— Натравите на него козлоногих, — докончил Сидри. — Что ж, хороший план, даже отличный. Был. Поэтому как твари, из Разлома повылезавшие, все куда-то делись и на восток больше не прут, а узурпатор ни во что лбом не упирался, а двинул напрямиком на север, брать города и ломать хребет вашему восстанию.

— Ну, пока-то ничего не сломал, — буркнул Ондуласт. — Битвы ни одной не случилось...

— А почему вы, маги, не можете на него какой-никакой мор наслать? — вдруг спросил Сидри. — Ну или там дождь огненный? А, мэтр Ондуласт? Ты же сам — чародей не из последних.

— Когда потребуется — нашьют, не волнуйся, гноме.

— Как же мне не волноваться, мэтр? Мы теперича в одной лодке. Ва... нас разбили на Ягодной гряде, там же полно чародеев было — как такое возможно?

— Долго рассказывать, гноме, — буркнул Онду-

ласт. — Меня самого там не было, слышал, что использовал узурпатор некий артефакт, нечто такое, что и его защитило, и легионы, а вдобавок и повернуло силы наших Орденов против нас же.

— А сейчас? — не отставал Сидри. — Что, один раз напугал вас, и готово дело?

— Ничего он нас не... — запальчиво начал было чародей, однако гном его уже не слушал.

— *Suuraz Ypud!* — заорал он, подскакивая на месте и хватаясь за топор. — Смотри, маг, зырь в оба!

Обмирая, Ондуласт метнулся к бойнице.

Гунберг давно не знал набегов, орки, тролли и прочие обитатели северной лесотундры сюда не доходили, войны с Дану остались в прошлом и даже последнее — вторжение Деревянного Меча — не затронуло этих мест. Вокруг стен широко раскинулись «чёрные» кварталы, бревенчатые срубы ремесленного люда. Смертный Ливень не заходил так далеко на юг, крыши оставались простыми, тесовыми. Засевшие в городе мятежники не успели разбросать посадки — настолько стремительно наступали имперские легионы. И сейчас, прикрываясь грубо связанными из жердей щитами, к стенам подбирались штурмующие, таща с собой длинные лестницы.

— Подготовились, — с ненавистью бросил Сидри вполголоса. — Лестницы-то, эвон, специальные, не только что сколоченные.

— Эттто поч чему? — Ондуста била крупная дрожь, волшебник чувствовал, как подгибаются колени, а желудок пришёл в такой беспорядок, что вот-вот грозил навеки опозорить чародея перед воинами Каменного Престола.

— На крюки посмотри, мэтр. Зубья железные, чтобы цепляться за край стены, чтобы не оттолкнуть... Хитрые, т-твари... Ну, господин маг, сделай же хоть что-нибудь! Пока они нам глотки не перерезали!

Топоча коваными башмачищами, к Сидри сбегал

лись его сородичи, угрюмые и насупленные. В бойницы высунулись самострелы, гномы спешили занять места.

— Давай, мэтр! — гаркнул Сидри, с презрением глядя на растерявшегося волшебника. — Это тебе не «гнунав с биркай» на хвалинских воротах трясти!

Ондуласт хотел обиженно возразить, что сроду не стоял на хвалинских воротах, что этим занимались служки совсем не его ранга, но тут снизу свистнула первая стрела, и он враз забыл обо всём.

Кто-то из легионеров выстрелил с колена, промахнувшись лишь самую малость — арбалетный болт пронёсся совсем рядом с головой беспомощно застывшего чародея.

— Заррраа! — прорычал Сидри, дёргая Ондуласта за плащ. — Колдуй, колдуй, провалиться тебе в Разлом!

— А-а... н-ня, — пролепетал чародей, однако за дело действительно взялся. Правда, руки у него тряслись, и простейшее заклятье срывалось трижды, прежде чем на четвёртый раз у него получился достаточно мощный огнешар — ничего более утончённого в парализованном ужасом сознании мага уже не умещалось.

Тем не менее туго стянутый клубок пламени взорвался прямо перед связанным из жердей щитом; тот моментально вспыхнул, легионеры с отменной проворностью бросились в укрытия. Воители Подгорного Племена разрядили самострелы, но едва ли кого-то задели.

— Давай, маг, давай! — надсаживаясь, заорал Сидри, поворачивая искажённое яростью лицо к чародею.

— *Gakke!*¹ — выкрикнул кто-то из гномов, тыча рукою вниз.

Там, легко перешагивая через разбросанные и горящие жердины, мимо прижавшихся к стенам легионеров, шла женщина в небесно-голубом плаще, такого же

---

¹ «Осторожно!» — гномск.

цвета узких портах и короткой куртке. Тёмные волосы вольно разлились по плечам, на груди неестественно-ярко сверкала какая-то побрякушка.

Ондуласт судорожно сглотнул, чувствуя, как штаны оросила горячая струя.

Предательница Сежес.

— Никому он ничего уже не даст, — возвысила голос чародейка, отталкиваясь и воспаряя над землёй.

Сидри с проклятием выпустил стрелу, но промахнулся. Волшебница, как на крыльях, перемахнула стену, мягко опустившись на парапет за спинами Ондуста и гномов.

— Ничего он никому уже не даст, — звучно повторила она.

Страх придал Ондусту силы, хотя за миг до этого заставил постыдно обмочиться. С его рук сорвалась тёмно-фиолетовая спираль, словно змея, прыгнула точно в грудь волшебнице — и, вспыхнув, разбилась о яростное сияние, исторгнутое её нагрудным талисманом.

— Ну-ну, — неприятным голосом произнесла Сежес, резко разводя руки, словно собираясь обнять и гномов, и Ондуста, и даже ближние башни городской стены.

Второе заклятье Ондуста лопнуло, осыпав его и ближайших гномов снопом жгучих искр. Сородичам Сидри никто не отказал бы в смелости, они ринулись на чародейку со всех сторон — но лишь разлетелись кто вправо, кто влево, получая увесистые, но незримые оплеухи.

Ондуласт пошатнулся, сел, закрывая трясущимися руками лицо и завывая в голос. Он хотел жить, жить, жить!

— Убирайся отсюда, — услышал он холодные слова Сежес. — Правитель Мельина не желает кровопролития. А теперь...

...За воротами Гунберга что-то ярко сверкнуло, по-

валили клубы почти невидимого в сгустившемся мраке дыма, и тяжёлые створки с грохотом рухнули, сорванные с петель. В проёме появилась Сежес, залихватски закинувшая конец плаща через плечо.

— Заходите, открыто! — громко и звонко крикнула она легионерам.

...Сидри с трудом приподнялся, очумело вертя головой, — шлем на ней уже отсутствовал. Отсутствовал и топор, как, впрочем, и панцирь. А прямо над гномом нависал, напряжённо и зло глядя ему прямо в глаза, имперский легионер в полном вооружении. Доспехи высеребрены — значит, Сидри угодил в лапы Первому легиону, императорской гвардии.

— *Itta, Ypud*, — твёрдо сказал человек.

«Вставай, гном».

Странно, почему они не связали мне руки? Ну, дураки, сейчас вы за это поплатитесь...

Вокруг зашевелились сородичи Сидри — у большинства, как убедился он, оказались надеты колодки. Верно, Сидри очнулся раньше, чем до него добрались.

Эх, мне бы сейчас Драгнир...

Я ведь держал его. Ладони помнят. Мы шли с запада на восток, и никто не мог нас остановить. Малой дружиной мы опрокидывали легионы, а теперь — пойдём в цепях на рабский рынок?..

Откуда взялась мысль о рабстве, Сидри не знал. Может, именно от колодок, в которые легионеры деловито забивали его друзей?..

Гном взревел бешеным вепрем, выставив плечо, ринулся на ближайшего имперского солдата — тот ловко увернулся, наотмашь хлестнул Сидри копейным древком; гном взвыл, но на ногах устоял. Слепая ярость затуманила взор, он вцепился в рукоятку короткого, чуть изогнутого кинжала на правом бедре легионера, успел ощутить ладонью обточенную кость оленьего рога, и...

Спину между лопатками разодрала дикая боль. Что-

то тупое и холодное всунулось туда, словно таран, пробивший крепостные ворота.

Но, к счастью, это длилось недолго.

— И к чему это? — недовольно проворчал центурион, глядя на мёртвого гнома, застывшего лицом вниз в луже собственной крови. — Не мог уговорить иначе, Герний?

— Виноват. — Легионер стоял навтыжку. — Не хотел я его убивать, честное слово. Сам думал — тупым концом копья, а оказалось...

— За «оказалось» — таскать тебе сегодня трупы весь день до заката, — угрюмо бросил центурион. — В Первом легионе да такой позор! Не видел, чем бьёт, мыслимое ли дело!.. Вали с глаз моих, Герний.

— Слушаюсь!..

...Тело Сидри вместе с полудюжиной других бедолаг, не пожелавших сдаться или бросившихся на легионеров с голыми руками, отдали гномам Баламута — Император велел их хирду не вмешиваться в уличные потасовки, а заняться пленными и «достойным погребением» убитых.

...Мэтр Ондуласт трясся куда сильнее всем известного осинового листа, пока его вели по гунбергскому предместью. Город достался узурпатору почти без боя. Проклятая Сежес, набрав поистине великую силу, сокрушила городские ворота и смела защитников на ближайших к ним участках стены — штурмовые манипулы Первого и Третьего легионов без помех и потерь ворвались внутрь. Пока развернулись три сотни рыцарей, стоявших в «резерве», то есть спавших в городской ратуше, пока с других частей стены не подоспели дружинники — Серебряные Латы, словно хороший, остро отточенный клинок, успели прорваться к самому сердцу Гунберга, рыночной площади. Там, сомкнув щиты и выставив копья, осыпая пилумами высыпающих рыцарей, из которых мало кто успел вскочить в седло и полностью вооружиться, они опрокинули защитников.

Пробравшись боковыми улочками, в спину мятежникам ударили воины Третьего легиона, и к полуночи всё было кончено. Уцелевшие бароны, их дружинники и силком поставленные в пехоту арендаторы сложили оружие. Последние, впрочем, стали сдаваться, едва завидев наступающих легионеров.

Сдались не все маги, кое-где Серебряные Латы пустили в ход заветные «сборы» Сежес. Задыхаясь от кашля, катаясь по земле и раздирая ногтями грудь, чародеи попадали в плен точно так же, как и «добровольно сдавшийся» Ондуласт. Сейчас кутульский маг горько жалел, что не попал в следующую, ещё более желанную категорию — «добровольно сдавшийся, не оказавший до этого сопротивления».

Их вели кое-где выгоревшим посадом, деловитые пожарные команды из всё тех же легионеров вместе с жителями растаскивали обугленные брёвна.

Ондуласта сопровождала пара молодых и очень серьёзных магов, из сторонников Сежес, сразу ушедших вместе с ней, когда только решалось, можно ли иметь дело с «возвратившимся безумцем».

Миновали кучку воинов и простолюдинов, тушивших наполовину сгоревший сарай.

Ондуласт втянул голову в плечи. Ничего хорошего ему ожидать не приходилось.

И точно.

— А ведь енто он у меня дочку забрал! — выкрикнула вдруг какая-то женщина, в драном колушке и хлуом платье. — Он кэм есть он, маик проклятуший!..

Ондуласт обмер, а желудок его скорчил жестоким спазмом.

Остальной люд, только что усердно растаскивавший обугленные огрызки сруба, молча и недобро надвинулся на конвой Ондуласта. Трое легионеров сдвинули щиты, старший прикрикнул — мол, сей маик есть пленник повелителя, Императора Мельина, и всякий, кто покусится...

Просвистел первый камень. Пущенный ловкой рукой, пролетел над щитами солдат и угодил прямо в плечо мэтру. Ондуласт подскочил, взвизгнул, бросился наутёк — слепо, прямо на какой-то плетень. Женщина в колушке первой ринулась в погоню, за ней, с проклятиями — трое легионеров. Молодые маги остались на месте, один поспешно сплёл руки перед грудью, что-то прошептал — правая нога Ондуласта онемела, как раз в тот момент, когда он пытался перемахнуть через второй ряд плетня.

Перехватило дух, когда чародей увидел прямо под собой заточенный кол, нацелившийся ему в живот.

Нога подвернулась, соскользнула, и...

Легионеры успели первыми, женщина в колушке потратила лишний миг, чтобы схватить валявшиеся возле раскрытых ворот хлева вилы. С ловкостью, которой позавидовал бы иной велит, она ткнула острие прямо в висок истошно вопившему Ондуласту, обхватившему развороченный колом живот.

Крики мага тотчас оборвались.

...Император въехал в Гунберг следующим утром. На ратушной площади его ждали молчаливые ряды пленных — сдавшиеся бароны с дружинниками. Пахареи распустили по домам ещё ночью.

Мятежники мрачно молчали. Надо полагать, в памяти у всех накрепко засели памятные указы правителя Мельина — как должно поступать с теми, кто, несмотря на все «увещевания многие», не отречётся от Конгрегации. Конечно, тут, в Гунберге, собрались самые худородные из восставших — вся верхушка засела в Мельине, самые же умные, или дальновидные, что порой одно и то же, — в Ежелине, до которого ещё не один день пути.

Рядом с Императором ехал известный многим проконсул Клавдий, ближе к правителю Мельина — чародейка в голубом, проклинаемая многими Сежес; ещё

ближе — черноволосая девушка Дану; эту пока что совсем не проклинали. Пока что.

Подойдя к Гунбергу, Император не тратил время на переговоры и требования сложить оружие. Мятежники расценили это как несомненный знак судьбы — с заранее осуждёнными говорить действительно смысла нет.

Император привычно держал чуть на отшибе кро́воточащую левую руку. Казалось бы — свыкнуться с таким невозможно. Оказалось — очень даже и вполне. Когда понимаешь, что идёшь против силы, по сравнению с которой твоя жизнь — даже не разменная монета, а нечто куда мельче. Люди здесь вообще просто источник, средство, ингредиент, обладающий некими свойствами. Требуется чем-то особенный Император Мельина — а подать его сюда, и сколько других людейшек, даже наших же собственных слуг, сгинет, добывая драгоценную добычу, никого не волнует. В принципе не может волновать. Даже не как у самого жестокого и бесчеловечного тирана. Никакой тиран невозможен без подданных и слуг, а Нерг ни в тех, ни в других не нуждался. Людей можно заменить. Не всегда, но в тех случаях, когда нельзя, люди всё равно оставались всего лишь ингредиентами. Не «говорящими вещами», не «двуногим скотом», а именно компонентами, подобно всевозможным солям и кислотам для алхимика.

Сейчас перед Императором мрачно переминались с ноги на ногу почти две с половиной сотни разоруженных рыцарей. Баронов тут раз, два и обчёлся, всё больше дружинники, безземельные, получившие скромные наделы от сеньоров, или же и вовсе живущие подачками с баронских или рыцарских столов. Впрочем, редко какой рыцарь мог содержать больше пяти-шести бойцов, следовавших за ним в сражение.

Все они приговорены, думал Император. Сегодня каждая капля, скатывавшаяся с левой кисти, отзывалась тягучей болью во всей изувеченной руке. Мы все

приговорены, все оказались в заложниках у нергианцев. Даже Радуга, многие десятилетия, если не века, считавшая себя единственной настоящей хозяйкой Мельина. Они долго плели интриги, аккуратно подводя к нужно-му для себя исходу. Кому оказалась выгодна схватка Семицветья и Империи? Только им. Кто надеется извлечь какие-то бенефиции из страшного Разлома, наступления козлоногих и так далее? Опять же один лишь Нерг. Что? Семандра? Если твари из бездны возобновят натиск на восток, то рано или поздно доберутся и до «свободных» королевств. Конечно, семандрийцы могут этого не понимать, вообще не представлять себе опасности, но это уже не имеет значения. Важно лишь, что из всех бед и несчастий Мельина с завидным постоянством выгоду извлекали лишь всебесцветные.

— Есть ли здесь те, кто хватал детей? — вполголоса спросил Император, нагибаясь к Сеамни.

— Есть, — чуть помедлив, отозвалась Дану, лицо её дрогнуло, ладонь прошла по животу.

— Есть, — подтвердила и Сежес, пальцы чародейки коснулись висящего на шее гномьего оберега. — Кровь метит сразу и навсегда.

— Их — повесить, — бросил Император. — Остальных — отпустить по домам. Оружие не возвращать.

Сежес медленно повела головой, словно пытаясь без слов сказать: «ну и ну!»

Правитель Мельина тронул поводья, пустил коня медленным шагом вдоль строя пленных.

Да, Сежес и Сеамни выберут. Бестрепетно проедутся следом, молча указывая то на одного, то на другого. Легионеры выволокут упирающихся из толпы, быстро скрутят руки.

Может, это неправильно; может, эти вояки лишь выполняли приказы магов. Последних, кстати, удалось захватить немного, большинство быстро поняло, что происходит, и сумело удрать, даже не попытавшись

оказать сопротивление. Одного, захваченного прямо на стене, к сожалению, ожидал самосуд.

— Этот, — услышал он шёпот Тайде. И сразу — «да» Сежес.

Император кивком указал на могучего затравленно озиравшегося рыцаря в изорванном кафтане без гербов.

— А-а-а, за что?! — истошно завопил тот, извиваясь в руках четверых дюжих легионеров.

Правитель не обернулся.

— Клавдий, передай охране, кто это такие и за что. Скажи — охотники за детьми. Скажи — Радуга приносила малышей в жертву.

Проконсул молча кивнул, сделал знак совсем молодому легату-порученцу.

...Всего из пленных выдернули больше двух десятков — тех, кто помогал магам Радуги ловить детишек по окрестным селениям и самому Гунбергу. Отделённые, кажется, поняли, в чём дело, — судя по волчьим взглядам. Вокруг них сомкнулось кольцо солдат из Третьего легиона, центурион шепнул что-то своим людям, и теперь они, в свою очередь, глядели на пленных настоящими волками — верно, успел поделиться полученными от Клавдия вестями.

На площади и возле неё уже стало черным-черно от собравшегося люда. Наверное, сбежался весь Гунберг. Вольные заметно напряглись, плотнее сомкнув кольцо вокруг Императора, — момент для покушения сейчас — лучше не придумаешь. Достаточно одного удачно пущенного огнешара, одного затаившегося на каком-нибудь чердаке мага Радуги.

Выдвинулась ещё одна манипула Третьего легиона, выразительно нацелилась на заволновавшихся пленных остриями многочисленных пилумов.

Император остановил коня, приподнялся в стремени.

— Добрый народ Гунберга! — Зычный голос разнёсся

по всей площади, однако искалеченная рука отозвалась болью, глубокой, таящейся в самой сердцевине костей, и ещё быстрее стали срываться тяжёло-алые капли с левой кисти. — Мои верноподданные горожане, мятеж так называемой Конгрегации пресечён. Сюда возвращается имперское правосудие. Я знаю, многие из вас лишились детей, захваченных обезумевшими магами Радуги. Эти, — он ткнул пальцем себе за спину, — помогали им. Вольно или невольно, под угрозой смерти или как-то ещё — неважно. Империя запрещает человеческие жертвоприношения...

— У нас был рескрипт! Твой рескрипт, узурпатор! — отчаянно завопил тот самый верзила, первым выдернутый из строя. — Ты сам дал его Нергу! Са-а-ам!

Как и следовало ожидать. Конечно, с той проклятой грамотой им стало куда легче. А я-то ещё удивлялся, зачем им потребовалось формальное разрешение в воцарившемся хаосе... Умны вы, всебесцветные, ничего не скажешь.

— Всебесцветный Орден Нерг вытребовал себе это, обещая в ответ спасение Мельина! — Император не замешкался с ответом. Сейчас главное — отвечать резко и быстро, не задумываясь и не колеблясь, с «победительным видом», как советовала читанная в юности книга «О водительстве народов». — Он вымогал это «право», когда от Разлома на нас шла стена злобных тварей, пожиравших всё живое. Он обещал, что в час решающей битвы, когда легионы стояли в одиночестве против сонма чудовищ, какой не приснится и в ночном кошмаре, нам придут на помощь. Никто не пришёл. Нам пришлось отступать, отдавая козлоногим страшилищам наши города, деревни и поля. Наши верноподданные претерпели великие муки, множество их принуждено было бежать, бросая всё нажитое. А сколько тех, кого настигли и сожрали твари Разлома?! Нерг нарушил слово. Сделка не состоялась. И ещё, рыцарь, —

Император яростно повернулся к верзиле, — скажи, видел ли ты сам эту грамоту?

— Видел! — не сдавался тот. — Своими глазами, вот как тебя сейчас, узурпатор!

Смел, что и говорить.

— А было ли там сказано, — загремел Император, — что я, правитель Мельина, сам должен решить, кому умирать за то, чтобы жил наш мир?! Это моё бремя и моя беда. И те, кто помогал Нергу, кто забирал детей, вырывал из рук родителей, чтобы зарезать, точно поросят, — повинны смерти.

Толпа дружно взревела — похоже, детские жертвоприношения успели довести людей до последней черты.

Два с половиной десятка обвинённых встретили приговор по-разному — кто-то упал на колени, громко умоляя о пощаде, кто-то сел прямо в пыль, тупо уставясь в одну точку, кто-то и вовсе постыдно разрыдался.

— У нас была грамота! — не сдавался верзила. — С императорской печатью! Ты сам признал, узурпатор! А всё прочее — то словеса! Народ, мы его волю выполняли! Его, слышите, его! Этого и бейте!

Кер-Тинор вопросительно взглянул на Императора, однако тот лишь покачал головой. Зарубить дерзкого прямо сейчас — значило сделать его героем и страдальцем.

Вместо этого правитель Мельина повернулся к не сводящим с него глаз легионерам и жителям Гунберга. Поднял руку — левую, с которой не переставая сочилась кровь. По толпе прокатился мгновенный ропот, прокатился и испуганно затих.

— Вы слышали — этот смелый рыцарь обвинил меня, своего Императора. Что ж, я отвечу, а вы слушайте, и не говорите, что не слышали.

Так почему я приговорил этих? Не дав оправдаться, не назвав защитника, как положено по древним хартиям вольностей благородного сословия. Вы хотите знать?..

Потому что добрый рыцарь, храбрый солдат, чест-

ный купец или заботливый пахарь не пойдёт ловить детей, зная, что их ждёт жертвенный нож в руке мага. Таковой не станет прикрываться грамотами и указами. На такое способны лишь гнилые души, совсем пропащие, кому одна дорога — в Разлом. Вернее даже не души, душонки.

Не станут добрые люди творить такое и «всего лишь выполняя приказ».

А ты, наш Император, спросите вы, мои верноподданные — разве ты не купил собственную жизнь за ужасную цену, пожаловав Нергу право на кровь? Не расплатился жизнями наших детей, а теперь оправдываешься, жалко и неумело?

Голос Императора гремел так, что, казалось, слышно во всём Гунберге.

— Да, всё именно так. Когда нас припёрли к стене твари Разлома, а Нерг пообещал помощь. Я купил эту помощь. И теперь иду с войском прямо ко Всебесцветной башне — расплатиться. Сровнять её с землёй. И я первым пойду на штурм, впереди всех когорт, потому что иначе вокруг той башни воздвигнется вал из человеческих тел.

Знайте, люди, знайте, мои добрые верноподданные, знайте, храбрые воины моих легионов, — меня жжёт и мучает стыд за ту сделку. И хотя б частично вернуть вам долг я могу одним лишь способом — дотла выжечь эту язву на теле Мельина и самому сгореть вместе с ней.

Сеамни вскрикнула, зажимая рот, Кер-Тинор яростно вскинул подбородок, схватилась за голову Сежес; а по всему собравшемуся многолюдству прокатилась волна:

- Живи вечно, наш Император!
- Смерть Нергу! На осину бесцветных!
- Смерть магикам зловредным!

Правитель Мельина медленно опустил кровоточащую руку — левая пола плаща успела покрыться россыпью алых точек.

— Этих, — кивнул он на приговорённых, — повесить немедленно. На чём придётся. Сгодится любая крыша и любой угол.

— Повелитель! — заорал всё тот же верзила. — Повелитель! Раз ты первым на бесцветных пойдёшь... дозвожь с тобой рядом! Уж лучше огнешар в рожу, чем в петле болтаться. А мы не подведём, не подведём ведь, а?! — Он уже обращался к остальным товарищам по несчастью. — Пусть поляжем, но хоть не на рынке, за шею подвешенными!

Император усмехнулся:

— Мы все приговорены. Эй, там, с верёвками! Не мешкать. Детишки тебя небось тоже просили. Да только ты ведь ни одного не отпустил, не помог бежать, не спрятал от магиков.

Верзила завыл, рухнул на колени, задёргался; правда, кричал он недолго.

* * *

Гунберг остался позади. Легионы шли ходко, солдатские шутки умолкли — в манипулах из уст в уста передавался рассказ о случившемся на рыночной площади. Император решил идти на штурм Нерга первым, да мыслимое ль дело! Нет, не годится, никак не годится. Мы пойдём, легионеры, солдатская кость. А Император должен путь указать, решить, кого рубим и как. На то он, Император, и поставлен. С делами своими мы сами управимся, а когда надо разить всем многолюдством, как одним кулаком, — тут-то он и нужен. И позади войска, никак не впереди.

Сеамни молча плакала и зло кусала губы, Сежес воздевала руки и закатывала глаза, Клавдий ругался шёпотом. Кер-Тинор красноречиво молчал.

Император торопился. После приснопамятной речи левая рука закровила сильнее; теперь он всё чаще ощупывал белую перчатку, вновь и вновь представляя,

как надевает её, целится — и огненный кулак таранит стену, в пролом устремляются легионеры...

Так ты готов оставить Империю наедине с козлогими? Ну да, набросал горячих слов и теперь готов сгореть сам, лишь бы исполнить обещанное? Это нетрудно. А что с Разломом? Кто его закроет и как? Клавдий? Сежес? Или, может, сам пристыженный Нерг? На чьём месте я бы уже начал тревожить легионы магическими атаками. При умении нергианцев шастать по дольменам...

А ночью плечо становилось влажным от слёз Сеамни. Она плакала беззвучно, замирая с раскрытыми глазами, не всхлипывая, вообще не издавая ни звука. Не спрашивала «почему?!», не рыдала «на кого ж ты меня оставляешь?!». Молчала.

Потому что знала — иначе Гвин перестанет быть Императором для самого себя. Знала — он пойдёт на штурм первым и будет искать победы. И если победить возможно будет только пожертвовав собой — он жертвует. В конце концов, все распоряжения даны, а большая императорская печать самолично распилена натрое тонкой гномьей пилкой, с немалым трудом отысканной Баламутом.

Где-то за их спинами, знал Император, из Мельина вырвались бароны, наконец-то разобравшись, с кем имеют дело. Скаррон всё сделал наилучшим образом — выстроив легион в несколько квадратов, стал отступать к Арсинуму, чьи жители прислали гонцов: мол, готовы сидеть в осаде вместе с вами, но баронов не впустим.

Конгрегация заглотила приманку, но лишь частично. Девятый Железный слыл слишком серьёзным противником, чтобы беспечно оставлять его в собственном тылу. Большая часть конницы ринулась по следу Императора.

— Пусть себе скажут, — только и бросил правитель Мельина, когда всё тот же Марий Аастер принёс вести о баронских сотнях.

Оправдалось и другое предчувствие Императора — Радуга оправилась от потрясения после небывало лёгкого падения Гунберга и прибегла к новой тактике. Вернее, к ново-старой — так воевали Дану в последние годы открытой войны, когда сил для настоящего сражения с имперскими легионами у них уже не осталось.

Нападения из засад, внезапные налёты небольших конных отрядов, сразу же бросавшихся наутёк. Легионы по-прежнему останавливались на ночлег в укреплённых лагерях — отличная мишень для огнешара, какой сумеет запустить даже паренёк из пригостишек. Сейчас из безопасного, как казалось ещё совсем недавно, Ежелина вылезли отнюдь не пригостишки, и в котлах начались потери. В ответ, не дожидаясь команд, легаты окружали места ночёвок тройными кольцами секретов, вынесенных далеко в окрестные леса.

Сработало — первая же ночь принесла полтора десятка трупов и дюжину пленных — чародеев Радуги, далеко не самых слабых, но всё ж не из Всебесцветного Ордена.

Нерг по-прежнему чего-то ждал.

Вскоре за Гунбергом войско пересекло старую границу полосы Смертного Ливня; потянулись длинные каменные сараи ныне позаброшенных убежищ, возведённых для запоздавших странников, хутора и починки щеголяли могучими стенами и толстенными крышами, окна закрывали ставни, что сошли бы и за крепостные ворота.

Здесь Радуга показала, что её арсеналы ещё не опустели: появились оборотни и вампиры. Специально выведенные. натасканные на кровь, не знающие, что такое «выживание». Собственно, выживать им и не полагось.

В полном соответствии с традицией, каждый укушенный легионер обращался в точное подобие укусившего. Оборотни умирали, лишь когда им удавалось снести голову или изрубить в куски; вампиров простая

сталь не брала вовсе. Пришлось вмешиваться Сежес; небо полыхало всю ночь, мрак хлестали длинные плети молний, и вернулась чародейка только под утро.

— Повелитель, прикажите двум когортам сжечь трупы, — только и проговорила она, без сил повалившись на ложе.

...Больше до самого Ежелина имперскую армию никто не беспокоил. Баронская кавалерия висела на плечах, однако арьергардные легионы знали своё дело: после двух успешных засад мятежники сделались куда осторожнее.

Сежес призналась Императору, что каждый день чувствует «попытки магического нападения», однако пирамида не прошла даром — ей удаётся отражать все удары, правда, сколько ещё продержится у неё эта сила, она не знает.

Император кивнул. Он сам думал о том же — пламень разрушенного им камня впитался им в сердцевины костей, такое не проходит бесследно.

— Нам бы дотянуть до Нерга, Сежес...

— Нет, — возражала чародейка. — Нам бы дотянуть до Разлома, повелитель.

Она права, думал Император. Он заставлял себя думать о войне, только о ней — лишь бы не о том живом комочке, что с каждым днём рос внутри его Тайде. Нельзя его ждать, нельзя, твердил себе Император. Нельзя привыкать к этой мысли, нельзя представлять, как станешь носить его на руках, ерошить мягкие волосики, слушать его смех и чувствовать на шее пару обнимающих её маленьких ручек. Нельзя. Потому что иначе дрогнешь и там, в Нерге (или же около Разлома) не сделаешь то, что требует от тебя Мельин.

Клавдий и командиры легионов всё настойчивее предлагали остановиться и дать сражение обнаглевшей баронской коннице. Когорты выдержат удар, а кавалерийские турмы, сдавив рыцарей с боков и тыла, довершат разгром — однако Император лишь качал головой.

Это уже ничего не решит. Конгрегация — всего лишь марионетки в руках Радуги, а она, в свою очередь, пляшет под дудку всемогущего Нерга. Раньше он тоже думал, что главное — сломать хребет мятежу. Пока не осознал, что есть враг страшнее мятежных нобилей.

По нему, этому врагу, и следует бить.

Марширующие по тракту легионы, словно поршень, сдавливали отступавших магов и рыцарские отряды, те без боя откатывались дальше к Ежелину. Холодало, ледяные осенние дожди секли землю, палатки провисали, с трудом удерживая влагу.

Перед Ежелином баронская конница ночным броском попыталась опередить Императора и преградить ему путь. В дело вновь пошли вампиры и оборотни, донесли о появлении авларов — Сежес с помощниками не спала до утра, стараясь понадежнее прикрыть легионы.

Сражение вспыхнуло сразу в десятке мест — на ночлег имперская армия встала не разбросанно, но перекрыв широкую дугу, так, что баронам для обхода пришлось лезть в холодные топи к западу от Ежелина. Многие нобили предпочли испытать прочность легионерских щитов и остроту их же мечей.

Первый удар принял на себя Третий легион, спешенные рыцари навалились, не щадя себя, сумели ворваться за частокол, не успевшие выстроиться манипулы вырезались почти полностью. На подмогу ринулись когорты Пятого, бой грозил превратиться в беспорядочную свалку, выгодную сильным в одиночном бою рыцарям и их дружинникам.

Но успели развернуться Серебряные Латы, оказавшиеся ближе других к злосчастной топи, и расклад тотчас же изменился. Ветераны бились мелкими группками, прикрывая друг друга, и мятежники подались назад. Кого-то загнали в болото, кто-то дал дёру в Ежелин, кто-то — и того дальше.

Подоспели гномы, пошли в ход длинные пики подземных воителей, загоняя сопротивляющихся ещё глубже в топь, — и воинственные кличи мятежников сменились мольбами о помощи. Тонули кони, захлёбывались люди в тяжёлом вооружении, и первым не выдержал Баламут:

— Повелитель, не дозволено ли будет их, того, вытащить? А то смотреть, как тонут...

Император кивнул.

Гномы лихо и быстро расцепили щиты, подняли копы, к утопающим полетели ременные петли.

...Баламут и его гномы вытащили из болота почти пять сотен рыцарей — после здакой работёнки валились с ног даже могучие подгорные воители. Большинство же коней, увы, погибло.

Утро имперская армия встретила у городских ворот, простояла весь день, пользуясь растерянностью мятежников.

А следующей ночью в Ежелине вспыхнуло восстание — горожане, мастеровые, мелкие торговцы, прочий простой люд, вооружившись вилами и дрекольем, открыли крепостные ворота.

Ежелин пал.

* * *

— Не понимаю, — развела руками Сежес, — не возьму в толк, почему Радуга бездействует. Ну, оборотни, ну, вампиры... и это всё?

— Бояться, — осторожно кашлянул Гахлан, специально ради этого вызванный на императорский совет. — Бояться, о великодушный повелитель, и растеряны. Слухи о случившемся возле дольмена, полагаю, разнеслись достаточно широко. Ведь не вернулся никто из отправившихся туда чародеев, смею заметить, не последнего десятка. Остальные призадумались. Тем более что известно — мы живы и даже не в заточении.

— Но остались те, кто не сдастся ни за что и нико-

гда, — мрачно заметила Сежес. — Перечислять имена нет смысла, достаточно и того, что их немало. Почему не попытаются вызвать мор, или наводнение, или что-то ещё в этом духе?

— Эти заклатья всегда относились к исключительной компетенции глав Орденов, магистров и гроссмейстеров, — запротестовал Гахлан.

— А кто из них ещё остался? — впилась в него взглядом Сежес.

— Эммен сгинул вместе со всем Красным Арком, — начал загибать пальцы чародей. — Левейтайра из Кутула, как ты помнишь, погибла при первой встрече с козлоногими, наша единственная потеря в том бою, но какая!.. А нового гроссмейстера фиолетовые так и не выбрали.

— Да, но Сашнэ, Фетерда, Гиллестерн?

— Они целы и на стороне, гм, повстанцев. — Гахлан говорил медленно, тщательно подбирая слова. — А гроссмейстер Голубого Лива — вот она, передо мной.

Император вскинул голову. Так он всё это время имел дело с главой Ордена? Надо же... даже тени подозрения не возникло, Радуга издавна поддерживала легенду, что, мол, командоры и гроссмейстеры никогда не покидают главных башен своих Орденов, погружённые в высокомагические раздумья.

— Остался только Фиррейн, однако он — в стороне от всего, — закончил Гахлан. — Ты и сама это знаешь.

— Никогда ни в чём нельзя быть уверенным, особенно в наши времена, — сквозь зубы процедила Сежес. — Значит, трое. Только трое гроссмейстеров. Что ж... немного. И где же они могут быть?

Оранжевый заколебался, опустил голову, в замешательстве потёр морщинистый лоб.

— Ты никого не предаёшь, — ровно проговорил Император. — Кровапролитие стало бессмысленным. Мы победили. Империя. Будут ли жить магические Ордена — зависит только от их разумности. Я не хочу

никого убивать. Ты можешь вступить в переговоры с оставшимися тремя мастерами, Гахлан? Убедить их прекратить борьбу?

— Боюсь, — вздохнул старый чародей, — тут не преуспел бы и поистине медоустый оратор, не то что я, недостойный. Что Сашнэ, что Гиллестерн, не говоря уж о Фетерде — гм, по-настоящему настроены умереть, но не сдаться. Я, конечно, не разделяю эту их позицию, я отринул прежние заблуждения...

«Оказавшись у нас в плену», — холодно подумал Император.

— И они были сейчас в Ежелине. — Сежес не спрашивала, она утверждала.

— Сейчас — да, — выдавил наконец Гахлан. — А до того сидели в Мельине... Сейчас, конечно, из города они ушли. Скорее всего, в сторону Нерга.

— Понятно. — Чародейка встала. — Покорнейше прошу у моего повелителя дозволения откланяться. Постараюсь... достучаться до моих бывших соратников. Надеюсь убедить их не умирать во имя идеалов Всебесцветности.

— Ты настолько уверена в себе, Сежес? — не выдержал оранжевый маг.

— Уверена. — Чародейка бросила взгляд на Баламута. — Потому что, если тебя ждут — горы своротишь и не заметишь. А когда рвёшься к власти, к ней одной и ничего больше... Знаешь, Гахлан, нам бы всем не помешало серьёзное отнестись к детским сказкам. Там, где хорошие — хороши, а плохие — плохи. Так не бывает в настоящей жизни, но порой, порой — наивность не во всём не права.

Она поклонилась, резко повернулась на каблуках — полы плаща врзлёт — и почти выбежала из шатра.

Баламут сидел, боясь пошевелиться и покраснев до корней волос собственной бороды.

Ночь. И вновь Сеамни без сна, нависает над лежащим на спине Императором, длинные шелковистые волосы шекочут ему грудь.

— Мальчик, — шепчет Дану. — Это будет мальчик. Объединитель людей и Дану. Вольных и гномов. Орков и эльфов...

— Орков и эльфов?! Да скорее огонь примирится с водою! — не выдержав, приглушённо рассмеялся Император.

Сеамни только качнула роскошными волосами.

— Он объединит и примирит, — настойчиво повторила она. — Твои эдикты «О равенстве». О том, что в пределах Империи ныне равноправен любой, готовый сражаться под её знамёнами и говорящий на языке людей, принёсший присягу Василиску. Когда ты о них объявишь?

— Не хотел давать баронам лишнего повода орать, что я, мол, «продался нелюди». Не все готовы протянуть руку тому же орку.

— Не все. Но те, кто сражался бок о бок с ними?

— Они — да. Но их пока меньшинство.

— Тогда дай права тем, кто сражался. Тем, кто кормил нас, как те же половинчики. Не тyani, Гвин. Орки ведь до сих пор держат семандрийцев на востоке...

— Ты права. Но о милостях принято возвещать после победы. Если б бароны сдались сейчас... а так, боюсь, придётся ждать, пока не сломаем хребет им с Нергом.

«И воплощать в жизнь эти прекраснодушные эдикты придётся уже тебе с Клавдием и Сежес», — про себя, конечно же, только не вслух.

— Не думай так, — жалобно попросила Тайде. — Не надо. Ну, пожалуйста. Представь себе, что всё кончится хорошо. Как в сказках. Мы победим Нерг. Закроем Разлом. Я рожу тебе сына. И ничего, что он — от

«богомерзкой данки». Вон церковники вообще как в рот воды набрали, кто на юг не сбежал.

— Мы победим Нерг, — эхом откликнулся Император. — Ты родишь мне сына. Всё верно, Тайде. Просто... надо быть готовыми ко всему. На сколько ещё хватит той силы, что творит во мне новую кровь? Той, что живёт у Сежес в амулете Баламута? Это не наша мощь, мы украли её у врага.

— Нет. — Сеамни отчаянно затрясла головой. — Ты не понимаешь, Гвин. Сила живёт в амулете у Сежес потому, что она впервые в жизни думает о ком-то чуть больше, чем о себе. Вы не украли силу. Вы просто очень хотели вернуться — и не для того, чтобы жить самим. Вы оба возвращались к другим.

— Любовь побеждает смерть, — тяжело усмехнулся Император. Усмешка вышла кривой и болезненной.

— Любовь ни с кем не воюет и никого не побеждает, — возразила Сеамни. — Побеждают легионы, побеждают маги. Но только если им есть за что сражаться, прости за банальность.

— К чему ты ведешь, Тайде? Я подпишу эдикты и поставлю печати. Но оглашать пока не стану. Ни к чему смущать моих добрых подданных.

— А ведь кое-где до сих пор держат рабынь-Дану. . — тихонько проговорила Сеамни.

— Это нетрудно. Выкупим. Дай только сломать хребет Нергу. После них и с Разломом будет легче управиться. Я уверен.

— Откуда? Почему? Никогда не спрашивала тебя, Гвин, но...

— Разве ты не чувствуешь? Нерг и Разлом связаны. Всебесцветные пытались научиться им управлять. И — при посредстве Радуги — кое-чего добились. У них должен найтись ключ. Может, не ко всему. Хотя бы к части — скажем, к умению сдерживать козлоногих чем-то иным, кроме детских жертвоприношений. Ну не могут всебесцветные крутить эту карусель просто так, из од-

ной лишь «любви к знанию». Что-то перестал я верить в их готовность покорно уйти из Мельина куда-то, — он помахал правой кистью в воздухе, — куда-то на астральные пути. Хитрецы наверняка припасли что-то про запас. И так просто не отдадут.

— Но они могли бы потребовать выкуп. Богатства, земли, власть...

— А откуда ты знаешь, что они не требуют? Устами тех же баронов, той же Радуги? Просто привыкли всегда и везде оставаться в тени, эдакими пауками-кукловодами. Вспомни, пока не появилась Белая Тень и мы с тобой не оказались в Эвиале, казалось, что маги присмирели. С той же Сежес мы ездили к Разлому... всё изменилось после баронского мятежа. И здесь не обошлось без Нерга. Всебесцветные наверняка что-то пообещали чародеям, намекнули, дали понять, что выступают на их стороне.

— Почему же ни Гахлан, ни Сежес ничего об этом не сказали?

— Сежес может и впрямь не знать, а Гахлан... этот, полагаю, до сих пор дрожит за собственную шкуру.

Короткое молчание. Тайде замерла над Императором, губы чуть подрагивают, шея по-лебединому выгнута.

— Я послала весть, — вдруг сказала она. — Послала весть моему народу. Хватит отсиживаться во вновь обретенном Друнге. Башня Нерга — совсем рядом. Мои сородичи рождаются с магией в жилах. Может, они что-то почувствовали, что-то поняли?

— Если так — то отчего не прислали депутацию? — буркнул Император.

— Боятся. Поход Деревянного Меча памятен не только среди людей. Мои соплеменники-Дану сейчас едва ли гордятся содеянным. Хотя немногие откажутся от повода скрепить союз совместно пролитой кровью. Подобно тем же оркам.

— Что ж, сейчас мы не откажемся ни от чьей помо-

щи, — кивнул Император. — Будем надеяться, мудрость Дану не окажется лишней.

...Во взятом — или освобождённом? — Ежелине имперское войско не задержалось. Глубокая северная осень, дождливая и холодная, а впереди ещё неблизкий переход ко Всебесцветной башне.

Сежес так и не смогла убедить трёх других гроссмейстеров в «бессмысленности сопротивления», как с горечью призналась чародейка. Где-то за спинами легионов, в окрестных чащах собирались остатки баронского войска. Самые злые, упорные и безжалостные. И ещё — отчаявшиеся. Идеалисты. Те, кто согласен умирать за эфемерные слова, даже не за земли, титулы и золото.

Они пробираются лесными просеками, заброшенными просёлками. Благородные рыцари с гордыми оруженосцами. Баронские дружинники, у кого в замках остались семьи, кто накрепко связан с нобилями и привык есть с их руки. Не верящие в императорскую милость.

Пробираются на северо-восток, к башне Нерга, словно внемя какому-то зову.

И следом за ними, «поспешая медленно», как сказал бы классик, хищным василиском струится имперское войско.

Осенние дни срываются, словно невесомые паутинки, исчезают без следа на стылом северном ветру. Ночами нападают маги, их арсеналы, видать, выскреблены до дна — всё те же оборотни, вампиры и авлары. Попадалась и вовсе наспех вычарованная нежить — крысы, разносящие чуму. Это оказалось бы серьёзно, если б не Сежес — волшебница лишь зло усмехнулась, покрутила в пальцах гномий амулет и вокруг лагеря вспыхнуло несколько сотен мелких костерков: горели заразные тушки.

Повседневность ускользала и расплывалась. Импе-

ратор передоверил командование армией Клавдию, чародейскими делами занималась Сежес и её молодые соратники. Почти всё время он проводил с Сеамни, глаза в глаза, рука в руке.

Виделось разное, но и человеку, и Дану — одно и то же.

Император то брёл сквозь плотный, мокрый и ледяной туман, почти плыл, с усилием раздвигая руками мглу, поднимался на холм, где приветливо светились окна. Два окна смотрели на него, словно огромные огненные очи, разделённые чёрным крестом переплёта на четыре пламенных зрачка.

Правитель Мельина всё шёл и шёл к этому дому, туман отступал, проглянула дорога, лес, недалёкое озеро — всё словно в полумраке; он шагал, ощущая мучительную пустоту, — вдруг пропало имя, дарованное ему его Тайде. Пропало — и всё тут. Растворилось, стёрлось, улетело по ветру, как та паутинка.

Однако мгла рвалась, не выдерживая ярости и напора кованых доспехов с василиском. Император выныривал из океана грёз, сталкиваясь с обжигающим взглядом Сеамни.

Гнев — вот, пожалуй, единственное, что выручало и не подводило. И порой, когда Император, сцепив зубы, плечом расталкивал неподатливую хмарь, заслоняя алые окна-глаза на холме, впереди появлялась фигура могучего воина в чёрных латах, за плечами, словно крылья, вился кровавый плащ, хотя никакого ветра не было и в помине.

Воин протягивал Императору руку, звал к себе — и идти сквозь ледяную мжицу¹ становилось легче. Незримые пальцы касались окровавленной левой ладони, обхватывали замок запястья, словно вытягивая, помогая выбраться из хмарищи.

Рядом возникала Тайде, Деревянный Меч в её руке

---

¹ М ж и ц а — мельчайший дождь, мокрый туман.

со свистом рубил злую мглу, открывалась дорога — но вместо освещённых окон, воина в чёрном и алом Император видел слепые стены башни Всебесцветного Нерга.

...Седрик Алый, сын Гвеона Смелого. Последний князь-маг Дану. Чудом выживший на мельинском поле, когда лишился Иммельсторна. Смертельный враг людей, хуннусов, презренных свиней — а теперь стоит перед владыкой Мельина, склонив голову, словно подданный.

Хуннус не потребовал крови народа Дану. Вернул им исконные владения, то, что сами люди называли Друнгским лесом. Заключил торговый договор. Оберегал от мести неграмотных поселян, даже поставил несколько когорт нести охрану Друнга, не допуская туда ретивых порубщиков.

— Приветствую повелителя Империи людей, — не то чтобы сквозь зубы, но без особой признательности и уж тем более безо всякой дружелюбности проговорил Дану.

Сеамни Оэктаканн, сидевшую справа от правителя Мельина, Седрик старательно пытался не замечать. Не смотря на то, что явился, ответив на её призыв.

— Приветствую повелителя народа Дану, — в тон князь-магу отозвался Император. — Спасибо, что пришёл в трудный час, забыв былые обиды.

Седрик гордо выпрямился. Пожалуй, чуть более резко, чем следовало.

Хуннус смотрел на князь-мага и улыбался. Левую руку человек привычно держал на отлёте, на кончиках чуть подрагивающих пальцев медленно набухали алые кровавые ягоды-капли; непохоже, чтобы властителя людей это хоть сколько-нибудь заботило.

Сжавшиеся в линию губы Седрика приоткрылись сами собой, с лица сошла надменная гримаса. Сидев-

ший перед ним был обречён, знал это — и принимал со спокойным достоинством.

И у заносчивого князь-мага вместо всех заранее заготовленных словес, дабы «не потерять лицо», «поставить на место» и прочего, вдруг вырвалось:

— Чем может помочь мой народ?

— Дану сведущи в магии. Могут ли владеющие даром присоединиться к чародейке Сежес, помогая ей расплести тайны заклятий Нерга?.. Лучники Дану прославлены меткостью, когда начнётся штурм, нужен кто-то умеющий попадать в бойницу с двух сотен шагов.

Седрик уверенно кивнул:

— Наши стрелки не подведут. Что же до видящих — у нас сейчас их, км, недочёт. Лес ещё не оправился от ран, ещё не может даровать своим детям взгляда достаточной глубины.

— Что ж, — кивнул Император, — лучники нужны даже больше. Хорошие маги у нас имеются, но в искусстве стрелкового боя никто не сравнится с Дану.

Седрик едва заметно улыбнулся, вдруг ощутив, что похвала хуннуса ему приятна. Или — уже не хуннуса? Просто — человека? Соседа?

...Пришло три сотни Дану. Всё, что мог дать Друнгский лес.

Армия Мельина свернула с торного тракта. Как раз в тот день, когда скорая голубиная почта принесла известие, что на границе скопились козлоногие, достаточно для того, чтобы орда вновь стала продвигаться на восток.

— Поспешите, только и сказал Император, с каменным лицом прочитав присланную грамоту.

Происшедшее не стали скрывать — напротив, центурионы зычно зачитывали манипулам краткий императорский рескрипт, предписывающий легионам «из всех сил» торопиться к цели.

Предложил свою помощь Седрик, и свершилось

небывалое — отряды легионеров шли через зачарованный лес, ведомые проводниками-Дану.

— Нас они на Росчищи встретят, — предсказал Клавдий. — Больше им развернуться негде.

Росчищью звалась широкая полоса, где девственный лес в своё время вырубил ретивые поселенцы, построились, распахали поля — однако потом, в один из кратких успехов Дану, древние хозяева края прошились по местным хуторам огнём и мечом, не оставив ничего живого, истребив даже скотину, всех, вплоть до последнего цыплёнка. Люди туда не вернулись даже после победы, слишком тяжёлой оказалась память о побоище. Мало-помалу Росчищ зарастала, однако настоящих лесов тут так и не поднялось — словно обильно, сверх меры напоённая кровью земля захлебнулась от ужаса и отвращения; и, точно в отмщение Дану, не дала жизни ни одному саженцу, не пробудила ни единого жёлудя.

Проклятое место бросили и люди, и Дану.

Прошло много лет, и...

Имперская армия ещё пробиралась глухими чащобами, надрываясь и таща на себе все припасы — телеги пришлось бросить — когда передовые турмы донесли, что дорогу к башне Нерга преграждает баронское войско.

Именно там, на Росчищи, как и предсказывал опытный проконсул.

Они таки собрались, те самые, непримиримые, готовые сражаться до конца. Благородные нобили и мальчишки-оруженосцы. Дружинники. И все прочие, кто отчего-то решил швырнуть на стол последнюю ставку — свою собственную жизнь.

Друнг остался позади, сошли на нет окрестные, *мусорные* леса; открылось широкое, чуть всхолмлённое поле, справа и слева упиравшееся в клыки древних мшистых скал, много столетий упорно сопротивлявшихся ветрам, дождям и времени. За холмистой грядой

вновь начинался лес, но уже низкий, северный, примученный холодами.

Последнее место, где можно дать правильный бой.

...Бессмыслица, думал Император, сидя в седле. Левый фланг войска мятежников упирался в чёрные бока скального монолита, правый вдобавок ко всему прикрывало ещё и топкое болото с мелким придушенным леском. Открытое пространство, поросшее убитой осенней травой.

Наверное, думают о себе, что герои, не давали покоя горькие мысли. Мальчишки неслись в сёдлах всю ночь, с развёрнутыми знамёнами, чуть не падая от усталости — и мечтая о «последней атаке», в которой они, и именно они, пробьются наконец к ненавистному узурпатору, вызовут его на поединок и сразят.

Бедняги.

А те, кто поддерживал в них это убеждение, — не заслужили ли они петли куда больше, чем повешенные в Гунберге?

Заслужили, говорил себе правитель Мельина. Потому что иных шансов у них не осталось — только броситься всей массой на несокрушимый строй легионов в надежде, что хоть кому-то удастся добраться до него, Императора. Конечно, попытается напоследок оскалиться Радуга — наверняка кроме тех вампиров и оборотней в качестве «последнего средства» сыщется и ещё что-нибудь.

А Нерг выжидает. Словно ему и не так уж важна эта победа, словно наступающие легионы там не считают за угрозу.

Император невольно поёжился. От таких мыслей становилось совсем скверно.

...Вьются, трепещут украшенные золотыми геральдическими зверями вымпелы, сверкает на неярком осеннем солнце броня многочисленных всадников. Рыцари готовы к последнему параду.

— Как ты думаешь, — буркнул Император, оборо-

чиваясь к Сежес, — посылать депутацию с предложениями о прекращении кровопролития...

— Конечно, бессмысленно, повелитель, — перебила его чародейка. — В лучшем случае вернутся ни с чем. В худшем — их вздёрнут перед строем, для поднятия боевого духа.

— Пусть атакуют, — поддержал волшебницу Клавдий. — Мы выдержим, мой Император.

— Что с Радугой? Ты сможешь прикрыть легионы, Сежес?

Волшебница кивнула.

— Отразить — отражу. А остальное поберегла бы до Нерга. Да и ему не следует знать, на что я способна. — Тонкие пальцы коснулись немудрёного гномьего украшения на шее, его чародейка теперь носила, не снимая. — Хотя есть у меня одно заклятье... Признаюсь, берегла на самый чёрный день.

— Это какое же?

— Вызывание демонов. — Сежес понизила голос. — Надеюсь, мой повелитель не думает, что на такое способны только адепты Слаша Бесформенного.

— Вот даже как? А что ж ты молчала? Почему умирали мои легионеры, а не всякие твари с другого плана?! — Император сдвинул брови. Всё-таки утаила. Держала камень за пазухой...

Волшебница нервно облизнула губы, потупилась:

— Повелитель, к сожалению, я не способна поставить под вашу команду неисчислимую орду. Встретить козлоногих такой же армадой у меня бы не вышло. Да и ни у кого другого тоже, можно не сомневаться. Я сожгу амулет Баламута и, быть может, призову сотню-другую бестий. Капля в море против козлоногих, но при штурме Нерга может оказаться нелишней. Потому и говорю, что берегла на крайний случай. Но... если сегодня удастся не допустить кровопролития...

Император кивнул:

— Хорошо, Сежес. Спасибо тебе за откровенность.

Заклятье побереги. Я не знаю, что нас будет ждать у Всебесцветной башни. С этими же справимся и простыми пилумами...

Баламут, твой хирд встанет в центре. Рыцари пойдут клином, у них только один шанс и только одна атака.

— Не беспокойтесь, повелитель, Молот не подведёт Василиска.

— Плохо только, что у нас за спинами нет и самого завалящего холмика, — проворчал Клавдий. — Конница наберёт хороший разбег, постарается разрезать нам центр, а контратаки во фланг — отразить собственными резервами.

Император кивнул. Во все мельинские трактаты по военному искусству вошло поражение его деда в очередной войне против Семандры: поставленная в центре огромная масса рыцарской конницы, выстроившись классическим клином, прорвала ряды семандрийской пехоты, упершись в крутые склоны лесистой гряды, где между деревьями понатыкано было великое множество острых кольев. Легионы, наступавшие на крыльях боевого порядка, отстали, и Семандра смогла окружить зазнававшихся баронов. От полного истребления их спасли подоспевшие когорты и немногочисленные кавалерийские турмы, приписанные непосредственно к легионам, но сражение оказалось проиграно, большие потери понесли Третий и Шестой легионы, поход за Селинов вал был сорван.

Бароны крепко запомнили тот урок. Даже в битве на Ягодной гряде они не решились прибегнуть к тому же приёму. Сейчас — рискнули. Что могло означать лишь одно: драться сегодня они станут до последнего, не отступят и не побегут. Наверняка сыграли свою роль и раздутые (как же иначе!) магами Радуги слухи о двадцати пяти повешенных в Гунберге.

Мальчики, баронские сыновья и внуки, сквайры, оруженосцы, мечтающие о шпорах и поясе, решили красиво умереть.

Тьма и Разлом, хватит крови! Я заставлю вас жить, даже если вы не перестанете меня ненавидеть. Ненавидьте, дело ваше — но служите моему сыну.

Император вновь окинул взглядом выстроившиеся легионы. Массивный квадрат хирда, казалось, врос в самом центре несокрушимой скалой; длинные копья подняты, забрала опущены, стальная стена щитов сомкнута, накинута на крюки соединяющие их цепи. Справа и слева от гномов — далеко оттянувшиеся прямоугольники манипул, в классическом шахматном порядке, готовые встретить врага ливнем пилумов. Он вряд ли остановит тяжеловооружённую рыцарскую конницу, тем более — приготовившуюся умирать, но обескровит наверняка. Впереди, в поле — россыпь велитов.

Сейчас начнётся. И лучшие бойцы Империи Людей сойдутся на бранном поле, в очередной раз готовые умирать по мановению руки остающихся в тени магов — приливала знакомая подсердечная злость. Знакомая по той страшной ночи в имперской столице, когда он, правитель Мельина, бросил легионы против всесильного, как казалось, Семицветья.

Но злость вспыхивает и тает, исходя ядовитым дымом; её словно бы смывает непрерывно сочащаяся и капающая с пальцев левой руки кровь. Творимая только для того, чтобы покинуть тело. Рождённая на погибель.

Точно так же потекут сейчас вперёд бароны и их сыновья — чтобы вал их «последней атаки» разбился бы о стойкость набранных из простого народа легионов, ненавидящих «благородных», наверное, с самого первого мига жизни.

Достаточно крови.

Пусть сегодня прольётся только его собственная.

Они одурманены, думает Император. Нерг решил показать мне цену победы. Сежес не чувствует никаких чар, но они есть, не могут не быть...

...Или это мне просто очень хочется, чтобы они на-

щлись? Потому что не хочется верить в жертвующих собой баронов и их сыновей, жертвующих только потому, что искренне, до рези в сердцах считают его, правителя Мельина, убийцей и кровавым узурпатором?

Император тронул поводья, не глядя ни на Сежес, ни на проконсула. Кер-Тинор безмолвной тенью возник рядом, и правитель Мельина предостерегающе вскинул ладонь.

— Мне надо выехать одному, мой капитан.

— А вот меня ты не отошлѐшь. — Сеамни поставила своего коня вровень с императорским. — Мы вместе были под стрелами, и я...

— Тайде. Поворачивай. Хочешь, чтобы я приказал Кер-Тинору увести тебя силой? Забыла, кто у тебя в животе?

— Нет. Не забыла. — Головка потупилась, кажется, потекли необычно быстрые для железной Дану слѐзы. — Ты хочешь... хочешь... погибнуть, чтобы так помириться с баронами, да?

— Глупая данка, — обнять за плечи, почувствовать тепло даже сквозь её осенний плащ и железо собственных доспехов. — Я не собираюсь умирать. Во всяком случае, потерплю до Нерга, это я тебе обещаю.

— Ничего себе обещание. А я тебе пригожусь, вот увидишь. Они ведь отринут честь, Гвин. Ты им веришь — только смердящую измену я отсюда чую. И на этот случай припасла я один фокус.

— Какие ещё фокусы?! — прошипел Император, не на шутку рассвирепев. — Назад, Тайде, назад! А то и впрямь прикажу Кер-Тинору тебя связать и в шатѐр отнести!

— Не придумывай. Ты ж умрѐшь от ревности, если ко мне кто-то другой прикоснѐтся, — лукаво усмехнулась Сеамни.

А кони всё несут их, и уже, забывшись, предостерегающе каркает что-то немолодой ветеран-триарий, ми-

мо которого проезжает Император. Впереди только поле да рассыпавшиеся по нему мельинские стрелки.

Позади остаются Сежес, схватившаяся за гномий талисман, сжавший кулаки Клавдий, прочая свита. Император и Сеамни едут по полю, ещё не ставшему смертным.

Правитель Мельина высоко поднимает левую руку, сжимает кулак — кровь брызжет в разные стороны, её капли вспыхивают в полёте, ещё не коснувшись земли. Сеамни испуганно отшатывается, Император успокаивает её взглядом.

Они неподвижно застыли посреди открытого пространства, одни под огромным небом. С севера прилетает ветер, Императору кажется — он несёт с собой пропитанные ядом злобы и страха мысли магов Радуги. Ну, что же вы бездействуете? Такой момент! Два самых ненавистных вам живых существа в пределах Империи стоят и ждут вашего удара; поторопитесь же, уважаемые, потому что второй такой возможности вам не представится.

Но маги медлили, и понятно почему — те из головки, из верхов, что дожили до этого дня, понимали, во что обратилась Сежес. Понимали, что бывшая чародейка Голубого Лива только и ждёт, чтобы отразить обратно обрушенные на Императора чары.

— Я буду говорить, — произносит правитель Мельина, вновь сжимая кулак.

Послушно вспыхивает его кровь, но слова разносятся по всему полю, его слышат все, даже последний обозник в тылу баронского войска.

— Пусть наш спор, по древнему обычаю, решит поединок.

От него ждут этих слов — те самые мальчишесквейры, чью жизнь он пытается спасти. Враг, которого они жаждут победить, конечно же, обязан оказаться подлым и гнусным; однако если он вдруг начинает предлагать решить дело по-рыцарски...

— Выходите, все, кто хочет, — продолжает Император. — Мы сразимся по старинным канонам, без магии, руки да копьё. Если я проиграю, легионы развернутся и уйдут. Если выиграю я... делайте, что хотите, но я бы предложил всем, кому дорога честь, оставить дело мятежников. Ваши маги не могут победить Разлом. Они лишь способны сдерживать его кровавыми жертвами. Детскими жертвами. Подумайте, сколько времени это продлится, прежде чем вас не поднимут на вилы. Ваш враг не я. Он там, за вашими спинами, в башне Нерга. О ней страшатся говорить даже чародеи.

Ну, так долго ли мне ещё ждать? Найдётся ли смелый? — Император уронил левую руку, с кулака сошелся веер кровавых брызг; они уже не горели.

Смелые, разумеется, нашлись. Хотя среди мятежников многие наверняка помнили Ягодную гряду, а до иных, возможно, дошли вести и о замке некоего барона Висемерра Струга, о том, какая судьба постигла его ворота¹.

Из рядов баронской кавалерии один за другим выезжали гордые рыцари, в великолепных доспехах, при паре мальчишек-сквайров, держащих их штандарты; следом за господами торопились конные арбалетчики и пикинёры — каждый барон выезжал вместе с приведенным им «копьём»².

Ветер резанул по лицам, заставил чёрным пламенем распуститься волосы Тайде. Дану неподвижно застыла в седле, оцепенела, не сводя взгляда с медленно приближающихся всадников.

Самый цвет, думал Император, едва разглядев гербы. Те, кто вырвался из Мельина, кто гнал следом за нами, жалея коней, не себя.

---

¹ См. «Война мага», т. 1, «Дебют», стр. 216—217.

² Здесь «копьё» — низшая организационная единица рыцарского войска. Как правило, включала в себя самого рыцаря, двух пажей-сквайров, одного-двух пеших пикинёров и двух конных арбалетчиков.

Да, верхушка баронства. Кто спал и видел себя не вассалами мельинской короны, властными только над собственными сервами, да и то не во всём — а настоящими королями, наподобие многочисленных союзников Семандры. Чтобы людишками — торговать невозбранно, чтобы ходить на соседа настоящей войной, чтобы «преломлять копья» не только на турнирах. Мечтают разодрать тело единой Империи на множество уделов, удельчиков и удельцев, где и воссесть — каждый с королевской короной на челе.

Прекрасная, поистине возвышенная мечта. Нечего и удивляться, что мятежники нашли полное понимание у мятежной же части Радуги.

Полосатые копья с надетыми на них разноцветными выпелами дружно склонились в подобии салюта. Двенадцать рыцарей, десять баронов и двое графов. Некогда — опора трона. Связанные кровными узами с Семицветьем, отправившие туда многих сыновей и дочерей.

— Мы готовы все. Выбирать тебе, — грубо бросил один из всадников, с парой красных львиноголовых птиц в гербе.

— Я выберу, не сомневайся, Перейн, — спокойно отозвался Император, не двигаясь с места. — А вот вежество именуемые благородными, похоже, и вовсе забыли. Вы ответили на мой вызов, следовательно, признали моё на него право. Что немедленно вернуло нас к прежнему положению. Узурпатор не имеет никаких прав. Он подлежит немедленному и безусловному уничтожению. С ним не преломляют копья на ристалище.

— А кто тебе сказал. — Рыжебородый коренастый барон дерзко откинул забрало, с наглой ухмылкой воззрился в глаза Императору. — Кто тебе сказал, что мы действительно собираемся «преломлять с тобой копья»?

...Они кинулись на него все разом, нацелив острые оголовки. Никакая лошадь не рванёт с места под тяжестью рыцаря в полном вооружении, и потому двена-

дцать благородных нобилей благоразумно взяли Императора в полукольцо заранее.

Наверное, ждали, что он повернёт коня и побежит — латы с вычеканенным василиском куда легче баронских, жеребец правителя Мельина — лишь под седлом, доспехов нету. Уже хорошо, уже успех. Вражеский предводитель, позорно улепётывающий прочь, — вот что запомнит войско. Человеческий взор порой удивительно избирателен.

Император успел выдернуть меч, но его опередила Сеамни — как и он сам, Дану не сдвинулась с места. Правителю Мельина почудилось, что в резко опустившейся руке мелькнул тёплый отблеск Деревянного Меча, — в разные стороны брызнула земля, в неё словно прянул исполинский молот. Из воронки повалил дым, и вместе с первыми клубами огромным прыжком вынеслось рогатое существо, закованное в аконитовую броню; сквозь дым блеснули алым расположенные треугольником глаза.

Тварь, как две капли воды похожая на ту, что Дану сразила, заставив убраться восвояси в памятном сражении на Свилле.

Взнесённый горб, увенчанный костяным гребнем, огромные когти, упирающийся в землю хвост.

Демон, чуть не отправивший саму Сеамни Оэктанн раньше срока в их заповедные леса.

Тот самый «фокус», обещанный этой невозможной данкой.

Однако на сей раз тварь появилась уже с глубокой раной, тянувшейся вниз от плеча, глубоко уходя в плоть, — бестия была той самой, вызванной аколитами Слаша и тяжело раненная призраком Деревянного Меча. Наверное, он, этот Меч, и удержал несчастное создание, не дав соскользнуть и умереть на его собственном плане бытия.

Из раны вырывалась дымящаяся багровым кровью, смешанная с пламенем. Чудовище заревело, ярость и бешенство смешивались с тоской и болью. Сеамни вы-

крикнула что-то повелительное на языке Дану, словно отдавая приказ.

Демон прыгнул, подминая под себя ближайшего барона, со львиноголовыми птицами в гербе. Тот дико заверещал, попытавшись оборониться мечом, но клинок только вывернулся из руки, затупившись о чёрную чешую. Взмах чёрный когтей — визг оборвался.

Остальные рыцари бросились врассыпную, но тварь оказалась куда быстрее — настигала их огромными лягушачьими прыжками, плюхаясь сверху и придавливая брюхом. Она сама горела и истекала кровью, ревела от боли и муки, удачное копьё застряло в разрубе, оставленном ещё Иммельсторном, — но остановился демон, лишь подмяв последнего барона. Подмял, повернулся к бледной, пошатывающейся в седле Сеамни, проревел что-то, нелепо пошатнулся, взмахнул лапами — и рухнул чёрной дымящейся грудой.

— Вот теперь всё, — слабым голосом проговорила Сеамни.

Император молча обхватил её за плечи. Да, конечно, она хотела как лучше, и, наверное, у них просто не оставалось иного выхода, кроме его белой перчатки. Но теперь никаких разговоров с баронами не будет. Для их войска узурпатор коварным чародейством убил доверчиво выехавших к нему на поединок благородных воителей. И это уже не исправишь.

Но какова Дану!.. Как смогла, почему скрывала такое умение?..

Кто-то в рядах баронского войска привстал в стремени, закрутил мечом над головой, завопил что было мочи — и вся громадная масса рыцарской конницы качнулась, полилась вперёд, сперва шагом, потом неспешной рысью; на полный ход она перейдёт за несколько десятков шагов до столкновения.

Несколько мгновений Император молча смотрел на оживший стальной вал. Опомнился лишь оттого, что Сеамни с неожиданной силой рванула его за полу плаща.

— Гвин! Надо уходить!..

Надо уходить, да. Топочут кони, содрогаются земля, а облитый сталью клин ещё не перешёл и на рысь.

Человек и Дану пускают лошадей вскачь. За спиной всё нарастает и нарастает топот, он становится подобен грому.

Велиты выпустили первые стрелы, защёлкали гномьи самострелы — сородичи Баламута водрузили на треноги настоящих монстров, бивших дротами чуть ли не в половину кавалерийского копья.

Клавдий вмахнул рукой, что-то выкрикнул, отдавая команду, — Император не слушал. Проконсул знает своё дело. План обсуждён во всех деталях.

— Как ты это сделала?! — вырвалось у Императора, едва они осадили коней и подоспевшие слуги приняли поводья. — Ты вызвала демона?!

— Да, красиво смотрелось, красиво, — с оттенком зависти призналась Сежес. — У меня так не получится, чтобы за счёт только своей собственной силы... — Она коснулась гномьего талисмана.

— Я не хотела. — Голос Дану срывался, на глаза невесты почему-то наворачивались слёзы. — Только остановиться. А вышло... откуда оно? Сама не знаю. Не производила никаких слов, ничего...

— Тебя защищает Иммельсторн, — решительно заявила Сежес. — Другого объяснения не нахожу. Ведь, насколько я понимаю, и в прошлый раз именно он спас тебя, когда вы столкнулись с тем демоном?..

...Гномы Баламута наклонили пики, первый ряд встал на колени, подражая легионерам.

— С разрешения моего повелителя, я бы слегка остудила пыл этих храбрецов. — Сежес элегантно выгнула точёную кисть, указывая на баронскую конницу. — Самую малость. Крови не будет, я обещаю.

...Отступали велиты, с боков осыпая рыцарский клин стрелами; подались вперёд и крылья войска мятежников. До столкновения оставались считанные мгновения, когда Сежес, слегка поморщившись, сделала движение, точно ломая в пальцах тонкую лучину, — и над пе-

редними рядами скачущих рыцарей разверзлись хляби небесные.

Вызывание дождя — маги Радуги владели этим несложным заклинанием много лет — порой использовали и на войне, не давая, к примеру, разрастись пожарам. Но никто и никогда не мог вложить в немудрёные вроде бы чары такую силу и так точно очертить пределы действия.

Ливень. Косой, его струи бьют в глаза не хуже настоящих стрел. Стена воды — сквозь неё не пробиться даже арбалетным болтам. Под копытами мгновенно расступается земля, боевые кони под грузом рыцарских доспехов и собственной брони проваливаются выше бабок. Неистовое ржание испуганных животных; и ничего не видно в секущем лице месиве.

В полусотне шагов от разбушевавшейся стихии замерли ошарашенные гномы.

Из хаоса вырвался одинокий всадник, очумело устоялся прямо на копыта хирда; сухо щёлкнул самострел, тяжёлый болт опрокинул рыцаря, завалил на круп коню.

Сежес прошипела проклятие — ливень стал ещё гуще. Он хлестал из ничего, возникая прямо над головами всадников. Гордые штандарты поникли, а всё поле перед строем имперских легионов всё больше напоминало непроходимое болото.

Чародейка быстро кивнула двум помощникам — те поспешно что-то забормотали, с потешной серьёзностью выводя перед собой замысловатые пассы. На той стороне маги Радуги пытались, как могли, погасить заклинание Сежес, но ливень только усиливался, сквозь воздух оставалось только плыть.

— Она ж их всех утопит! — вырвалось у Императора. Вода лучше крови, но убивать способна тоже.

— Сежес!

Волшебница нехотя разжала пальцы, выпустив гномий талисман.

Небеса больше не извергали из себя потоки воды,

однако новосотворённое болото никуда не делось, и сейчас в коричневой топи барахталось тысяч пять рыцарей — всё остриё конного клина.

К собственному удивлению, Император ощутил укол стыда. Странного и нелепого, словно, сохраняя баронов от неминуемой гибели на остриях гномьих пик и легионных пилумов, он лишал нобилей чести. Многие бы наверняка предпочли смерть унизительному заплыву в жидкой грязи.

— Сейчас ответят, — мрачно бросила Сежес, глядя куда-то поверх голов.

Маги Радуги сочли момент подходящим для контратаки.

Выпустили они и последние запасы чудовищ, уцелевших во всех перипетиях долгой войны. В небе замелькали крылья авларов, справа и слева от попавших в болотную ловушку рыцарей помчались в атаку оборотни, за ними, распахнув сочащиеся тёмной слюной пасти, спешили вампиры, сотворённые в алхимических кабинетах Семицветья, то есть — некогда просто люди, насильственно изменённые чарами.

Были и ещё.

Сежес презрительно сощурилась, вновь взялась за гномий амулет — и вдруг покачала головой.

— Я была небосторожна, — мрачно проговорила она. — Потратила слишком много. Так может не хватить на всебесцветных...

Император молча кивнул.

Чудовища — не люди. А для тех же вампиров смерть станет избавлением.

Промелькнул первый огнешар — взвился высоко в серое осеннее небо, описал дугу, низринулся вниз — и разбился буйно-красивым облаком рыжих брызг, столкнувшись с отражающим щитом, поспешно сотворённым помощниками Сежес.

Сильна, чародейка, подумал Император. Научить свой молодняк отбивать такие заклятья!

Рыцари тем временем всё увереннее тонули в боло-

те, дико ржали захлёбывающиеся и бьющиеся от ужаса кони.

Пролаял команду Клавдий, ему ответили легионные буксины, когорты плавно потекли вперёд, давая гномам больше места.

Посреди поля серая волна оборотней — несколько сотен — столкнулась со стеной щитов, украшенных василиском и легионными значками. Полетели пилумы.

Рассыпалось бесполезно-праздничным облаком очередное пламенное ядро.

Продолжалась обычная работа.

Император усмехнулся и повернул коня.

— Идём, Тайде. Здесь справятся без нас.

Правая рука словно сама собой осторожно коснулась живота Дану. Сквозь кожу, ткань и сталь Император чувствовал бьющееся сердце. Как быстро, однако...

И как медленно. Потому что увидеть *его* правитель Мельина всё равно не успеет.

— Передайте Баламуту и Серебряным Латам — пусть помогут этим горе-воякам выбраться из грязи. Обезоружить, но не больше.

* * *

Легионы перебили брошенных на них вампиров, оборотней и авларов, хотя с последними пришлось по-возиться.

А единственная атака баронского войска так и оказалась последней. Клин утонул в жидкой грязи, гномам и легионерам пришлось попотеть, вызволяя рыцарей из топкой ловушки. Мокрые, перемазанные глиной, гордые нобили сейчас больше напоминали обычных деревенских хряков, только что выбравшихся из любимой лужи.

Остальные мятежники в растерянности отступили, разбежавшись кто куда. Конные турмы преследовали их, многие сдавались сами, даже если против сотни

беглецов оказывался всего лишь десяток имперских всадников.

Император одержал решительную победу, совершенно к ней не стремясь.

Хватит проливать кровь, стучало в висках. Или, если уж проливать — то свою собственную.

На следующий день, миновав Росчишь, имперская армия подошла к самой башне Нерга.

* * *

Чаши расступились внезапно, и разведчики увидели перед собой изящное строение, вознёсшее к небесам венец серой короны.

Пресловутая всебесцветная твердыня не поражала размерами. Да, велика, да, высока. Но ничего сверхъестественного.

В отличие от твердыни Кутула тут не оказалось далеко вынесенных бастионов и рвов. Неширокая тропка обрывалась возле узкой двери, больше напоминавшей щель; чуть в стороне — «гостевые покои», выстроенные, как объяснила Сежес, специально для встреч и разговоров с остальными Семью Орденами. Ничего необычного: простой приземистый дом под двускатной крышей с широкими выступами каминов в торцевых стенах.

Заросли подступали почти к самой башне, свободного пространства оставалось мало, и Император только покрутил головой — её строители что, совсем исключали возможность осады и штурма?

— Заклятья, Сежес? — Правитель Мельина почти не сомневался в ответе.

— Никаких, — после паузы отозвалась ошеломлённая чародейка. — Я, признаюсь, не верила. Но... ничего не чувствую. Вообще ничего. Башня как башня. Обычная. Каменная. Серая. И... всё.

— Ты ведь бывала здесь раньше? Тогда — всё обстояло, как и сейчас?

— Нет, — покачала головой волшебница. — В те дни я ощущала магию всебесцветных за три дня пути. А теперь...

— Затаились, — мрачно бросил Баламут. — Как пить дать!

— А ещё, гноме, что скажешь? Есть ли здесь...

— Тоннели да подземелья, повелитель? — перебил тот. — Есть. Как не быть. Я аж дрожу, мой Император, — уходят так глубоко, что даже мне дна не углядеть.

— Дна не углядеть? — удивилась Сежес. — Это как же?

— Да вот так же. Знаю, что всегда дно бывает, у любой бездны, даже эвон, у Разлома имеется, раз вы, повелитель, нашли там, на что ногою встать и от чего оттолкнуться, дабы, значить, обратно выбраться. А тут нету. — Гном болезненно сморщился. — Ох... аж живот сводит, как всмотрюсь. Никогда высоты не боялся, а тут — засасывает, затягивает, словно подгорный водопад.

— И как же глубоко они зарылись, хотел бы я знать?

— Не ведаю, — беспомощно развёл руками гном. — Не вижу я его, дна-то. Всё темнотой затянуто. Не видеть, вот ведь какие дела.

— Уйдут, — скрипнул зубами Клавдий. — Как есть уйдут. Не через дольмены, так по этим крысиным ходам.

— Они выходят где-нибудь на поверхность? Баламут? Сежес — можете определить?

Гном и волшебница переглянулись.

— Постараемся, мой повелитель, — миг спустя ответили они хором.

— А я пока прикажу развернуться баллистам, — отсалютовал Императору Клавдий. — Проверим всебесцветность на крепость.

...Легионы деловито валили лес, копали рвы, окружая башню Восьмого Ордена двойным кольцом. Запершиеся там маги не отвечали, строение казалось пус-

тым и мёртвым, в редких бойницах не промелькнуло ни единого огонька. Никто не появился и наверху, меж зубьев серокаменной короны — словно и не окружали твердыню всебесцветных многочисленные легионы.

Дану эти дни держались особняком, однако в первый же вечер после того, как армия достигла заветной башни, Седрик испросил у правителя Мельина аудиенции.

— Западня, повелитель людей, — без предисловий начал князь-маг. — Ловушка. Мышеловка, как вы говорите.

— Спасибо, я понял, — кивнул Император. — Не стоило трижды повторять одно и то же, даже если говоришь с человеком. Поверь, князь Дану, мы способны понимать куда быстрее и больше.

Седрик прикусил язык, молча ругая себя за оплошность. Они — твои союзники, как ни печально. Других нет, и ты сам вызвался идти в этот поход...

— Итак, западня? — Император скрестил руки на груди. — Очень хорошо. Ты имеешь представление, как она должна сработать, доблестный князь-маг?

Вождь Дану медленно покачал головой:

— Если б так, я пришёл бы к тебе, повелитель людей, с детальным планом этого капкана. Я просто чувствую, что он есть, и насторожён. Нельзя забывать о дольменах, окрестные леса просто напичканы ими. И ещё неким образом это связано с некромантией. Не удивлюсь, если Нергу потребны человеческие жертвоприношения в особо больших количествах.

Император молча кивнул. В словах Дану имелся свой резон.

— Спасибо тебе, благородный Седрик. Твоё предупреждение, надеюсь, спасёт не одну жизнь.

Князь-маг ответил коротким и резким кивком — наверное, поклониться человеку по-настоящему по-прежнему оставалось выше его сил.

— Он прав, — шепнула Сеамни, когда за Седриком сомкнулся тяжёлый полог походного шатра. — Капкан.

Западня. Мышеловка. Потому-то они так спокойно и дали нам дойти до самой башни. И бароны требовались для того же — приманка. Чтобы волки ни в коем случае не повернули назад.

— Надеюсь, эти волки ещё вцепятся кому надо в глотку, — негромко заметил Император.

День, и два, и три протекли без всяких происшествий. Легионеры занимались привычным делом — как и всегда, осадив крепость, вокруг неё строили оборонительные линии, внутреннюю и внешнюю: опираясь на них, атака могла развиваться спокойно.

Нерг не подавал признаков жизни.

Клавдий приказал установить тяжёлые катапульты и требушеты, однако каменные ядра бессильно дробились о стены башни, не причиняя ей ни малейшего ущерба.

Как и следовало ожидать.

Проконсул предложил было бросить это дело, но воспротивилась Сежес. Мол, от ядер никакого толку лишь на первый взгляд, а на самом деле они заставляют аколитов Нерга поддерживать отражающие заклятья, попусту растрачивая силы.

Меж тем тревожные вести шли и с востока, и с запада. На закате вновь напирали оживившиеся твари Разлома, на восходе оправившиеся от страшного разгрома семандрийцы (небось не без помощи Радуги!) попытались сбить с рубежей оставленные там немногочисленные легионы. Оборону держали растянутые тонкой нитью вдоль речных рубежей Четырнадцатый, Шестнадцатый, Восемнадцатый, Девятнадцатый, Двадцатый, Двадцать первый и Двадцать второй — в большинстве новые, недавно набранные, о каких бывалые вояки говорили — «у них и орёл ещё не облупился». Из старых, заслуженных — на востоке Пенного Клинка медленно восстанавливался Седьмой легион, «волки», и его когорты, сохранившие лишь три сотни ветеранов, уже были почти готовы к бою.

Вдоль Суолле и под Лушоном вновь разгорелись

жаркие схватки. Пока это ещё не настоящее наступление, уверяли Императора командиры легионов. Семандра прощупывает нашу оборону, ищет брешь для удара. И хотя таких сил, как раньше, восточным королевствам уже не собрать, угрозу они по-прежнему представляли немалую. На восток бежало множество пахарей и ремесленников из областей, ныне оказавшихся под козлоногими, заброшенные некогда края меж городами Сельме и Илдар оживали; особенно там, где опустели баронские замки. Пропустить туда жадных до крови и мщения семандрийцев — смерти подобно.

Всё, отпущенное ему время исчерпано, понимал Император. Надо покончить с Нергом. И затёртые слова «любой ценой», увы, как нельзя лучше отражали действительность.

Волшебников всегда губила самонадеянность. Радуге и в страшном сне не могло присниться, что какой-то простолюдин-самоучка или маг-ренегат придумает-таки средство, лишшающее чародея способности творить заклятья. Без этого, понимал Император, он не добился бы и десятой доли успеха. Всё рассчитал патриарх Хеон, жаль, ошибся лишь в самой малости; впрочем, едва ли хитрый лигист остался бы в союзе с правителем Мельина — крысы ищут лишь собственной выгоды. А какая уж тут выгода, когда с одной стороны — Семандра, с другой — бароны вкупе с магами, а с третьей надвигаются твари Разлома, грозя похоронить всех, и врагов, и друзей, не делая меж ними различий.

Что ж, не будем мешкать. Посмотрим, не обломает ли зубья о броню легионов хваленый «капкан Нерга».

* * *

— Гвин?.. Гви-ин, мне страшно, Гвин...

— М-м? — Император просыпается мгновенно, сон слетает с век подобно ночному мотыльку, рука сама находит эфес.

Сеамни стоит на коленях, волосы распущены, руки

молитвенно сжаты — ни дать ни взять, кающаяся грешница. Хотя, как иерархи Спасителя бежали на дальний юг, о Церкви в Мельине почти забыли; лишь не бросившие паству простые священники мелких храмов пытались, как могли, напоминать о вере.

— Они начнут сегодня, — медленно произносит Дану, едва разжимая губы. — Нерг устал ждать. Им нужна кровь, этим всебесцветным. Кровь, смывающая все краски с сути вещей. Серая кровь. Крысиная...

— У крыс она красная. Как и у нас.

— Серая кровь. Крысиная, — упрямо повторяет Дану.

Серая кровь. Серый туман. Живое марево, заполнившее Разлом.

...Туман, мокрый и холодный. Плещущийся волнами вокруг холма, где на вершине горят два алых пятна, рассечённые чёрным крест-накрест.

Сквозь мглу прорисовывается острая игла, вонзившаяся в далёкое небо, царапающая облака. Башня Нерга — всё в этом видении надело маски.

— Они начнут сегодня, — плывёт заволаживающий шёпот.

— И ты начни! — С холма сквозь мглу протягивается твёрдая рука. Чёрная латная перчатка крепко стискивает белую, трещит и гнётся кость, брызжет в разные стороны миглом вскипающая кровь, однако Император даже рад этой боли — потому что так приходит освобождение.

Он теряет кровь, с кровью — уходит жизнь. Так пусть уж уйдёт так, чтобы от башни Нерга не осталось даже воспоминаний.

— Коня, Кер-Тинор!

Мы тоже начинаем.

* * *

Имперский лагерь не спал. Вернее, спали в нём только те, кому положено. Менялась прислуга возле требушетов, баллист и катапульт, в свой черёд несли стражу

на частоколах отряды велитов, и белые, свежошкурённые концы брёвен угрожающе целились в ночное небо.

Всё изменилось в единый миг, стоило Императору вскочить в седло, а Вольным — сомкнуть вокруг него ряды.

Сеамни тоже вспархивает на конскую спину и неожиданно завязывает себе глаза тёмным шарфом. Император удивлённо поднимает бровь, однако на слова у него уже не остаётся времени — прямо по лагерю, опрокидывая палатки и котлы на треногах, мчится верхами Сежес, сопровождаемая Баламутом, едва удерживающимся за спиной у чародейки.

— Начали! — вопит волшебница, не обращая внимания на легионеров из числа Серебряных Лат. — Начали они, повелитель!

— Не хватило терпения дожидаться, пока мышь дёрнет за крючок?

— Какие мыши, какой крючок! Демоны, мой Император!

...Подножие башни Нерга скрывали клубы жирного, непроглядного дыма. Иссиня-чёрного, невозможного в природе. Казалось, там горит сама земля.

И, подобно тому, как из серой мглы Разлома возникали козлоногие, из аспидно-клубящегося мрака десятков за десятком выходили самые причудливые существа, какие только могло представить себе человеческое воображение.

Создание, вызванное адептами Бесформенного и окончательно добитое сейчас Сеамни, показалось бы по сравнению с ними истинным красавцем, образцом гармонии и изящества.

Прыгучие, на уродливых лягушачьих лапах, с длинными пастями, усеянными зубами в три ряда, — такие никогда не появятся сами по себе, только силой злобной, извращённой магии. Ползающие, с клубком шупалец на темени и крабьими клешнями. Огромные пауки со скорпионьими хвостами и жалами. Имелись и

отдалённо напоминавшие людей — многорукие великаны о нескольких головах, словно сросшиеся телами.

— Это — ловушка? — нахмурился Император.

Атака, конечно, опасная. Но она в лучшем случае отбросит легионы *от* башни. Или всебесцветные намерены захлопнуть капкан не в этом месте?

— Сежес!..

— У меня всё готово, мой Император. — Волшебница хищно усмехнулась. — Вот и права оказалась. Берегла-берегла... а сейчас пригодится.

Баламут только страдальчески покачал головой и осторожно придвинулся, словно готовясь в случае чего подхватить чародейку.

Скрюченные пальцы Сежес впились в гномий амулет, сквозь сжавшуюся ладонь пробивался яркий, режуще-белый свет. В руке стали видны жилы и даже кости; голова волшебницы запрокинулась, губы побелели, глаза закатились.

Баламут поспешил поддержать её, не то Сежес и вправду бы опрокинулась.

...Демоны не успели добраться до частокола, где уже приготовились к отпору легионеры. Наверное, чародейка «отзеркалила» чары, потому что вдоль всей линии имперских укреплений за клубился такой же дым, непроглядный и густой, только другого цвета — застывшей кровью.

Из него такими же стройными рядами повалили такие же создания, что бросил на мельвинскую армию Нерг. Столь же мерзкие и отвратительные. Не уступающие в кровожадности. И точно так же готовые сражаться до конца, не щадя живота своего.

Воины передовых когорт, уже готовые встретить вражий натиск, разразились восторженными воплями. Через головы «своих» демонов полетели арбалетные стрелы — во множестве.

Нерг не ответил ничем.

Тревога уже подняла на ноги всех в имперском лагере, выстраивались легионы, иные — лицом к башне,

инные — спиной, на случай, если атака последует и с тыла.

С рёвом, визгом, воем и скрежетом две армии демонов сцепились.

А Сежес тихонько вздохнула и без чувств осела на руки к Баламуту.

Император, Сежес, Вольные, Клавдий и остальные, замерев, смотрели, как орда вышедших из ночного кошмара чудовищ рвёт друг друга на части, кромсает клешнями, давит щупальцами, вспарывает когтями животы и норовит задушить врага его собственными кишками. Ни та, ни другая стороны не могли взять верх, чёрно-красное кольцо то придвигалось ближе к башне всебесцветных, то вновь подавалось назад, к частоколам; нерассуждающие тупые твари терзали друг друга, и даже закалённым легионерам становилось дурно при виде вспоротых животов и порванных глоток.

Баламут и подручные Сежес хлопотали над лишившейся сознания волшебницей; гномий амулет помаленьку угасал. Пальцы чародейки его так и не отпустили.

— И это всё, на что ты способен, Нерг? — прорычал Клавдий.

Пространство между лагерем легионов и башней заполнилось растерзанными тушами. Иные демоны бросили драку, предавшись более приятному занятию — трупоедству. Правда, обжорам не повезло — другие, более свирепые твари походя растоптали занявшихся тревоугодием.

Последние двое, самые крупные и злобные, долго кружили по истоптанной и залитой дурнопахнущей кровью земле, цепляли друг друга то рогами, то клешнями, то когтями; пока наконец их обоих не охватила, верно, поистине слепая ярость — твари разом бросились друг на друга, вогнав кто куда весь набор смертоубийственных орудий. Два тела в конвульсиях повалились, подёргались несколько мгновений — и замерли уже навсегда.

Сежес всхлипнула и открыла глаза. Баламут всхлип-

нул в свою очередь, заключив чародейку в отнюдь не платонические объятия.

— Первый козырь мы побили, — хладнокровно заметил Клавдию Император. — Только, боюсь, это был вовсе не козырь. А так, проверка. Разведка боем.

— Стоило ли терять просто так столько могущественных слуг? — усомнился проконсул.

— Если сейчас последует второе пришествие демонов, то стоило. Сежес говорила, что призвать такую силу она сможет только один раз.

Валявшиеся туши погибших демонов начали медленно тлеть. Башня Нерга стояла незыблемо, неколебимо, словно заправилам Всебесцветного Ордена гибель их нововызванной армии была совершенно безразлична.

— Заманивают, — с уверенностью бросил Император.

Надо атаковать. Правильной осадой твердыню всебесцветных не взять. Не подвести и подкоп — если припомнить слова Баламута, что башня возведена над уходящими невесть в какую глубину подземельями.

Император невольно взглянул на белую перчатку, сейчас испятнанную его собственной кровью.

Это оружие он тоже сможет использовать только один раз. И, в отличие от Сежес, глаз уже не откроет.

Так чего же он медлит? Или просто не знает, хватит ли его крови, чтобы запалить неприступные каменные стены башни, о которые разбиваются даже гранитные ядра катапульта?

С его взглядом скрестился взор Сеамни.

«Даже и не думай!»

И — рука на её животе.

Что ж, яснее ясного.

Победи — и не умри. Эх, если бы...

Туман, холодный и мокрый. Огни окон на холме.

И чёрная длань, протянувшаяся сквозь гнилую хмарь.

Ты в ответе за всё, Император Мельина.

Ты отдаёшь свою кровь, чтобы жил твой мир. И какая разница, отдашь ли ты её всю или только девять десятых?

Дым рассеивается. Ну, Нерг, что теперь? Ход за нами, не правда ли?

Сежес уже сидела, бледная, и жадно глотала что-то из услужливо поднесённой Баламутом фляжки. Император разобрал слова гнома:

— Ну вот, я ж говорил, гномояд — он завсегда помогает, у меня-то он особо забористый, собственной перегонки, высшая очистка, как слеза, Царь-горой клянусь!..

— Умгум... — Волшебница благодарно кивала. Гномояд она уже пила безо всякого смущения.

...А потом случилось то, что случилось и чего Император ожидал всё это время. Атака демонов, похоже, и впрямь была лишь демонстрацией, призванной отвлечь внимание имперцев от творящегося у них за спинами.

Прав был Седрик, говоря, что окрестные чащи изобилуют дольменами, запечатанными для всех, кроме аколитов Всебесцветного Ордена, входами не то в таинственные коридоры, протянувшиеся через весь Мельин, не то служившими порталами, сквозь которые могли перемещаться верховные маги Нерга.

И сейчас эти порталы открывались.

Взрывалась земля, вековые, намертво вросшие в неё глыбы подбрасывало на десятки саженей; иные раскалывались, другие вспыхивали, словно пуки соломы.

Из разверзшихся провалов, где кипела белёсая мгла, так напоминавшая пресловутый Разлом, выходили новые отряды.

Император уже видел их — там, далеко на юге, когда их с его Тайде едва не принесли в жертву непонятным силам. Безликие фигуры в просторных плащах с капюшонами, полностью скрывающими лица. Ног не видно, и казалось, что аколиты Нерга не ступают по

земле, а плывут над нею. Змеиные движения, нечеловеческая гибкость — руки гнулись во все стороны. Им никто даже не пытался придать большее сходство с человеком.

Затряслась и застонала земля. С треском валились деревья, аколиты Нерга не утруждали себя поисками троп, они прокладывали себе широкие просеки. Разбившись на семёрки, эти создания строились узкими клиньями, со всех сторон нацеливаясь на имперский лагерь.

Ожила и серая башня. Меж острых рогов венца заметались бледные росчерки молний, раздался громкий треск, словно там рвалась неподатливая мокрая мешковина.

— Сежес! — рявкнул Император, однако чародейка уже стояла на ногах. А рядом с ней — Сеамни Оэтаканн с плотно завязанными шарфом глазами.

— Дым! — выкрикнула чародейка; катапульты и требушеты швырнули к стенам и на вершину Всебесцветной башни дымящиеся тюки с заветным «сбором», подавляющим любого мага. Император помнил, что на аколитов Нерга это действует куда слабее, чем на простого чародея Радуги, и поэтому сейчас запасов не жалели. Велиты в свою очередь подожгли фитили, дымовые стрелы вонзались в землю перед наступающими адептами бесцветных; манипулы решительно сдвинули щиты и взялись за пилумы.

Нергианцы наступали в молчании. Дым явно мешал им, но правильные клинья, выбравшись на открытое пространство, со всех сторон нацелились на развернувшиеся им навстречу легионы.

На частоколах густо засели велиты, лучники и арбалетчики, со всех сторон в бестрепетно шагающих нергианцев летели болты и стрелы, однако большинство отскакивало в стороны, отшибаемое незримыми щитами. Большого успеха добивались те, кто одновременно выпускал и дымовые стрелы «со сбором», и боевые.

Фигуры в плащах стали падать, хоть и редко и неохотно.

Когда до укреплений оставалось шагов сто и уже не одно тело в плаще осталось валяться на задымлённой земле, аколиты Нерга остановились. Дружно вскинули руки, словно пытаясь толкнуть вперёд нечто неподъёмное.

Напряглись, и...

Левая рука Императора вспыхнула болью от плеча до кончиков пальцев, словно облитая пылающим земляным маслом. Схватила за горло и захрипела Сежес, и только Сеамни не шелохнулась — вытянулась в струнку, вскинула подбородок. Глаза Дану по-прежнему оставались завязанными.

Сминалась сухая осенняя трава, трескали кусты — от застывших аколитских клиньев к частоколам катились незримые ядра, круша и ломая всё на своём пути. Дым от сежесовского «сбора» на миг делал их видимыми — нечто серое и монолитное, тупая мощь, сжатая во всеокрушающий снаряд.

Гномы Баламута, числом не меньше полусотни, бросились к одной из катапульти, надрываясь, принялись разворачивать, отпихнув опешившую прислугу. И развернули-таки, и метнули сенный тюк (с грузом в середине, чтобы летело подальше), и даже ухитрились попасть точно перед одним из невидимых ядер. Посланное аколитами Нерга, оно влетело в успевший растечься сизый дым, по сделавшейся видимой поверхности побежали трещины; стремительный бег затормозился, ядро кое-как проползло ещё десятка три локтей и лопнуло, осыпав всё дождём вспыхнувших в воздухе осколков.

Другие снаряды достигли частоколов. Легионеры видели, куда ударит тот или иной, разбегались в стороны; и шары с лёгкостью, точно лучинки, ломали полтораобхватные брёвна, с таким трудом сваленные, приволоченные из чащи, поставленные на попа и вбитые в

землю. Ломали — и катились дальше, превращая лагерь в сплошное месиво раздавленных палаток и прочего.

Где-то под каток угодили раненые и недужные. Они умирали молча, зачастую даже не успев крикнуть; не щадя себя, и люди, и гномы, и Дану бросались под невидимые колёса, в последний миг выхватывая кого успевали.

Кое-как выпрямилась Сежес, по-прежнему прижимая руки к горлу.

— Атакуй, мой Император, — только и прохрипела она. — Мне... здесь, кр-х-х-х, не справиться.

А передовые легионы уже невольно подались назад, имперская армия прижималась ближе к башне — ей, похоже, нипочём оказался и заветный сбор, не оправдавший возлагавшиеся на него надежды.

— Атакуй, Император! — заорал и Баламут. Гномы бросили возиться с катапультой, спеша выстроиться в боевой порядок.

— Тайде? — Вместо команды правитель Мельина повернулся к своей Дану.

— Сейчас, Гвин, — прошептала она в ответ. Безмятежно и спокойно, словно они двое плыли сейчас в узкой лодочке по залитой лунным блеском речной глади.

Сейчас, Гвин.

Она надеется на память Деревянного Меча? Заветное оружие дважды спасало её, что, осталась последняя возможность, как в сказке — три желания?

А следом за первой волной уже катились новые ядра. Те же, что пропахали лагерь, — взрывались невдалеке от самой башни Нерга, сыпали вокруг пылающим пеплом, но ближе к твердыне всебесцветных получилось нечто вроде спокойного островка, куда вольно или невольно сбивались сейчас резервные когорты второй линии.

Нерг даже не потрудился как следует скрыть свой замысел — настолько уверовал в неизбежность успеха.

Что видела Тайде завязанными глазами? В каких безднах блуждал взор бывшей Видящей народа Дану?

Рядом оказался Седрик, щегольской плащ перепачкан пылью и чужой кровью.

— Атакуй, повелитель людей. И аколитов, и саму башню. Иначе нас смелет тут в мелкую муку.

В этот момент Сеамни Оэтаканн, выгнувшись дугой, высоко вскинула руку — словно вонзая клинок тонкой ладони в набрякшее серое небо.

И — пошли взрываться шары. Один за другим, ещё в поле, разбрасывая не ожидавших подобного аколитов.

— Она это сделала! — услышал Император потрясённое бормотание Седрика. Вежество не оставило князь-мага и здесь: он говорил на языке людей Мельина.

Сеамни пришлось подхватить, после того как она обессиленно стала заваливаться в седле — силы отданы все, без остатка.

Император коротко взглянул на Клавдия и быстро кивнул.

Завыли трубы. По щитам грянули мечи; и когорты, прямо через проломы в собственных частоколах, пошли на бесцветных. Торопились лучники, вновь потянулся дым от прикрученных к стрелам тлеющих мешочков с высушенными травами.

А Император, передав Сеамни на руки Вольным, в упор смотрел на серую башню.

Как победить? Где у них слабое место? Куда нацелить удар?

...Дождь из стрел, арбалетных болтов и пилумов заставил аколитов Нерга чуть податься назад. Чуть — но не более. Наконечники из закалённой стали лишь дробились и ломались, разбиваясь о воздвигнутые адептами всебесцветных щиты. Бесполезны оказались даже верные, как смерть, гладиусы.

Тогда, на холме, спасавшим Императора очень сильно повезло. Нергианцев захватили врасплох, те не успели подготовиться к отпору — не то что сейчас.

Напиравшие плотным строем манипулы давили, крепко сбив щиты. Легионеры дружно налегли левым плечом — и незримая броня всебесцветных не выдержала, аколиты подались назад. Сыграл свою роль и пресловутый дым; схватка несколько отодвинулась от разрушенных частоколов.

Но это ещё не победа. Что стоящему на бездонных подземельях Ордену гибель сотни-другой человекоорудий! В его арсеналах иного наверняка найдётся вдо-сталь.

Верх не берут ни те, ни эти.

Незнакомое сосущее чувство поднималось внутри, копилось, словно застоявшаяся кровь под высохшей коркой. Император думал, что вступит в дело, когда настанет поистине «последняя минута». Когда от полного поражения будет отделять лишь исчезающе тонкий волосок. Когда армия зависнет над бездной.

А бездны нет. Есть упрямое бодание. Сейчас Нерг подбросит своим подкреплений, легионы вновь подадутся назад. И тогда...

В одном месте когорты и впрямь подалась назад. Там сбились вместе сразу два клина нергианцев, оба уменьшившиеся числом, но вкупе аколитов оказался целый десяток. И незримое ядро вновь растолкнуло красные легионные щиты, колесо покатилося, давя и калеча разбегающихся людей.

Центурион попытался собрать своих, ударить сбоку и — очутился слишком близко от серой башни.

Под ногами у него раздалась земля, словно начала раскрываться жадная и ненасытная утроба. Разрез становился всё шире, с криками валились вниз легионеры, а обмершему Императору показалось, что на миг он обрёл способность видеть сквозь глину, песок и камень.

Там, внизу, крутились исполинские мельницы, приводимые в движение уныло бредущими вереницами мелких чернявых существ, отдалённо напоминающих

Подгорное Племя. Дрожащие горловины, увенчанные широкими воронками, словно живые, алчно и торопливо подхватывали валящиеся сверху человеческие тела.

Раздавшиеся крики заставили побелеть даже Сежес.

А серая башня словно бы мигом сделалась ещё выше.

Остальные когорты поняли, что их ждёт, упёрлись насмерть, налегая на щиты всей тяжестью.

Всё ясно. Нерг станет давить так, пока в ловушке не окажется всё имперское войско. Спокойно, без лишнего надрыва. Буднично, подобно мясникам на бойне. Им некуда спешить. И нет нужды в «последних усилиях». Просто — давить, давить и давить, пока человеческие силы не иссякнут.

Император смотрел на серую башню.

И понимал, что наступает его час.

— Проконсул, мне пора. В ларце с василиском ты найдёшь все необходимые указы, равно как и печать. Стой! Ни слова, Клавдий. Командуй легионами. Раздави этих тварей. Сежес тебе поможет...

— Сежес пойдёт с повелителем. — Волшебница уже поднялась, бледная, но решительная.

— Седрик Алый не оставит союзника, — напыщенно заявил князь-маг Дану.

— И хорошо, что Сеамни без чувств, — негромко закончила чародейка.

— Да, — эхом откликнулся Император. — Ну конечно же, хорошо.

...С Клавдием они не стали прощаться. Проконсул всё понимал.

— Я клянусь, мой Император, что сберегу Сеамни и твоего сына, что бы ни случилось.

— Видящая народа Дану понесла от тебя, повелитель людей? — Седрик Алый на секунду замер, а затем благоговейно опустил на одно колено. — Я должен передать весть. Ты не понимаешь, как это важно, владыка Мельина...

— Что, небось опять какое-нибудь пророчество?

— Не стоит смеяться, правитель Империи. В видениях Илаиенее Мудрой, великой Видящей народа Дану, предречено, что настанет день, когда в чреве Дану появится отпрыск человеческого семени. И это будет означать, что великая война окончена.

— Не все пророчества Илэйны сбылись, — сухо заметил Император. — Например, о получивших свободу Алмазном и Деревянном Мечах. Или о конце света.

— Всё верно, — торопливо кивнул князь-маг. — Но это в наших силах — придать пророчеству новую силу или же выступить против него. Это — за то, чтобы жить, а не о том, как умирать. Пусть Дану услышат. Пусть воспрянут духом. Для них это знак, что войне и впрямь пришёл конец.

Император кивнул и обратился к капитану Вольных:

— Кер-Тинор, оставайся. Твоя служба мне закончена. Она возобновится, когда я вернусь. Если же я не вернусь, служи моему сыну. Ты готов поклясться за себя и за своих Вольных, мой капитан?

— Готов. — Кер-Тинор, вслед за Седриком, преклонил колено.

— Тогда — за дело, — буднично произнёс Император. — Князь-маг, прошу тебя, не следуй за мной. Ты, Сежес, тоже. Вы оба понадобятся тут. Помогите лишь открыть дорогу, а дальше...

— Мы готовы, повелитель людей. Скажи, что нужно сделать?

— Двери закрыты накрепко. Сежес, ты и твои ученики — сможете удержать меня хоть мгновение над теми мельницами?

— К-какими мельницами? — растерялась волшебница.

Некоторое время пришлось потратить на разъяснения.

— С-смогу, — наконец кивнула Сежес. — Но, повелитель...

— Не надо. Не надо ничего говорить. Князь-маг, ты

и твои стрелки — как только откроется земля, бейте во всё, что движется. Покажите, что никто лучше вас не умеет обращаться с луками.

— Они узнают, что такое стрелы Дану! — гордо и высокомерно. Пусть. Наверное, им так легче.

Император последний раз проверил доспех, выдвинул и вновь вогнал меч обратно в ножны; и, не оборачиваясь, зашагал прямо к серой башне.

Как же, однако, это страшно.

Скручивается, извивается поселившийся в животе холодный червяк, и ничего с ним не сделаешь — только заставляй ноги передвигаться, только шагай. Останавливаться нельзя. Император нужен Нергу живым, и потому можно не опасаться арбалетной стрелы в упор, равно как и огнешара.

Император идёт. Его войско бьётся без него, выкрикивает команды Клавдий, стараясь, чтобы подчинённые не заметили дрожи в голосе. Смотрит вслед Императору Сежес, и это взгляд по-настоящему примирившегося с ним человека. Примирившегося, несмотря на всю пролитую кровь.

Император идёт. Вокруг поднимается уже знакомый туман, холодный и мокрый. Видна только сливающаяся с ним серая башня.

Ну вот, долгожданная дрожь под ногами. Всё, дороги назад нет, прощай, моя Тайде, прощай, любимая! И ты, мой сын, мой малыш, прощай тоже. Может, я и увижу вас ещё — а может, и нет. Но в любом случае вам нечего стыдиться своего мужа и отца.

Властно потянула вниз голодная пустота. В глазах — отблеск дымных факелов, сливающийся с зелёным отблеском громадных кристаллов, словно ножи пробивших плоть земли.

Император падает, но смертельный лёт в тот же миг обрывается, незримая петля подхватывает правителя Мельина под мышки, сильный рывок — и он висит над обширным подземельем. Над головой сходятся зем-

ные пласты, однако заклятье Сежес ещё работает, медленно опуская Императора вниз.

Да, мельницы. Да, нескончаемые вереницы низких чернокожих карликов, угрюмо скачущих вприпрыжку по кругу, вращая исполинские зубчатые колёса. Подле жерновов валяются смятые в лепёшку шлемы и латы, щиты разбиты в щепки, честные гладиусы изломало и скрутило винтом.

Угрюмый и мрачный полусвет. Скрежещущие машины молотят шестернями, грохочут несмазанными передачами, крутятся «червяки», шлёпают ремни, перекинутые через шкивы; на первый взгляд ничего особенного, просто мастерская или большая мельница.

Вот только мелют здесь отнюдь не зерно.

Император ступил на пол подземелья. Негромко шлёпнула о камни сорвавшаяся капля крови; чёрные карлики-импы задёргались, зашипели, крутя безобразно-шишковатыми башками. Круглые жёлтые глаза сперва уставились на правителя Мельина, но затем, словно не найдя его занимательным, импы воззрились туда, где холодной плиты коснулась малая частица живительной влаги из человеческих жил.

Пяльтесь, пяльтесь, — зло подумал Император. Лодыжку каждого карлика охватывало массивное железное кольцо, от него тянулась цепь, скользившая по общей связке. Импов намертво приковали к мельницам.

В треске, скрежете и шлёпанье шаги правителя Мельина почти не слышны. Он идёт наугад по широкому проходу, как ему кажется — к стержню, к оси, нанизавшей на себя все каверны под башней Нерга. Император не сомневается — его присутствие замечено. Хозяева не замедлят устроить тёплую встречу.

Может, стоит их слегка поторопить?

Император выдернул меч, примерился. Оси, конечно, толстые, но выкованный гномами клинок способен разрубить и не такое.

Взмах. Облако искр, пронзительный крик расщеплённого железа, скрежет рвущего металла и ломающихся зубьев. Чёрные импы, вереща, брызнули кто куда, насколько позволяли цепи: огромное колесо, словно сбившееся с пути закатное солнце, обрушилось вниз, круша и ломая тяги, шкивы вкупе с прочей механикой.

— Что, и это вас не расшевелит? — Император замахнулся вторично.

— Нет нужды портить наше имущество, — ядовито проговорил змеиный голос сзади.

Ну, конечно. Всебесцветные, как оказалось, обожают дешёвые театральные эффекты. Не так-то вы «погружены в познание», нергианцы.

Облачённая в просторную накидку-пелерину фигура парит над полом, руки скрещены на груди, капюшон, естественно, низко опущен.

— У вас, как я вижу, не принято показывать лиц. — Император сделал шаг, даже не потрудившись опустить клинок.

— Что нам ваши человеческие обряды? — сварливо отозвалась парящая фигура. — Я знал, что ты придёшь, правитель Мельина. Нерг хочет предложить тебе сделку. Очень выгодную, должен заметить.

— Всегда готов выслушать разумное предложение. — Император не остановился.

— Только не стоит тыкать в меня всякими острыми железяками. Предупреждаю сразу — это бесполезно.

— Зачем же тогда предупреждать?

— Исключительно с целью сохранения твоего душевного равновесия, правитель людей Мельина, — ехидно заметила фигура.

— Ближе к делу, если возможно. — Слова Императора звенели льдом. — Там гибнут мои legionеры. Я хотел бы свести потери к возможно наименьшим.

— Всё очень просто. И уже излагалось тебе. Нерг закрывает Разлом и покидает Мельин. Империя ос-

таётся один на один с козлоногими, но тут уж твои легионы должны справиться.

— Прекрасное, щедрое предложение, — усмехнулся Император. — Я б даже не торговался, если бы не ваша репутация, всебесцветный. Если б не ваш обман с обещанной помощью. Не спрашиваю, зачем вам это понадобилось, но...

— А я отвечу! Возьму, да и отвечу! — запальчиво бросил нергианец. — Нам требовались человеческие жизни. Чем больше, тем лучше. То, что ты видишь здесь, — фигура небрежно повела рукавом, Императору он показался пустым, — не единственный наш способ обрести и направлять силу.

— Ничего удивительного. Вы точно такие же, как безумные аколиты Бесформенного, — пожал плечами Император. — Вся ваша магия-шмагия — человеческие жертвы. Сила крови. Ну, смотри, у меня она течёт. Подходи и бери.

— Именно это мы и собирались сделать, — последовал ответ. — Но, по здравому размышлению, проделав соответствующие расчёты, решили предложить тебе следующее: ты добровольно приносишь себя в жертву...

Правитель Мельина коротко и зло рассмеялся:

— Придумай что-нибудь позабавнее, нергианец. На роль шута ты годишься не очень.

— Ещё нам нужны жизни Сежес и твоей Дану, — невозмутимо продолжал всебесцветный. — Тогда мы закроем Разлом. Высвободив ту силу, что ты и чародейка вынесли из пирамиды, и добавив память Деревянного Меча.

— Ага, — кивнул Император. — Прекрасный план. Вот только одна беда — я на слово Нерга больше не полагаюсь. Ты знаешь, бесцветный, я с радостью пожертвую собой ради Мельина, но только зная, что жертва моя не останется напрасной. Поэтому сперва вы закрываете Разлом — а потом я ваш. Как тебе такое предложение?

— Не пойдёт, — проскрипел нергианец. — Без жизненной эссенции вас троих мы ничего не сможем.

— Тогда сделки не будет. Тем более что ваш посланник уверял меня, будто бы Нерг не цепляется за физическое существование и в любой момент готов покинуть Мельин.

— Это так, — кивнула фигура. — Но ничего иного мы предложить не можем.

— И ты рассчитывал, что я соглашусь на столь нелепое предложение?

— Нет, — вдруг хихикнула фигура. — Я рассчитывал, что ты слишком поздно заметишь мою западню.

Чёрные импы кинулись со всех сторон, сверху кто-то набросил сеть. Верёвки затрещали под взмахом клинка, лезвие запело, рассекая чёрные тела; карлики падали, мокро шлёпаясь об пол; однако петли летели со всех сторон, не прошло и мига, как Император оказался спутан по рукам и ногам.

На полу остались шестеро зарубленных карликов.

Только б не усомнились... Наверное, следовало убить побольше.

— И всего-то? — неприкрыто удивился нергианец. — Лёгкая победа, Император людей. Теперь дело за малым. Осторожно устранить нарушающий баланс артефакт...

— Что ж, устраняй. — Правитель Мельина пожал плечами, насколько позволяли путы.

Нергианец сделал было знак чёрным импам, Императора подхватили, однако последние слова человека отчего-то заставили аколита насторожиться.

— Не пойму, — с оттенком любопытства проговорил адепт, — ты просто глуп и не понимаешь, что тебя ждёт? Ваша раса не способна преодолеть страх смерти. Вы лишь заглушаете его на краткое время, перед тем как совершить самоубийство.

— Считаю, что я его не просто заглушил, а задушил вообще, всебесцветный.

— Гм. — Нергианец покачал головой. — Что ж, будет небезынтересно понаблюдать за окончанием твоего пути...

— Когда трагики в моём театре начинают выражаться таким слогом, простонародье забрасывает их тухлыми яйцами.

— Мы, к счастью, в несколько ином месте, — съязвил аколит. — *Abre, abre!* — поторопил он низеньких носильщиков.

Чёрные импы засуетились вокруг Императора, подхватили его, поволокли куда-то по широкому проходу. Нергианец возглавлял процессию.

Зал с чудовищными мельницами остался позади, Императора вытащили на площадку лестницы; кожа на лице чувствовала движение воздуха, правитель Мельна кое-как повернул голову.

В глубины земли вонзалась отвесная шахта, заполненная слабым зеленоватым сиянием, словно тут светилась каждая из мельчайших частиц воздуха. Вдоль стены вилась спиральная лестница, винтом уходящая вниз. Повсюду — узкие и острые арки входов, иные открывались на лестницу, иные — прямо в провал, и не зря — на глазах Императора из арки прямо в пропасть шагнул нергианец в развевающемся плаще, медленно и плавно опустился вниз, скрывшись в другой арке, как две капли воды похожей на ту, откуда выплыл.

На необычную группу никто не обращал внимания, словно так и надо.

Не думать, что путь вниз — твой последний, что тебя заживо несут хоронить. Не вспоминать о Тайде, о том, кто сладко спит у неё в животе. Пусть уж лучше останется один туман. Он холоден, в нём нет движения и жизни, огни на холме пугающе чужды — однако сквозь липкую мглу тянется рука, закованная в чёрную сталь, надёжная и твёрдая. Рука друга, готового встать рядом и обнажить меч просто потому, что это — друг.

...Однако ж как глубоко мы спустились! Сколько

осталось позади оборотов, спираль протянулась сквозь весь Мельин, и концы её, наверное, лежат далеко за его пределами. Есть ли дно у этой бездны, нет ли — Император не сомневался, что в конце пути его лично будет ждать покрытый засохшей кровью жертвенник. Все эти «Великие Ордена» стоят на одном-единственном: на убийстве, отъёме жизни, чужом страдании. Вышедшие вампиры, если можно так выразиться.

Одну такую он уже убил.

Вновь смыкается вокруг холодное море тумана, но теперь во мгле перед Императором не просто холм, где алым плятятся на тебя четырёхглазые окна; он чувствует, что в промозглой мгле горит живое пламя, потрескивают смолистые дрова, сосна щедро отдаёт вязкую кровь, чтобы жили те, кого сейчас согревает порождённое ею пламя.

Чёрная тень на холме, гордая осанка, разметавшийся багряный плащ. Правая рука протянута навстречу Императору, а в левой воин держит пушистую сосновую ветвь. Ощетинились зелёные иглы, набрякли шишки, полные семян, готовые раскрыться; ветвь сорвана, но не умирает, напротив, ей хорошо и покойно в могучей длани вечного воителя.

Её глодало алчное пламя. Она рассыпалась пеплом, трещала и корчилась в огне — но, коснувшись земли, вобрав в себя чужие смерти, жизни, отданные за других, ветвь возродилась. В глубокой изначальной тьме, таящейся в каждом комке вечно родящей земли.

Недаром ему, Императору, становилось легче, когда они по пути от Мельина проезжали звонкие сосновые боры.

Чёрный рыцарь протягивал правителю Мельина сосновую ветвь. Он не звал к себе — мол, твоё время ещё не настало.

Жди, человек. Ты горишь и падаешь, как та сосновая ветвь. Но за тебя там, наверху, бестрепетно умирают legionеры. Ты по капле отдаёшь собственную кровь и

знаешь — настанет миг, когда она перестанет возобновляться.

Но течёт вода, вечная вода жизни, незримая, неведомая. Она пронзает плоть миров, для неё не преграды земля и камень, лёд и огонь. Она везде и всюду.

Обугленная сосновая ветвь может возродиться.

Император наяву видел два ключа, весело булькающих у корней молодой сосенки — не с неё ли взяли эту ветку?

Уходящая в глубину шахта под башней Нерга — какое это имеет значение, если в твоих жилах течёт та самая влага жизни, пронзающая каждую частицу тела так же, как незримая кровь магии дарует жизнь и движение всему сущему?

А те, кто пытается её запрудить, проиграют. Рано или поздно великая река прорвет возведённые дамбы, сокрушит хитроумные водяные колёса, сорвёт шестерни с осей и обрушит сами стены уродливых мельниц.

...Он не заметил, что его уже никуда не несут, импы толпятся рядом, взвалив свою ношу на длинный каменный алтарь.

Жертвенник. Само собой. Ничего иного и ожидать не приходится.

Они достигли самого низа? Вокруг всё тот же зеленоватый свет, по окружности громадного купольного зала застыли кристаллы, словно обнажённые мечи цвета тёмного изумруда. Зал стремительно наполняется аколитами Нерга, безликие фигуры в плащах, отвратительная нелюдь, не орки, половинчики или тролли, даже не безмозглые вампиры или оборотни. Нелюдь, потому что состоит она из тех, кто отказался от своей человеческой сути. Кого заманили щедрыми посулами и кто продал собственное естество, превратившись в злейшего врага бывших сородичей.

Император застыл на жёстком ложе. Он знает, что ему предстоит, — и не страшится этого. Ничтожества, они и в самом деле верят, что страх смерти можно толь-

ко «заглушить на миг», и то лишь, чтобы самому уйти из жизни. Они так боялись неведомого посмертия, что согласились на всё: на вечное заточение в тюрьме Нерга, на предательство собственной расы — и потому так торопятся расправиться с ним.

Император безмятежен. Всё будет хорошо. Сеамни родит ему сына. Клавдий, честный рубака Клавдий, сохранит для мальчишки Империю. А его, Императора, последний долг — закрыть Разлом.

Он уверен, что ключ ко всему — здесь, в этой бездне.

Почему? Откуда это взялось? Откуда пришло?

Они связаны с Разломом. Ведь сам Император живёт лишь потому, что проклятая пропасть поделилась с ним частью собственной силы. Невольно, сама того не желая. Но — поделилась. Пытаясь заманить в ловушку, жестоко обманулась.

Он, правитель Мельина, сделался частью всепожирающей бездны. В жилах струится чужая сила. И она чувствует нечто родственное совсем близко, узел сошедшихся путей и незримых рек; тот самый узел, что требуется разрубить, не тратя время на распутывание.

Разрубить, чтобы потом ни у кого не возникло соблазна завязать его снова.

В подземелье ощутим свежий и живой запах сосны.

Фигуры в капюшонах спуют, шуршат и скребутся, словно крысы в подполе. Император чувствует их страх — конечно, бояться они не правителя Мельина. К сожалению. Чего-то иного, донельзя мерзкого, отвратительного даже для всебесцветных.

Ну, чего тянете? Начинайте, у меня уже затекает спина.

Злое нетерпение. Губы жестоко изломало — я знаю, белая перчатка не подведёт. Главное — не упустить момент. Тот момент, когда моя грудь раскроется под взмахом жертвенного клинка. Не раньше и не позже. Я знаю это так же точно, как и перелётная птица, умеющая отыскать зимовку за тысячи лиг.

Но закутанные фигурки, умеющие парить над полом и не открывающие лиц, отчего-то не торопились. Вернее, торопились, но совсем в ином смысле — беспокойно шныряли туда-сюда. Жертвоприношение предполагает торжественность, а тут суета только усугублялась. У всебесцветных что-то пошло не так? Сежес сумела отразить колдовскую атаку и сама пошла в наступление, а за ней — и легионы Клавдия?

Не дай разгореться надежде, правитель Мельина, не дай укорениться постыдной жажде выжить. Ты здесь вовсе не для этого. Путь закончен, дорога упёрлась в крепостные ворота. Ты помнишь, как следует поступать с ними.

Да что ж вы медлите-то? Или решили помучить, сломить иссушающим жила, словно вампирий укус, ожиданием? Вам требуется моё отчаяние? — не дождётся. Это последнее оружие, оставшееся у меня, — если не считать белой перчатки, конечно.

Как следует вести себя обречённому, чтобы не вызывать подозрений? Выть, грозить, умолять или же просто тупо цепенеть?

Едва ли здешние хозяева не знают, что именно надето у Императора на левой руке. Конечно, знают — однако даже не попытались снять перчатку. Значит ли это, что нергианцы не могут так просто лишить правителя Мельина его последней надежды, надежды на столь же последний удар? Может, им нужны особые обряды, заклинания, ритуалы?..

Главное — не упустить момент, как заведённый твердил Император.

...Там, на холме, на одинокой вершине среди бесконечного туманного моря, могучий воин в алом плаще по-прежнему протягивал руку, пытливо вглядываясь во мглу, ожидая его, Императора, надеясь и веря.

Я не подведу тебя, поклялся правитель. Ни тебя, ни самого последнего пахаря в пределах моего мира.

А вокруг него всё носились нергианцы, словно му-

равьи в куче, задетой медведем. Как-то даже недостойно столь загадочного и таинственного Ордена; впрочем, тайны редко оказываются достойны собственной славы.

Что-то у них пошло не так. Даже совсем не так.

Император улыбается.

Грохот.

Он обрушивается разом, со всех сторон, словно подземелья Нерга стали обваливаться под тяжестью наступившей стопы неведомого исполина, словно в сердце земных недр разразилась внезапная гроза, осыпая молниями стены и тщаь вырваться из каменной темницы.

Император хохочет.

Смех, живой и искренний, исходит из самого сердца.

Нашлась и на вас управа, бесцветно-безликие. Сежес пробилась-таки вниз, и сейчас она...

Но тогда я не смогу — не смогу исполнить задуманное — нет, она не должна, не может, это уже ни к чему!..

Рычание. Зелёный свет меркнет, грохот сменяется жалобными скрипами и скрежетами, словно оседают расколотые плиты, стирая в кровь — каменную пыль — неровные края разломов.

Однако твердыню Нерга крушит совсем не Сежес. Приближение чародейки Император почувствовал бы сквозь скалы, и лёд, и огонь. Это не она.

Но тогда кто же?!

...Кто бы это ни оказался, нергианцам он (она, оно) явно не по вкусу. Безликие визжат и разбегаются — вернее, разлетаются. Кто-то падает, верещит придавленным котёнком, другие спешно сбиваются спина к спине и плечо к плечу, подземелье гудит от свивающейся в тугую пружину магии; Император ощущает упругие толчки, словно где-то рядом ожил тяжёлый молот, приводимый в движение водяным колесом.

Вновь грохот. Косная материя не выдерживает столкновения двух начал. Вокруг алтаря начинают валиться

куски свода, однако ни один не задевает Императора даже по касательной.

Нечто приближается, и оно настолько мерзко, гнусно и отвратительно, что в человеческом языке просто не находится правильных слов. Любое из них ограничено, ибо создавалось, как ни крути, под голубым небом и на вольном ветру. Даже злые, слова отражают ночные звёзды, шёпот трепещущих ветвей — или рокот неистовых штормов. Даже малоприятные для человека змеи, пауки, крысы — лишь часть вечно изменчивой природы, где из великой стены не вырвешь, не вытащишь ни единого кирпича.

Даже мор, приносящий заколоченные дома, где воют оставленные умирать заболевшие — чтобы уберечь ещё здоровых, — даже он — часть сущего и такая же его часть, как небесная радуга, яркое солнце или вольнотекущая река.

Даже вполне мерзкий Нерг, предавший собственную расу, не настолько гадов и гнилостен.

А надвигалась поистине квинтэссенция всего, что ненавистно человеку, обречённому жить и умереть под неисчислимыми звёздами.

Но — не «великое», не «страшное». Врага можно уважать, даже ненавидя до зубовного скрежета и потемнения в глазах. Врага — но не *это*.

Император повернул голову. Чем бы ни оказалось надвигающееся нечто, оно имело форму, центр, средоточие.

Зелёные блики в ужасе носились по стенам, тяжело скрипел в предсмертной муке каменный свод; нергианцы, из самых храбрых, сомкнули кольцо вокруг алтаря, явно не собираясь расставаться с драгоценной добычей без боя.

«Прочь!»

Не голос, не рычание и даже не шипение. Не слово, не мыслеречь и не озарение. Нечто тупо давящее со всех сторон, колотящееся в костяные бока черепа; уда-

ры сливаются в ритм, ритм ходит кругом, круги обрывают форму и смысл.

«Прочь!»

Нергианцы дрожат, но не сдаются. С лёгким шелестом, словно нетопыри, со всех концов подземной крепости слетается подмога; Император чувствует, как с хрустом рвётся сущее вокруг надвигающегося Нечто. Правитель Мельина не пытается понять заклятья всебесцветных — нет шансов, настолько они стремительны и сложны. Но противник безликих надвигается всё равно, пусть с некоторым трудом, но отбрасывая всё, на него нацеленное. Он — она, оно, всё вместе — ближе и ближе, пол содрогается, мягко, словно по нему ступает кошка — но весящая больше, чем весь Мельин вместе с катакомбами и дворцовой скалой.

Последних нергианцев расшвыривает, уносит, словно сухие листья осенним ветром; зелёное свечение почти угасает, держится еле-еле, и в его лучах Император видит...

Тайде. Сеамни Оэтаканн. Или нет — Агата. Рабыня Агата в руках господина Онфима, владельца бродячего цирка «Онфим и Онфим». А в глазах — безумный блеск Иммельсторна, Деревянного Меча, проклятия сотворившего зачарованный клинок народа Дану.

Император усмехается. Сеамни далеко. Она наверху, в полной безопасности — насколько это возможно, когда идёт битва, да ещё и с таким врагом, как Всебесцветный Орден. Очередной морок — уж сколько их было!..

Дану приближается, и сквозь каменный жертвенник пробиваются земные содрогания.

«Отдай!»

Привидение — или что это на самом деле — медленно поднимает правую руку; на ней — латная перчатка из белой кости неведомого зверя. Точный двойник той, что на левой у него, Императора.

— Возьми, — усмехается правитель Мельина, не со-

мневаясь, что существо прекрасно понимает каждое его слово. — Приди и возьми. Я связан, беспомощен. А ты сокрушил... сокрушила мощь всего Нерга. Чего же ты медлишь? Что тебя сдерживает?

— Врученное в дар нельзя отобрать, — произносит призрак голосом Сеамни, и Император вздрагивает — сейчас различить подделку не смог бы даже он. — Только получить обратно. Нерг глуп, он брал у нас силу и надеялся обмануть. Они придумали этот трюк с перчатками, сумели их выковать, слив нашу мощь со своею. Отдай полученное, Император людей.

— Почему я должен это сделать?

Призрак содрогается, по родному лицу прокатывается судорога гримасы. Сквозь лик Сеамни проглядывает нечто, заставляющее Императора зажмуриться и заскрежетать зубами — смотреть в проглянувшие буркалы не смог бы никто.

Распад. Гниение. Истаивание.

Потоки нечистот. Подонки заживо распавшихся душ.

Чёрное, серое, зелёное.

«Нет иного».

— Почему? — возвышает голос Император. — Всемогущему нет нужды держаться за какие-то там перчатки.

«Нет иного!» — тупо повторяет призрак.

Приказ. Бессловесный, он слагается из тех же ритмов, что и первое, понятое правителем Мельина.

Стой. Почему я вообще воспринимаю это?!

Потому что ты, Император, теперь — часть Разлома. В твоих жилах — его кровь. Значит, хозяева расколовшей Мельин бездны могут тебе приказывать. Вернее, это они так думают.

Давление возрастает, кажется, череп сейчас лопнет, словно перезревшая груша. Тварь наваливается всем весом, тем самым, заставившим содрогаться скалистое основание Всебесцветной башни.

Да, иные артефакты оказываются сильнее создателей.

Кто-то когда-то, в давно забытых безднах времени, когда Нерг ещё не успел уйти от Радуги совсем далеко, — нашёл дорожку к иным силам, властвующим далеко за пределами Мельина. Нашёл дорожку — и соблазнился. Пропал. Кто именно, как его звали — неважно. Нерг устремился по спирали к новому могуществу — и неизбежной гибели. Кредиторы в один прекрасный день могли потребовать уплатить по векселям.

Но Императору нет никакого дела до основателей Нерга, ему безразлично, как именно те смогли вырваться в неведомые пространства, с кем в точности заключались альянсы и какую цену уплатили тогда всебесцветные. Истинные хозяева белой перчатки требовали назад вручённый дар — их власть также небеспредельна, они вынуждены подчиняться неким законам, не в силах ниспровергнуть их даже всей мощью.

А призрак вновь оборачивается Сеамни, но на сей раз — Сеамни мёртвой, жутко изуродованной, словно её пытали перед тем, как прикончить. Вырваны ноздри, на щеках вырезаны садистски-аккуратные квадраты, сквозь них видна белизна зубов. Горло перерезано, кровь медленными струйками всё ещё стекает по шее и груди.

«Твоя судьба, — давит явившийся. — Ты — часть нас. Мы — часть тебя. Единое. Неразделимое. Ты жив лишь потому, что есть мы. Иголлка нарушает равновесие весов, где на чашах — целые миры. Ты — иголлка. Мы — стержень весов. Этот мир — наш. Посмотри и сам всё увидишь».

Император видит.

Видит дешёвую бутафорию смерти, наивную попытку напугать. Наделённые силами, управляющие мощью — до чего ж вы прямолинейны, как же вы упёрты в смертность человека, не видя и не понимая в нём ничего иного!

Да, мы смертны. Но наше право, высокое и несравненное — выбирать не только смерть, но и богов.

Серый туман рвётся, не выдерживая напора кованых лат с василиском на груди. Император грудью раздвигает неподатливую хмарь и только теперь видит, что мгла осталась позади, а перед ним — зелёный холм, и могучий воин в чёрном панцире спускается навстречу быстрым, решительным шагом.

Текущий по жилам яд, заменивший кровь, бессилен против человеческой воли. Но явившаяся в подземелья Нерга тварь об этом не подозревает. Она приближается; правитель Мельина скашивает глаза и видит остающиеся за призраком на полу кровавые отпечатки копыт.

Всё-таки козлоногий. Суть не скроешь, вырвется из-под любой личины.

— И что же ты сделаешь, если я ничего не отдам? — усмехается Император прямо в обезображенное лицо призрака.

«Тебе — ничего. Твоему миру — всё».

Яростная вспышка боли, череп словно наяву разлетается веером осколков.

Твоему миру — всё.

Он что, догадался — Императора людей не страшит смерть? Пытается купить чем-то иным?

«Ты уйдёшь отсюда. Мир станет Путём. Ляжет в основание. Но ты — уйдёшь».

Всё понятно. Правитель Мельина даже испытал нечто вроде разочарования. Нет, нагрянувшие хозяева Разлома по-прежнему не видят ничего, кроме страха смерти, по их мнению, держащего людей на коротком поводке.

Значит, станем торговаться.

Император вновь улыбнулся:

— Уйду отсюда? Что ж, хорошо. Уйти так уйти. Невелика цена за столь ценный артефакт, как эта перчатка. Но я уйду не один. Со мной также должны...

...Перечислял имена он нарочито долго, пока не охрип, и к концу даже призрак стал проявлять нетерпение.

«Принимается. Сейчас ты попадешь на поверхность...»

— Зачем? Я отдам тебе твою перчатку прямо сейчас. — Император делает движение, словно и в самом деле собираясь сбросить с левой руки её костяное обложение.

Призрак издаёт сдавленный рык, сознание Императора едва не взрывается от нового натиска боли, но...

...оставив позади туман и мрак, правитель Мельина оказывается на зелёном склоне. Впереди ласково светятся окна, а совсем рядом — тот самый воин, алый плащ вьётся за плечами, и только тут Император, ещё не успев произнести ни слова, ощущает тот же свежий и крепкий порыв; ветер мчит над стылыми хлябями, над замершим оледенелым маревом, и человек с белой латной перчаткой на левой руке протягивает воителю правую.

Прямой и режущий взгляд чёрных глаз. Полуулыбка-полуусмешка.

— Ты долго шёл ко мне, мой Ученик.

— Так быстро, как только смог, — отвечает Император, глядя прямо в глаза собеседнику.

— Ты знаешь, что тебе предстоит?

О да, Император знает. В точности, не испытывая ни малейших сомнений.

— Тебе не требуется Зерно Судьбы, — произносит воин. — Я, Ракот, прозванный Восставшим, именовавшийся Владыкой Мрака, беру тебя в Ученики. Твое слово — мое слово. И моя кровь — твоя кровь. Действуй, Император Мельина! И пусть содрогнется небо, увидев, на что способен человек!

Император совсем не удивляется слову «ученик». Словно к этому он шёл всю недлинную свою жизнь.

Ракот делает короткое движение, и сковывавший

левую руку стальной браслет послушно раскрывается. Император видит гримасу боли, прокатившуюся по лицу Восставшего и...

...призрак совсем рядом. По стенам в ужасе мечутся зелёные блики, откуда-то набежала целая толпа нергианцев, однако они уже опоздали, безнадежно и навсегда.

Скрюченные, привыкшие к вечно капающей с них крови пальцы левой руки распрямляются. Скрипят сочленения белой перчатки, раскрывшаяся ладонь сжимается вновь, мёртвой хваткой вцепляясь в надетое на правой «руке» призрака.

Два беззвучных вопля, слившиеся в один. Жутко обезображенная личина Сеамни исчезает, вместо неё...

Императора и его противника стремглав потащило вверх, правитель Мельина даже не заметил, как исчезли пути. Не то лопнули сами, не то он стряхнул их, словно невесомую паутину. Разламываясь, затрещали и без того надколотые своды подземного зала. Лопается сам алтарный камень, его размалывает в мелкую крошку, прокатившаяся под рушащимися арками волна опрокидывает кристаллы, пылающие нестерпимо-ярким зелёным светом.

Человек и тень, плоть и призрак помчались вверх, несомые разбушевавшимся штормом. Разлетались вдребезги перекрытия, обрушивались несущие балки и опорные колонны — вся громада Нерга задрожала, разваливаясь на куски, готовая низринуться водопадом прямо в ждущие этого подземелья.

А Император и его враг воспаряли высоко-высоко над миром, и правитель Мельина видел ясно очерченные границы доставшегося козлоногим — там вновь копошились скопившиеся полчища тварей. Пока они ещё не устремились вперёд, но этот миг не за горами, и тогда встретить бестий окажется нечем.

Есть только один выход. Безумный и страшный.

А тварь совсем близко, шипит и плюётся призрачной слюной, тянет на себя белую перчатку, не понимая, что две половинки одного артефакта спаяны сей-

час намертво — их разнимет только смерть одного из противников.

От ногтей и кончиков пальцев вверх по жилам, мышцам и кости начинает распространяться холодное пламя. Белая перчатка словно впитывает в себя силу, щедро возвращая Императору некогда взятое у него. Под ними — Мельин, огромный мир, но его правитель не видит ни своей армии, ни противостоящих ей аколитов Нерга. Видит только огромное коричневое пятно, пятно гнили, расползшееся по лику земли. Не хватит никакого войска, никаких легионов, чтобы считать эту грязь, никакой крови, чтобы её смыть.

Но даже сейчас, сцепившись с призраком, Император знает, что ему делать. Он не должен победить. Его дело — закрыть Разлом. Любым способом. И «вопроса цены» перед ним не стоит.

Нет больше башни Нерга, нет близких и битвы — остались лишь они с тенью и Разлом. Разлом да копошащиеся на огромных пространствах Империи козлоногие.

Ракот помог. Один раз. Дальше — ты сам.

А тварь шипит, притягивает всё ближе, норовя вобрать тебя в собственную зияющую пустоту, ибо кто же ещё эти — обобщённо — твари Разлома, если не пустота?

Император не ищет новообретённого наставника. Он знает — Ракот появится, когда нужно. Не раньше и не позже. А пока — человеческая воля поджигает кровь в собственных жилах, вбирает в себя холодное пламя и, не разжимая объятий, в свою очередь не даёт вырваться вражьей тени.

Близится миг для того самого «последнего удара».

* * *

Сеамни слабо ахнула и обмякла, повисая на железных руках Кер-Тинора.

Башня Нерга, неприступный бастион всебесцвет-

ных, взорвалась изнутри, каменные блоки разлетались, словно сухие листья под ветром, из развалин вырвался тёмный смёрч, дохнуло сухим жаром, точно в глубине под каменными плитами запылали слои чёрного угля.

Сежес рванула шнурок гномьего амулета, тот вспыхнул, рассыпаясь пеплом, — напрасно, башня уже оседала, проваливаясь внутрь, проваливаясь в раскрывшиеся утробы подземелий; остановились, словно окаменев, аколиты Нерга, в полнейшем недоумении уставившись на катастрофу. Они не сопротивлялись, когда легионеры принялись деловито вязать взятых в кольцо адептов; вялые, безразличные, со враз опустевшими глазами, они тащились, словно пьяные, ничего не видя вокруг. У кого-то по щекам текли слёзы, кто-то поминутно падал, точно разучившись ходить.

Проконсул Клавдий на миг зажмурился. Глаза невыносимо щипало, грудь сжало, горло сдавило так, что воздух едва пробивался в лёгкие.

Повелитель ушёл истинно по-императорски. Нерга больше нет, а вот Разлом — остался ли Разлом?!

Но об этом проконсул подумает позже.

Глава пятнадцатая

Гарпия Гелерра не успела. Её полк подошёл к Эвиалу, когда вокруг закрытого мира вновь сомкнулась чёрная блистающая броня. Крылатая соратница Хедина и Ракота чувствовала, что эти доспехи совсем свежи, только что народились, но сделать всё равно ничего не могла. Надо было останавливаться и приступать к правильной осаде.

* * *

— Притащились, — буркнул Аррис. — Вернее сказать, дотащились. Сколько у нас отставших, Ульвейн?

— Хватает, — только и отозвался второй эльф. — Спасибо гномам. Волокли на закорках.

— Н-да, кому рассказать — воинство великого Хедина бредёт еле-еле, подбирая обессилевших...

— А ты никому и не рассказывай, — пробасил Арбаз, заботливо протиравший и без того начищенный до блеска ствол бомбарды. — Даже аэтеросу, как вы его называете.

Эльфы только отмахнулись.

— И что теперь? — сменил тему Ульвейн. — Эвиал наглухо заперт. Пробиваться туда...

— Придётся силой, — закончил за него гном. — Ничего, не впервой.

* * *

Эйвилль умела ждать. А ещё лучше — умела прятаться. Она видела всё и всё слышала. Два отряда хединских подмастерьев встали в непосредственной близости от запертого Эвиала, явно готовясь к штурму и пока что не видя друг друга.

Самое время ударить, разгромив их по частям.

Вампирша чуть шевельнулась — она оставалась в неподвижности уже многие часы по её собственному счёту. Шевельнулась не от «усталости» — от подобного она неудобств не чувствовала, — а просто чтобы ощутить себя «живой».

Кровь богов оставляет глубокие следы.

Глупцы — и тупоумная курица Гелерра, и эльфы, так и не осознавшие, в какой стороне истина, а уж про грязных гномов и говорить не приходится. Они ещё ждут и на что-то надеются. Хотя судьбы Новых Богов уже определены, и им ничто не поможет.

Закрытие Эвиала, возрождение окутывавшей его завесы эльфийка-вампир встретила с восторгом. Пообещавшие ей в награду кровь богов не теряли времени даром.

Вновь — забытое как будто чувство жизни. Трепет, растекающийся по жилам, где давно не осталось настоящей крови, одна магическая видимость. Теперь

Эйвилль не рассталась бы с этим ни за какие блага земные; блаженство ожидания превосходило всё, когда-либо ею испытанное.

Пусть эти крылатые, остроухие или бородатые полагают, будто от них что-то зависит. Пусть суетятся, «прорываются», «совершают подвиги» или даже «жертвуют жизнью». Она, Эйвилль, поступила, как должно истинному вампиру. И теперь она получит силу. Очень много, океаны. Силу, не нужную Дальним. Им её не воспринять, не просмаковать, не пропустить сквозь себя.

Несчастливые существа, если разобраться.

Никогда ещё Эйвилль не была настолько счастлива от того, что она — вампир. Никакое иное создание не смогло бы насладиться кровью богов так, как насладились — и ещё насладится! — она. Поистине верно говорят, что вампиры призваны править тварным миром, соединяя в себе власть над видимым и невидимым.

Там, внизу, в обречённом Эвиале, продолжался бой. Тонкие губы вампириши зло кривились: вы все, великие и величайшие, передрались, разрывая друг друга на куски; и дождались — явились другие, единые, слитые в одно, и ниспровергли вас.

Пока ещё вы трепыхаетесь и бьётесь, как рыбы на мелководье, — но я чувствую, как стягивается сеть. И, должна признаться, испытываю при этом несказанное наслаждение.

Эйвилль не выдержала — потянулась, умиротворённо улыбаясь.

Спина вампириши ещё томно выгибалась, когда в сладостное предвкушение ворвалось совершенно новое чувство.

Из наглухо запечатанного мира (не иначе, думала Эйвилль, как волей Дальних!) — от Ракота потянулась тонкая и незримая нить. Пронзая бездны Межреальности, она достигла некоего мирка и там...

Вампириша с трудом сдержала яростное шипение.

На другом конце нити — человек, убивший её то-

варку, Артрейю. Человек, прозывавшийся Императором. Наглое, глупое и претенциозное имя.

Да, таковы Новые Боги. Одной рукой бросает мне подачку, а другую протягивает убийце вампиров, тех, кто, быть может, и не служил вам, как я, — но был мною создан и выпестован. Неужто мои услуги никогда и ничего для вас не значили, Хедин и Ракот?..

Что ж, значит, я была права, отдавшись под покровительство Дальних.

Эйвилль глухо рыкнула, выпуская острые когти.

Ничего, убийца, с тобой я тоже посчитаюсь. Когда закончу пиршество. И моя месть — о, моя месть! — как же сладка она будет, и как станешь ты корчиться от невыносимого ужаса, когда я вырву твою душу из трепещущего тела, сделав тебя моим рабом!

Невидимая ни для кого иного нить вибрировала и гудела. Вампириша невольно насторожилась — на другом её конце человек умирал, но умирал не напрасной смертью: он вдребезги разносил твердыню её новых покровителей, и кровь его пылала таким огнём, что Эйвилль невольно отстранилась; эдакое пламя ничего не оставит от неё самой.

Нить напряглась. Соединив две сущности, две родственные души — неважно, кто человек, кто бог, сейчас они стали равны, — она исправно перебрасывала силу, которой щедро делились друг с другом эти двое.

Эйвилль вновь зарычала, уже не сдерживаясь, — в горле клокотала ярость. Перервать! Рассечь! Оставить их наедине с тьмой и отчаянием! Особенно его, убийцу. Ракота она просто выпьет досуха — кровь богов, не забывай! — а убившего Артрейю разорвёт в клочья собственными руками, вернее, когтями.

Нить бьётся всё сильнее. Неровён час, её почувствует даже такая тупица, как Гелерра. По ней, этой нити, можно прорваться вниз. Два полка учеников Хедина и Ракота — едва ли новые покровители Эйвилль обрадуются такой компании. Они ведь просили привести

Новых Богов одних, без армии, способной натворить дел.

Эйвилль забеспокоилась. Как она не сообразила сразу, что появление здесь Гелерры и Арриса с гномами неслучайно? Что, если Хедин составил какой-то контр-план, ещё более глубокий, чем это кажется Дальним? И что творится сейчас внизу? Новые Боги в западне, это Эйвилль чувствовала. Но вот та ли это западня?..

От сытого, истомного ожидания не осталось и следа. Вампирша сжалась, словно пантера перед прыжком. Что же делать?

...А покровители молчат. Ни слова, ни звука. Считают, что всё идёт хорошо и ей нечего беспокоиться?

...Нить бьётся и вибрирует, Эйвилль кажется, что гул разносится на всё Упорядоченное. Человек и бог, бог и человек — и уже не различить, кто где. Идут друг к другу. Сквозь серый туман, где так хорошо было бы укрыться ей, Эйвилль...

...И сквозь чёрную броню Эвиала всё громче начинает звучать грозная песнь ещё одной силы, тоже вступившей в настоящий бой.

* * *

Не так-то просто оставаться в целости, когда вокруг почти что мировой катаклизм. Сильвия едва успевала уворачиваться от валящихся валунов, когда у неё за спиной принялись рушиться скалы. Крепости Утонувший Краб больше не существовало, исчезли серые склоны, прибрежные леса — одно сплошное месиво, щедро приправленное огнём и дымом.

Тут не осталось ничего, достойного жалости.

Но где же, во имя мрака и тьмы, Наллика с Трогваром?! Или же они просто задурили Сильвии голову высокими словами, поймали на крючок? Обдурили, обманули, загнали в пекло?!

Или всё-таки их что-то задержало? Неудивительно — когда кругом такое творится.

А что теперь делать? Ждать ещё? Но, похоже, от Утонувшего Краба вскоре и так ничего не останется.

...И всё-таки она ждала. Ждала и надеялась — ведь хозяйка Храма Океанов и крылатый воин говорили так красиво, так убедительно; она, Сильвия, умеет чувствовать ложь. И знает — или всё-таки лишь верит? — что ей не вдали.

Сильвия решила потянуть ещё. Ещё немного, пока не поймёт, пока не утвердится в мысли, что она тут действительно одна против всех.

Она видела Спасителя. Всхлипывая и трясясь, вжимаясь в камни, показавшиеся в тот миг мягче любых подушек. Вот это — сила. Нет, Силища, потрясённо думала Сильвия.

Но нашлись те, кто выступил и против Него, кто бросил вызов почти непобедимой мощи. Те двое — они ударили открыто, красиво. Сильвия видела не всё, но куда больше чувствовала — спасибо чёрному фламбергу.

...И оттого не могла не восхищаться Игнациусом. Невольно, но всё равно. Как закрутил, какую интригу устроил! Смотри, девочка, смотри и учись. Пригодится, даже очень — если только сумеешь отсюда вырваться. А сейчас сиди тихо, очень тихо, ещё тише — даже не дыши, если только сумеешь.

И она не дышала, ждала, прижимаясь к сотрясающимся обломкам. Видела, как привёл в действие давно заготовленную ловушку мессир Архимаг, как чёрный шар канул в распахнутую пасть великой пирамиды, сейчас затянутой шлейфами дыма; видела, как Игнациус — ударом в спину, прошу заметить! — до этого отправил туда мага, схватившегося было с Кларой Хюмель.

Спаситель никуда не делся. Пугающе человеческая фигура парила над тем, что оставалось от Утонувшего Краба, и невольно Сильвия пожелала Игнациусу ещё более полной победы — вот если бы он вдобавок взял верх над Спасителем...

Браво, мессир. Я, последняя из Красного Арка, от души аплодирую вам. У вас стоило бы поучиться. Я согласна на ежедневную порку или на постель; или на порку в постели; или вообще на всё, что вам нравится. Вот только я больше не та, при чьём виде у богатых и знатных старичков начинают блудливо бегать глазки.

Упасть в ноги Игнациусу? — он ведь, похоже, возьмёт верх...

Нет, пробивалось из глубины злобное. Верх возьму я, вернее, его не возьмёт никто. Я, Сильвия. Наследница великого Ордена, до всего дошедшего своим умом. Ходили слухи, будто у деда имелись «тайные советники», да только, я думаю, всё это не так.

Вы все, победители и побеждённые, те, кто внутри пирамиды и кто сражается на её ярусах, — всем вам уготован один конец.

Я подожду ещё лишь самую малость; хотя уже понятно: Наллика не придёт. Так что наслаждаться предвкушением мести — последняя оставшаяся мне радость.

* * *

Восемь драконов тяжкими бронебойными копьями падают вниз, сложив крылья в стремительном полёте. Лишь восемь, потому что девятый, Сфайрат, остался наверху, подле Клары Хюммель.

Меркнет дневной свет, по ярусам опрокинутой в глубь пирамиды горят бесчисленные алые огоньки в окнах и бойницах. Чуть впереди падают, обнявшись, две сестры, делящие на двоих одно тело и одну душу, — Рысь-неупокоенная и Безымянная, лесной голем.

Бегут по лестницам зомби в шипастых доспехах, выкрашенных алым и зелёным, — как-то там орки и Клара, выдержат ли?

А вот и какой-то отряд в белых латах играючи расчищает от зомби лестницу, тела в красном и изумрудном горохом сыплются вниз — в отличие от Рыси и Бе-

зымянной они тупо валятся на площадки нижних ярусов.

Отуда-то явилась нежданная помощь. Что ж, всякий враг Империи Клешной — мой друг.

«Папа!» — почти взвизгивает Аэсоннэ.

Мимо с чудовищной скоростью проносится человеческое тело. Сколь ни мимолётен миг, однако некромант успевает узнать Салладорца. Спина великого мага пробита, грудь разворочена, он кажется мёртвым — но, конечно, только кажется. Убить Эвенгара, автора «Трактата о сущности инобытия», не так просто.

Салладорец не просто падает, он мчится с невообразимой быстротой, точно торопясь скрыться в глубинах великой пирамиды — единственной истинно великой и достойной так зваться. Все прочие сооружения — лишь блёклые её отражения.

Вот так так, Фесс не может оправиться от изумления. Величайший Тёмный маг Эвиала и не только — проиграл, принуждён бежать с поля боя, ранен — если не смертельно, то, по крайней мере, очень тяжело. Здесь потрудились свирепое и разрушительное чародейство — Салладорца, будто бумажную куклу, проткнуло странным, точно раскалённым клинком.

Неужели Клара?.. Неужели Алмазный и Деревянный Мечи защитили-таки новую хозяйку?

Мгновение некромант обдумывает это — но нет, не похоже. Рана нанесена чем-то иным, чья сила — ядовита. Иммельсторн и Драгнир могущественны, но чисты — они скорее бы не оставили ничего от самого тела Эвенгара.

«Ты видела, дочка?»

«Видела, — отзывается Аэсоннэ. — Нашлась управа и на Салладорца. Но это не Клара Хюммель и не кто-то из её отряда. Хотя я и чувствую руку валькирии. Но главный удар нанесла не она».

«А кто же тогда?»

«Не знаю, папа. Некто очень, очень могущественный. И притом привыкший бить в спину. Не знаешь такого?»

«Уже не важно, дочка...»

Бесконечные ярусы всё тянутся и тянутся — сколько ж они могут вместить обитателей? И, если все они населены, — откуда берётся такая прорва еды? Чем они заняты, жители вечносумеречных этажей?

Неважно. Он, Фесс, в шаге от заветной цели. Салладорец получил своё, и это хорошо. Осталось совсем немного — достичь барьера, привести в действие Аркинский Ключ и исполнить, наконец, давно задуманное. Вторая половина того же артефакта — у Салладорца, во всяком случае, была...

Аэсоннэ поняла некроманта даже прежде, чем он успел закончить мысль. Меж крыльев юной драконицы заметалось серебристо-жемчужное пламя, она ринулась вниз, обгоняя и ветер, и даже саму мысль. Чаргос с остальными остался далеко позади.

Тело Салладорца падает, руки мага бессильно раскинуты, торс превратился в почерневшее месиво обугленного мяса и костей. Если он оживёт и после такого — то уж точно как зомби, думает некромант. Упокоить бы его сейчас... просто и без выдумок, строго по книгам, чтобы лежал в уютной узкой могилке и не шевелился.

Затеplилась остававшаяся у Фесса вторая половина Аркинского Ключа, чувствуя близость двойника. Всё верно, подобное притягивается подобным. Особо магическим.

Аэсоннэ настигала Салладорца, а сам великий маг уже не падал комком бездушной плоти. Нет, Эвенгар шевелился, полёт его замедлялся, а взгляд мёртвых глаз не отпускал Фесса.

Крылья юной драконицы сомкнулись вокруг салладорского мага.

«Скорее, папа, долго мне его не удержать!»

Фесс протягивает руку — вторая половина чёрного Ключа совсем рядом, некромант чувствует её всем существом; он касается пропитанных уже запёкшейся высохшей кровью одежд, кисть его ползёт, словно паук

на добычу, пальцы нащупывают твёрдые грани... И вдруг оживает находящаяся у него часть заветного артефакта, словно делясь силой со своей половинкой. В тот же миг по телу Салладорца пробегает судорога, труп выгибается, рот раскрывается в немом вопле, глаза вспыхивают нестерпимо-яростным зелёным пламенем.

Юная драконица визжит и раскрывает крылья. Кувыркаясь, Эвенгар летит вниз, однако теперь он жив. Даже более чем жив. Фесс выдернул некую скрепу, удерживавшую великого мага на самом краю Серых Пределов, через того хлынула щедро вбрасываемая в Эвиал сила, рывком оттаскивая своего слугу от края смертной пропасти.

Салладорец что-то рычит, изо рта у него летят брызги, почему-то зелёного цвета.

Сверху надвигается яростный шум крыльев, семеро драконов настигают юную товарку, Эвенгар трусливо пригасает, сжимается в комок, обхватывая колени руками, — и проваливается вниз, в единый миг исчезая в бездне. Только что был здесь — и вот уже его нет, а вокруг лишь лопаются молнии, посылаемые защитниками великой пирамиды Утонувшего Краба.

Какая ж силища, невольно думает Фесс. Так и не воссоединившаяся со своей половиной часть Аркинского Ключа в его руке вновь холодна. Словно уснула. На время.

Чаргос и остальные берут Аэсоннэ в кольцо. Рысь-первая и Безымянная давно отстали, им, наверное, сейчас ничего не угрожает — мощь и гнев пирамиды обращены только на дерзко ворвавшихся в самое её сердце драконов, на них одних.

Вот — содрогнулся от удара молнии Редрон, взревела от боли, но осталась в строю Вайесс. Маги пирамиды пристрелялись, молнии мелькают всё ближе и ближе, взрываются огнешары, на какие-то футы промахиваются каменные ядра и острые ледяные копыя.

Дно, ну скоро ли?! Или у этой бездны и впрямь его нет?! Но не зря же говорили, что Уккарон — страж пе-

рехода, что великая пирамида должна закончиться Чёрной ямой.

Слепящая нить молнии оплетает шею и крылья Беллем, кувыркаясь, отлетает в сторону Флейвелл, и Фесс кричит, не слыша собственного крика, — кажется, огненные кнуты стегают не драконов, а его самого.

Что я могу сделать, что?!

...Далеко позади ровно сбегает вниз по ступеням рыцари в белоснежных доспехах, неведомо откуда явившиеся и неведомо зачем вмешавшиеся в битву. Топот множества ног — словно настойчивый стук в сознание некроманта.

Мы здесь. Мы пришли. Мы поможем.

Они наступали тесным, плечом к плечу сбитым клином, каждый в строю знал не просто своё место — движения казались затвержёнными и повторенными на бесконечных учениях. Безмозглые зомби в красном и зелёном, размахивая косами, бросались на сверкающе-белый клин — и разлетались в стороны, изрубленные в мелкое крошево.

Их цель близка, понял Фесс. Цель этих воинов в белом совсем рядом, не знаю только, какая. Казалось, на ногах у рыцарей выросли крылья — некромант и драконы падали отвесно вниз, воины же сбегали по бесконечной лестнице, однако каким-то образом умудрялись не отстать. Более того — они уже не «далеко позади», стройный клин совсем рядом.

Пальцы Фесса нащупали твёрдые и холодные грани соединённых между собой магическим образом кубиков.

Половина Аркинского Ключа. Открывающая дорогу к Западной Тьме, но не выпускающая на свободу её саму. Вторая половина, оставшаяся у Салладорца, открывает врата Сущности, однако не даст Тёмному магу приблизиться к ней.

Атлика на Пике Судеб потерпела поражение. Я решил — это доказывает то, что Салладорцу без нашей половины артефакта ничего не сделать.

А что, если я был не прав?! — словно ледяная вода по спине.

Что, если и это оказалось ещё одной уловкой? Что, если он с самого начала отлично знал, *какую именно* из половинок «отдать» надоедливому некроманту? Некроманту, дергающемуся на ниточках самого Эвенгара?

Как я мог этого не увидеть?! — застонал про себя Фесс. Не увидеть лежащего перед самым носом!

Эвенгару не требовалось пресловутой «второй половины». Ему нужна была одна-единственная, та, что сейчас у него в руках. Всё остальное — иллюзия, чтобы заставить врагов совершать нелепые ошибки и тратить зря драгоценнейшее время.

Барьер, защищающий Западную Тьму, будет расширяться по мере того, как станет расползаться сама Сущность. Это ведь не крепостные стены, это магия. И Салладорцу такое только на руку.

Настичь. Отобрать. Любой ценой!

«Я поняла, папа!» — и сейчас Фесс был благодарен дерзкой драконице, в который раз попросту считавшей его мысли.

Новый рывок. Аэсоннэ мчится, уворачиваясь от лопающихся совсем рядом молний; огни на бесконечных ярусах сливаются в сплошные полосы.

...Они словно несутся по кругу — потому что рыцари в белом совсем рядом. И они не только разбрасывают зомби в шипастых доспехах — но и очищают ярус за ярусом. Швыряют что-то внутрь, и бесчисленные бойницы выхаркивают пламя. Почерневший и мёртвый, этаж замирает, маги-защитники великой пирамиды сожраны бушующим огнём.

Почему же рыцари не поступали так сразу? Их сила возросла — стоило им достичь настоящих глубин?..

Сужается пирамида. Кажущаяся бездонной пропасть всё-таки должна чем-то закончиться.

Чаргос оказывается рядом, и в сознании Фесса возникает поразительно спокойная, умиротворённая речь старого дракона:

«Мы держимся из последних сил. Ещё немного, и мы станем умирать, молодой некромант. Смерть дракона — взрыв его Кристалла. Высвобождение целого океана силы. Постарайся распорядиться ею с толком. Мы постараемся, чтобы это произошло не раньше, чем ты встретишься с Салладорцем. Остальное потрать на Сущность, прошу тебя».

«Я... — начинает Фесс, он хочет сказать, что всё не так, что они победят и драконы-Хранители вернутся в родные пещеры, и тотчас понимает — это ложь. И Чаргоса она только оскорбит. — *«Я сделаю всё так, как ты говоришь, дракон».*

«Хорошо...» — эхом отзывается Чаргос и, взревев, бросается вбок, принимая на себя молнию, предназначенную едва держащейся в строю Флейвелл. Краснокирпичная чешуя вожака Хранителей дымится, кое-где лопается, сам дракон вскидывает голову, кричит от боли, но места в боевом порядке не теряет.

А впереди вновь начинает маячить человеческая фигурка, источающая гнилостно-зелёный свет.

Салладорец. И на сей раз ему не уйти.

Позади один за одним выдыхают пламя ярусы. Осталось продержаться совсем чуть-чуть.

* * *

Тишина. Мягкие щупальца протягиваются со всех сторон, оплетают голову.

Тьма. Глазницы словно залиты невесомыми чернилами.

Магия. Её больше нет.

Осталось лишь то, что делает бывшего Истинного Мага Новым Богом.

— Брат? Что случилось, брат?

— Это спрашивает хитроумный Хедин? — В голосе Ракота прежняя ярость, сейчас смешанная с горечью. — Мы в ловушке. Игнациус обхитрил всех, даже тебя. Мы ждали грандиозной битвы, а нас повязал по

рукам и ногам какой-то захудалый колдунчик! И даже Хаген не помог, хотя должен был следить за каждым его шагом! Куда смотрел Читающий?.. Куда они вообще делись: и мой, и тот, что сопровождал Хагена?

— Про Читающих я и сам бы не отказался узнать. Что же до Хагена... Коль не справился даже он, то значит, Игнациуса никак не назовешь «захудалым колдунчиком».

— Пусть себе, — ворчит Ракот. — Можешь пошевелиться, брат?

— Нет. А ты?

— То же самое.

— Славно, — тихо произносит Хедин. — Славно попали.

— Исчерпывающе. — В каждом звуке чувствуется переполняющий Ракота гнев. — Есть мысли, как отсюда выбраться, брат?

Хедин молчит. Впервые ему нечего сказать. Да, конечно, он сможет разобраться в механизме этой ловушки. Для этого понадобится время, сосредоточенность. И его собственная «божественность». Он терпеть не может этого слова, но сейчас иного и не подберёшь. То, что невозможно отнять, от чего невозможно отсечь никакими стенами. Лежащее в самом основании сущности, носящей имя Хедин.

— Только, боюсь, к тому времени всё кончится. — Ракот не старается скрыть горечь. — Чего ты ждал, брат?

— Атаки Дальних, — признался Хедин.

— Атаки Дальних... — Кажется, в словах Ракота мелькнуло презрение. — А что, если ловушка Игнациуса — и есть та самая атака? Это Молодые Боги сражались с нами в открытую, в чистом поле, рать против рати, меч против меча. А на что способны Дальние? Ты так уверен, что...

— Ни в чём я не уверен! — сорвался Познавший Тьму. — Дай мне подумать, брат. Я найду решение.

— Не сомневаюсь. Но здесь не обойтись одними хитроумными заклинаниями.

— А чем же?

Тьма пропускает лишь голоса. Ни шороха одежды, ни позвякивания доспеха.

— Брат, Игнациус продумывал каждую деталь этого заклатья много десятилетий. Может, даже веков. Крючок цепляется за петлю, чары наслаиваются одни на другие. Даже тебе такое не расплести вмиг.

— А тебе не пробить силой.

— Как и тебе — магией, брат. Нет, эти стены разорвёт кое-что иное.

Хедин чувствует, как его губы начинают кривиться в саркастической усмешке, — однако что-то останавливает Познавшего Тьму. Никогда ещё Ракот не говорил с такой уверенностью. Бывший Властелин Мрака, похоже, знает нечто, недоступное ему, Хедину. Нечто давно им забытое — но что?

* * *

Император воспарял всё выше и выше, окутанный волнами необжигающего пламени. Какая-то часть разума понимала, что это конец, что в «настоящем» мире, на твёрдой земле Мельина он мёртв и труп его распался невесомым пеплом в тот миг, когда две латных перчатки нашли друг друга и когда кость впилась в кость.

Но разве он умер, если может видеть, слышать и осязать? Или это гримасы агонии, бред сгорающего разума, растянувшего в вечность последние мгновения?

Враг Императора ещё рядом. Белые перчатки словно сплелись друг с другом.

Император никогда не принадлежал к сословию магов. Умел творить кое-какие чары — это верно, но лишь за счёт вручённого Радугой кольца с чёрным камнем, заставляя, в частности, порхать по библиотеке пергаментные свитки. Горящая кровь — от белой перчатки, высасывавшей из него силы, словно вампир; но

злой вражий дар, сам того не желая, поделился с правителем Мельина магическим умением.

Нет ни боли, ни страха. Одно неотвязное, заполнившее всё существо желание, нет, страсть — закрыть Разлом. Пройтись по страшной ране в теле Мельина калёным железом, превратив самого себя в тлеющий рдяным стальной прут. Ране неважно, что чувствует прижигающее её.

Но для этого надо вырвать у призрака вторую перчатку. И здесь не поможет ничто, кроме собственной воли.

Под ними — Мельин, обезображенный, подвергшийся насилию, но не обесчещенный. Неведомая Императору сила — злая сила, несомненно — изгнала из него Древних, хранителей, что десятки веков стояли на страже; что ж, придётся справляться самому. Человеческая воля, твёрдо решив пожертвовать телесной оболочкой, способна на многое. Беда лишь в том, что «просто жертвой» тут не обойдёшься. Сколько легионеров сложили головы, храбро сражаясь за Империю, где они родились, и за Императора, принявшего их присяги! — и разве их пролитая кровь хоть немного, но сузила края Разлома?

«Сузила, — вдруг пришёл ответ, и правитель Мельина встрепенулся. Говорил Ракот — с трудом, словно задыхаясь, или же голос его пробивался сквозь неведомые преграды. — В тебе сейчас горит и она тоже — кровь всех, кто погиб «за Мельин», неважно, от лап ли козлоногих, от мечей семандрийцев или жертвенного ножа магов Радуги. Обратись к ним, мой ученик, возьми цену их смерти, других союзников у тебя не осталось».

Ракот ли произнёс эти слова, или просто воображение Императора — неважно. Он твёрдо знал, что делать — и во имя чего.

Огненный смерч возносил двух сцепившихся врагов всё выше, ещё чуть-чуть — и они достигнут небесного купола.

Пора кончать с ним. По-императорски. Достоино правителя Мельина.

Вот они, глаза Тени, словно две дырки в черепе, заполненным гнилью. Вы ничто, козлоногие твари, вы тлен, прах и разложение. Заклятье Нерга не ослабляло вас, напротив — придавало вам новые силы. Наделяло способностью разрушать самим, без посредников. Тогда я не разгадал хитроумный план всебесцветных, иначе никогда бы не обратился к ним за помощью.

Вы — пустота. Стоящее на грани меж бытием и небытием. Та самая грань — она состоит из вас. Вы — инструмент превращения, ничего больше.

Призрак шипит, оскалив чёрные пеньки искрошившихся зубов. Морок и видимость, но отражающая внутреннюю суть. Суть тлена и праха.

Всё живое Мельина, отжив своё, уходит обратно в его землю, возвращая всеобщей Матери взятое в долг на время собственных дней. Круг замыкается, великий круг жизни, где смерть — естественный закат, за которым — глубокая ночь, а там, кто знает, может, и новый рассвет. Но вы, явившиеся твари бездны, вы — размыкание этого круга. Нарушение установленного хода вещей, сбой в исполинских часах, регулирующих жизнь не людей, не народов и даже не империй — но миров и их совокупностей.

За мной — Мельин. А за тобой, козлоногий?

От далёкой земли поднимаются лёгкие серебристые тени. Люди, животные, дома, какая-то утварь. Даже детские игрушки.

Всё, что с любовью творили человеческие руки, во что вложены труд, умение и душа.

Лица легионеров. И совсем молодых мальчишек, едва вставших в строй и погибших в первом же бою, и седых ветеранов, прошагавших от моря до моря, тех, что полегли, быть может, прикрывая тех же мальчишек-новобранцев.

Дети. Недопели, недобегали, недоиграли. Их нашёл жертвенный нож мага Радуги, уверенного, что он тво-

рит сейчас «меньшее зло». Сейчас они тоже рядом со мной.

И ещё лица — тех, кого накрыло смертоносным приливом. Кто не успел или не смог уйти, убежать от надвигающейся лавины, кто остался на захваченных козлоногими землях; они тоже жили недолго. Твари не знали никаких ритуалов, они не приносили никого в жертву, нет — они просто убивали всё живое, оказавшееся у них на пути.

Императору кажется — в спину ему упираются тысячи рук. И даже детские ручонки обретают сейчас совсем недетскую силу.

Горящая кровь выплёскивается наружу, обволакивает задёргавшуюся Тень.

Только теперь приходит боль, рвущая, выворачивающая наизнанку, раскалывающая кости тупым зубилом. С болью подступает и страх, извечный её союзник, ужас, что на задуманное не хватит сил.

Императору кажется — он кричит, разрывая связки. Но ему отзываются — и в хоре множества голосов слышится нежный голос Сеамни вместе со звенящим детским голоском, произносящим только одно короткое слово:

— Папа!

* * *

Вейде, вечная королева эльфов, обитателей леса со столь же выразительным именем, обернулась.

Всё исполнено. Обречённый Эвиал, куда ворвался вечноголодный Спаситель, остался позади. Следы уходящих заметёт, никто не бросится в погоню. Время начинать всё заново, в другом мире, под другими звёздами. Никто ведь не снимет с неё главного долга, того, что она сама возложила на себя, — спасти от посмертия *всех* погибающих эльфов. Неважно, где в Упорядоченном их настигла гибель, — королева Вейде, единственный настоящий некромант среди своего народа, вытащит души из долины теней.

Что творится сейчас в покинутом ею мире, эльфийка старалась не думать. Прожив под его небом бессчётные века, видев собственными глазами первый приход Спасителя и творимые Им чудеса, она твёрдо знала — когда Ему взбредёт в голову посетить Эвиал вторично, её народа там уже не будет.

Ради этого она служила всем, кто мог помочь. Предавала и меняла союзников. Вступила в распрю даже с сородичами из Нарна — в глазах Инквизиции всё должно было выглядеть как настоящее, и потому ссора между Светлыми и Тёмными эльфами тоже получилась настоящей. С пролитием крови, всё как полагается. Святые отцы купились, без выведенного у них я никогда бы не составила такое заклетье, что позволило увести из Эвиала всех до единого эльфов, обитавших там. Даже гордецы из Заповедного леса, Царственные, как они себя называли, эльфы — последовали за ней. Все ли, не все — неважно. Кто не последовал, тот не эльф.

А там, внизу, драка будет та ещё. Даже жаль, что она, Вейде, не увидит. Глупый Анэто так и не понял, в чём главная цель её заклятий.

А она в том, чтобы оттолкнуться от непроницаемого барьера, ограждающего Западную Тьму.

Ослабленная заклинанием, надломленная, преграда не выдержала. Вейде знает, она слышала грохот обвалов, видела крипты, проваливающиеся сами в себя.

Даже жаль, что приходится уходить. Всегда мечтала увидеть, как Спаситель схватится с Западной Тьмою. Впрочем, цена соответствует. Нет больше «Вейде, королевы Вечного леса». Есть Владычица эльфов Эвиала, а вскорости — и иных миров.

Теперь потребуются тела, много тел. Предстоит возродить во плоти тех, кто поделился с ней силой, необходимой для победы.

А глупые людишки пусть остаются там, внизу. На поживу Спасителю.

...Вейде оглянулась. И едва заметно сдвинула брови — покинутый ею Эвиал сверкал гладкой, иссиня-

чёрной бронёй. Кто-то — или что-то — восстановил разорванную было преграду, вновь запечатал мир, да так, что теперь оттуда едва ли вырвется даже Спаситель. Точнее, Он-то как раз вырвется — это была просто фигура речи, — но даже Ему придётся попотеть, если, конечно, у таких сущностей есть пот.

Было там и что-то ещё, какое-то непонятное шевеление на самых границах. Вейде не хотела «приглядываться» (то есть пускать в ход какие бы то ни было заклятья-прознатчики) — они неизбежно выдали бы её с головой. Однако сила к пределам Эвиала подступила нешуточная.

Конечно, против Спасителя никакая армада не покажется достаточной.

В любом случае, мы убрались оттуда вовремя, успокоила себя эльфийка.

И ничто не последовало за нами следом, прибавила она.

— Каррр!

Вейде вздрогнула.

Из окутывавшей окрестности Эвиала мглы вырвался огромный ворон. Пронёсся над самой головой эльфийки, играючи увернувшись от выпущенных в него стрел. Видно, до этого он гнался за уходящими Перворождёнными, умело скрываясь в складках Междумирья, так, что всё искусство королевы Вечного леса не смогло его обнаружить.

Он показал себя не раньше, чем счёл это необходимым.

Королеву эльфов пробрала дрожь.

На неё в упор смотрели глаза страшной птицы — совершенно не вороновы, красные, с четырьмя зрачками в каждом.

Вейде пошатнулась, нелепо взмахнула руками — вся магия разом вылетела из головы.

Ворон пронёсся, хрипло каркнул ещё раз и скрылся — канул в густом тумане, поднимавшемся по обе стороны проложенной в Межреальности тропы.

Потрясённую владычицу подняли. Она лишь махнула рукой — идите, мол.

Длинная колонна эвиальских беглецов продолжала путь, однако мгновенно разнёсшийся слух о жутком спутнике заставлял эльфов пугливо втягивать головы в плечи и посылать зачарованные стрелы во всё, что представлялось хоть чуть-чуть подозрительным.

А сама Вейде молчала. До самого конца ею же проложенного пути, когда впереди замаячила бело-голубая глобула нового мира, с которого — как рассчитывала эльфийская властительница — начнётся новая история её расы.

Что-то подсказывало былой королеве брошенного ею Вечного леса, что всё окажется совсем не так, как ей представлялось.

Но это уже совсем другая история.

* * *

— Вот так встреча. Гелерра!

— Аррис, — церемонно поклонилась крылатая дева.

— Не ожидал тебя здесь встретить, — пробасил Арбаз, перекинув бомбарду с одного плеча на другое и без светских ухищрений протягивая миниатюрной адате широкую, словно лопата, ладонь.

Аррис с Ульвейном, элегантно кланяясь, поцеловали изящную кисть гарпии.

Оказавшись возле самого Эвиала, подмастерья Хедина не могли не столкнуться.

«Неужели наставник мне не доверяет?! — в ужасе подумала Гелерра, глядя на пару усмехающихся Тёмных эльфов, изысканных, словно обнажённые стiletы; широко ухмыляющийся в бороду Арбаз казался рядом с ними неотёсанной деревенщиной. — Не доверяет и потому прислал ещё и их мне на... на помощь? Или на смену?»

— Аэтерос отдал нам приказ идти к Эвиалу, — видя напряжение адаты, поспешно заговорил Аррис.

— И?... Что он велел вам сделать, когда вы до него доберетесь?

Темные эльфы переглянулись.

— Не обращай внимания, дева, — прогудел гном, приставляя чудовищную бомбарду к ноге. — Нас не присылали встать над твоим полком. Тут такие дела закрутились... — Он помотал косматой головой. — Гаррат... то есть, я хотел сказать, аэтерос — велел нам спешить в Эвиал. Но зачем или для чего — не сказал.

— Мне тоже. — У Гелерры отлегло от сердца. Но что же тогда с повелителем?!

— И что станем делать? — с иронией, показавшейся гарпии неуместной, осведомился Ульвейн. — Ты знаешь, что там, внизу, крылатая?

— Чего пристал к девочке. — Арбаз валуном двинулся меж ними. — Драка там идет, и почище, чем у нас с козлоногими. Не чувствуете, эльфы, и ты, Гелерра? Оно и понятно. Броня уж больно хороша, ну а мы, гномы, для того и есть на свете, чтобы знать, как через такую проломиться. И как через такую слушать, конечное дело.

— Преклоняюсь, — без тени иронии кивнула Гелерра. — Но наш учитель.. Аэтерос, как говорите вы, эльфы, или гаррат, как сказал бы ты, гном... Что с ним? Он там, внизу? Ему нужны мы? Следует ли нам силой взломать броню Эвиала? Я уже почти собралась ..

— Если собралась, то зачем медлить, адата? — гроыхнул гном. — Наш учитель там, внизу. Его голос доносится из этого шара, словно из горной шахты. Надо ломать! Ждать тут нечего.

— Верно сказано, — басом произнес незнакомый голос, и собеседники мало что не подскочили на месте: посреди охраняемого лагеря, разбитого не где-нибудь, а в Межреальности, куда нет хода никому празднующемуся, несмотря на кольца многочисленных дозорных, в том числе морматов, лучших сторожей Упорядоченного, — появляется чужак.

Перед опешившей четвёркой возник старый воин,

мощный телом, с орлиным носом, разметавшимися, словно после скачки, длинными седыми волосами. На поясе — знаменитый на всё Упорядоченное меч, короткий и широкий, в прозрачных ножнах, словно из хрустала; клинок казался золотым, хотя самого благородного металла тут не было ни грана.

Старый Хрофт. Он же Один, Игг, и ещё множество разных имён.

Друг-конфидент Учителя и его брата, Повелителя Тьмы.

Из-за плеча Древнего Бога осторожно, переступая восемью тонкими ногами, выглядывал Слейпнир.

— Уфф, — выдохнул Хрофт. — Успел. — И сразу же, без паузы: — Поднимайте всех. Время пришло.

— Но, сильномогучий, — дерзнул возразить Арбаз, задирая бороду. — Ломить через эдакую преграду — это, прощения прошу, не деревенский плетень перескочить, курицу спереть.

— Не курицу спереть, — расхохотался Отец Дружин, выразительно берясь за эфес золотистого клинка. — Это, друзья мои, куда громче получится. Арбаз! Эта броня — по твоей части. Тем более есть в ней один изъян. Мелкий, мельчайший, вам, пожалуй что, и не заметный. А я вижу. Ударим все вместе. Все твои бомбардиры, Арбаз, все ваши лучники, Аррис и Ульвейн. Твои тоже, крылатая дева. Новомодные заклинания — это не для меня. Мы привыкли стены ломать, а не подкупать стражу. — Гелерра задумалась, не являются ли слова Древнего обидным намёком на Учителя?

Старый Хрофт усмехнулся:

— Готовьтесь. Времени у нас немного, потому что Ракот и Хедин, — он перевёл дух, словно не сразу решившись донести чёрную весть, — в ловушке. И без нас им не выбраться.

О том, что братья-боги могут не выбраться даже с их помощью, Отец Дружин, само собой, умолчал.

Клара Хюммель стояла, потерянно уронив руки.

Она завела доверившихся ей орков в ловушку. Им осталось только погибнуть, нелепо и бездарно, в схватке сошедшихся на крошечном островке вселенских сил.

Отряд капитана Уртханга отступил внутрь пирамиды, укрывшись в пустых казематах её верхнего яруса. Фесс, драконы, Безымянная, Рысь-неупокоенная — скрылись в бездне. Серая пелена медленно рассеивалась, Тёмный маг сгинул в глубинах жуткого провала, исчезли рыцари в белом, взметнувшиеся чёрные паруса поглотили двух противников Спасителя, и на истерзанном Утонувшем Крабе, уже лишившемся окружающих его скал, остались только Клара с соратниками да недвижно повисший в воздухе Спаситель. У Него явно хватало работы — над океаном, насколько мог окинуть глаз, вздымались облака пара. Что там творилось — разглядеть из низкой бойницы Клара не могла, но явно ничего хорошего. Значит, ты оказалась права, задушевная подружка Аглая. Вот он, твой Спаситель. Во всей красе.

...Но там же, в этой красе, затаился и некий изъяз. Словно гноящаяся рана, тщательно укрытая повязками от посторонних глаз. Лик Спасителя, страшный, обожжённый, одним видом яснее ясного объявлял приговор всему живому в Эвиале — в мире, где на Него осмелились поднять руку.

Клару восхищала безумная храбрость сделавших это. Судьба их наверняка столь же ужасна, сколь и лицо Спасителя; однако неизвестные смельчаки не погибли напрасной смертью — даже Клара, маг Долины, никогда не принадлежавшая к пастве Спасителя, чувствовала Его надлом.

Этлау оторвал наконец от лица закрывавшие его ладони. Сперва бывший инквизитор, не отрываясь, боясь даже моргнуть, смотрел на Спасителя; потом, когда отряду пришлось укрыться внутри, преподобный скорчился в дальнем углу, уткнув голову в подтянутые колени, и некоторое время пролежал без движения.

— Я верил, — почти спокойно вдруг проговорил инквизитор, и Клара невольно оглянулась. — Я служил Ему всю жизнь, не сомневаясь, что защищаю Эвиал от страшной кончины. Мне казалось, что нет ничего ужаснее прорыва Западной Тьмы и...

— Ты не на проповеди, монах, — рявкнул Уртханг. Капитан орков казался явно не в восторге от появления среди них преподобного. — Короче!

— Короче, храбрый орче? — оскалился Этлау, усаживаясь. — Куда уж короче. Нас всех сейчас тут укоротят.

— Ты знаешь, что можно сделать? — прервала его тираду Клара.

Инквизитор уперся руками в пол. Сейчас он напоминал чудом выжившего в пожаре нетопыря.

— Если верить Священному преданию, то Его не поразит никакое оружие. Пророчества Разрушения исполняются. Мир гибнет — а Спаситель, когда-то заложив яд этих самых «пророчеств», явился теперь за добычей. Законной. — Этлау рассмеялся жутким режущим смехом. — Однако ж я чувствую — Он не... не всецел. — Преподобный попытался подобрать нужное слово. — Ранен. Надломлен. Я чувствую...

— Я тоже, — перебила чародейка.

— Он — тварь из Нифльхеля, — неожиданно твёрдо и звонко бросила валькирия Райна, шагнув вперёд и оказавшись рядом с Кларой. — Просто тварь из Нифльхеля и ничего больше.

Этлау пренебрежительно фыркнул:

— Называй как хочешь, прекрасная воительница. Нашу судьбу это не изменит.

— А кто же Его тогда подранил? — Ниакрис тоже ощутила изъяз в почти что непобедимой силе. — И как подранили, если Он — непобедим и неуязвим?

— Откуда мне знать, — пожал плечами преподобный. — Я только чувствую, что Он взял меня... вывернул наизнанку... вырвал из смерти... и бросил, как поживу, Западной Тьме.

— Не хнычь. — Райна с презрением отвернулась от инквизитора. — Кирия, наш час пришёл. У вас — Мечи. Их силу не представить никому из смертных или бессмертных. Нечего ждать конца, как барсуки в норе. Тем более что сейчас сюда пожалуют красно-зелёные. Капитан Уртханг, тебе придётся продержаться... чуть-чуть или немного дольше.

— Мы-то продержимся, не сомневайся, — угрюмо кивнул орк. — Только ведь этот ваш Спаситель, эвон, над землёй висит, ровно окорок в погребе. Ни копьё добросить, ни из лука дострелить.

— Он спустится, — прокаркал Этлау. — Непременно спустится. Пока Он — на воздушях, полной власти над Эвиалом у Него ещё нету.

— Тем лучше, — спокойно заявила валькирия. — Пусть спускается. Тут-то мы Его и встретим.

— Если только нас раньше не упокоят эти милейшие создания, — вступил в разговор Бельт, кивая на амбразуру.

Смертоносный ливень молний и свернутых из тугого пламени ядер на время приутих — защитники опрокинутой пирамиды, продолжая безнадёжный бой, давали своим зомби возможность для атаки.

— И чего суетятся? — философски заметил старый некромант. — Если всё равно все мы окажемся у Спасителя за пазухой?

— Значит, знают нечто такое, чего не знаем мы, — отрезала Райна. — Значит, есть ещё надежда. Ну же, храбрые орки! Мне учить вас доблести?!

— Доблести нас учить не нужно! — Уртханг гордо вскинул голову. — Говори, что надо сделать, воительница.

Райна в упор взглянула на Клару, на молчаливого Сфайрата рядом с ней.

— Господин дракон. Твой черёд?

— Предлагаешь мне взлететь с Кларой на спине и рубануть Спасителя Мечами? — Сфайрат саркастически поднял бровь.

— Чем плохо? — невозмутимо кивнула Райна.

— Не понимаешь, воительница?! — проревел дракон, встопорщиваясь и словно забыв, что пребывает в человеческом облике. — Его не возьмёшь никаким оружием! Ни-ка-ким!

— Тогда зарежься сам, господин дракон, и не порти мне славный бой. — Райна потряхнула волосами, поправила круглый щит. — Или прыгни во-он туда. — Она ткнула в сторону пропасти: — Кажется, твои братья уже там? Не последовать ли тебе за ними?

Сфайрат зарычал, и Клара, сама не сознавая, что делает, положила ладонь ему на сгиб локтя.

— Райна, скажи толком, что ты предлагаешь?

— Что я предлагаю, кирия? — усмехнулась воительница. — То, что не успела в Боргильдовой битве. Я...

Грохот. Одинокий огнешар взорвался, угодив под самую бойницу, внутрь каземата повалил едкий дым, пол и стены сотряслись, сверху посыпались мелкие обломки, потолок треснул. Зомби в красно-зелёной броне подступили уже к дверям зала, где укрывался отряд Клары.

— Они здесь. — Бельт поднялся, спокойно отряхнул руки. — Капитан, твоим оркам придётся постараться. Мне потребуется... немного времени. Надеюсь заставить их отвернуть.

— Как же, их заставишь, — буркнул предводитель морских удалцов.

Его орки уже тащили из глубинных казематов какие-то окованные сундуки, тяжёлые скамьи, выпиленные из целого бревна, столы, чьи столешницы сгодились бы на крепостные ворота, — всё-таки в опрокинутой пирамиде обитали живые существа с каким-то скарбом, кому требовалось пить и есть, а не только мёртвые зомби или, скажем, бесплотные духи. У дверей спешно воздвигались баррикады; Ниакрис с Тави переглянулись и решительно загородили дорогу четвёрке орков, с натугой волочивших здоровенный шкаф чёрного дерева.

— Тут пусть заходят, — скрестив руки на груди, проговорила ученица Вольных.

Дочь некроманта лишь молча кивнула.

— Заодно и зельице проверю, — почти ласково пропела Эйтери, поглаживая сумку со снадобьями.

— Как угодно, только продержите их, пока я не скажу. — Бельт, не поднимая головы, что-то старательно вычерчивал на полу, но не обычную в ритуальной магии многолучевую звезду.

Сфайрат не отходил от Клары. Дракон оставался в человеческом облике и, похоже, так и собирался вступить в бой — в руке появился длинный прямой клинок.

Сама чародейка тоже обнажила шпагу с рубинами на эфесе. Продержаться, дать Бельту время, а потом...

А что «потом»? — проговорил подленько-трескучий голосок внутри неё. — Спаситель вступил в Эвиал. Это конец всему. Может, даже лучше, если мы все погибнем в бою...

— Нет, кирия Клара. — Рядом оказалась Райна, глаза воительницы смотрели прямо и строго. — Даже в неизбежный день Рагнаради стоит сражаться так, словно впереди у тебя вся жизнь.

— Я говорила вслух? Или ты теперь читаешь мои мысли?

Райна усмехнулась:

— Ты посмотрела вверх, кирия. И по твоему лицу разлилось такое отчаяние... Тут не требуется читать чьи-то мысли, совсем не требуется. Не думай о Нём. Не надо. Одолеем мертвяков, и тогда раскинем руны — как сладить с их водителем.

— Я вовсе... — начала было Клара, но тут в дверной проём ввалился первый воин-зомби. Голова его тотчас слетела с плеч, снесённая саблей Тави, топор Ниакрис подсёк ему ноги, и дочь некроманта пинком вышибла мертвяка прочь, прямо в толпу его собратьев. Храм Мечей учил крепко: сбив нескольких зомби, торс пролетел весь уступ и рухнул вниз, в пропасть.

— Хорошо! — гаркнул Бельт, что-то со страшной

скоростью рисуя вокруг себя на полу. — Хорошо, но мало. Давай дальше, давай ещё!

Снизу подваливали новые и новые отряды зомби в ало-зелёном; справа и слева от каземата, где укрылись Клара со спутниками, орки уже вовсю отбивались из-за наспех заваленных дверей и узких щелей-окон.

Вслед за первым лезли новые мертвяки, и, пока двух из них Тави и Ниакрис успели изрубить в капусту, третий сунулся было прямо к Кларе; Сфайрат и Райна загородили волшебницу, но всех опередила маленькая чародейка Подгорного племени. В широкую чашу один за другим опрокинулись три пузырька, тёмно-синее смешалось с изумрудно-зелёным и песчано-жёлтым — Кларе показалось, что снадобья вобрали саму жизненную эссенцию моря, леса и берега — не мёртвой пустыни, но именно берега, кишашего рыбами и крабами, птицами и так далее.

Смесь забурила, словно кипя на незримом огне, и гнома с размаху плеснула её на подступающих мертвяков — подобно тому, что она проделала ещё в Аркине, вытаскивая одного не в меру горячего некроманта с эшафота на главной площади Святого города.

Снадобье подействовало тотчас, грудь и голова зомби таяли, испуская зловонный дым; размякшая плоть и растворившиеся доспехи оплывали вниз, словно слёзы горячей свечи.

Но за тремя первыми мертвяками уже протискивались следующие. В дело вступили Райна и Сфайрат, их мечи сверкнули вместе, и новые зомби упали; что, однако, не заставило следующих повернуть назад.

Что же ты замерла, Клара Хюммель? Давай, у тебя ещё остались артефакты, заваливавшиеся со времён Долины, а ты даже не шелохнёшься!

«Не могу. Он, зависший в небесах над разваливающимся островом, Он смотрит мне в затылок. Пристально, предвкушающе. Нет, это не поглощение души. Что-то иное, словно сломить именно меня, Клару Хюммель, было отчего-то донельзя важно.

Или это мне кажется? Или такое сейчас ощущают вообще все, остающиеся в живых обитатели Эвиала? Может, Спасителю нужно не просто явиться в мир, но сломить всех вместе и каждого в отдельности?»

— Бельт? — нашла она силы разлепить запёкшиеся губы.

— Ещё не сейчас, — последовал хладнокровный ответ. Клара взглянула — весь пол вокруг старого некроманта покрывала неправдоподобно аккуратная вязь странных рун.

— Не успеем, надо уходить. — Внешне Эйтери оставалась спокойна, но руки гномы судорожно тискали изрядно похудевшую сумку со снадобьями и боевыми эликсирами. У ног маленькой волшебницы выстроилась целая череда опустевших флакончиков и склянок.

— Разумное решение, но, как всегда, запоздавшее, — ехидно заметил новый голос.

Архимаг Игнациус шагнул из облака дыма внутрь помещения, глядя опешившей Кларе прямо в лицо и ядовито усмехаясь. Зомби послушно расступились перед чародеем, повинувшись одному небрежному жесту.

— Ну что, дорогая моя Клархен? Доигралась, допрыгалась? — Демонстрируя великолепное презрение, он повернулся к чародейке боком, выразительно глянув в бойницу. Дым уже отнесло, стали видны сотни и сотни зомби в алом и зелёном, торопливо карабкавшихся по лестничным маршам. — Идут подкрепления. Этих милейших созданий тебе не перебить. Мне жаль поверивших тебе, Клара. Ты привела их на верную смерть.

Спутники Клары дружно переглянулись и так же дружно сделали шаг вперёд, загораживая волшебницу. Сама чародейка словно окаменела, схватившись за руку Сфайрата, — и непохоже, что дракону это пришлось не по душе.

— Похвально, — со сдержанным одобрением заметил Игнациус. — Завидую, Клара. Не всем везёт иметь

столь храбрых сподвижников, готовых сражаться за тебя до последнего издыхания.

Райна не стала даром тратить слова. Немногословная, валькирия предпочитала действовать.

Игнациус скривился. Проделал руками сложный, вычурный и выпренный жест — Райна дёрнулась, выпустила меч, схватившись за правое предплечье, её щит загремел по камню.

— Сегодня не твой день, храбрейшая из храбрых, — издевался Игнациус. — И не твой, дракон в человеческом облике. И не ваш, сестры-убийцы. Сегодня — мой день, если кто ещё не догадался.

— Да неужели?

— Кто бы мог подумать? — хором выпалили Ниакрис и Тави.

— Неужели, неужели, — передразнил мессир Архимаг. — Впрочем, сегодня я добрый. Более того, предлагаю вам выгодную сделку. Ты, Клара, добровольно отдаешь мне Алмазный и Деревянный Мечи. А я выведу вас отсюда. Уберегу от Спасителя. — Он усмехнулся, вытащил из складок плаща маленький желтоватый череп, подбросил, словно мячик, снова поймал. — Сам не пойму, чего это меня так развезло? Стар стал, сентиментален.

Ниакрис и Тави мягко, по-кошачьи ступая, оказались по бокам от архимага.

— И не надо совершать... — начал Игнациус, однако в этот миг обе «сестры-убийцы» бросились на него. Архимаг ловко пригнулся, нацеленная в шею хозяина Долины сабля просвистела мимо, топор Ниакрис негодуя зазвенел, врезавшись в камни пола.

Секунду спустя прыгнул Сфайрат, широко размахнувшись клинком. Скрючившийся некромант Бельт наконец оказался у бойницы, что-то забормотал. Нечертанные им руны ожили, заизвивались по-змеиному, некоторые даже попытались сами ползти к ногам Иг-

нациуса. Тот выразительно поднял бровь — ползуны послушно отпрянули.

Клара же все не могла пошевелиться. Тело сковало словно ледяным панцирем, не шелохнуться, не поднять рубиновой шпаги, не говоря уж о зачарованных Мечах.

— Прикончим гада! — прорычал Уртханг, и его храбрецы не заставили приказывать им дважды.

Шердрада, другие орки напали решительно и без малейших колебаний. Клара знала, что это самоубийство, что сейчас их всех не станет, — и не могла даже крикнуть, останавливая безумный порыв. Мир перед глазами сжался до прищуренных, нехорошо усмешливых глаз мессира Архимага, и ничего, кроме этих глаз — да торжествующей злобы за ними, — уже не осталось.

Эх ты, чародейка. Против Игнациуса ты всё равно что деревенская девчонка против закованного в броню рыцаря. Что он сделал, как тебя обездвигил?

Сам мессир Архимаг не носил оружия. Мечи и прочие железки, предназначенные для резания, разрубания, протыкания или рассечения, он высокомерно презирал. И, надо сказать, не без оснований.

— Ка-акие мы смелые... — издевательски проблеял Игнациус, выбрасывая руку навстречу Шердраде. Хруст, треск, копьё отважной орки обращается в щепки, наконечник жалобно звякает, падая на камни. Клара понимала — все эти жесты не более чем игра, Архимаг откровенно забавляется. У него словно гора с плеч свалилась, вдруг поняла Клара. Что-то он провернул здесь, нечто поистине грандиозное. И теперь — торжествует.

Сфайрата и Райну Игнациус отшвырнул играючи. При этом он размахивал руками, выделявая карикатурные пассы, точно дурной колдун или впавший в невменяемость шаман. И это казалось странным — конечно, мессир Архимаг — чародей, каких поискать, но уж больно легко у него всё получается. Словно откуда-то к нему тянется ниточка настоящей, великой Силы.

Нет, не «ниточка». Грохочущая река, прорвавшая древнюю запруду. Игнациус словно замкнул на себя весь Эвиал, да так, что нипочём ему сейчас даже и сама Западная Тьма.

Тем временем, ошеломлённые неуязвимостью старого мага, орки подались назад. Мечи гнуло и ломало, копья щепились, щиты разваливались на части. Обезоруженная Шердрада кинулась на чародея с голыми руками — Игнациус с непостижимой и издевательской быстротой щёлкнул орку по лбу, и та со стоном отлетела прямо под ноги Кларе.

— Кирия... прошу вас... — Из носа Шердрады хлынула кровь.

Клара поняла, что ей следует, самое меньшее, сейчас умереть от нестерпимого стыда.

Рыча и подтягивая неподвижную, неестественно вытянутую ногу, отползал от чародея Сфайрат, его согнутый в дугу клинок валялся рядом. Лишившаяся щита Райна упала на одно колено, шлем слетел, отросшие за время путешествий волосы рассыпались по плечам.

— Отдай Мечи, милая Клархен, — лживо-ласковым голосом пропел Игнациус. Старый чародей даже не запыхался. — Отдай Мечи, и я выведу отсюда твой отряд. По-моему, это честная сделка. Девчонкам вроде тебя ещё рано играть в такие игрушки. Не пойму, чего ты упрямисься, — должна же понимать, что ни тебе, ни тем более твоим соратникам со мною не совладать. У меня, м-м-м, несколько прибавилось сил и возможностей, как ты, наверное, уже могла заметить. Ну-ну, храбрые орки! Ваши самострелы, конечно, вполне хороши, но вот пытаться продырявить мне пузо — это вы зря.

С этими словами, нимало не напрягаясь, Игнациус с лёгкостью взял прямо из воздуха один за другим три арбалетных болта.

— Вас, славные воины Волчьих островов, сия без-

рассудно-смелая чародейка, кою я помню ещё маленькой девочкой с косичками, завела в ловушку. Вам отсюда не выбраться. Ни самим, ни даже с вашей «кирией Кларой». Спаситель загребёт всех, до кого сможет дотянуться, а дотянуться он сможет, не сомневайтесь, до всех без исключения обитателей Эвиала, неважно, что они считают на предмет наличия у них пресловутых душ. Ваш единственный шанс — уйти вместе со мной. На вашем месте я бы... постарался уговорить кирию. Пусть не упрямится, пусть отдаст Мечи...

— Почему бы сильномогучему Игнациусу не забрать Мечи самому? — негромко проговорил Бельт, выступая вперёд. Старый некромант скрестил руки на груди; единственный из всех, он сейчас смотрел на Игнациуса прямо и без малейшего удивления. — Если, как уверяет сильномогучий, он сейчас совершенно неуязвим и непобедим?

Архимаг Долины бросил быстрый взгляд в бойницу — ряды воинов-зомби в ало-зелёных доспехах словно пробивались сквозь незримую топь, настолько замедленны сделались их движения.

— Ловко, — невозмутимо бросил Игнациус. — Ловко, господин некромант, хотя и не ново. Конечно, вся эта пирамида — одно огромное кладбище, тебе есть где почерпнуть силы, любезнейший. Однако ты выдержишь заклятье ровно столько, сколько я это позволю. Нет-нет, ничего разрушать я не намерен. Просто... немного подстегну этих лентяев. Ты здесь не один, кто может управиться с ходячими мертвяками.

— Сильномогучий уходит от ответа. — Бельт и глазом не моргнул. — Зачем он тратит слова и время, когда может...

— Потому что таков мой каприз. — Игнациус не скрывал раздражения. — Потому что я не хочу крови. Кого требовалось, я уже убил. Дальнейшее кровопролитие мне претит. Более того, вы, храбрые воины, и ты, некромант, и вы, сёстры-во-смерти — вы можете

мне пригодиться. У меня, видите ли, большие планы. Полагаю, все уже убедились в моей компетентности и способности осуществлять задуманное? — Маг наигранно подбоченился: — Так зачем вам гибнуть здесь, в обречённом мире? У меня есть средство, позволяющее остановить даже Спасителя.

«Не врёт», — с горечью подумала Клара. Игнациусу не требовалось блефовать. Он и впрямь победил. По всем статьям.

А как же «слово Боевого мага больше его жизни»? А как же... как же Сфайрат? Что с ним — дракон так и не поднялся, отполз к ногам Клары, шипя от ярости и боли.

Клара сама удивилась направлению собственных мыслей. Какое ей дело до этого... этого... имперсонатора, который... ой, ой, мама!

Щёки чародейки запылали, словно рдеющие угли.

Он же со мной... я же с ним...

Охвативший Клару жар грозил вот-вот спалить её — однако поддалась и сковавшая волшебницу ледяная броня. Чародейка шевельнула пальцем. Кистью. Ожил локоть — каждое движение обжигало, словно она касалась замороженного лютым холодом металла.

Дотянуться до эфесов. Только бы дотянуться до эфесов, а там мне помогут сами Мечи.

— Итак, я жду ответа. — Игнациус скрестил руки, надменно задрал подбородок. — Или — или. Спаситель скоро овладеет всею магией Эвиала, замкнёт её на себя и тогда, гм, придётся повозиться даже мне.

Краем глаза Клара заметила, как переглянулись Та-ви и Ниакрис.

Сёстры-во-смерти, как назвал их Игнациус.

— Позволено ли будет мне спросить сильномогучего, как же он собирается вырвать нас из-под власти Спасителя? — с прежней вежливостью осведомился Бельт.

— Позволено, позволено, — самодовольно бросил

маг. — Сегодня такой день... хочется побыть как все. Просмаковать победу. Рассказать, как она творилась. Вот. — Узкая ладонь Игнациуса змейей скользнула за пазуху. — Я это вам уже показывал, но, увы, тщетно. Вы не прониклись. Что ж, придётся объяснять доходчивее. Это, мои дорогие, череп Его сына. Его нерождённого сына.

Клара изо всех сил старалась не замычать и не застонать от боли, не дёрнуть щекой, не прикусить губу — ледяная броня таяла, но медленно, слишком медленно!

...А мессир-то Архимаг у нас, оказывается, тоже баловался классической некромантией. Недаром так тщательно запрещал её изучение в Долине. Череп действительно мог многое. Настолько многое, что Клара зажмурилась в ужасе.

— Череп Его нерождённого сына, — повторил Игнациус, явно довольный произведённым эффектом. Все, даже неустрашимые орки, даже Тави и Ниакрис, даже Сфайрат — все содрогнулись от показавшейся им на миг свирепой мощи, заключённой в крошечной вещице.

Все. За исключением старого некроманта Бельта.

— И что же сильномогучий собирается сделать с этой... с этим, бесспорно, сильнейшим артефактом? Потребуется длительные ритуалы, особое положение звёзд и планет, редкие ингредиенты — чтобы череп явил подлинное могущество.

— Ты рассуждаешь, как деревенский ветродуй, — высокомерно хмыкнул Игнациус. — Как неграмотный сельский погодник, только и способный, что вызывать дождь или отгонять от полей саранчу. Мне не требуется никаких причиндалов ритуальной магии, чтобы освободить силу черепа. Право, не знаю, зачем я тебе это говорю, всё равно не поймёшь...

— Ну, почему же. — Бельт демонстративно взглянул в бойницу. — Кажется, Спаситель вот-вот ступит

на твёрдую землю, так что, если апокрифы таки не лгут, тут-то и начнётся настоящее светопреставление.

— Короче, — поморщился Игнациус. — Приятно поговорить о себе, любимом, в минуты триумфа, но они проходят, а дела остаются. Клара Хюммель! Согласна ли ты отдать Мечи добровольно?

Чародейка ощутила, как по щекам сбежали вниз горячие капли. Она плачет? Она, неустрашимая Клара Хюммель?!

Ей некуда деваться. Спаситель наступает. Они — пленники ужасного, отвратительного, заражённого Тьмой мира. У них и впрямь нет выхода. Если отдать Мечи Игнациусу, он, наверное, и впрямь спасёт...

— Нет.

Кто это сказал? Неужели она, Клара? Да ещё таким твёрдым, решительным голосом, словно за её плечами целый легион волшебников, не уступающих мессии Архимагу? Или это её глупое упрямство, то самое, что твердило про «слово Боевого мага», и в самом деле заставив поверить, будто оно — больше самой жизни?

И не только её, Клариной, жизни.

— Нет.

Брови Игнациуса взлетели вверх.

— Очень жаль, — выдохнул он и, похоже, искренне. — Мне не хотелось бы убивать тебя, Клархен, а теперь придётся. Да и Мечи жаль. Они, похоже, успели к тебе привыкнуть. Вырывать их у тебя силой — лишиться немалой части их могущества — видишь, насколько я откровенен. Но... ты не оставила мне иного выхода.

— Нет! — взвизгнула вдруг Тави, бросаясь наперерез чародею. — Великий маг, прости нас! Прости и помилуй! Я не хочу умирать здесь, я ещё так молода! Возьми меня с собой, великий!

— Сестра! — У Лейт вырвался не то стон, не то вскрик.

— Тави! — отшатнулся Бельт.

— Я не хочу умирать! — с отчаянием выкрикнула

ученица Вольных, делая шаг к Игнациусу и бросаясь на колени. — Меня слишком долго таскали с собой как простую мечницу! Я не хочу больше так! Не хочу!

— Гм. Кажется, я не напрасно разбрасывал тут плоды своего красноречия. — Игнациус внимательно взглянул на коленопреклонённую воительницу. — Кажется, кажется... ты говоришь правду. — Глубоко посаженные глаза буравили Тави из-под косматых бровей. — Что ж, разумно. А я тебя не забуду. В отличие от остальных. — Он довольно потёр сухонькие ладошки и мелко захихикал.

Свист клинков Клара услышала уже много после прыжка Ниакрис. Отброшенная в самом начале боя, дочь некроманта прыгнула, проскальзывая, наверное, между частицами самого времени, распластанной тенью, размазанной чертой; её железо успевало пронестись, а распоротый воздух ещё не успевал и застонать.

Игнациус уже не смеялся. С неожиданной резвостью мессир архимаг скакнул наружу, левой рукою указывая на Тави. Ученица Вольных слабо ахнула, вздёргнутая на ноги невидимой рукой. А затем оба её клинка, коротко взблеснув, сшиблись с оружием Ниакрис.

— Сестра... — вновь выдохнула Лейт. Выдохнула совершенно обречённо. И — лицо её оцепенело, превратившись в стальную маску-забрало. Чувства и память уходили, уступая место боевому умению.

— Убей её! — резко выкрикнул Бельт. — Она нас предала!

Прошедшая Храм Мечей, сражавшаяся с монахами, Охотниками за Свободными, одолевшая орды скелетов и зомби в замке собственного отца, Ниакрис билась холодно, обдуманно и точно. Если, чтобы достать Игнациуса, надо убить Тави — что ж, она её убьёт. Это просто ещё одно испытание. Как те три убийства, обязательные для ученика, прежде, чем он станет настоящим воином Храма...

Остальные мысли Ниакрис загнала глубоко-глубоко — чтобы не докопался даже проныра Игнациус.

Так и не страхнувшая оцепенение до конца, Клара Хюммель могла лишь беспомощно наблюдать за сражающимися. Игнациусу, гаду, это, похоже, доставляет истинное наслаждение. Как же он любит марионеток, этот старый червяк, превыше всего прочего, даже внешних атрибутов власти...

Тави отступала, гнулась, уклонялась — но неистовая атака Ниакрис не оставила на ней даже царапины. Сталь высекала искры, ученица Вольных отступала мелкими шажками, но не поддавалась. Невольно отодвинулся к дверному проёму и Игнациус, на лице его по-прежнему играла самодовольная улыбка.

Сфайрат судорожным рывком оказался сбоку от чародея, Игнациус презрительно отмахнулся — дракона словно ветром вышвырнуло наружу, он попытался удержаться на краю уступа, пальцы судорожно вцепились в камень — и сорвались.

Клара дёрнулась, внутри у чародейки словно что-то оборвалось. На её глазах Аветус Стайн погибал второй раз; в этот миг волшебница и не вспоминала, что под личиной сгинувшего любимого кроется исполинский дракон с агатово-чёрной бронёй.

Клара дёрнулась — но ледяная броня всё ещё держала. Отвратительное бессилие, наверное, хуже смерти.

Как же так? — бились суматошные мысли. Почему это так? Аветус... это же он, он до мельчайшей чётрочки... и не он, это дракон, я знаю... пощадивший меня дракон, дракон, любивший меня...

Любивший. Как бы то ни было — любивший. Или... любящий? Может, он всё-таки не...

Ты окончательно обезумела. Проси Райну добить тебя, чтобы быстро и без мучений.

— Я жду, Клара. — Игнациус выразительно поднял руку. Перед магом свистела и терзала воздух злая сталь, Ниакрис и Тави рубились так, что с лезвий дождём сы-

пались искры — а мессир Архимаг смотрел только на Клару. На неё одну.

— Нет.

Слово Боевого мага больше его жизни. Таков закон.

— Надо же. — Владыка Долины, похоже, выражал удивление исключительно в насмешку. — Госпожа Хюммель решила-таки героически погибнуть. Вместе с остальными, кого она привела сюда за собой. Но госпоже Хюммель до этого дела нет. Она заботится лишь о собственной чести. Ого!..

Возглас относился к Ниакрис: дочь некроманта выбила у Тави одну из сабель, клинок отлетел под ноги неподвижной Кларе.

— Прикончи её, Лейт! — каркнул Бельт. — Хоть одним врагом, да меньше!..

Тави зашипела, оттолкнулась свободной рукой, подскочила кошкой, вновь загораживая Игнациуса. Клара заметила, как чародей предусмотрительно отодвинулся, словно не доверяя до конца новоявленной защитнице.

Дочь некроманта больше не мешкала. Тупой конец топорища прятнул Тави в лицо, заставил отклониться; в тот же миг свистнуло лезвие, сталь прошла в одном пальце от виска ученицы Вольных; а та, сложившись в немыслимом пируэте, точно складной ножик, на вид совсем-совсем легко чиркнула остриём сабли поперёк груди Ниакрис.

Дочь некроманта упала без звука, без стога. Кровь расплескалась по полу, брызги долетели до сапог мессира Архимага.

Игнациус поднял бровь, взглянул на тяжело дышащую Тави по-новому, с искренним удивлением.

— Вот ведь... — протянул он. — Что ж, спасибо, заступница. Я справился бы и сам, но...

— Теперь вы меня ведь возьмёте, возьмёте ведь, правда?! — Тави тряслась, словно в лихорадке.

— Возьму. — Игнациус растянул губы в улыбке, гла-

за оставались холодны. — Только сперва заберу Мечи. Итак, Клара...

Некромант Бельт, казалось, оцепенел, глядя на распростёртое тело дочери. Горестно охнув, к упавшей бросилась Эйтери, орка Шердрада, рыча от ярости, метнулась к торжествующей Тави — та отшибла орочьё копьё в сторону, взмахнула эфесом сабли, угодив храброй северянке точно между глаз. Та обмякла, кулём повалившись на пол.

Остальные орки из последних сил сдерживали напор зомби, что упрямо пытались пробиться внутрь каземата.

— Вот и всё, Клара. Не помогли тебе ни шпага, ни ручной дракон, ни даже сами Драгнир с Иммельсторном. Отдай их мне, и все останутся живы. Даже она. — Он кивнул на застывшую в луже крови Ниакрис — над ней уже хлопотали орки вместе с Эйтери. Архимаг не препятствовал.

— *Ат эллемим элоим!* — прошипел согнувшийся в три погибели Бельт, и все его руны разом вспыхнули. Оживая, напоённые пламенем знаки отрывались от пола и причудливыми пауками устремлялись прямо к Игнациусу; часть обратилась на воинов опрокинутой пирамиды, втягиваясь под шипастые панцири, облепляя уродливые головы, забиваясь в рот, ноздри, уши...

Архимаг дёрнул щекой, левая ладонь сжалась в кулак — и добежавшие до самых его сапог пламенные знаки погасли, рассыпаясь серым пеплом. Зомби оказались куда менее удачливы, письма Бельта вгрызались в них, словно злобные псы, отваливались руки и ноги, головы катились под ноги оркам страшными мячами, и каждый распавшийся мертвяк давал жизнь десяткам новых рун, сплошным потоком устремляющимся прочь, на широкий уступ, где толпились сотни воинов в алом и зелёном.

Игнациус усмехнулся:

— Неплохо, старик. Ловко, как я уже говорил. Для

деревенского колдуна — так даже отлично. Вот только меня этим не проймёшь. Ну, Клара, ты отдашь Мечи или будешь смотреть, как я одного за другим перебую всех твоих друзей?

Перебьёт, как есть перебьёт — мысль металась птичкой в клетке.

— Отдай Мечи! — Сжатый кулак патетически нацеливается в грудь Бельту; кто-то из орков нажимает на спуск арбалета, но тяжёлая стрела вспыхивает в воздухе. — Отдай Мечи, Клара! И все останутся живы, говорю тебе.

Между ним и чародейкой оставалась только Райна; даже орки подались назад, тем более что пылающие руны Бельта оттеснили мертвяков от бойниц каземата.

— Только не отвечай «нет» в четвёртый раз, — ухмыльнулся Игнациус.

Почему я стою? Почему даже расплескавшаяся по полу кровь Ниакрис не заставляет меня шевельнуться? Лёд тает, но медленно, слишком медленно!

Архимаг вновь улыбается. И делает последний шаг.

Перед ним оказывается Бельт, руки старого некроманта воздеты, с пальцев, шипя по-змеиному, срываются огненные знаки — кажется, это вытягиваются, вырываясь из плоти, сами кровонесущие жилы. Один из таких знаков хлестнул вытянувшимися отростками-лапками Игнациусу по щеке, и мессире Архимагу изменило его всегдашнее хладнокровие.

Что он сделал — Клара понять не успела. Бельта словно сдавила невидимая длань, круша кости и выживая кровь. Торс в единый миг превратило в тонкую спицу, руки сломались, невредимой осталась только голова да ещё ноги.

Бельт ещё успел улыбнуться Кларе. И умер.

— Уйди, Райна...

— Нет, — тряхнула волосами валькирия.

— Райна, — укоризненно проговорил Игнациус. — Я же помню тебя с первого дня в Долине. Столько вме-

сте, ты столько сражалась под моим знаменем. А теперь ты, Древнейшая, по сравнению с кем мои тридцать веков — лишь исчезающий блеск, готова погибнуть по капризу этой взбалмошной девчонки? Я люблю тебя, Райна. Пожалуйста, не заставляй меня поступить с тобой так же, как вот с ним. — Кивок на изуродованные, обезображенные останки Бельта.

— Ты не понимаешь, — покачала головой воительница, отбрасывая всегдашнюю почтительность. — У меня осталось немного. А именно — честь. Я видела Боргильдову битву, Игнациус.

— Не только честь, но и жизнь, — сухо заметил чародей. — У мертвецов нет чести. Ничего нет. Они — просто начинающее протухать мясо. Некоторые воняют сильнее, некоторые слабее. Но им самим уже всё равно. Или ты надеешься встретить в посмертии своих сестёр из Высокого зала, внимавших речам Отца Дружин?

Райна только улыбнулась:

— Не тебе судить, на что я надеюсь, маг. В конце концов, ты сам признал, что твои тридцать веков — ничто по сравнению с моими годами.

...Заклятье Бельта очистило уступ от мертвяков, огненные знаки продолжали своё дело на нижних ярусах, но чары постепенно затухали, верно, им требовалось поддержание от их наложившего. Скоро неупокоенные пойдут на новый приступ.

...А отец Этлау так и дрожит в своём углу. О преподабном, похоже, все забыли.

Райна стоит, крепко расставив ноги. Валькирия улыбается, и в её улыбке Кларе чудится отражение совсем иных миров и времён, когда боги действительно были богами — суровыми и твёрдыми, точно старые мечи, выкованные из грубого железа: не для красоты, для дела.

Игнациус досадливо трясёт головой.

— Мне и правда недосуг. Спаситель не шутит и шуток не понимает. Я вижу, число тех, кого я мог бы вы-

вести, существенно сократилось. — Кивок на неподвижную Ниакрис, оттащенную в глубь каземата орками Уртханга. — Минус она, минус дракон, минус старик-некромант... Эх. Ладно. Нет, пожалуй, Райна, я не стану тебя убивать. Хватит крови. Да и служила ты мне исправно.

Взмах бледной руки — валькирия гнётся, словно под жестоким ветром, но удерживается на месте. Игнациус не может скрыть удивления:

— Вот даже как?

— Валькирии способны на многое, — ровным голосом отвечает Райна, — в свой последний бой.

— Опять эта патетика, — морщится Игнациус. — Что ж, прости, воительница. Ничего не имел против тебя, и потому... Нет, милая моя Тави, не стоит. Райна тебе не по зубам. Не на...

Ученица Вольных не послушалась. Свирепый, нерассуждающий взгляд был устремлён на валькирию, глаза в глаза, единственная сабля нацелена в горло воительницы, не защищённое кольчужной сеткой; но в прыжке тело Тави вдруг развернулось, правая рука рубанула наискось — и отнюдь не Райну.

— А-ы-ых... — только и выдавил Игнациус, когда клинок мельинки распорол ему плечо и грудь. — Ы-хррр... — Из раны выплеснулась волна крови, чародей стал оседать, заваливаясь на бок. Тави по-кошачьи изогнулась, замахнулась вновь, чтобы наверняка, чтобы срубить голову, но тут окровавленная рука Игнациуса метнулась к ней, вцепилась в горло, а сам Архимаг, несмотря на распоротую грудь и хлещущую кровь, рванулся наружу; копьё валькирии пробило ему левое плечо, оно обязано было пройти сквозь сердце; ещё миг — и чародей рухнул вниз, увлекая за собой Тави.

Последнее, что видели бросившиеся следом Райна и орки — две накрепко сцепившиеся фигурки, падавшие в бездонную пропасть. Что-то мелькнуло — последний луч света на острие Тавинового клинка, прон-

жившего Игнациуса насквозь и высунувшегося из спины мессира Архимага.

И — всё. Тьма сомкнулась над ними, словно непроглядная вода.

Ледяная броня, сковывавшая Клару, исчезла.

Чародейка и валькирия снова были только вдвоём, если не считать орков и Этлау. А над ними, в небесах, спускался и уже почти достиг истерзанных камней острова Спаситель.

Спаситель-во-Гневе.

* * *

Сильвия, конечно, не видела, как протекала схватка в казематах. Однако то, как окровавленный Игнациус вывалился из дверного проёма, вцепившись в горло Тави и волоча за собой мельинскую воительницу, она разглядела во всех подробностях.

Вот так так. Всесильный мессир Архимаг — и побеждён, хоть и сумел захватить с собой своего убийцу; а до этого сбросил туда дракона.

Сильвия знала, что именно дракона, не человека — быть чудовищем и Хозяйкой Смертного Ливня имело свои преимущества: чудовища видят намного больше людей.

Ты остался один, Спаситель. Конечно, там, внизу, ещё суетятся Райна с Кларой, но они меня не очень интересуют. Я здесь, чтобы нанести последний удар: знаю я этих магов, даже пронзённые насквозь, они обнаруживают порой удивительную живучесть. По себе знаю.

Сколько ж мрази и мусора кануло в эту бездну! Все эти силы, силищи и тому подобное; все, кто привык сметать людей, словно пылинки, кто привык ступать по мирам так же, как мы говорим — «ступать по головам»!

Что ж, оно и к лучшему. Смертный Ливень готов, он исполнит последний приказ Хозяйки. Последний —

потому что Эвиалу, как миру, приходит конец, а она, Сильвия, никогда не умела сама бродить по тропам Межреальности.

Удивительно, но она не боялась. Спаситель, медленно спускавшийся к земле в ауре сгустившихся кровавых облаков, казался просто дурным актёром, переигрывающим в античной драме. Тит Оливий, великий имперский трагик Мельина, приказал бы такого лицедея гнать из своего театра плетьюми.

Иди, иди сюда, заклинала Сильвия. Спускайся пониже, ты, ходячая маска. Ты — совсем не то, во что верят простые пахари Мельина, совсем не то, чьим именем добрые священники порой творили простые, но действенные чудеса — скажем, помогали вдове растянуть на целую зиму единственный мешок муки. У меня нет к тебе жалости. Нет и страха — чудовищу, вроде меня, нечего бояться. Спускайся же, спускайся!..

* * *

— Она умерла как истинная валькирия. — Райна сняла шлем и опустилась на одно колено у самого края уступа. — Мы ведь все поверили. Все, кроме Ниакрис.

Клара отвернулась — глаза невыносимо щипало, слёзы так и рвались наружу.

Тави. Притворившаяся предательницей, готовая к тому, что её убьют друзья, если план хоть в малости не удастся.

Ниакрис. Первая всё понявшая и разгадавшая — и решившая подыграть, даже такой ценой.

Может, искусство гномы-врачевательницы её и спасёт — на краткий срок, потому что Спаситель — вот он, совсем рядом. Подруга Аглая частенько пыталась обратить её, Клару, в свою веру — зачитывая, в числе прочего, и «свидетельства о последних днях». Предание утверждало, что Спаситель должен «поставить стопу свою» на землю обречённого («погрязшего в гре-

хах») мира — только тогда Он обретёт над этим миром полную власть. Так ли это?..

— Эй, монах!

Этлау больше не дрожал. Скулы отца-инквизитора заострились, глаза — ввалились, словно он не ел по меньшей мере два месяца, но смотрел он прямо и взгляд не отводил.

— Что угодно могущественной чародейке?

— Какие политесы... Отвечай, монах — что можно сделать с Ним? И... что Он сделает с нами? Согласно твоим священным книгам?

Этлау бледно усмехнулся. Опрокинутая пирамида, после того, как Игнациус и Тави сорвались вниз, словно бы поперхнулась — зомби не пытались наступать, и молнии с огнешарами больше не секли камень верхних ярусов. Там, в глубине, куда канули драконы, начиналась своя битва, и назойливых орков, похоже, просто оставили в покое. На время.

— Когда-то я был уверен, что знаю о Нём всё. Сейчас — я признаюсь, что не знаю о Нём ничего.

— Большое спасибо. Ты мне очень помог, монах. — Злая ирония призвана была заглушить вдруг прорвавшуюся в сердце пустоту.

Дракон Сфайрат, гнусный обманщик, укравший облик её погибшего возлюбленного, мерзкая змеючая тварь, так и не взлетел над ярусами гибнущей пирамиды. И осознание этого вдруг заставило Клару на миг позабыть даже о Спасителе.

— Чего уж тут. — Преподобный пожал худыми плечами. — Спасителя не остановить. Он обречён на победу. Все, дерзнувшие противустать Ему, падут. Причём не обязательно от Его длани. Нет. Они падут, потому что таков естественный порядок вещей. Как вода течёт вниз по склону, а не вверх, так и Спаситель — побеждает, ибо таково естество. Определённое, само собой, Им же, Спасителем, произнесёнными пророчествами.

— Замечательно, — криво ухмыльнулась Клара. — А нам что остаётся?

— Пасть с оружием в руках, лицом к лицу с врагом, как подобает воинам, — словно само собой разумеющееся, произнесла Райна.

— Прекрасно сказано, доблестная воительница. — Этлау поклонился с неожиданным достоинством, коего никто не ожидал от ещё совсем недавно дрожащего в углу тощего и лысого человечка с единственным глазом. — Но, мне кажется, у нас есть кое-что получше.

— Например?

— Сразиться с оружием в руках и победить, — улыбнулся инквизитор.

Клара, Райна и присоединившийся к ним Уртханг только и смогли, что разинуть рты.

— Ты знаешь, как одолеть Его, монах?

— Если бы я *знал*, могущественная волшебница, то, наверное, уже занимал бы Его место.

Глубины опрокинутой пирамиды внезапно содрогнулись, казалось, застонали даже камни.

— Некромант Неясыть, — понимающе кивнул Этлау. — Никогда не сомневался в его способностях.

— И потому затащил его на эшафот? — В дверях появилась нахохлившаяся Эйтери. Рукава гномы по самые плечи были испачканы кровью. — Она будет жить, эта девочка. Тави, — маленькая чародейка всхлипнула, не таясь, — она всё сделала правильно. Рана страшная на вид, море крови, но главное не задето. А все поверили, даже этот ваш Архимаг... даже я. На чуть-чуть, — тотчас поспешила она оправдаться, хотя никто, конечно, в её оправданиях не нуждался.

— Всё это неважно, доблестная гнома. — Этлау кивнул на приближающегося Спасителя. — Вот у Него своё мнение по поводу того, кому жить, а кому — нет. Мы среди последних. Как Он считает.

— И что же ты предлагаешь, монах? — Как всё-та-

ки болит сердце. И глаза. Так хочется заплакать, прижаться щекой к камням и взвыть в голос.

Потому что он, обманщик Сфайрат, *был* Аветусом Стайном. И она, Клара, не распознала подмены.

— Спасителя не победить силой оружия. Но кто-то попытался. И... ранил Его. Я чувствую надлом, милостивая госпожа Клара. Думаю, ты, многомудрая гнома, тоже.

— Надлом... — Сотворяющая задумалась. — Не знаю, инквизитор. Его сияние ослепляет... мы, Подгорное Племя, никогда в Него не верили и Ему не поклонялись... за небольшим исключением.

— Надлом есть, — уверенно заявил инквизитор. Он больше не дрожал, словно на что-то решившись. — Вот уж не думал... но после того, что Он со мной сделал... на какой союз пошёл...

Речь инквизитора становилась всё более бессвязной, на бледных щеках проступили лихорадочно-алые пятна.

Клара с тоской огляделась — над краями опрокинутой пирамиды во множестве мест поднимался дым, зажжённые драконами пожары не утихали, хотя, казалось бы, чему так долго гореть среди сплошного камня?

В сошедших с ума небесах над медленно спускающимся Спасителем бесились багряные облака, стянувшиеся к Утонувшему Крабу со всех сторон света. С багрянцем смешивался тёмный жемчуг облаков пара, поднимавшихся с поверхности кипящего океана; что творится ещё дальше в море, Клара, конечно, не видела. Оставалось лишь гадать.

И всё-таки Спаситель спускался заметно медленнее. Существенно медленнее. Брови гневно сдвинуты, но за яростью читается и боль. Странно — разве может такое создание её испытывать?

Надлом, сказал этот странный инквизитор. Кто-то дерзнул выступить против Него. Что случилось с храбрецом — или храбрецами, — нетрудно догадаться. Од-

нако чем-то они Его достали, какое-то оружие таки оказалось действенным. И, наверное, недаром Он не может в один миг очутиться на земле. Спаситель точно пробивается сквозь незримую преграду — не оттого ли так медленны Его шаги? Или есть что-то ещё?

«Помни, всемогущих не существует, — поучал тогда ещё совсем юную Клару Хюммель душевный добряк и любимый — в те времена — наставник, а именно — мессир Архимаг Игнациус. — Если сила представляется тебе именно всемогущей и бездействует, то она или не всемогуща, или подчиняется неким законам высшей категории». Не ахти какое откровение, но сейчас подходит.

Что сдерживает тебя, Спаситель? Ты уже здесь, в Эвиале. Так что же? Что?!

...Твой знак — перечёркнутая стрела — на достопамятной скрижали, разрубленной мечом Сильвии. Скрижали, как я теперь знаю, сдерживали Западную Тьму. Но когда и как на них появились Твои символы, Спаситель?

Клара затаила дыхание, забывая сейчас обо всём, даже боль в сердце куда-то отступила — чародейке казалось, что она застыла, покачиваясь, на краю, ещё шаг — и всё, ей откроется истина.

Скрижали несут на себе отпечаток силы Спасителя. Они сдерживают Западную Тьму. А что, если для последнего рывка Ему нужен встречный удар? Окончательный прорыв той самой Тьмы, кою либо запер Он сам, или же заперли Его именем?

Что, если Он ждёт именно этого? Этого прорыва, после чего у Эвиала не останется даже призрачной надежды?!

Пророчества Разрушения. Высвобождение Западной Тьмы...

...Её, Клары, лицо в чёрной туче над погибшим Арвестом...

Но Западная Тьма надёжно скована. Да, скрижали

разрублены, но мрак не ринулся на Восток всесокрушающим потоком. Так почему же должен устремиться именно сейчас?

Если только эту Тьму не выпустят на свободу. Намеренно или случайно.

Кэр!..

Словно отвечая чародейке, из глубин донёлся новый удар, отзвук прокатился по ярусам и пирамидам, обрушивая уцелевшее после драконьей атаки. Багряные тучи закручивало спиралью, словно их затягивала в себя зияющая пропасть исполинского конуса, врезавшегося в плоть Эвиала, словно копейное наверхие.

Забыв об осторожности, орки Уртханга выбирались наружу, изумлённо глядя вверх. Не все могли выдержать взор Спасителя-во-Гневе, некоторые даже опустились на одно колено, словно благородные нобили перед королём; Кларе захотелось крикнуть, что Он не заслуживает подобных почестей, что Он пришёл сюда просто пожирать и что такому не кланяются, но в этот момент из пропасти донеслись тяжёлые хлопки широких кожистых крыльев. Сердце у Клары оборвалось, она бросилась к краю уступа.

Из тёмных глубин опрокинутой пирамиды медленными и натужными взмахами поднимался огромный чёрный дракон. Перепонки надорваны, некогда блестящая чешуя брони пробита в нескольких местах, и в бездну тянутся тонкие кровавые шлейфы.

Но исполинские чёрные полотнища мерно вздымаются и опускаются, несмотря ни на что. Дракон летит, выбираясь из жадной, всё поглощающей бездны, и в пасти его хлопочет пламя, готовое вырваться наружу истребительным потоком.

— Аве... — вырывается у Клары, и она вынуждена сморгнуть — потому что в глазах стало совсем мутно от подступивших слёз.

«Не так-то легко меня прикончить, Клара. — Голос в её сознании был тоже голосом Аветуса Стайна. — Что

дальше, чародейка? Решай, и поскорее, пока я ещё могу летать!»

— Смотрите, кирия. — Райна нагнулась, подбирая что-то с окровавленных плит.

Череп. Крошечный череп нерождённого ребёнка. Желтоватый и блестящий, страшная игрушка магов, не дающих несчастному покоя уже столько веков после смерти.

А вот у неё самой детишек так и не случилось...

Хотя она может. Да-да, может. В триста человеческих лет от роду. Одно из маленьких преимуществ мага Долины.

Спаситель замер в какой-нибудь сотне шагов от Клары, неподвижно зависнув над землёй. За Его спиной, высоко в небе, бешеным круговоротом мчались багровые тучи, завывали ветры, разрывая в клочья валяющийся из развалин опрокинутой пирамиды дым; однако вокруг Клары воздух застыл в тяжкой, давящей неподвижности.

«Решай, чародейка! — вновь прогремело неслышимое другими. И вновь, уже куда мягче: — Я мечтал об этом. Много десятилетий. Выйти на бой с тобой плечом к плечу...»

— Никогда не думал... — бормотал тем временем Этлау, не отрывая взгляда от недвижимого Спасителя. — Что узрею... собственными глазами... Его, который... — Он внезапно сорвался на визг: — Который меня изувечил! Который меня продал! Меня и всех остальных!..

Скрюченные пальцы инквизитора вцепились в замызанное одеяние — на груди, там, где следовало висеть перечёркнутой стреле, символу Спасителя.

— Орче! Капитан! Нет ли среди твоих хоть одного, кто бы в Него веровал? — громким, но нежданно твёрдым голосом окликнул Уртханга инквизитор.

— Ну у тебя и вопросы, святоша, — проворчал предводитель орков. — Нет у нас таких! И быть не может!

— Тогда пусть поищут среди добычи — мне нужна стрела со крестом! Немедля!

— Поглядим, — без запинки отозвался Уртханг, делая знак нескольким воинам. — А ну, храбрецы, живо! В эдакой свалке чего только не сыщется...

— А тебе, Клара, придётся Его сдержать. Пока я тут всё не устрою. — Этлау метнулся обратно в каземат.

— Стой, монах, стой! Ты чего задумал, говори?!

— Чего задумал? Скоро увидишь.

— Тьфу, пропасть, нашёл время загадки загадывать! — яростно выпалила Клара. — Ты знаешь, что Он не получит полной власти над Эвиалом, пока Тьма не освободится? Ну, или, по крайней мере, получит — но не сразу?

«Она права, монах, — прогудел Сфайрат, обращаясь разом и к Этлау, и к чародейке. — Перед Ним ещё один барьер. Я тоже чувствую».

— Значит, если Тьма не прорвётся, Он ничего не сможет сделать? — Райна сощурилась, оценивая, глядя на Спасителя.

— Сможет, доблестная воительница, — отозвался изнутри Этлау. — Думаешь, Он зря поднимает мёртвых?

— А зачем Он их поднимает? — Райна не притворилась всезнающей.

— Чем больше ходячих трупов увидят добрые поселяне, тем сильнее станут призывать Его, — разъяснил инквизитор. — Об этом в Священном предании тоже говорилось... не впрямую, правда. «Зов верных». После того, как Он сокрушил бы тех, кто встал против него с оружием. И после мора. Которого, правда, не было. Спаситель — или Его апостолы — пророчествовал о судьбах мира. Сейчас эти пророчества исполняются.

— Но можно ли этому верить?

— В Писании многое оказалось не так, что верно, то верно, — согласился Этлау. Голос его звучал приглушённо. — Но среди лжи и полуправды обязана скрываться и истина. Победу Ему дарует всеобщий призыв.

Всеумоление. Могу себе представить, как рыдает и воет сейчас народ в Эгесте или там в Семиградье!

— Не понимаю, — покачала головой валькирия. — Но всё-таки, если Тьма не вырвется...

— То случится всё то же самое, только медленнее, — раздражённо отрезал Этлау. — Не мешай мне, храбрейшая.

Он ошибается, подумала Клара. Инквизитор во многом прав, но здесь напутал. Мёртвые и ужас, всеумоление — это просто Его оружие. Пока Тьма скована, Его власть не станет всеобщей. Он может «спасти», лишь когда мир не просто «на краю гибели», но только если окажется «за краем».

Череп. Маленький череп нерождённого ребёнка, с холодной жестокостью вырванного из материнского чрева, — Клара поёжилась, несмотря на всю выдержку. Игнациус надеялся именно на него, в случае, если Спаситель решит поприспальнее взглянуть именно на мессира Архимага. Вырванный, кстати, кем — жуткими злодеями, любителями страшных и кровавых ритуалов, или же теми, кто понимал истинность принципа меньшего зла и брал на себя непрощаемую вину в надежде получить оружие против Спасителя?

Откуда у простой кости такая мощь? Почему Игнациус так на неё надеялся?

И что задумал Этлау?

...Далеко внизу вновь замелькало красное и зелёное — мертвяки, выполняя раз отданный приказ, с муравьиным упорством лезли вверх по полуразрушенным маршам. Заклятье Бельта истаяло; старый некромант отбросил врага далеко назад, но полностью не истребил (да и, наверное, никто бы не смог).

Клара немалым усилием оторвала взгляд от Спасителя. Слушай, чародейка, слушай. За тобой — Эвиал, целый мир, а спасать миры — это, как всем известно, особый талант магов твоей славной Гильдии.

...И сейчас Эвиал действительно исходит последним предсмертным стоном.

Из Аркина, Святого города, по окрестным землям разливается серая тьма. Это ещё не прорыв того ужаса, что на западе, но его начало, провозвестник, предтеча.

По суше и по морю — всё едино — маршируют ряды поднятых Спасителем мертвецов. Пусть это лишь обряд, часть сложного ритуала — бедным поселянам от этого не легче.

Прииди, Спаситель! Прииди, ибо настал последний час! — раздаётся крик от океана и до океана.

Окровавленный Сфайрат опустился рядом с Кларой, нагнул гибкую шею, заглянул прямо в лицо чародейке удивительными кошачьими глазами, с узкими вертикальными зрачками-разрубами.

«Ничего не поделаешь, Клара. Надо идти. Туда, к Нему».

— Сейчас, сейчас пойдёте, — донёсся голос инквизитора. — Вот только костерок разожгу...

— Что он несёт, Райна, какой костерок?!

— Костерок, — повторил Этлау. Из глубины каземата голос его звучал глухо. — Одну штуковину... запалить требуется. Не сейчас, правда, ещё не сейчас...

— Пока вы тут разглагольствуете, — злобно прорычал Уртханг, — глядите-ка, кто к нам опять на блины собрался!

— Вам покойник-Бельт уже говорил, что надо держаться? Ну, так и я теперь повторю, — огрызнулся Этлау. — Не за себя дерёмся, зеленокожие, и даже не за Волчьи острова! За весь Эвиал, как ни крути.

— Крутить — это я уж сам как-нибудь, — не остался в долгу орочий предводитель.

— Хватит! — рывкнула Райна. — Смотрите, там, наверху!..

Снизу надвигались зомби Империи Клешной в красно-зелёном — считай, враг уже привычный. А сверху, от разрушенного драконьим ударом венца малых пирамид надвигалась новая угроза: бесчисленные се-

рые ряды, утопленники, вырванные силой Спасителя из крепких объятий моря.

— Значит, Ты и этим не брезгуешь?! — яростно прошипела Клара, заставляя себя взглянуть прямо в нечеловечески спокойное лицо Того, кто явился судить и спасти Эвиал.

Некромантия. Высшая некромантия. Спаситель — отец и прародитель всех, кто балуется с ходячими трупами, — пронеслась вереница суматошных мыслей. Нет, нет, что я — некроманты были всегда, в самой глубокой древности, а вот Спаситель появился не в начале начал, хотя Аглая Стевенхорст с этим бы не согласилась.

— Продержитесь! — послышался голос Этлау. — А потом — ты, госпожа Клара...

Да. Верно. Потом — я, «госпожа Клара». Единственный оставшийся нам путь — совершенно безумен, понимаю. Гордо взмыть на спине чёрного дракона и ударить Мечами, пусть и непростыми, Того, кто ещё не потерпел ни единого поражения, кто всегда...

Стоп. Не всегда. Ведь Спаситель не преуспел в Мельине, хотя там тоже вроде как оставались считанные дни до Его второго пришествия...

— Что ж, инквизитор. Жаждай, что должен. Мы подождём, но учти... — Новый громовой удар в глубинах опрокинутой пирамиды, кое-где по лестничным маршам вниз покатались каменные обломки, сметая и опрокидывая красно-зелёных зомби.

К сожалению, далеко не со всех спусков.

— К бою, кирия Клара, — негромко произнесла Райна, и волшебница, согласно кивнув, выхватила из ножен рубиновую шпагу.

* * *

Ушли. Эйвилль чуть пошевелилась — сохранять абсолютную неподвижность вблизи от эдакой пляски сил не могла даже она.

Появление Старого Хрофта, конечно, раньше бы её встревожило. Древний Бог терпеть не мог вампиров, не старался даже казаться терпимым. И в присутствии её, Эйвилль, никогда не появлялся возле Хедина или Ракота.

Но сейчас беспокоиться не о чем. Сила, вставшая против Новых Богов и их подручных, такова, что победить её невозможно — потому что она не принимает боя по правилам Познавшего Тьму или его брата. И сейчас им не поможет даже Отец Дружин. Пусть, пусть уводит свои полки — тем легче будет ей, Эйвилль, основать собственную державу.

Она соберёт всех вампиров, вне зависимости от происхождения. Она примет даже вампиров орочьей крови, хотя положение они займут самое низкое, лишь немногим выше «кровяного скота» — людей, коих подданные Эйвилль станут разводить, словно сами люди — коров.

Незачем придумывать что-то новое, если имеется проверенное веками.

«Весьма разумное рассуждение, дорогая Эйвилль».

— Вы? — вздрогнула упырица. — Я... всё сделала...

«Верной Эйвилль нет нужды бояться. Ты всё сделала как подобает и даже лучше. Хедин и Ракот здесь, в пределах Эвиала, и с ними — шестеро тех, кого принято называть Молодыми Богами. Ямерт и его сородичи. Великолепная добыча, Эйвилль».

— Но я ничего не сделала, чтобы Ямерт...

«Неважно, Эйвилль. Ты привела сюда Хедина с Ракотом. Молодые Боги, оказывается, следовали за ними по пятам. Всё, как мы и рассчитывали. Осталось последнее. Требуется лишь немного подождать».

— Позволено ли будет мне узнать, чего? — не удержалась вампириша.

«Позволено, о верная Эйвилль. Спаситель выдернет последнюю подпорку, ещё удерживающую небо над головами наших врагов».

— А если не выдернет? Если что-то пойдёт не так?

Холодный голос, отчётливо произносивший слова внутри сознания Эйвиль, словно бы усмехнулся — если, конечно, говорившее с вампиршей существо вообще способно усмехаться.

«Если не выдернет, то, дорогая Эйвиль, сработают иные механизмы. Твой бывший хозяин, Познавший Тьму, считался мастером многоходовых комбинаций, с массой запасных вариантов. Почему же ты считаешь нас глупее его?»

— Я не считаю! — с горячностью возразила она. — Просто... просто... Познавший Тьму победил всех! И магов своего Поколения, и чародеев Брандея, и Молодых Богов, и... и... и даже вас, Дальние. Он придумал, как остановить Неназываемого. Я не считаю его лёгкой добычей!

«Можешь не сомневаться, верная Эйвиль, мы думаем точно так же. Хедин и его брат повелевают могущественными силами. Мы понимаем, чем рискуем. Но Упорядоченное должно дать рождение новому Творцу, Единому. В этом предназначение всего и вся в сём тварном мире, как мы уже говорили тебе. Поэтому составление нашего плана и потребовало столь протяжённого времени. На нас работают самые разные силы, сущности и существа. Зачастую даже не подозревая, что все их усилия — лишь часть куда большей игры. Ловушка имеет множество уровней. Девятьсот девяносто девять раз Хедин с Ракотом могут избежать западни, однако на тысячном они совершат-таки ошибку».

— А если не совершат? — упорствовала вампирша.

«Совершат, верная Эйвиль, обязательно совершат. Они ведь отказались от истинной божественности. Пытались остаться кем были. Старательно поддерживали в себе примитивное начало Истинных Магов, и даже больше — людей, особенно Ракот. А люди совершают ошибки. Это имманентно присущее им свойство, такими удел их Творец, и таковы они с тех пор. Следовательно,

рано или поздно даже хитроумный Хедин сделает неверный шаг. Вернее, он его уже сделал.

— Могу ли я узнать, какой именно?

«Можешь. Он доверился тебе, Эйвилль».

Упырица осеклась. Но говоривший явно не хотел как-то её задеть, унизить или оскорбить — эти понятия, похоже, были ему совершенно чужды. Он просто говорил, как есть. Да, действительно, Познавший Тьму ошибся. Он не учёл, что вампиры — не просто «слуги», а обращался он с нею, великой Эйвилль, именно как со слугой. Не имея на то никакого права.

Что ж, пусть платит. От долгов не уйти никому, даже богам.

«Сейчас, именно сейчас, верная Эйвилль, один очень глупый человек, мнящий себя магом, некромантом и прочее, прочее, прочее, довершает наш план в Эвиале. Последняя преграда, ещё сдерживающая Спасителя, падёт в считанные мгновения. После этого ты, верная, увидишь поистине невообразимое зрелище. Зрелище, что заставит померкнуть даже давнюю битву за Хединсей, в коей, как ты справедливо заметила, мы, Дальние, потерпели поражение. Что ж, мы ничего не забыли, но, в отличие от многих других, кое-чему научились. Немного терпения, верная, и тебе будет явлена наша победа».

Эйвилль промолчала. Нетерпение вновь овладевало всем её существом. «Кровь богов!» — стучало в висках, перед глазами начинало мутиться.

«Ты, конечно, создашь свою державу, великая Эйвилль. Мы не сомневаемся в твоём успехе и всегда придём тебе на помощь. Вот увидишь».

— Я тоже не сомневаюсь, — прошептала вампирша.

«Внизу», перед ней, огромный иссиня-чёрный шар Эвиала качнулся, по воронёной глобуле прошла мгновенная дрожь — от полюса и до полюса.

«Один очень глупый человек довершает наш план в Эвиале...»

Впереди — только мрак. За спиной — полыхание молний.

Восемь стремительных живых стрел отвесно падают в нескончаемый провал опрокинутой пирамиды. Бесчисленные ярусы вроде бы сближаются, но никак не могут сойтись. Сколько их уже осталось позади? Тысячи, десятки тысяч? И сколько труда неведомых рабов ушло на это титаническое строение? Полноте, да строение ли?..

Семь драконов из последних сил держат строй, собой закрывая восьмую, Аэсоннэ, на чьей спине сидит, сжавшись в комок, некромант Фесс.

В охватившей глубины темноте виднеется лишь один зеленоватый огонёк — падающее тело Салладорца. Поражённый в спину магическим клинком, великий маг, тем не менее, ещё жив — или же жизнь в нём кто-то старательно поддерживает.

Пальцы Фесса сомкнулись на острых гранях Аркинского Ключа. Последняя надежда. Салладорец обманул и обыграл всех — или почти всех. Однако великий чародей не предусмотрел, что в Эвиале окажется некто, самое меньшее не уступающий ему если не силой, то, по крайней мере, подлостью.

«Долго ли ещё, некромант?!» — Это Чаргос. Драконы едва держатся, все изранены, за каждым — кровавый шлейф. А пирамида всё не кончается, и неисчислимые ярусы продолжают изрыгать пламя в дерзкую кучку вторгнувшихся.

Долго ли ещё, некромант?!

Хотел бы я сам найти ответ...

Аркинский Ключ — в руке. Тело Салладорца — совсем рядом.

Тёмные Шестеро, не пора ли вам вспомнить о нашем уговоре?!

Нужные слова сами выстраиваются в сознании.

Ведь опрокинутая пирамида — не бездонна. Где-то

она обязана перейти в Чёрную яму. Где-то впереди обязан ждать Уккарон с остальными пятью сородичами.

Кто может положить предел бесконечному?

Тот, кто скажет: «всё!».

Опрокинутая пирамида и Чёрная яма — они едины. Где кончается одно и начинается другое — зависит только от тебя.

«Давай, папа, давай!» — визжит Аэсоннэ.

Но Уккарон сказал — призвать Тёмную Шестёрку лишь в момент величайшей нужды, когда враг уже почти одержит верх. Конечно, хозяин Чёрной Ямы, страж перехода не станет колебаться, если надо, он принесёт в жертву всех, и даже себя. Драконы-Хранители для него такая же мелочь, как и ползущий лесной тропкой жук, один из миллионов.

Нет, некроманту надо схватиться с Салладорцем один на один. Несмотря на то что великий маг едва жив, силы у него хватит на добрый десяток таких, как Фесс.

«Настигни его, Рыся!»

Драконица застонала, некроманту почудилось — он слышит треск её рвущихся мускулов.

Однако она таки вырвалась вперёд, оставив позади прикрывавших её остальных драконов. Фесс потянулся, ещё и ещё — пальцы вцепились в край одеяния Салладорца — подтянуть неожиданно тяжёлое тело ближе... ближе... ближе...

Крик Аэсоннэ.

Слепящая плеть молнии.

Невидимые когти впились Фессу в щёку, разодрали плоть и сорвались.

Тьма.

Свет.

Он режет плотно сжатые веки, словно нож рыбака, раздвигающего створки раковины-жемчужницы.

«Отец!» — безмолвный крик.

Есть опора. Он садится.

Только сейчас Фесс осознал, что в ушах не свистит ветер, а бесконечные ярусы опрокинутой пирамиды словно бы раздвигаются в стороны, уступая место серому полумраку, плацдарму ночи перед наступлением тьмы или же наоборот — первым бастионам рассвета, первым полкам зари, врубившимся во вражеский строй.

Дно опрокинутой пирамиды? Мёрзок? Наваждение?

Он привстаёт. Руки тонут в абсолютной черноте, под пальцами — нечто гладкое, похожее на отполированный камень. Но кто может сказать, что именно это такое?

Где-то далеко-далеко в тумане смутно мерцают какие-то огоньки — окна в далеко разошедшихся ярусах опрокинутой пирамиды?

Это и есть граница двух миров? Граница, послушно появившаяся, стоило Фессу коснуться Салладорца.

Сам Эвенгар лежит неподвижно шагах в десяти, на ладонь погрузившись в непроглядный чёрный туман, больше похожий на разлитые в воздухе чернила.

Стоп, а где же драконы?!

Никого. Одна Аэсоннэ.

Где Рысь-неупокоенная и её деревянная сестра-двойник? За пределами очерченного круга? — очерченного кем, самим Эвенгаром? Не мог такой мастер не позаботиться о пути отхода на случай, если невероятное стечение обстоятельств приведёт его к поражению. Ведь даже зачарованное оружие (знать бы, чьё?), пронзив великого мага насквозь, не добило его.

Но сейчас Салладорец валяется разорванной тряпичной куклой. Живёт только чудовищная опухоль на плече эвиальского чародея — пульсирует и бьётся, словно выставившееся наружу сердце.

Где-то там вторая половина Аркинского Ключа. Кажалось бы, так просто — забрать её у бесчувственного мага.

«Постой, папа. Позволь мне, для верности...»

Прежде чем Фесс успевает остановить её, Аэсоннэ

выдыхает поток пламени. Огонь охватывает неподвижное тело Салладорца, однако рыжие языки тотчас же опадают, словно втягиваясь под изодранные и окровавленные одежды великого мага.

— Стой! — кричит Фесс, поняв, в чём дело, — но уже поздно.

Какой всё-таки молодец, невольно думает некромант, видя, как тело Эвенгара медленно выпрямляется. Это надо уметь — так составить заклятье, что даже истребительное первоначало, драконий пламень, обратилось бы в собственную противоположность.

Или тут сработало что-то другое? Как говорила Безымянная, лесной голем, вобравший в себя душу Рыси-первой? На глубине перестанут действовать многие из основополагающих законов мироздания?

Глаза Салладорца открылись. Голова медленно повернулась, послышался жуткий скрип, словно ожили и пришли в движение древние-предревные мельничные жернова. Фессу показалось (в серой полумгле недолго и ошибиться) — или с шеи эвиальского мага осыпаются чёрные обугленные чешуйки?

«Папа. Прости...»

— Забудь, дочка. — Фесс не отрывал взгляда от Эвенгара. Тот повёл плечами, бёдрами, словно проверяя, как всё работает в который уже раз ожившем теле.

«Что ты стоишь, папа?!»

Ах, Рыся, нетерпеливая драконица...

— Забыл поблагодарить тебя, юная Аэсоннэ. — Чёрные губы Салладорца разомкнулись. Слова он выговаривал глухо, но разборчиво и без тени глумления. — Как видишь, некромант Неясыть, всё исполнилось, как я и говорил, — все без исключения твои действия лишь способствовали конечному успеху моего плана.

— А клинок тебе в спину тоже «способствовал конечному успеху»? — Фесс заставил себя усмехнуться попрезрительнее.

— Нет, — согласился Эвенгар. — Но на эти случайности я рассчитывал. Не смог лишь предугадать, кто именно нанесёт удар. Но это уже неважно. Твоя дочь помогла мне ожить окончательно. Тело, конечно, выглядит ужасно, но заставляющее его двигаться начало — в полном порядке. И теперь я намерен довершить начатое. Эвиал будет подвергнут трансформе, пусть даже я растратил львиную долю собранной силы.

— Кстати, а где мы сейчас? — с непринуждённым видом полюбопытствовал некромант. — Раз уж, по-твоему, трансформа неизбежна и всех нас ждёт лоно Западной Тьмы — почему б тебе не сказать?

Обугленные губы растянулись в жутковатой полуулыбке, обнажая почерневшие пеньки исчезнувших зубов, словно драконье пламя пробралось и туда.

— Тянешь время, некромант? На что-то надеешься? Зря. Как ты видишь, мы вне пределов великой пирамиды. Ты видишь её далёкий отблеск, но это поистине лишь отблеск. Мне пришлось потрудиться, составляя это заклинание. Оно могло осуществиться лишь на большой глубине, где правила нашей реальности утрачивают абсолютную строгость. А теперь, — истончившаяся рука потянулась к Фессу, скрючившиеся пальцы чуть разошлись, — вторую половинку Аркинского Ключа, будь так любезен, некромант Неясыть.

— Зачем она тебе, Салладорец? У тебя — то, что открывает путь Сущности на восток. Она и так поглотит весь Эвиал. Для чего тебе вторая?

Усмешка, и со щёк Эвенгара осыпается чёрный пепел.

— Ах, бедный мой Неясыть. Даэнур так и не научил тебя мыслить абстрактными категориями. А может, как раз и научил — думать только ими. Если барьер отгораживает Сущность от тех, кто обитает в Эвиале, то как они сольются с ней, если преграда станет их отбрасывать? Они попадут в Неё только мёртвыми. А такое на руку только Спасителю, отнюдь не Той, чьим союзни-

ком я выступаю. И, если Западная Тьма начнёт распространяться сейчас, если я отворю Ей путь своим ключом, прокатившаяся по Эвиалу стена просто обратит на своём пути всё во прах. Все живущие погибнут, отправятся к Спасителю — чего последнему только и надо. А если отомкнуть разом оба замка — трансформация свершится. Мы вырвем людей из-под власти этого ловца душ, Неясыть. Ну, ты ещё хочешь сражаться? Или отдашь мне 'ключ добровольно?

Фесс покачал головой:

— Не верю тебе, Эвенгар. Ты болтаешь о трансформации только для 'отвода глаз. И всегда болтал исключительно с этой целью. Придумано ловко, не спорю. Но на твоём месте я озаботился бы более правдоподобной выдумкой.

Кривая ухмылка.

— Боюсь, здесь моя словоохотливость закончится, Неясыть. Отдай ключ. Или ты узнаешь наконец, что такое мой настоящий гнев.

— Обрати его лучше на того, кто так ловко меч промеж лопаток тебе вогнал, — прозвенел голосок Рыси — её человеческий голос.

Жемчужноволосая девчонка — нет, уже девушка! — худая, стремительная, чем-то и впрямь напоминающая хищную рысь — застыла рядом с Фессом, деловито выставив перед собою лёгкий клинок — саблю, полученную от гномов Пика Судеб. По стали твёрдыми изломами легли угловатые гномьи руны — сейчас пылающие яростным жаром, словно раскалённый металл, только что вынутый из горна.

На сей раз Салладорец не усмехнулся.

— Спаситель уже здесь, — глухо проговорил он, отворачиваясь от драконицы и глядя прямо в глаза Фессу. — До его полной и окончательной победы осталось совсем чуть-чуть. Его противники... оставили поле боя, почему — я не знаю. Возможно, устрашились... не хочу гадать. Сущность даёт нам шанс, Спаситель — не ос-

тавляет ни единого. Не противься, Фесс. Деваться некуда не только тебе. Мне тоже. Я остался жив, но растратил слишком много из собранного. Устраивать тут с тобой скачки и фейерверки не входит в мои намерения.

— А чего тебе бояться, если даже мой пламень не может повредить неуязвимому Эвенгару? — опередила Фесса драконица.

— Чего мне бояться... — эхом откликнулся чародей. — Видишь ли, о неистовая Аэсоннэ, всякий план имеет запас прочности. У моего таковой почти исчерпан. Да, я не учёл появления врага с *таким* оружием. Не допускал мысли о том, что подобное вообще существует. Что поделать, даже великие умы, к коим я себя отношу — думаю, ты не станешь спорить, — не обладают всезнанием. Это прерогатива бога, *настоящего бога*, а не тех кукол, что «правят» сейчас мирозданием, и даже не Спасителя. Но об этом нам теперь рассуждать, боюсь, не совсем удобно. Итак, некромант Неясыть?..

— Как насчёт встречного предложения, Эвенгар?

— Это какого же? — скривился эвиальский волшебник. С лица вновь посыпалась зола.

— Ты отдаёшь мне *свою* половину Аркинского Ключа. Заодно можешь мне рассказать, кем и когда он был создан.

— Я? Отдаю тебе свою половину? Ты безумен, мальчишка!

— Вовсе нет. Я соединяю ключ в единое целое и приканчиваю Сущность. С твоей помощью или нет — уже неважно. После чего можно обратиться и против Спасителя.

— Бред, — повторил Салладорец. — Спаситель непобедим. Он создал пророчества Разрушения. Наложил сам на себя ограничения, чтобы обойти Закон Равновесия. С ним может справиться только Она. Западная Тьма. Наш последний союзник...

— Так и будем перебрасываться словами, Эвенгар?

Вижу, нам не договориться. Давай, покажи, чего стоишь, не жди. У тебя ведь нету времени, я правильно понимаю?

— Глупец, — зарычал Тёмный маг. — Хорошо же. Ты увидишь, что такое Эвенгар Салладорский! Я выпью твою жизнь, твою самость, и сущность твоей драконицы я выпью тоже! Смотри и дрожи!

— И-эх! — Рысь метнулась к волшебнику, размахивая саблей. Лезвие врезалось в выставленный локоть чародея, просекло обугленную плоть и завязло в кости. Эвенгар дёрнул рукой, но эфес клинка так и остался в ладони у Рыси, драконица крепко стояла на ногах, успев пнуть эвиальского мага в рёбра. Хруст и треск, словно там всё переломалось.

Чародей захрипел, вцепился себе в шею, словно пытаясь разодрать горло. Сабля Рыси наконец вывернулась из её пальцев, драконица растянулась, чёрный туман немедля взволновался, струйки его попытались встечь вверх по бокам и плечам лежащей.

Здесь, на дне, законы повседневности изменены, твердил Салладорец. Он сумел превратить драконье пламя в собственную противоположность. Вобрал в себя его чистую силу. А ты, некромант? Что ты этому противопоставишь?

— И это всё, на что ты способен, Салладорец?

Здесь, в глубине опрокинутой пирамиды, хватает свободнотекущей силы. Есть где почерпнуть, есть из чего сплести заклятье. А ну-ка, попробуем для начала вот это. Главное, чтобы Салладорец клюнул и втянулся.

Широкий взмах — с ладони некроманта срывается множество летающих черепов, в глазницах пылает пламя, огромные челюсти клацают.

Десяток, другой, сотня — Салладорца погребает под собой целая груда оживших черепов. Клыки впиываются в обгорелую плоть чародея, рвут — Эвенгар вопит, опрокидывается на спину, катается, словно человек, сбивающий пламя с одежды.

Черепы трещат и лопаются, рассыпаясь жёлтой костяной трухой; каждый раздробленный отзывается острой болью в груди некроманта.

Салладорец с трудом поднимается — вернее, пытается подняться, потому что некромант, едва разогнувшись, со всей силой бьёт сапогом прямо в лицо чародея. Пята попадает в цель, скула ломается, нос сворачивается на сторону. Уцелевшие черепа вгрызаются в Эвенгара, словно голодные псы в брошенную им кость.

Удар опрокидывает Салладорца наземь, руки чародея раскинуты, черепа, словно крысы, вцепились в них, прижимая к тёмному камню, не давая эвиальскому магу подняться.

Что-то всё слишком просто, — успел подумать Фесс.

Наверное, это его и спасло — некромант инстинктивно выставил защиту, простое отражающее заклятье, однако этого оказалось достаточно. Видно, здесь и впрямь не действуют многие законы...

Что его ударило, Кэр не понял, не успел даже разглядеть. Дергающийся и хрипящий Салладорец вроде бы не пошевелил и пальцем — заклинание у него сплелось само по себе.

Сверкание и блеск возле самых глаз; чудовищный пресс, обрушившийся на грудь и выжимающий из лёгких последние крохи воздуха; удушье, красная пелена заволакивает взор; Фесс чувствует, будто не то летит, не то падает.

Чернота, исполосованная молниями; за ней — сверкающий овал входа. Тоннель?

Сдвигающиеся стены.

Не шелохнёшься. Не вздохнёшь. Не крикнешь.

Нет!

Ты не имеешь права.

Отец?

Отец, отец. Пришло время, сын. Когда я давил прозванных Безумными Богами, я тоже был уверен, что

одолею и преодолею всё одним лишь знанием. Что мои заклятья, заклятья Гильдии боевых магов, помогут одержать верх над любым противником. Я ошибался, сын. Не повтори моей ошибки.

«Не повтори его ошибки, Фесс».

«Ты?»

«Я, некромант. Прости, но у тебя совсем не осталось времени».

«Я понял твою идею,— сказал Фесс, сжимая левой ладонью заветный шестигранник. — Ты долго намекала мне, но я оказался не из тех, что схватывают с лёту. Впрочем, ещё не поздно всё исправить».

— Папа! — Рыся приподнялась, лицо окровавлено, словно она расшиблась о невидимый пол. — Нет, папа!

Всё будет хорошо, девочка. Мне следовало поступить так давным-давно. Незачем цепляться за ушедшее. Я был просто молодым идиотом, переступавшим через чужие жизни. Те двое девчонок, походя убитых в Мельине, ещё в пору «службы» у патриарха Хеона, — что им с моего раскаяния и мучительных снов? Жизни отняты. Надо платить. Но — не абстрактному божеству справедливости, а ещё живым. Таким же девчонкам, как и те, кому выпал чёрный жребий оказаться у тебя на дороге.

И плата, честное слово, очень невелика.

Салладорец выжимает последние остатки воздуха из лопающихся лёгких; пальцы некроманта судорожно стискивают шестигранник, и Фесс радуется знакомой боли.

С хрипом, натугой, едва-едва, но ему удаётся сделать вдох.

Алое мерцание в глазах исчезает — и некромант видит, как чёрный туман постепенно начинает стягиваться к нему, заключая в подобие кокона; и вот уже некромант на ногах, он стоит на знакомом пороге Чёрной башни, а прямо в лицо ему улыбается знакомый карлик-поури по имени Глефа.

— Ты опять здесь?

— Я-то да; а вот не забыл ли ты о Салладорце?

— Кто ты? *Она* сама? Или ты *Её* доверенный посланник?

— Не то и не другое, — покачал уродливой головой поури. — Всего лишь твоё собственное отражение в идеально чёрном зеркале. Больше ничего не скажу. Лишь только помогу. В одном последнем деле... Да ты входи, входи. Время здесь идёт по-своему, но медлить тоже нельзя.

За порогом некроманта встретили голые стены; там, где раньше возвышалась величественная клепсидра, колыхалась темнота, словно занавес под ветром. И сама Башня, твердыня Западной Тьмы, предстала мягкой, податливой, словно глина в руках мастера.

И этот мастер — ты, Кэр Лэзда.

— Пришла пора, — спокойно кивает карлик. И на всякий случай уточняет: — Это не я тебе говорю. Это ты сам себе.

Фесс встряхивается. Сила возведённой им башни наваливается на плечи, трещат суставы и кости, лопаются кожа.

Преображение.

Этлау называл его облик «чёртом», потом был могучий зверь наподобие вепря... что теперь?

Нельзя победить одним умением. Или восполнимой жертвой. В схватке вселенских сил, где с одной стороны — продавшие собственное естество, такие, как Салладорец, а с другой — обычные люди, нельзя пройти, элегантно помахивая глефой.

Потребовался ужас Эгеста, смерть Джайлза, гибель друзей, слепая кукла неупокоенной Рыси, чтобы понять и принять эту несложную и очевидную на первый взгляд истину.

Некромант сейчас даже радуется рвущей его боли. Боль — это нечто человеческое. Наше, всегдашнее, говорящее — ты ещё среди нас, ты способен чувствовать.

Ты не станешь пить драконье пламя, подобно шагнувшим за черту.

Стены башни на глазах обретают незыблемость и твёрдость. А он, Фесс, чувствует, как удлинились руки, раздались плечи и бёдра, как наливаются силой мышцы — но глаза его по-прежнему видят привычное, словно оберегая хозяина от потрясений.

...Что-то туго натянутое лопнуло наконец в груди, и некроманта опрокинуло на пол — *такую* боль он уже не смог терпеть. Вместо крика из горла вырвался жуткий рёв, под стать тварям Змеиных лесов.

— Я сберегу тебя, твою самость, — слышит он неестественно спокойный голос карлика. — Иди и сверши потребное. Но сперва скажи — принимаешь ли ты известную тебе участь?

— Принимаю целиком и полностью. — Еще находятся силы ответить.

— Ты выбрал. — Карлик отступает, почти сливаясь с тьмой возле стен. И повторяет: — Я сберегу твою самость.

Не хочется верить тому, что это значит.

Но обратного пути нет, и горькая гордость помогает справиться с нахлынувшим отчаянием. Всё, тебе не повернуть. И не вернуться в Долину. Не постучаться в двери родного дома, не услышать милую болтовню заботливой тетушки, не вдохнуть аромата ее несравненной стряпни; и нет нужды отмахиваться от тро- и четвероюродных племянниц Клары Хюммель.

Встань и иди, некромант.

Да, — отвечает Кэр Лазда, видя перед собой печально улыбающегося отца.

...Чудовищные когти клцают об пол. Створки распахиваются, Фесс оказывается на уже знакомой черной равнине, видит неподвижно застывшего Салладорца — или нет, не застывшего, тот движется, но очень, очень медленно.

Наступить и раздавить. Всё так просто.

Закованная в чешую громадная лапа поднимается над Эвенгаром.

Ничего не меняется. Время по-прежнему в моей власти. Я могу даже осмотреться.

За спиной Фесса — Чёрная башня. Но не тонкий стилет, а лишь один кругляш основания, первого этажа. Выше — пустота.

Все правильно. Жертвенный путь ещё не пройден до конца, искупление не достигнуто.

Вдали мерцают огоньки, там время, похоже, не остановилось — чувствуется движение, мелькание и мельтешение, словно огромные полчища муравьев со всех ног торопятся к приманке.

Зомби? Мертвые воины Империи Клешней?

Хватит.

Вдоль спинного хребта прокатывается последняя волна боли, прокатывается и замирает. Когтистая лапа новосотворенного дракона занесена над эвиальским магом; ну же, рази, рази, Фесс!

Раз уж ты принял эту участь.

* * *

Белый клин рыцарей Ордена Прекрасной Дамы спускался все глубже и глубже, походя опрокидывая и сбрасывая с лестничных маршей второпях собранных против них мертвяков. Каждый боец в строю знал свой маневр; все отточено до кинжальной остроты, каждое движение и каждый шаг. Длинные мечи рубят оживлённые чародейством тела, щиты отшвыривают их в стороны. Казалось бы, такие клинки рыцарей не годятся для боя в плотном строю; но командоры Ордена не напрасно потратили несколько сотен лет на отработку этих приёмов. Точности позавидовали бы лучшие лекари-хирурги.

Сколько осталось позади ступеней? Сколько тысяч шагов по скользкому камню? И сколько ещё предстоит сделать?

Неважно, ибо цель близка, и каждый, возложивший на себя белую броню, навесивший на левую руку белый щит с выложенной золотом эмблемой Ордена, знает это. Знает, что его собственная жизнь, с одной стороны, не значит ничего, а с другой — не имеет цены, ибо никто не имеет права погибать до мига, когда начнётся *главное*, и приближение этого *главного* в строю чувствуют все — от матёрого, как старый волк-одиночка, командора, до самого молодого из носящих рыцарские шпоры, Доаса; к наплечнику его ещё с Аркина намертво прикручена подобранная в развалинах детская игрушка — смешной тряпичный тигр, набитый ватой.

Из какого ты мира, молодой рыцарь, что привело тебя в Орден, как проник в тебя свет Вечнопрекрасной Дамы, как ты уверовал в Нее?..

Как бы ни уверовал, отвечает он на немой вопрос затаившейся черноты, как бы ни пришёл — теперь я здесь, и счастлив, что моему мечу нашлась работа.

Сперва в сторону отряда летели отдельные молнии и огнешары — командор и старшие рыцари составили щиты домиком, скомандовав «сферу отражения». Это значит — устреми свои помыслы к Прекрасной Даме, представь, что Её красота неоскверняема, и, соединённая с могущественным додревним заклинанием, созданным ещё на самой заре Ордена, твоя вера убережёт тебя и братьев.

Орден встал бы рядом с великим Ракотом и его братом Хедином в их битве против Спасителя; но превыше всего — иной долг, долг перед Прекрасной Дамой; освободись Она, и никакие Спасители не смогли бы утягивать людей за собой в бездну, потому что великая красота всесильна, она побеждает без кровопролития и ей не нужны мечи.

В тот миг, когда Прекрасная Дама воцарится в сердцах смертных и бессмертных, миссия Ордена будет исполнена и последний командор с истинным облегче-

нием и чистой радостью сложит к Ее ногам знаки своего достоинства.

Но до полной победы ещё далеко. Тем более что не видно — пока — главного врага.

А потому вниз, вниз, вниз! Ступени сливаются, и каждый шаг переносит рыцарей на целый марш, от яруса к ярусу. Ряды мертвяков истончаются, их всё меньше и меньше — похоже, невидимые их распорядители предпочли иную цель, не столь неподатливую.

Командор вытягивает руку с клинком — что там, впереди? Лестница заканчивается, Орден достиг дна опрокинутой пирамиды?

Иссиня-чёрная дымка, а прямо посреди неё вздыбился нелепо выглядящий обрубок, точно пень; ворота широко распахнуты, и чудовищный зверь навис над жалкой человеческой фигуркой, увенчанная исполинскими когтями лапа занесена над головой жертвы; а чуть поодаль хлопает крыльями и бьётся о незримую преграду ещё один дракон, бело-жемчужный и прекрасный, достойный носить на себе саму Прекрасную Даму.

Кондиции Ордена велят сражаться за красоту и справедливость, защищая слабых и обиженных; но сейчас командор лишь коротко командует «за мной!» и бросается прямо в распахнутые ворота обрубка Чёрной башни.

Миг спустя Доас понимает, почему — чудовище, нависшее над человеком, открыло им дорогу дальше, к Прекрасной Даме.

Главный бой Ордена впереди.

* * *

Время выкидывает странные шутки здесь, на только что образовавшемся дне опрокинутой пирамиды. Мимо Фесса ураганом промчались несколько десятков рыцарей в броне удивительной снежной чистоты. Ни

пятнышка на белых с золотом щитах, словно воины и не прорубались сквозь ряды мертвяков.

Не задерживаясь, рыцари скрылись в распахнутых воротах Чёрной башни.

В этот же миг страшно оскалившийся Салладорец ударил в ответ — с эвиальского мага словно спали незримые оковы. Нестерпимый блеск возле самых глаз и рвущийся из раздувающихся лёгких рёв боли — именно рёв, не человеческий крик.

Кажется, его отбросило, — почти вбив, словно барельеф, — на стену обрубка Чёрной башни.

Неслышимый для прочих визг Рыси.

Едва разлепляются залитые тёмной кровью веки.

Салладорец стоит, выпрямившись, запрокинув обугленное лицо. Вокруг него вновь разгорается гнилостно-зеленоватый свет, заставляя тьму отступать. Не требовалось особого магического дара, чтобы почувствовать чудовищную силу, вливавшуюся сейчас в полумёртвого и мало чем отличавшегося от зомби чародея.

Надо сдвинуться с места. Что-то сделать. Отразить. Защитить.

Откуда-то сверху на Салладорца бросается белый дракон — Аэсоннэ вступила в бой. Небрежный взмах почерневшей кисти — Рысь отшвыривает, как и самого некроманта секундой раньше.

Эвенгар делает несколько неуверенных шагов к распростёртому Фессу. Он тоже идёт с явным трудом, приподнимая ноги, словно наполовину парализованный. В протянутой руке — поблескивающая половина Аркинского Ключа.

Что ж, пора, некромант.

«Уккарон. Время пришло».

«Мы ждали», — доносится рокошующий гром, и земля содрогается в такт словам.

— Ключ, — заплетающимся языком произносит Салладорец. — Отдай... ключ...

Он уже совсем близко. Некроманта касается смрад-

ное дыхание, словно на него надвигается полуразложившийся труп.

«Мы идём!»

Гром, серый полумрак секут и хлещут молнии. Чёрное покрывало вздымается, вспучиваясь шестью исполинскими курганами, под какими только хоронить замекамских богатырей.

«Мы пришли».

«Встань и иди, некромант Неясыть. Встань и иди, Разрушитель. У тебя много работы».

Разрушать можно и для того, чтобы на месте разрушенного уродства появилось что-то новое. Возросшее само, а не по чьей-то указке.

Шесть курганов раскрываются, уже знакомые тени Шестерых скользят к Салладорцу. Тот шипит, перехватывает Аркинский Ключ зубами, быстро-быстро жестикулирует, немыслимым образом выгибая и чуть ли не выламывая собственные пальцы.

Но это не его собственная сила. Он за неё не платит и ничем не рискует.

Опухоль на плече Эвенгара лопается, оттуда истекает зелёный гной, обволакивая фигуру эвиальского мага, словно перчатка.

Шестеро Тёмных замирают. Полуослепший Фесс видит, как от полюса и до полюса Эвиала начинают стягиваться земные тропы, проложенные теми, кто веками поклонялся великой Шестёрке, когда они властно владели Эвиалом, судя по справедливости, жестокой, но беспристрастной, как жестока и беспристрастна сама природа.

«Мы здесь. С нами всё, что ушло. Мы на своей земле и с неё не уйдём. Не тебе, Тёмный маг, решать судьбу Эвиала. Он определит её сам. Получай!»

Шесть фигур вспыхивают, пламя оконтуривает их, и — словно шесть незримых клинков обрушиваются на Салладорца. Фесс видит стремительный росчерк бесплотных лезвий на колышущейся поверхности чёрного

моря; твёрдое основание раскалывается, сквозь щели пробивается тёмный огонь.

Салладорец кричит, воздетые руки трясутся, зелёное свечение отделяется от него, складываясь в гротескную фигуру дуотта. Рядом со змееголовым возникает шестирукий великан, поодаль — крылатый монстр.

Знаменитая троица из эвенгаровой гробницы.

Заёмная сила обретает воплощение.

Трое защитников Салладорца неспешно движутся навстречу Шестёрке.

А Фесс — Фесс по-прежнему не может приподняться, оторваться от кажущихся спасительными стен Чёрной башни, пусть не настоящей, всего лишь обрубка, но...

Он видит, что сейчас творится в Эвиале. Видит зависшую над ним фигуру Спасителя, видит рыдающие коленопреклонённые толпы, сбившиеся вокруг церквей и церквушек. Видит тянущиеся бесконечные колонны мертвецов, разрытые погосты — куда там Западной Тьме! Вся сила Сущности не произвела бы и сотой части учинённого в единый миг Спасителем.

Скрепы мира дрожат. Эвиал готов сорваться с веками прочерченного пути. Небесный свод едва удерживается вбитыми во времена Творения гвоздями.

Шестеро Тёмных замирают на месте.

«Не подведи нас, Разрушитель».

Не подведу, мысленно обещает Фесс. Он видит колыхающуюся, как под ветром, иссиня-чёрную завесу и знает, что кроется за протянувшимися на тысячи лиг полотнищами.

Выбор сделан, Кэр Лаэда. Встань и иди.

Гром бьётся в опрокинутой воронке уже непрерывно. Тьма бежит от яростного блеска слепо бьющих куда попало молний, Шестеро Тёмных сцепляются с тройкой защитников Салладорца, но, несмотря на численный перевес, их тотчас начинают теснить. Фесс видит лишь смутное мелькание, стремительные вспышки,

словно там сталкиваются и разлетаются невидимые клинки.

— Отдай ключ! — Эвенгар уже совсем рядом. Его трясёт, всё тело ходит ходуном. Скрюченные пальцы тянутся, тянутся, тянутся... кости прорастают сквозь обугленную плоть, ведущие от них нити уходят куда-то совсем далеко, за пределы Эвиала, куда уже не проникает взор новосозданного Разрушителя. Эти нити сейчас рвут самое ядро мира, режут глубочайшие корни гор, и дрожат, из последних сил пытаясь вобрать безумный поток силы, все восемь драконьих Кристаллов.

Фесс чувствует, как напрягаются мышцы, натягиваются связки, как, преодолевая рвущую боль, тело пытается дать отпор. Напрасно; Эвенгар легко отталкивает страшные на вид когти, наклоняется...

Некроманту кажется, что из него вырвали сердце.

Салладорец выпрямляется, что-то неразборчиво шипит. Сейчас он почти ничем не напоминает человека; покрытые зелёным пальцы одним движением соединяют обе половинки ключа.

Лопается великая струна, режет слух высокий звон, пронёсшийся от края до края Эвиала.

— Всё, всё, всё, — истерично шепчет Салладорец.

Всё, всё, всё, — повторяет за ним погибающий мир.

Пересекая Эвиал из конца в конец чёрная полоса Западной Тьмы оживает. Фесс чувствует Её движение — с него словно сдирают кожу. Каждая лига там, на поверхности — сколько-то с него самого.

«Встань и иди, некромант!»

Знакомый голос почти умоляет.

Под чёрным покрывалом исчезает океан, в ужасе разлетаются кто куда альбатросы, на пустых, необитаемых островках мечется мелкая живность, даже пышные пальмы дрожат, словно чувствуя приближение неминуемого. Дневной свет меркнет, наползает серый туман, оттуда, где кипят незримые подводные костры, разожжённые силой Спасителя.

Чёрная блистающая стена поглощает всё на своём пути — облака и ветры, птиц и китов, всё. Человеческому глазу не проникнуть сквозь эту завесу, не узреть, что происходит за мерным колыханием, словно по Эвиалу неспешно движется исполин, закутанный с ног до головы в плотный плащ.

— Всё, — выдохнул Салладорец, с блаженной улыбкой опускаясь наземь. — Теперь последнее, самое последнее...

Фесс хотел было зажмуриться. Не смог.

«ВСТАНЬ И ИДИ, НЕКРОМАНТ!»

Не могу, беззвучно ответил Фесс. Не могу.

* * *

Спаситель вздрогнул, по всему его телу прошла судорога, лицо жутко скривилось. И все остальные, Клара, Райна, Этлау, Эйтери, орки — все замерли, потому что над миром пронёсся страшный предсмертный стон, словно в ужасной агонии расставалось с жизнью неведомое существо.

Лопнувшая струна. Рухнувшая стена. Покатившаяся лавина.

Спаситель выпрямился. И быстро зашагал вниз, увлекая за собой затянувший полнеба водоворот багряных облаков.

Сдерживавшая Его преграда рухнула.

* * *

Пришёл твой час, Сильвия.

Хозяйка Смертного Ливня тоже, как и все, слышала пронёсшийся над Эвиалом погребальный звон.

Всё, ожидание кончилось.

Прятавшееся в обломках скал существо гордо выпрямилось, взглянуло, не опуская глаз, прямо в лицо Спасителю и запело. Древнюю песнь без слов, при-

шедшую из тайника души, того же, где хранился облик отца. Песню зла и ненависти, ко всем и ко всему.

Сквозь багряный занавес продёрнулась первая чёрная нить.

Но никто, и даже Спаситель, не обратил на это внимания.

* * *

Две белые латные перчатки, намертво вцепившиеся друг в друга. Облака лёгкого пламени вокруг, небесный свод — и открытая рана Разлома внизу. Она исходит гноем — козлоногими тварями, растекающимися всё дальше и дальше по Мельину. Их уже не сдержат никакие жертвоприношения.

Схватившаяся с Императором тварь тоже здесь, им уже не разжать смертельных объятий. Земля и тварный мир далеко внизу, возврата нет ни для кого; но за спиной козлоногой бестии — только пустота, а Император слышит миллионы голосов. Миллионы сердец бьются сейчас в унисон с его собственным, превратившимся в сгусток чистого пламени.

Там осталась Сеамни и их ещё не рождённый сын. Сын, чей голос он, Император, тем не менее, слышит. Там — верный Клавдий, не поддавшийся искушению. Легионеры, мужественные и упорные, сражавшиеся за своего Императора и с людьми, и с чудовищами. Гномы Баламута, не испугавшиеся пойти против сородичей.

Видишь, враг, сколько их, тех, кто за меня? А чем можешь похвастаться ты, кроме всепоглощающей бездны?

...Шумит на ветру могучий сосновый лес, приютивший под красноствольными деревьями целый сонм самых причудливых созданий. В чёрной броне, с развевающимся за плечами плащом, стоит высокий рыцарь, Ракот, Бог воинов. За его спиной — два молоденьких деревца, одно чуть повыше, из-под корней бьёт род-

ник. В руке Ракота — горящая ярким бездымным пламенем смолистая ветка; но на лице бога нет ожидаемого торжества. Напротив, он как будто заключён в прозрачную клетку, какую не сразу и разглядишь — словно серая паутина, эта завеса плавает над его головой и плечами.

— Укажи путь, — говорит Ракот. — Укажи ему путь! Укажи путь *кому?!*

...Есть три способа закрыть Разлом.

Первый — завалить. Второй — заставить сойтись разодранные земные пласты Мельина. И третий — не тратя времени на засыпку, вбить в заражённую, загнившую рану раскалённый клин.

Правая рука Императора начинает гнуть вцепившуюся в неё конечность козлоногой твари.

Я знаю, почему. Я ведаю, за что.

— Папа! — Мальчишке, наверное, лет двенадцать. Возраст, когда в Империи пора брать первую жизнь, сражаясь за правое дело. — Папа, давай!

— Гвин!

— Повелитель! — последнее хором выкрикивают голоса Клавдия, Сежес, Баламута и ещё — молодого Мария, нового барона Аастера.

Тварь шипит в лицо, летят обжигающие брызги слюны. Наверное, это просто кажется — ведь он, Император, уже умер, его тело сгорело в пламени первого удара.

— Возьми ветку, — слышит он Ракота. — Это укажет путь.

Богатырь-бог протягивает руку сквозь решётку своей клетки.

Горящая ветка переключивается к Императору. Просто держится рядом, ведь руки у него заняты; но правая продолжает гнуть, выламывать и крушить вцепившуюся лапу бестии — каждое движение Императора словно поддерживают тысячи рук живых и мёртвых, оставшихся в Мельине. Вот пальцы дотягиваются до

запястья врага, касаются белой кости зачарованной перчатки, тянут её на себя...

Яростное шипение, но на сей раз смешанное с отчаянием.

Император начинает гнуть вражье запястье, заставляя белые перчатки разойтись. И гнёт, забыв о боли и смерти, пока кость не ломается с сухим треском и перчатка врага не оказывается у него, Императора.

Ликующий многоголосый крик — от полюса и до полюса.

Но дело не сделано — тварь вцепляется в лицо, метит в глаза, боль почти гасит сознание — но Император даже не защищается.

Зубы впиваются ему в шею, клыки рвут горло — пусть. Он шёл победить, а не выжить.

Пря на огненном облаке, терзаемый изломанной, но не утратившей ярость тварью, Император видит куда больше, чем прежде. Не только Мельин, но также и иной мир, соединённый с его собственным пылающе-кровавой нитью.

На другом конце нити — Эвиал, это Император понимает сразу, знание пробивается сквозь боль и мучу. Там сошлись в неистовой схватке иномировые силы, там нависла над всем сущим раскинувшая сияющие объятия фигура Спасителя, и там же — глубоко, глубоко в иных слоях бытия — насмерть схватился со своим врагом старый знакомец — Фесс.

Он тоже, как и Император, прошёл врата, за которыми — дорога только в одну сторону.

Его враг Императору не виден, зато возвышается во всей красе исполинское чёрное копьё с тускло рдеющим наконечником. И Император, преодолевая боль, делает, наверное, последнее, ему оставшееся, — взмахивает ярко пылающей сосновой веткой.

Пламя от неё перекидывается на белые перчатки, зачарованная кость горит и плавится, но боли уже нет, как нет и жизни.

Зато во мгле безбрежного Упорядоченного ярко и

яростно вспыхивает новая звезда. Путеводная звезда для тех, кому ещё только предстоит полечь, чтобы жили другие.

* * *

«*Время настало, верная Эйвилль*», — услышала задрожавшая от нетерпения вампирша.

Чёрная глобула Эвиала продолжала беззвучно дрейфовать, незаметно для смертного глаза покачиваясь на волнах свободнотекущей силы. Под блистающе-агатовой бронёй кипела битва, сшибались и падали бойцы — а снаружи всё оставалось до обидного тихо и спокойно. Эйвилль бы не отказалась посмотреть, как жернова Спасителя перемелют полк этой выскочки Гелерры, как подмастерья недостойного Хедина бросятся во все стороны, словно крысы, умоляя о пощаде.

...Она не понимала, что соратники крылатой девы не бросят оружия, даже прижатыми к пропасти, и не сдадутся, обещая им хоть сколько угодно жизнь, свободу и богатство.

Иных Познавший Тьму и её же Владыка при себе не держали.

«*Спаситель свободен*, — сообщил тот же холодный голос. — *Все условия соблюдены, все пророчества исполнены. Эвиал выпадает из Упорядоченного. Так он достался бы тварям Неназываемого, а так — мы позаботились, чтобы распорядиться им по собственному усмотрению*».

По чёрной глобуле снова прошла волна дрожи. Эйвилль крепче сжала зелёный кристалл — залог Дальних; это помогло — взор вампирши очистился, стало видно чудовищное переплетение корней, словно прораставших сквозь тёмную глобулу и, подобно якорям, удерживавшим мир на месте. Сейчас по этим корням скользили ярко-зелёные искры, с лёгкостью пережигая сгущённую плоть Упорядоченного.

Эйвилль ощутила укол тревоги.

Что они задумали, эти Дальние? Пережигают корни самого мира, накрепко запечатав его границы, — а как

же она, как же её награда? Ведь Хедина с Ракотом должны были пленить и отдать ей!

«Пусть наша верная не беспокоится. Это необходимая мера, чтобы лишить Новых Богов всякой поддержки, возможности черпать хоть что-то из пределов Упорядоченного».

Вампирша нехотя кивнула, но беспокойство её не угасало.

— Когда я получу обещанное? — решила она наконец.

«Совсем скоро. Как только мы покончим с корнями».

— Но что с Эвиалом случится тогда? — не уступала Эйвилль.

«Ты всё увидишь».

— У меня ваш залог, — вырвалось у вампирши.

«Конечно. Мы дали тебе известную власть над нами. Как свидетельство наших добрых намерений и правдивости».

Эйвилль не нашлась что ответить. Искренность Дальних казалась совершенно обезоруживающей.

Зелёные искры продолжали свою работу, корни Эвиала лопались один за другим.

«Пусть наша верная не беспокоится», — настаивали незримые собеседники.

Однако что-то мешало Эйвилль последовать этому совету. Вампирша дрожала всё сильнее и сильнее — тем более что Эвиал и Мельин по-прежнему связывала тонкая, ни для кого, кроме неё, похоже, не видимая нить, протянувшаяся от человека к богу. Сейчас эта нить натягивалась всё сильнее, но не собиралась лопаться.

Что-то пошло не так. Ужасно не так.

* * *

Из глубин опрокинутой пирамиды теперь неслись непрерывные раскаты грома, сливавшиеся в сплошной рёв, словно там бесился целый рой исполинских дра-

конов. В который уже раз по лестничным маршам и ярусам надвигались орды зомби в красно-зелёном; кое-где орки уже схватились с подступающей нечистью.

А потом...

— Не-ет! — истошно завопил Этлау из глубины каземата, но Клара всё почувствовала и сама.

Лопнувшая струна хлестнула ледяной, обжигающей болью. Протянувшись от небес до земли, эта струна, казалось, до последнего удерживала неимоверный, непредставимый груз — целый мир.

И вот — разъялась.

Нахлынуло тошнотворное, подмучивающее чувство, Клара пошатнулась, удержавшись на ногах лишь благодаря помощи Райны. Незримая стена покатилась с запада, с каждым мгновением убыстряя ход, стремительно поглощая пустые просторы океана, мелкие острова, расправляясь с деревьями и птицами, сжирая китовьи стада и рыбы косяки, обращая в себя любую форму жизни и усиливаясь всё больше и больше.

Западная Тьма получила наконец вожаделенную свободу. Кларе казалось — она слышит хор ликующих голосов, как будто там, за сотканным из мрака занавесом, прятались певцы, словно в античной трагедии.

И тотчас шагнул к земле Спаситель.

Океан за его спиной взорвался новыми фонтанами пара — до самых небес. Камни затрепетали, в зените разгоралось новое солнце — истребительно-белое, словно напоминание о том пламени, что низойдёт на обречённую юдоль, стоит Ему завершить великий суд.

— Пора, кирия.

«Сейчас или никогда, Клара!»

— Сейчас, госпожа! Сейчас! — Это уже Этлау из каземата. Толчок силы — словно удар под дых. Тошнота усиливается — чем он там занят, этот инквизитор?!

«Некромантией, Клара. Как умеет и как может. И я бы ему не мешал. — Это дракон. Шея выгнута, страшные

клыки обнажены, в глотке клокочет пламя. — *Взойди на меня, Клара. Настало время для последнего полёта*».

— Пора, кирия, — настойчивее повторяет Райна.

Облитая чёрной бронёй шея дракона наклоняется. Валькирия взбирается первой, протягивает руку Кларе, и чародейка делает шаг.

Она тепла и кажется почти что мягкой, эта броня. Внутри дракона кипит и бьётся пламя, стремясь наружу.

Пора лететь. Пора исполнить столь давно обещанное.

Но... разве не Западная Тьма была её врагом? И что делать, если Та освободилась?

Однако недаром на сдерживавших мрак скрижалях был знак Спасителя. Начало и конец кроется именно тут, и хватит обманывать себя — Он искусно обошёл вселенские законы, заложив в Эвиале залог своего грядущего возвращения — и своего же триумфа.

— Летим! — кричит Клара, почти бросаясь на шею Аветуса — то есть, конечно, Сфайрата.

— Летим! — подхватывает валькирия.

— Летите, а я поддержу, — доносятся последние слова Этлау.

Широкие чёрные крылья разворачиваются, упираясь в сгустившийся воздух. Сфайрат отрывается от нагретого камня опрокинутой пирамиды, взмывает, бросаясь наперерез Спасителю.

Ждать больше нечего — Клара берётся крест-накрест за эфесы Алмазного и Деревянного Мечей.

Внизу, в каземате, странно спокойный Этлау кладёт в центр вычерченной им фигуры маленький желтоватый череп. Эйтери наблюдает за священником с откровенным ужасом.

— Никуда не денешься, — почти ласково произносит бывший инквизитор. — И хочешь жить вечно, да грехи не дают. Не бойся, гнома. Я знаю, что делаю.

— Откуда? — Голос Сотворяющей слегка дрожит. — Откуда знаешь, преподобный?

— Некромант Неясыть не успел тебе рассказать, что во мне намешано сейчас аж три силы, норовящие погубить Эвиал? — безмятежно откликается Этлау.

— Н-нет...

— Эх, жаль, времени совсем нет, — досадует инквизитор, качает лысой головой. — В общем, не всем нужно, чтобы Спаситель одержал здесь очередную победу, даже Его же собственным союзникам. Таковы все эти силы — грызутся за добычу хуже помоечных крыс. Отсюда... — Он даже привысунул язык от старания, осторожно поправляя череп в самой середине нарисованной им паутины. — Отсюда всё и происходит. Иногда оказаться слугой разом и Западной Тьмы, и Спасителя и ещё небеса ведаёт кого имеет свои преимущества.

— Что ты задумал, монах? — рыкнул капитан Урthanг.

— Использовать смерти твоих храбрых воинов, — не моргнув единственным глазом, ответил Этлау.

* * *

ВСТАНЬ И ИДИ, НЕКРОМАНТ! — гремело у Фесса в ушах.

Не могу. Всё кончено. Всё погибло. Всё даром. Не могу. Отстань. Дай помереть спокойно.

НЕ ДАМ, НЕ НАДЕЙСЯ! ТВОЙ ДРУГ, ИМПЕРАТОР МЕЛЬИНА, СРАЖАЕТСЯ!

А, лениво подумал Фесс, замороженно глядя на еле шевелящегося Салладорца — как и в самом некроманте, человеческого в нем осталось крайне мало. Сражается. Пусть. Какая разница...

ТЁМНАЯ ШЕСТЁРКА СРАЖАЕТСЯ ТОЖЕ! — не унимался голос. И трудно уже понять, то ли Фесс спорил сам с собой, то ли к нему и впрямь обращалась иная сущность.

Не хочу, вяло ответил некромант. Всё сделалось неважным и ненужным. Даже бело-жемчужный росчерк на чёрном — неподвижная Рысь-Аэсоннэ — не вызы-

вал никаких чувств. Словно от Кэра Лаэды не осталось даже души, одна низшая её фракция, заставляющая двигаться тело. Оказавшееся, однако, бесполезным, несмотря на все мышцы, клыки и когти.

Император.

Император сражается.

Тёмная Шестёрка сражается тоже.

Драконы...

...Семь окутанных пламенем чешуйчатых тел с рёвом обрушились на защитников Салладорца.

Чаргос успел первым, окатив пламенем шестирукого великана, изрядно потеснившего Зенду и Дарру, хвост дракона ударил, словно исполинская палица. Следом за предводителем вступили в битву и остальные шестеро Хранителей; они вступили, а некромант Неясыть всё не мог оторваться от нагретой его собственным телом стены.

Чёрная башня казалась чем-то вроде материнской утробы. Не оторвёшься, пока с кровью не перережешь пуповину.

Зелёное пламя трёх чудовищных тварей Эвенгара смешивалось с рыже-алым огнём эвиальских драконов. Камни Башни затряслись под лопатками некроманта — не человека, но поистине диковинного существа, соединившего в себе черты и дракона, и вепря.

А Салладорец — совсем рядом, смешная фигурка, руки и ноги дёргаются, словно ненужные, и живёт только жуткого вида опухоль на плече. Комок окровавленного мяса, где алое, человеческое, смешанное с гнило-зелёным, выпускает щупальца, подтягивает, перемещает беспомощное тело; всё ближе и ближе к некроманту.

Жемчужная драконица меж тем шевельнулась. Или показалось? Здесь ничему нельзя верить, ни глазам, ни даже сердцу. И «собрав последние силы» не поможет. Нет их, сил. Ни первых, ни последних.

Салладорец оказался победителем. Всё рассчитал, всё предусмотрел.

Молодец ..

Равнодушно-тупая мысль тонет в заткавшем сознание зеленоватом тумане Проклятый цвет, ты повсюду — цвет смерти и распада, а вовсе не цветения и весны, как могло бы показаться.

Хлюпанье, мокрые шлепки. Совсем рядом. Вроде должен испытать гадливость, ан нет. Ничего...

Счастье, что отец меня таким не увидит. Или мама Или тётя Аглая.

Слова Не чувства, просто царапающие зеленый туман корявые символы. Стремительно теряющие смысл, превращающиеся в непонятные никому закорючки на страницах тома древней магии.

«Папа...»

Голосок Рыси едва-едва доносится. И сама она, могучий дракон, пусть и не достигший предела силы, еле двигается.

«Папа, мы умираем?»

В ее словах нет страха. Одна лишь усталая досада Недотянули, недоделали, оказались слабее, чем мнилось.

Умираем, Рыся? Наверное. Но это уже неважно. Я повторял это много раз, терпя очередное поражение — «неважно, неважно, неважно»; как заклинание, чтобы защититься от горького, непереносимого стыда. Даже не столько вслух, не столько именно этим словом — сколько старался убедить себя «логикой» и рассуждениями. И вот оказался у последней черты, когда уже и доказывать нечего.

Кто-то дергает, мол, встань и иди. Куда, зачем, для чего? Западная Тьма вырвалась на свободу. Даже прикончив Салладорца и отобрав Аркинский Ключ, я ничего не достигну. Не силами простого человека ставить преграды такой мощи...

...Нет, это не я говорю. Это я всё слушаю. А за меня лепечет какая-то растекающаяся зелёною слизью тварь.

...Драконы, Тёмные и твари Салладорца сплелись в один жуткий клубок. Магия против когтей, заклятья против пламени. Призраки схватились с наделёнными плотью. Там трещала и рвалась сама реальность Эвиа-ла — враги не разменивались на какие-то там молнии и огнешары.

«Папа, — виновато произносит Рысь. — Прости. Не смогла. Очень... больно. Не пошевелиться».

Откуда-то возникает картина — Клара и воительница Райна, вдвоём на черном драконе, так напоминающем Сфайрата, несутся среди облаков дыма над знакомой опрокинутой пирамидой, до сих пор охваченной пожарами; а навстречу им — колоссальная, от земли до неба, фигура, раскинувшая руки, в пылающих яростным светом белых одеждах, испачканных на боку чем-то красным, вроде крови.

Даже Клара не сдалась. А ты лежишь.

Слова-калеки, слова — смутные письмена. Нет смысла, нет цели, ничего нет.

Где то волшебство, что позволит мне встать?

Нет, не волшебство. Оно тут и вовсе ни при чём.

Из глубины памяти пробивается тёплый луч, картина, давно и тщательно отгоняемая: он, мама и отец высоко в окружающих Долину горах, на лугу возле тщательно выложенного водопада. Водопад сделала мама по просьбе мессира Архимага, Кэр это твёрдо запомнил. Грохочущий поток низвергается с вершины острой скалы, где воде, вообще говоря, взяться неоткуда. В каменной чаше у подножия водопада — круглые листья водяных лилий, мама придала им ещё и аромат, какой никогда не встретишь в природе.

Да, это был их последний день вместе. Отец уходил умирять восстание Безумных Богов, мама... уходила тоже. Кэр не помнил, куда и зачем. Главное — что она оставляла его, не брала с собой. Бросала на тётку. Аг-

лая была доброй, но всё равно — как может она заменить его маму?!

Грохочет водопад.

«...и вспененного демона ничем не усмирить!» — дочитывает мама вслух чьи-то стихи.

А его усмирили.

Что-то горячее пробивается по самому краю сознания и памяти — грохот водопада, блеск солнца среди круглых смарагдовых листьев, шершавость нагретого солнцем Долины камня.

Мама, отец! Я вас подвёл.

«Нет, Кэр, ты ещё не успел. Но уже очень, очень близко».

Вставай, ты, лежебока!

Это уже он сам себе.

Не то дракон, не то вепрь — странное тело, заключившее в себя сознание Кэра Лаэды, вздрагивает, поджимает лапы, подтягивает их под себя.

Кажется, что рвутся все жилы. Кажется, он успел прирасти к земле, чем бы она здесь ни оказалась; а вот Чёрная башня помогает, словно подталкивая в спину.

...Вертясь, ломая крылья, диким, безумным клубком из схватки выкатывается изумрудный дракон. Грудь вспорота, видно, как бьётся сердце, толчками выплескивая из раны дымящуюся кровь. Вайесс умирает, она поворачивает голову, в упор глядя на некроманта.

В глубине разорванной груди ползает целый сонм отвратительных ярко-зелёных змей.

«Добей!» — умоляет драконица.

Где-то далеко-далеко, на другом краю света, покрывается паутиной трещин Кристалл Магии, доверенный погибающей Вайесс.

Хрупкая драгоценность Эвиала на миг тускнеет, потом на мгновение вспыхивает нестерпимо-ярко, ночь в глубокой пещере сменяется летним полуднем — и, вместе с отлетающим вздохом умирающей Хранительницы, Кристалл взрывается.

Фесса-Разрушителя подбрасывает, он оказывается на ногах. Неведомая волшба ещё пригнетает к тёмному покрывалу, но тупой обречённости уже нет, заклятье перебито потоком чистой силы; Вайесс застыла бесформенной грудой обугленной плоти, некромант слышит неистовый рёв остальных драконов и видит, как бессильно падает, переломившись прямо в воздухе, бронзовая Менгли, задетая одним из клинков шестирукого.

Теперь некроманта почти швыряет на Салладорца. Когтистая лапа рвёт тянущиеся зеленые щупальца, эвиалец отшатывается, всё ещё что-то бормоча, — Фесс разбирает слова заклятья, но поток высвобожденной мощи в клочья рвёт ещё не составившиеся чары.

Но трое слуг Эвенгара напирают, и даже Тёмная Шестёрка не в силах им противостоять. Крылатая бестия бросается на Сиррина, заключая его в кокон собственных крыльев; пробивая кожу и кости, наружу высовываются сотни острейших шипов, но уже поздно, слишком поздно — крылья расходятся, а на месте одного из Шести — лишь слабо курящаяся кучка пепла.

Новая волна силы.

Фесс едва подавляет неистовое желание броситься в рукопашную. Нет, он не имеет права. Они не должны умереть напрасно!

Он поклялся защищать Эвиал. От самых разных напастей. Неупокоенные — самое меньшее из терзающих его зол. Есть и другие. Сущность. Теперь же — ещё и Спаситель. Я знаю, я вижу — Он здесь, и с ним сейчас схватилась Клара Хюммель.

Покончить со всеми. Силы, рвущиеся властвовать и повелевать, недостойны существования. Только те, кто охраняет баланс. Кто до последнего старается не вмешиваться.

«Торопись, некромант. Долго нам не продержаться».

Голос Уккарона бездушно-спокоен. Призраки не

задыхаются, язык у них не заплетается от ужаса, они не забывают слова.

Фесс одним движением оказывается внутри Чёрной башни, нимало не удивившись, что врата словно бы раздвинулись, пропуская его новое, чудовищное тело.

— Теперь ты готов, — говорит карлик Глефа, словно ждавший тут некроманта всё это время.

— Теперь я готов, — отзывается Фесс прежним, человеческим голосом.

— Разрушитель осознал свой долг?

— Да. Жизнь есть исток Смерти и Смерть — исток Жизни. Нет никакого «бесконечного круга», что так любят философы.

— Ты прав, — кивает поури. — Бесконечный круг — есть замкнутость. Ограниченность. Тюрьма, если вдуматься. Смерть — есть освобождение от жизни, точно так же, как и Жизнь — есть освобождение от смерти. И то, и другое — начало нового. Никогда не повторяющегося. И те, кто стремятся заключить великое движение в тот самый «круг», были, есть и останутся злейшими врагами Упорядоченного. Не правящих в нём богов или иных сил — но всего сущего, всего, что есть, что отделено от Хаоса, что борется против всеобщего распада.

— Прекрасные слова. А теперь уйди, не мешай мне.

— Всё, всё, уже всё, — ухмыляется поури. — Хотя куда мне уйти, если я — с самого начала часть тебя?

Коготь громадной лапы высекает искры, прочерчивая прямо в камне ровную дугу. Засечка, другая — некромант быстро наносит символы небесных созвездий.

Что делать, когда часть мира поражена неизлечимой гнилью?

Только одно — выжечь небесным пламенем. Вышвырнуть прочь из Эвиала.

Любой ценой.

Принцип меньшего зла всё-таки не всегда неверен.

Там, среди бесчисленных звёзд, оставшуюся грязь можно сбросить в их полыхающие костры.

И самому рухнуть вместе с ними.

«Папа!»

Чёрные врата с грохотом захлопываются. Рысь-Аэсоннэ, в человеческом облике, оборванная и окровавленная, с бессильно повисшей правой рукою, привстаёт на цыпочки, одним движением нежной ладошки задвигает тяжёлый засов.

— Сейчас примутся за нас, — поясняет она, едва удерживаясь на ногах. — Прости, папа, я не смогла помочь.

Громадный зверь согласно кивает уродливой башкой. Когти продолжают свою работу.

Аэсоннэ мгновение вглядывается в переплетение линий, перехватывает саблю левой рукою, указывает остриём:

— Здесь, папа. Полуночные созвездия соединены только с утренними. Но не со своей противоположностью, невидимыми днём.

Разрушитель кивает. Драконица, конечно, совершенно права.

— Это не я, — смущённо признаётся Рысь. — Память крови — великая вещь...

Ворота Чёрной башни вздрагивают — в них словно ударили тараном, петли окутываются облачком каменной пыли.

Громадная лапа крепче сжимает исчезающе-крохотный шестигранник. Кровь струится по чешуе, но засов и петли больше не дрожат.

«Скорее, некромант».

Не бойся, Уккарон. Я не подведу.

Ещё немного, ещё совсем немного...

«Кэр Лазда! Мы готовы».

Это уже Чаргос. Старый дракон называет Разрушителя его собственным, стремительно уходящим в небытие именем.

Я тоже готов, друг мой.

До конца. До самой смерти и даже дальше.

— Иди сюда, дочка.

— Папа... — Кажется, она плачет.

— Ты боишься?

— Нет, — всхлипывает. — Вернее... немножко. Просто потому, что не знаю...

— А это и не надо знать. — Черная лапища всё плотнее и плотнее сжимает заветный шестигранник.

...А великая завеса Западной Тьмы уже не ползёт, не течёт — мчится на восток всесокрушающей лавиной. Ещё немного — и Она докатится до проклятого острова.

СЕЙЧАС, НЕКРОМАНТ!

Сам знаю, Сущность. Отойди в сторону, не лезь под руку.

ПОНЯЛА. УХОЖУ. НЕНАДОЛГО.

«Друзья мои. Теперь!»

Разрушитель зажмуривается. Огромная лапа осторожно опускает чёрный шестигранник в самую середину вычерченной паутины — на пересечение хорд, связавших звёзды и подзвёздный мир в единую сеть.

Ударим вместе, дочь.

«Да, папа!» — она перекинулась. Аэсоннэ очень, очень трудно удерживаться в облике драконицы, но она держится.

Прости, милая моя, я знаю, это больно, невероятно больно.

Сейчас.

— Не так быстро, некромант!

Знакомый глумливый голос Салладорца.

Зеленые, волосяно-тонкие щупальца просовываются в мельчайшие щели, впиваются в засов и петли, напрягаются — и прежде, чем Разрушитель или Аэсоннэ успевают повернуться, створки ворот Чёрной башни с грохотом рушатся.

— Ты забыл, что здесь нет правил. Что законы здесь устанавливает сильнейший. — Вползающая через по-

рог склизкая зеленая тварь не имеет ничего общего с человеком. Сохранился лишь прежний голос Эвенгара Салладорского, великого Тёмного мага. Он хотел открыть новые пути познания, но лишь отворил врата полчищам врагов рода человеческого.

Будь ты проклят, Эвенгар — потоки силы уже устремились в начертанные для них русла, я не могу с тобой сражаться, но...

— Зато могу я, Салладорец.

В проёме врат появляется совершенно новая фигура. Вернее, их двое.

Те самые, рухнувшие в пропасть опрокинутой пирамиды, когда схватка ещё даже не успела начаться.

Безымянная, деревянный лесной голем — и Рысь-неупокоенная, вырванная великим заклятьем с порога Серых Пределов.

Но сейчас всё совсем не так, как было там, на верхних ярусах. Глаза Рыси-первой ярко сияют, шаг твёрд и упруг, и обе сабли вновь у неё в руках.

Безымянная же едва тащится, голова поникла, скрюченные пальцы вцепились в плечи беглянки из Храма Мечей.

Её путь заканчивается, понимает Разрушитель. Сила Спасителя творила не одно лишь зло. На краткий миг она вновь соединила душу с телом той единственной, кого любил Фесс и любившей его самого.

— Я здесь, одан, — спокойно произносит Рысь. — Ты звал меня, и я пришла. Ненадолго; но помочь успею.

Слова пронзают пространство, вспыхивая огневеющими искрами; время послушно раздвигается, пропуская их. А вот Салладорец не успевает развернуться, не успевает воздвигнуть щит — сабли обрушиваются, они рассекают, рубят и кромсают.

Колени Безымянной подламываются, она валится на пол бесформенной грудой веток и сучьев, туловище оборачивается обрубком древесного ствола.

— Жаль, что так мало, — успевает произнести Рысь —

за миг до того, как оба её клинка вонзаются в спину твари, совсем недавно бывшей Эвенгаром Салладорским. — Не уппусти шанса, одан рыцарь.

— Рыся! — Разрушитель ревёт, запрокидывая голову, под прикрывающей горло чешуёй перекатывается огромный кадык.

Свистящий звук — сталь режет покрытую зеленоватой слизью плоть. Визг, в котором не остаётся уже ничего человеческого. Щупальце обворачивается вокруг ног Рыси, подсекает — та падает, но даже не думает защищаться, лишь ещё глубже вонзая клинки в тело зелёной твари.

Ни Разрушитель, ни Аэсоннэ не могут броситься ей на помощь — чёрный шестигранник в самом центре паутины, и он уже дрожит от рвущихся через него потоков силы. Её много, очень много — но всё-таки недостаточно для задуманного.

— Хорошо... удалось тебя увидеть... — Лицо Рыси первой остаётся нечеловечески спокойно, воительница всем телом наваливается на рукояти клинков, вгоняя их глубже, ещё глубже.

— Рыся!

Она начинает задыхаться — зелёное щупальце захлестнулось-таки вокруг её горла.

— Не бойся... — хрипит она. — Не отпущу. Хоть напоследок... пригложусь.

— Рыся!..

«Сейчас, некромант». — Чаргос тоже спокоен.

«Сейчас», — соглашается Уккарон.

Следом за Салладорцем в ворота Чёрной башни пытаются прорваться трое его прислужников. Уцелевшие драконы и Тёмные бросаются следом. Столкновение, сверкают отсвечивающие зелёным клинки, отбрасывающие соратников Разрушителя.

Два существа, жемчужно-белый дракон и иссиня-чёрный его собрат с немалой примесью вепря, застыли над содрогающимся шестигранником. Вот огромный дуотт дотянулся до бросившегося прямо на него Редро-

на, и ручищи чудовища разрывают Хранителя почти пополам.

Новый выплеск силы, по шестиграннику бегут трещины, но этого мало, слишком мало!

Следующим гибнет Эртан, оторвав, правда, крыло у летучего слуги Салладорца. Далеко в Эвиале, на поверхности истерзанного мира, до самых небес взмывает огненный гриб, взрыв размётывает древние горы, играючи ломая своды самых глубоких пещер, в крошки разнося неподвластный самому времени камень.

Мало Мало. Мало!

«Сейчас будет ещё, Кэр».

— Я держу, — хрипит Рысь-первая. — Про меня не думай, одан. Убей их всех!

Жемчужная драконица в отчаянии запрокинула голову, раскачивается из стороны в сторону. Ничего не сделать, ничего! Даже не повернуться, не окатить врагов пламенем!..

— Ничего... — слышится последнее слово Рыси. И тут сверху доносится новый звук — высокий, отчаянный, режущий вопль, от которого трясутся стены Чёрной башни и обрушиваются плиты внутренней облицовки.

Кричит Спаситель, и это первый звук, услышанный от Него миром.

* * *

Клара Хюммель и валькирия Райна. Дракон Сфайрат. Эфесы Иммельсторна и Драгнира в руках. И — ветер, ветер в лицо, напоённый дымом и паром, несущий облака пепла и пыли, словно и не океан раскинулся вокруг, а мёртвая пустыня, и не просто пустыня, возникшая волею природных сил, а след прокатившейся по миру злобной, истребительной магии.

Внизу умирали орки капитана Уртханга, и помочь им было некому, кроме одной лишь Эйтери, Сотворяющей народа гномов. Кицум покинул отряд, обернувшись золотым драконом, Тави канула в пропасть,

увлекая за собой Игнациуса, Ниакрис тяжело ранена, её отец убит Архимагом...

Ах да. Ещё преподобный отец Этлау, занятый малопонятными манипуляциями с крошечным детским черепом, столь драгоценным для мессира Архимага.

— Выше, дракон, выше!

Спаситель оказался под ними. Он не обращает внимания на дерзкую троицу — что она Ему? Последние, Им самим установленные преграды пали, Западная Тьма устремилась на восток... кстати, вот она уже и видна.

Существо, принявшее человеческий облик, ступило на истерзанные драконьим пламенем камни опрокинутой пирамиды, и от края до края Эвиала вновь прокатился глухой подземный гром. Клара болезненно сморщилась — рвались незримые магические струны, удерживавшие мир на его месте в Упорядоченном.

Всё сильнее парило море, серые клубы мчались со всех сторон к Спасителю и втягивались, исчезая, Ему под плащ. Орды мертвецов, наступавшие на орков Уртханга от верхнего края опрокинутой пирамиды, натолкнулись наконец на стену щитов и копий, отшатнулись, потому что перед воителями Волчьих островов мигом возник сплошной завал изрубленного человеческого мяса. Именно «мяса», словно в лавке — топоры и мечи не знали ни отдыха, ни промаха.

Но бесстрашные бойцы Рейервена тоже погибали. То тут, то там неудачливый орк падал, опрокинутый вцепившимися в него мёртвыми руками, мигом исчезая под навалившейся массой неупокоенных.

— Сейчас, госпожа Клара, — донёсся вдруг спокойный голос инквизитора, словно тот сидел на спине дракона рядом с чародейкой. — Ещё немного. Спасибо некроманту Неясыти, сиречь Кэру Лаэде, научил... пусть даже не своей волей.

— Я вижу надлом. — Райна напряжённо вглядывалась в неподвижно застывшую фигуру Спасителя. — А ты, кирия Клара?

— Кровь? На левом боку?

— Да. Кто-то сумел достать Его. Значит, сможем и мы.

— Сейчас, госпожа Клара! — резко выкрикнул Этлау, и дракон, сложив крылья, коршуном ринулся на цель.

Спаситель соизволил повернуться, медленно поднять взгляд. Клару едва не сорвало со спины Сфайрата, она удержалась лишь благодаря валькирии, замершей с поднятым копьём, словно изваяние — свободной рукою Райна подхватила шатнувшуюся чародейку.

Засвистело, загудело в ушах — дракон набрал скорость, словно намереваясь грудью смести и раздавить неподвижную фигурку, кажущуюся отсюда такой беззащитной и хрупкой.

Спаситель улыбнулся. Поднял руку — и воздух перед несущимся драконом словно бы исчез, крыльям стало не на что опереться, Сфайрат беспомощно закувыркался и...

Замерший в горделивой позе великий судия, принимающий последние вздохи мира, вдруг оторопело уронил грозно вытянутую длань. Отчаянно бьющий крыльями дракон успел выровняться в считанных саженьях от острых обломков им же разнесённой пирамиды.

Что-то творилось сейчас в каземате, где преподобный отец Этлау сидел на корточках перед тщательно вычерченной магической фигурой.

* * *

— Всё, гнома. — Инквизитор невозмутимо подвинул маленький череп на одному ему видимый волос, добиваясь идеального, со своей точки зрения, положения. — Сейчас, думаю, хватит.

— Чего хватит, монах? — Эйтери держала на коленях голову неподвижной Ниакрис, голос маленькой чародейки звучал еле слышно.

— Силы, — спокойно отозвался преподобный. —

Орки — хорошие воины, хорошо умирают. Не чувствуешь?..

По круглому лицу гномы катились быстрые слёзы, она их не утирала.

— О чём ты?..

— Вот об этом. — Этлау протянул руку, закатал левый рукав ряссы. Вздыхнул.

— Так не хочется... — пожаловался он. — Так всё... интересно. И страшно. Раньше я точно знал, куда уйду после смерти, гнома. А теперь — один туман. И оттого я ужасно боюсь. Праздную труса. Что, если правы ересиархи, и *там* — вообще ничего? Просто пустота, даже не тьма?..

— Ты уверен, — сглотнула слёзы гнома, — что сейчас самое время говорить об этом?

— Угу, — вздохнул инквизитор. Подобрал валявшийся на полу нож, потерянный в суете кем-то из орков, и провёл остриём по запястью.

Несколько капель крови упали прямо на желтоватую кость черепа, и он немедленно задымился. Этлау опустил на колени, запрокинул голову, дико закричал — его левая рука сама собою метнулась к середине магической фигуры, прирастая к черепу и щедро поливая его кровью.

Ноги инквизитора скребли по полу, смазывая им же заботливо вычерченные линии, — но маленький череп горел синим бездымным пламенем, и гноме показалось, что стены каземата начинают растворяться, а единственной реальностью остаётся окровавленная голова Ниакрис у неё на коленях.

* * *

Спаситель замер, согнувшись, словно человек, получивший жестокий удар в живот, выбивший дыхание. Покорные Его воле мёртвые остановились, орки внизу получили минутную передышку. Сфайрат, заревев от натуги, последний раз взмахнул крыльями, очутившись

подле сгорбившегося... бога? Сущности? Силы? — столько слов и ни одно не подходит.

Клара не помнила, как очутилась на острых камнях, рядом со скрюченной фигурой самого могущественного существа в Упорядоченном. Спаситель не защищался, он только и успел, что с немым укором взглянуть на чародейку.

Алмазный и Деревянный Мечи вдруг сделались неожиданно тяжёлыми, словно на каждом висело по целому миру.

Клара замахивается. Она не думает, на что — или на кого — поднимает руку.

Иммельсторн вонзается в бок Спасителю, там, где краснеет кровавое пятно, Драгнир соскальзывает, словно по надетой кирасе, разрывая Его одежды, и только вторым ударом Клара вгоняет Алмазный Меч рядом с его деревянным собратом.

Спаситель выгибается дугой и кричит, кричит так, что дрожат небеса и океанские глубины. Это крик существа, никогда ещё не знавшего настоящих поражений, существа, вечно планировавшего даже собственные муки, — но причинял Он их себе, считай, сам — а тут на Него впервые посягнули с оружием.

«Но если бы не надлом, не та жертва — моё оружие ничего бы не сделало Ему», — мелькнуло у Клары.

Спаситель падает на колени, продолжая кричать, — и неподвижно застывшая чародейка видит, как дыбом встают сразу три стороны горизонта. Только три, потому что с четвёртой сплошным валом катится чёрная волна, закрывая уже полнеба.

Зачем мы сражаемся, для чего, почему? — спасения уже нет.

Оттолкнув Клару, замахнулась копьём Райна.

— И не таких, как ты, видывала, — прошипела валькирия перед ударом.

Древко разлетелось облаком щепы.

Крик оборвался.

* * *

С Эвиалом творилось что-то непредставимое. Отряды Гелерры, Арриса и Арбаза покрыли бы расстояние «от небес до земли» в считанные мгновения, тем более если их возглавляет сам Отец Дружин.

Нет, теперь всё не так. Сгустился воздух, истончилась сила, так, что многие едва удерживались от стремительного и беспорядочного падения. Или идти медленно, или падать, но быстро, — как заметил Арбаз.

Гелерра видела, как на западе мира поднимается чёрная стена, как она начинает разбег, поглощая всё перед собой — живое и неживое.

Слейпнир дико заржал, вокруг ног жеребца замеслось пламя — и он стал двигаться чуть быстрее, но лишь чуть.

Куда мы? Зачем мы? Что нам тут делать? — успела подумать гарпия за миг до того, как заметила фигурку Спасителя.

Отец Дружин вёл три объединённых полка прямо на Него.

* * *

Гелерра никогда ещё не оказывалась в таких переделках. Вокруг соратников Хедина рушился целый мир, а они ничего не могли сделать. Познавший Тьму учил их сражаться, а не строить, разрушать, а не сохранять. Возможно, гномы Арбаза... но и они давно променяли вековые умения Подгорного Племена на меткость и убойную силу своих начищенных бомбард.

Да, они прорвались сюда — но что смогут сделать? Мир разваливается, надо отступать — иначе сам великий учитель не сможет их вытащить!

— Всем стой! — вдруг гаркнул Отец Дружин, заставляя замереть Слейпнира. На лице его угасала тень огромного удивления, словно он столкнулся с чем-то совершенно невозможным. — Здесь я один справлюсь.

А вам всем вниз, вниз, вниз! Круг составьте, скорее, не мешкайте!

— Куда именно «вниз», Хрофт? — с почти что отчаянием выкрикнула адата. — В пропасть? Но зачем?..

— Главный бой сейчас там, — наспех бросил хозяин Слейпнира. — И я чувствую вход. А за ним — о, за ним те, о ком я ничего не слыхивал уже много веков. Вот уж неожиданная встреча! Вскрыл кто-то их берлогу, потянуло застарелой вонью... не принимавайся, такое только я и почувствую, ну, кроме Хедина и Ракота, конечно же.

— Кто ж они таковские? — безо всякого почтения врубил Арбаз.

— Брандей. — Единственный глаз Отца Дружин гневно сверкал. — Последнее брандейское поколение. Познавший Тьму с братом разгромили их твердыню, но самих слуг Хаоса так просто не уничтожишь. Пошёл бы сам с вами, да вот он, — кивок на Спасителя, — не даёт. Но поспешу следом, как только смогу. А вы, как окажетесь там, внизу, помните — вам лишь бы помешать им уйти бесследно, не дать забиться в новую нору. Эту мы ведь так и не смогли бы найти, если бы не стечение обстоятельств.

Он торопился, частил, почти захлёбываясь словами, совсем не похожий сейчас на себя. Хрофту предстояло гнать полки Гелерры, Арриса и Арбаза почти что на убой, в полную неизвестность — однако знал он и то, что вскрывшийся гнойник необходимо выжечь калёным железом.

— Составьте круг! — повторил он. — Я не знаю, как брандейцы оказались здесь, не знаю, в каких они сейчас обликах и на что способны. Всё это вам придётся узнать в бою. Да пребудет с вами удача!

Гелерра не рассуждала и не мешкала.

— В круг! В круг, скорее!

Руки смыкаются со щупальцами и лапами. Морма-

ты в одном строю с эльфами, людьми, гномами, радужными змеями и им подобными.

С миром творится нечто ужасное, судороги пробегают по самым глубоким корням, он словно судно, гонимое жестоким штормом. Гелерра вдруг понимает, что Эвиал действительно вот-вот сорвётся с предначертанного пути и его понесёт — куда? Не в пасть ли Неназываемому?

И силы мало. Только составив древнее, как сама магия, «кольцо», тысячи учеников Хедина могут хоть чем-то помочь Старому Хрофту, оказаться там, где, по его мысли, он сейчас нужнее.

Холодная молния пронзает ладонь крылатой деве, та едва не разрывает круга — нельзя, нельзя, надо держаться!

Слейпнир срывается с места. И мчится, и мчится вниз — туда, где друг против друга застыли фигуры Спасителя с вонзёнными в бок полыхающими клинками и какой-то воительницы со щитом.

Отец Дружин мчался прямо туда, на скаку обнажив знаменитый Золотой Меч.

* * *

Вокруг сгрудившихся подмастерьев Хедина стремительно разламывалось сущее. Заклятье кольца могущественно, оно швырнуло их вниз, прямо в разверстую, источающую дым пасть опрокинутой пирамиды. Арбаз хохотал, беззвучно разевая рот, эльфы совершенно одинаково морщились, а она, Гелерра, не знала, что и подумать.

Брандейцы! Здесь, в Эвиале — на дне этой проклятой пропасти, что ли? Откуда они здесь взялись? Это их работа — укрепления на острове? И как с ними сражаться, где уязвимое место? Штурм Брандея обошёлся Учителю очень недёшево, что смогут сделать они, его верные ученики?

...Полёт сквозь исполинский колодец, режущий лица ветер. Дым и тьма, становящиеся всё гуще.

А потом, в один неразличимый момент, открытое пространство становится узким тоннелем. Швырнувшая отряд вперёд сила истаивает, оставляя учеников Хедина и Ракота одних в давящем мраке.

— Адата! — рычит где-то позади неё Арбаз. — Пустите нас вперёд. Зря, что ли, бомбарды волокли?

— Резонно, — кивает полузадушенный Ульвейн. — Если только твои сородичи, Арбаз, по головам пройдут.

— По головам не по головам, но пройдем, коли надо!

Гелерра не отвечает, она вслушивается — темнота звенит туго натянутыми струнами, и чутьё крылатой девы не может обмануть — враг там, впереди. Растерянный, сбитый с толку, но всё равно враг.

В узком, словно драконья кишка, тоннеле сгрудились сотни и сотни воинов. Тут не до правильных боевых порядков.

...Тоннель вывел на свет, как и положено. На яркий, режущий белый свет, в пустое белое же пространство, где никого и ничего, только твёрдое под ногами да привычная земная тяга.

И ещё — ощущение врага.

Гномы Арбаза сноровисто разбегались в стороны от тоннеля, становились на одно колено, прикладываясь к бомбардам. Занимали позиции лучники и мечники, медленно воспаряли над готовыми к бою шеренгами морматы.

В белёсой мути впереди что-то движется, перетекает, переливается...

Никто пока не атакует хединских подмастерьев, и адата Гелерра знает, почему — брандейцы (если это они) что есть сил пытаются заткнуть сейчас огромную брешь, сквозь которую из их цитадели стремительно утекает сила, словно вода, прорвавшая дамбу.

Они, враги, и близко, и далеко. Тут, в их логове,

многое из привычного не существует. Но Гелерра уверена — брандейцев можно достать и здесь.

— Арбаз! Пали!

— Во что палить-то? — огрызается гном.

— Не задавай лишних вопросов! Просто пали вперёд, прямо перед собой!

Арбаз что-то недовольно бурчит, но в голосе крылатой девы сейчас такая уверенность, что спорить он не решается.

А Гелерра чувствует и кое-что ещё. Нечто, заключённое в... наверное, в клетку, хотя клетка эта незрима. И слышит едва уловимый шёпот:

— Начинайте. Они рядом.

...Бомбарды с рёвом и грохотом выплёвывают пламя, и белая муть разлетается, пронзённая во множестве мест огненными шарами.

За ней — смутные тени, метания и кружения, змеиный шёпот, ползучие голоса, исполненные злобы; за огненными ядрами гномьих бомбард следуют эльфийские стрелы, а затем в бой бросаются мечники.

Привычное дело.

* * *

Рыцари Ордена Прекрасной Дамы спускались всё ниже и ниже — бесконечной лестницей, уводившей куда-то в иномировую глубь. Мрак надвинулся, поглотил всё, способное дать пищу взгляду. Лишь твёрдые ступени под сапогами да дыхание товарищей.

Лишь это да неколебимая, словно сталь обнажённых мечей, уверенность в том, что Орден — в полушаге от цели.

Ниоткуда не доносится ни звука, ни шороха. Рыцари одни в великом переходе, тоннеле, соединившем реальности. Молодой воин с игрушечным тигром на плече не отстаёт от товарищей. Как и все, он чувствует приближение черты, за которой — верит он — начнётся всё совсем-совсем другое. Что именно — он не зна-

ет, да и не пытается сейчас понять: ослепительная сказка явит сама себя, нет нужды слабому разуму пытаться предугадать непредставимое.

Шагавший, как и положено, первым, командор Ордена внезапно споткнулся, едва удержавшись на ногах. Что там, что такое?..

Черта. Граница. Великий предел, прочерченный чёрным по чёрному, мраком по мраку и тьмою по тьме. Граница, отделяющая созданное от разрушаемого. Граница того, что пришло строить, и того, что явилось просто пожирать.

Доас ощутил миг перехода, словно разом очутившись и в ледяной воде, и в кипятке. Его одновременно потянуло во все стороны, и толкая в спину, и упираясь в грудь. Сочленения доспехов застонали, словно под тяжким гнѐтом; молодому рыцарю пришлось навалиться плечом на незримую преграду, чтобы сделать хотя бы шаг.

Пробились, кстати, не все. Почти половина рыцарей так и осталась беспомощно топтаться перед невидимым барьером, иные пытались рубить его мечами, напирать на него щитами — бесполезно.

— Прошли лишь лучшие! — объявил Командор. — Лучшие из лучших, чистейшие из чистых!

Чья-то рука словно задѣргивает занавес — и вот оставшихся позади товарищей уже не видно. Пробившиеся убыстряют шаг, и Доасу кажется — их сейчас не останоят никакие армии.

Лестницы, лестницы, лестницы. Когда же вы наконец...

Свет. Со всех сторон, словно внесли множество солнечно-ярких факелов. Исчезает земная тяга, и Доас чувствует себя свободно парящим, точно на могучих ветрах.

Это оно и есть? — успевает спросить себя он. Блестящая сказка? Конечный абсолюте? Свет, полёт — и

больше ничего? И где все, почему я один в этом страшно-белом, слепящем свете?

Мне показалось или тигр на моём плече шевельнулся?

Я лишаюсь рассудка? Может, я просто валяюсь на ступенях чёрной лестницы и всё это мне лишь пригрезилось?

В разлитом вокруг свете начинает угадываться некая точка, более яркая, чем окружающий фон. Она ярка настолько, что смотреть в том направлении совершенно невозможно, и рыцарь отворачивается, только теперь поняв, что его плавно несёт именно в том направлении.

Свет стал блекнуть, в сплошном сиянии теперь можно было различить детали — ими оказались так же бесполезно дрейфующие, как и сам Доас, его товарищи по Ордену. Только... почему никто из них не шевелится? Так плавают всплывшие утопленники — раскинув руки и ноги. Щиты и мечи — выпущены, медленно кружат возле недвижимых хозяев.

Но если они все погибли — почему же я ещё жив?

Стой, а кто это впереди? Командор? Он — он шевелится!

Старый рыцарь развернулся лицом к Доасу. Их разделяло, наверное, два десятка сажений, но голос командора молодой рыцарь услышал так, словно тот шептал ему прямо в ухо:

— Мы остались вдвоём. Прошли второй барьер.

— Мы... верили? — Доас с трудом разлепил губы. Больше ничего не приходило на ум. — Другие... сомневались?

— Не знаю. Но я тоже... чувствую, что недолго... задыхаюсь... — Командор попытался вскинуть обе руки к горлу, словно стараясь разорвать невидимые путы. — Высасывает... выпивает... но ты... держись...

Он захрипел. Дёрнулся, словно кукла на верёвочке, и бессильно обмяк. Брошенные меч и щит, подобно

оружию других рыцарей, мрачно и торжественно поплыли вокруг почившего хозяина.

Ты один, Доас. Один в море яркого света. Что тебе осталось, рыцарь Прекрасной Дамы, лучший из лучших, если верить предсмертным словам командора? Почему тебя до сих пор щадят? Здешним законам ведь не нужно никакое оружие, чтобы отнимать жизни. В своей твердыне они — всемогущи.

Рыцарь не оглядывался. Он впервые постарался взглянуть на слепящий свет прямо, не пряча глаз — резануло, словно саблей, навернулись слёзы; тело пыталось защищаться от враз поглупевшего разума.

Он не отвернулся и не сморгнул. Его несло всё дальше и дальше, и вот среди жуткого безмолвия ему почудился первый звук. Потом — ещё и ещё; где-то совсем рядом зажужжали голоса, и, хотя Доас не понимал слов, злобу, ужас и растерянность он уловил безошибочно, не сомневаясь.

Он пробился сквозь барьеры. Один-единственный из всего Ордена. И теперь хозяева этого места не знали, что с ним делать. Он выпал из-под их власти.

Почему, отчего? — невольно молодой рыцарь вспоминал легенды Ордена, его сказочной основательницы, бывшей в ученицах самой Прекрасной Дамы. Да, конечно, записано было, что «дойдёт только один», но позднейшие толкователи считали это обычным сказочным преувеличением. А оказалось...

Да, он, последний, любит Прекрасную Даму. Её не стало — и на земле, в разных мирах, воцарились беззаконие и злодейство. Убийство слабого сильным. Насилие над женщинами и детьми — пальцы в железной перчатке коснулись игрушечного тигра. Он, Доас, пришёл в Орден не ради знаний или боевого умения, не с желанием ощутить себя частью грозной и могущественной дружины. Он пришёл, потому что видел сны о Прекрасной Даме, потому что Её голос чудился ему везде и всюду; и чудаковатого паренька в свой черёд

нашли те братья-рыцари, чей обет велел им странствовать под множеством солнц, отыскивая тех, на ком Прекрасная Дама, даже пленённая и скованная, смогла поставить свою печать.

Доас ушел за рыцарями и не пожалел ни мгновения.

А сейчас — что же, он и впрямь — лучший? И на нём — защитные чары той самой основательницы, обещавшей, что в решающий миг верный рыцарь получит помощь?

А голоса все громче, всё настойчивее. В белом море вокруг Доаса начинают проявляться фигуры, уродливые и гротескные, словно кто-то задался целью высмеять все пороки человечества. Под ногами появляется твердь, мелькают высокие стрельчатые окна, за ними — море и облака над ним, но каким-то образом Доас знает, что это все — обман. Он видит круглый стол, успевает заметить даже инкрустацию, но тут тени преграждают ему дорогу.

Шипение и свист, словно он угодил в гнездо рассерженных змей. Ему пытаются заступить дорогу, и в дело вступает меч рыцаря. Клинок рубит сгустившиеся тени, они отлетают с жалобными стонами; а впереди — сердце, средоточие света, куда он рвался с такой неистовой силою; в последний раз мелькают раскрашенные декорации богатых покоев, магические атрибуты, наспех брошенные расшитые плащи — перед Доасом оказывается клетка, грубые стальные прутья, замкнутые тяжёлым засовом. Конечно же, думает рыцарь, это всего лишь аллегория. Нет здесь, в мире заклятий, никаких решёток и засовов. Это лишь чудится, зрение тщится помочь представить непредставимое.

Что в самой клетке — Доас не видит. Он лишь знает, что надо сделать.

...Где отказывают глаза, на выручку приходит сердце. Цель всего Ордена — там, за уродливыми прутьями. Красота. Идеал. Невыразимый, поскольку он — идеал,

а следовательно, и видеть его Доасу нет необходимости.

Он видит пару драконов, чёрного и белого, застывших над неким шестигранником, артефактом, одним из замков, запирающих клетку. Видит, как они возносят когтистые лапы и вместе, дружно обрушивают их вниз.

Разрыв!

И нахлынувшее чувство великого освобождения.

Рыцарь с игрушечным тигром на плече размахивается. Его клинок вспыхивает в воздухе, распадаясь чёрным пеплом, но последняя огневеющая нить, поддерживаемая, казалось, кровью самого сердца, играючи и беззвучно перерубает прутья темницы.

И последнее, что видит Доас, — прекрасный феникс, с гортанно-ликующим криком расправляющий крылья. А потом накатывается всё сметающая чёрная волна, швыряет, мнёт и крутит — пусть, рыцарь не сопротивляется. Он закрывает глаза с блаженной улыбкой — перед ним до сих пор и навечно воспаряющий к незримым небесам феникс, символ возрождения.

* * *

Кричит Спаситель, и Его крик проникает, кажется, во все поры Эвиала, доходит до самого сердца обречённого мира. Он колеблет всё и вся, так что трещины, коими покрылся заветный шестигранник, становятся ещё шире. Сердце Чёрной башни дрожит, но ещё не сдаётся, есть силы, пытающиеся собрать его обратно, зарастить разломы и заполнить их.

«Прощай, некромант. Прощай и победи за нас!»

Голос Уккарона тает. Оставшиеся Тёмные обступают троих защитников Салладорца и больше не пытаются оборонить себя. Аххи, Зенда, Уккарон, Шаадан — бросаются все вместе, подминая великана, дуотта и крылатую тварь. Та, тяжело раненная погибшим Эртаном, валится первой, судорожно дёргаясь и разбрызгивая во все стороны зелёную слизь.

Вместе, дочка!

Ломаются о камень ударившие когти — и чёрный шестигранник распадается в мелкую пыль.

Я знаю, что всё сделал правильно. Я намертво связал себя и свою кровь с сердцем Чёрной башни, а она, в свою очередь, намертво связана с сердцем самой Сушности, может, и сама является им.

Разбей сердце, гласит закон войны. Разбей и стань им сам.

Драконы, Тёмные, дуотт и великан — всё смешивается на пороге Чёрной башни. А сама она вдруг начинает расти, подниматься и расширяться с лёгким шелестом, точно из ножен выходит отлично смазанный клинок.

«Ты успел, Кэр Лаэда! — Торжествующий, несмотря на боль и предсмертную муку, голос Чаргоса. — Сохрани... мою... внучку...»

Последний из Хранителей вцепляется в глотку шестурукому великану и опрокидывается вместе с ним.

Некромант чувствует, как в жилы словно втекает жидкий огонь, расплавленное железо бойко свершает круг, гонимое мощно бьющимся сердцем.

— Ты... смог... — произносит Рысь-первая. Глаза её закрываются, губы напоследок успевают сложиться в улыбку.

Последним усилием она вонзает клинки до самых эфесов.

Шестигранник раздроблен, Аэсоннэ бросается к Салладорцу, одним движением вспарывает опутавшие Рысь-первую щупальца — и тело великого Тёмного мага вихрем вышвыривает за распахнутые ворота Башни, рвёт в клочья налетевшей бурей; а сама Башня, всё расширяясь и расширяясь, достигает устья опрокинутой пирамиды. Желтоватый камень сталкивается с чёрной бронёй, и весёлые солнечные брызги так и хлещут в разные стороны.

Магия свободна, магия течёт без руля и без ветрил — погибли драконы-Хранители, погибли их вра-

ги — прислужники Салладорца, ничто больше не управляет потоками сил, они словно воды, прорвавшие запруду — натворят великих бед, если не найдётся отводной путь.

Такой путь есть.

Чёрная башня растёт, чешуя её боков дробит казематы опрокинутой пирамиды с той же лёгкостью, как ребёнок рушит им же возведённый песочный замок.

Звенит туго натянутая струна, на другом её конце — горящая сосновая ветка в руках туманной фигуры.

Все барьеры сметены, и Разрушитель исполняет свой долг — открыв ворота Западной Тьме, он ценой собственной крови превращает её сейчас в строительный материал для исполинского конуса.

Нет никого, лишь тело Рыси-первой на полу, лишь плачущая над ней Аэсоннэ, сейчас — человек; да тяжело повалившийся на пол Разрушитель. Бока вздымаются и опускаются, из пасти с трудом вырывается хриплое дыхание.

Он знает, куда направить удар. Он слышит зов и видит путь.

Он разрушает обречённое.

* * *

Клара и Райна застыли подле неподвижного Спасителя. Мечи тонко звенели, воткнутые в тело, словно в древесный ствол. Но что Ему какое-то там оружие, пусть и трижды магическое? Что Ему телесные раны?

Растерянность и пустота. Мир сворачивается, завеса тьмы прибли...

— Кирия Клара!

Нет, Западная Тьма уже не мчится на восток сметающей всё лавиной. Чёрная стена замерла, дрожа и заметно опадая. А из глубины опрокинутой пирамиды доносится гром, становится оглушительным, рвущим слух, непереносимым.

Что творится там — невозможно даже представить.

А Спаситель медленно выпрямляется, по Алмазному и Деревянному Мечам прокатывается последняя дрожь, и вонзённые в Его плоть клинки вспыхивают. Клара размахивается рубиновой шпагой — просто чтобы не погибать, уронив руки и сдавшись.

Райна отталкивает свою кирию, нагибается, выдернув нож-засапожник.

— Уходи, Клара! Моё время вышло.

— Дура! — срывается и чародейка. — Куда уходить?!

«Куда угодно!» — слышит она голос Сфайрата. В следующую миг когтистая лапа дракона обхватывает волшебницу и безо всяких церемоний закидывает на чешуйчатую спину.

«Я, быть может, смогу вынести — одн...»

Клара кричит и рвётся, как она может жить, бросив подругу там, перед разъярённым ликом непобедимого врага, но дракону нет дела до обезумевшей чародейки. Он мчится вверх, навстречу рушащемуся небу, и последнее, что слышит Клара, — спокойный голос оставшейся внизу Райны:

— Спасибо тебе, дракон. Ты всё сделал правильно.

* * *

Что случилось потом, Гелерра не очень поняла.

Уродливые тени потянули навстречу подмастерьям Хедина длинные многосуставчатые руки. Огнешары рвали их и ломали, отбрасывали назад, стрелы пронзали навылет полупрозрачные тела, и было видно, что, даже бесплотные, враги уязвимы.

Они налетели, взмахи крыльев-плащей обернулись режущими клинками; удушье, боль, рвущая лёгкие: соратники Гелерры падали, разрубленные пополам, а другие, кого накрывали серые шлейфы летучих теней, бросали оружие и корчились, разрывая собственное горло.

Но строй подмастерьев Познавшего Тьму не дрогнул, не развалился: морматы вцеплялись щупальцами в

парящих призраков и, о чудо! — сугубо вещественные, эти щупальца держали бесплотные тени немногим хуже, чем существ из плоти и крови. Ответные взмахи рубили летучих спрутов, но и сами призраки становились добычей мечников, собратьев крылатой девы.

Битва разгоралась, и Гелерра кинулась в самую гущу. Однако...

Только что совсем рядом маячили зловещие тени, только что среди них рвались гномьи огненные шары — но вот пронеслось нечто, словно незримая волна, подхватившая врага и поволокшая прочь. Укрывище неведомых противников стремительно заполняла пустота — именно пустота, из пределов Межреальности, открывалась дорога из Эвиала на свободу; этим путём и устремились крылатая дева с соратниками.

Что они сделали, чего добились?

Кому открыли путь?..

Об этом она подумает после. А пока — прочь, прочь отсюда! Здесь недоброе место, куда хуже любого логова или даже того замка, куда враги пытались заманить Учителя и его брата.

Здесь не было стен и башен, бастионов и подземелий, лишь яркий слепящий свет да скользящие в нём невесомые тени — но отчего-то Гелерру терзал постыдный, как она считала, ужас — нелепый и необъяснимый.

Гнойник, уродливая рана в теле Упорядоченного. Наверное, так мог выглядеть... Хаос.

Эвиал оставался позади.

* * *

Разрушитель, запертый внутри возносящейся вверх Чёрной башни, видит сейчас весь Эвиал. Видит исполинские массы мрака, вливающиеся в стены его творения, чувствует, что Сущность становится частью Башни, остриём стремительно выковываемого копья.

Но океан первородного мрака, одеяния Западной Тьмы, надо не только встраивать в стены Башни — их

требуется чем-то крепить. Средств не так много — или чужая кровь, или собственная. Но тогда вместе с собственной жизнью, даже если это жизнь Разрушителя.

Он лежит громадным телом на раздробленном ключе, отпершим ему Чёрную башню, и чувствует, как множество острых осколков, поднимаясь сами собой, впиваются в него, легко пронзая внушительную, достойную любого дракона, броню. Теплые струйки бегут по животу и груди, слегка кружится голова, но боли словно бы и нет.

— Папа, — тихонько произносит Аэсоннэ, прижимаясь к его неровно, затруднённо вздымающемуся боку. Она уже не плачет, она понимает, что значит кровь, текущая из-под такого грозного на вид тела.

— Ничего, дочка. — У Разрушителя ещё получается произносить слова человеческим голосом. — Ничего... зато Эвиал мы оставим чистым.

Вся сила и мощь, таившиеся в Западной Тьме, сейчас высвобождены. Исполинское чёрное копье вздымается всё выше и выше, дробя острым наконечником ничтожные каменные кубики, возведённые охваченными гордыней глупцами для других глупцов, жадных до дармовой силы.

Я вырву из мира эту заразу. Вытащу её прочь, на свалку, в поганые канавы, сожгу в звёздах — найду, что сделать. Только бы дотянуть. Только б дожить...

— Остался свободный Кристалл, — всхлипывая, шепчет драконица. — Кристалл Сфайрата. Он... теперь вне Эвиала.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. — Она слабо пытается улыбнуться. — Я же дракон. Дракон, не имевший, что хранить. Пустоту и незащищённость Кристалла я чувствую сразу.

— И что?

— В нём — огромная сила, папа. Потому что он — последний, вся сошедшая с ума магия Эвиала сейчас вливается в него, в него одного. Мы сможем это использовать — когда не останется иного выхода.

— Спасибо, дочка. А теперь...

— Фесс. — Спокойный знакомый голос. Из плавающего перед закрытыми глазами тумана выступает Император: — Давно не виделись, старый друг.

Рядом с правителем Мельина возникает ещё один воин, огромного роста, широкоплечий, в чёрных доспехах. В руках у Императора — горящая сосновая ветвь.

— Приходи, — говорит Император. — Я укажу путь. Правь на мой огонь.

Вдоль незримой, но трепещущей струны, вдребезги разнося подземные бастионы и казематы, движется чёрное остриё. Разрушитель знает, что поверхность близка — а там те, кого он не хочет убивать.

Мысли и желания — просты, отчётливы и коротки. Разрушитель вновь видит себя человеком, стоящим подле огнистой трещины, за плечами развевается плащ, чьи полы тянутся до самого горизонта. Император стоит на другом краю трещины, пламя обвивает его ноги, языки поднимаются — однако он остаётся спокоен, и Разрушителя пронзает острая боль потери: правитель Мельина тоже... как Рысь-первая, как драконы, как Тёмная Шестёрка...

Император протягивает руку. Бессильное пламя яростно шипит; Разрушитель, в свою очередь, делает шаг навстречу. Две ладони встречаются над огненной бездной, и раззять это рукопожатие не под силу уже никому.

* * *

— Я так и не собрал стихий, — угрюмо бросил Трогвар с порога Храма Океанов. — Не слушают, ничего не понимают, разбегаются.

— Спаситель. — Наллика сидела, закрыв лицо руками, в самом дальнем углу. — Ничего странного.

— Ты знала, что так будет?

— Что явится Спаситель? Нет. — Наллика по-прежнему не смотрела в глаза крылатому воину.

— Нет. Что стихийные существа выйдут из повиновения, когда Он уже оказался здесь!

— Догадывалась. — Дева Лесов резко выпрямилась: — Трогвар, что ты хочешь от меня?

— Исполнения слова. — Крылатый Пес даже не счел нужным скрывать свою ярость.

— То есть чтобы мы с тобой вдвоем отправились бы на Утонувший Краб? Перестань. Мы ничего бы там не сделали.

— А что сделаем здесь? — Трогвар с трудом сдерживался.

— Спасем то, что можем спасти. — Наллика наконец приподняла голову, слегка повела рукой, точно отстраняя невидимую завесу; по Храму прокатился густой гул. Ожил Колокол Моря, посылая весть, что разнесётся от края и до края Эвиала.

— Будем спасать, — твёрдо повторила Наллика. — Великий Хедин знал, что этот день придёт, что в некий час мы неизбежно столкнёмся со Спасителем. Познавший Тьму был прав, как всегда.

— А Сильвия?! Мы дали ей слово!

— Она выберется. — Наллика осталась непреклонна. — А вот нам пора браться за дело. Играй, мейели!

* * *

Сильвия ждала долго, бесконечно долго. Она видела схватки и дуэли, видела нескончаемые приступы неуспокоенных, раз за разом отбрасываемых отрядом Клары Хюммель и капитана Уртханга. Она видела, как рухнул в бездну мессир архимаг Игнациус, — наверное, перехитрил сам себя. Видела, замерев, как чародейка Долины посягнула на Спасителя, как чёрный дракон закинул Клару себе на спину и свечой устремился в небеса.

Райна осталась лицом к лицу с выпрямляющимся Спасителем. Валькирия не боялась — весь страх навсегда остался там, на политом кровью подруг Боргильдовом поле. Её копьё разлетелось в щепки, но был ещё небольшой круглый щит на левой руке да широкий нож-засапожник в правой.

Дракон Сфайрат уносит кирию Клару. Пусть. Может, хоть им удастся спастись — подобно тому, как спаслась сама Райна в тот проклятый день столько веков назад.

Тогда спаслась ты. Теперь черёд уходить другим. По меркам чародейки, Клара едва достигла зрелости. Перед ней ещё много-много всего: миров и солнц, друзей и врагов...

А старой как мир валькирии, помнящей победные кличи под сводами древнего Асгарда, пришла пора уходить.

Но — не одной.

В глубине опрокинутой пирамиды нарастает яростный рёв, там бесится невиданное чудовище, сокрушая вековой камень с той же лёгкостью, что медведь — валежник. Райна чувствует приближение силы, сделавшейся квинтэссенцией разрушения. Если что-то и может справиться со Спасителем — так лишь это.

А сам Спаситель — вот он, выпрямился; оба Меча пылают в его боку, сам Он дрожит, лицо искажено. Райна чувствует исходящую из погибающих Мечей силу, как она уходит вниз, вбираемая разогнавшимся чудовищем.

Валькирия делает выпад. Спаситель даже не думает защищаться, он просто смотрит на нее налитыми кровью глазами — и Райну отшвыривает, она катится по острым камням, едва удерживаясь на краю полуразрушенной пирамиды.

Нет, вставай, вставай!

Она не чувствует ушибов. Поднимается, успевая бросить краткий взгляд в бездну, — оттуда стремитель-

но несётся прямо на неё огромное чёрное копьё, скорее даже стенобитный таран со сходящим на волос остриём.

Оттолкнуться как следует, и...

* * *

Храм Океанов дрожал от фундамента до крыши, взбесившиеся волны рвались ко входу стаями бешеных псов. Внутри самого строения плескалась тьма, словно вода в трюме галеры, избиваемой штормом. Воздев руки, Наллика застыла напротив входа; а за её спиной, не умолкая, звучал Колокол Моря, и казалось — его грозные удары отбрасывают рассвирепевшие воды, посягнувшие на собственную цитадель. У самого порога, скорчившись, свернувшись в комочек, играла эльфийка; дивные глаза плотно зажмурены, пальцы порхают над отверстиями флейты, выводя плавную, льющуюся подобно спокойной реке мелодию. Трогвара видно не было, крылатый воин оставался снаружи, рубя с обеих рук пенные гребни волн, словно головы живым врагам.

Они знали — корни мира не выдержали, Эвиал медленно, но верно поплыл куда-то, увлекаемый незримой рекою, пронзающей и омывающей всё сущее; но знали они также, что из обречённого мира куда-то на внешнюю сторону протянулась исчезающе тонкая ниточка, единственно удерживающая мир на краю великой всепожирающей бездны.

И надо сделать всё, чтобы ниточка не оборвалась.

Даже если от Храма Океанов в конце ничего не останется.

Они делали одно дело, Сильвия на Утонувшем Крабе и трое обитателей Храма, поставленные хранить Эвиал от потрясений. Уберечь не удалось; но появилась надежда не отдать его в руки врага без боя.

— Не удержать! — выкрикнул Трогвар, улучив момент между парой накатившихся валов.

И впрямь, стройные колонны Храма покрылись пау-

тиной трещин, исполинские массы воды, обрушившиеся подобно таранам, раскололи даже зачарованный камень: твердыня Наллики отдавала сейчас все силы, чтобы удерживающая Эвиал от падения струна не лопнула.

— Держись! Держись! И думать иначе не моги! — раздалось в ответ.

Скорчившись, играет флейтистка.

Неподвижная, замерла Наллика, однако любому, даже насквозь невежественному, понятно, какая ноша давит сейчас ей на плечи и какие силы сейчас потребны, чтобы все-таки выстоять, не согнувшись.

Не умолкая, звучит Колокол, густо, тяжело, плотно, словно тяжело раненный зверь. Из углов Храма Океанов выползает темнота, свивается клубками, течет струйками, взбираясь всё выше, точно морские воды, бес- сильные пока прорваться внутрь, послали вперед призрачного своего двойника.

И трещины становятся всё глубже, оплетая не только колонны, но и стены, и даже кое-где потолок.

— Ещё немного, Крылатый Пёс. Еще совсем немного. И пусть повезёт Сильвии!

* * *

Он её сейчас прикончит, подумала Сильвия, глядя на замерших друг против друга Спасителя и Райну. Прикончит, и я ничего не смогу сделать.

«Сможешь, Сильвия! Сможешь! Как смогла у Ордо-са. Возле Храма Океанов...»

«Хранительница... Наллика... Что тебе, предательница?»

«Я не предавала тебя. Храм Океанов ведёт собственный бой. Прости, но смогла дозваться тебя только сейчас. Ты можешь — накрой их Смертным Ливнем! Ударь всем, что у тебя есть! Только так мы ещё можем выстоять!»

«Мы — это кто?»

«Мы — это Эвиал».

«А меня ты уже стёрла с листа живых, многосовестливая Хранительница?»

Голос Наллики искажён мукой, но слова она выговаривает с преувеличенной отчётливостью, словно боится, что её неправильно расслышат:

«Я всех стёрла с этого листа, девочка. Включая и саму себя. Давай же, не медли! Только ты способна провести черту, чтобы Смертный Ливень накрыл лишь тех, кто достоин его капель!»

«Хватит! — оборвала её Сильвия. — Хватит меня поучать. Сама всё знаю!»

Она выпрямилась во весь рост, потерявшая человеческий облик, высоко подняла заветный фламберг.

Ты один остался у меня, верный друг, отцово наследие. Райна — она была смелой. Хорошим товарищем. Не знаю, на что рассчитывает Наллика, — никому из них, простых смертных, не уйти из обречённого мира. Но черту я проведу. Раз уж так просят.

Волнистое лезвие зачарованного меча крест-накрест чертит небо. Давно протянувшиеся там чёрные нити стремительно сливаются.

— А-ах!

Словно удар под дых.

Что у тебя осталось, Сильвия? Бросай на стол, делай последнюю ставку. Пусть все, все, все, кого всосала эта пирамида, узнают, что такое Смертный Ливень!

Над воронкой провала соткался круг иссиня-чёрных туч. Набрякли и сорвались вниз первые капли — как под Ордосом, как возле Храма Океанов. Тугой хлыст Смертного Ливня хлестнул по источающим дым руинам, и камень зашипел от боли ожогов.

Сильвия не промахнулась. Косой взмах Ливня прошёл в полушаге от Райны, так, что воительница отшатнулась от шибанувшей в нос кислой вони, но саму её не задело. Зато выпрямившийся Спаситель вмиг оказался покрыт с ног до головы. Капли словно целились в Него, стремясь не оставить ни единого сухого клочка.

— Беги, беги, слышишь?! — загремел чей-то голос с небес.

Надо же, подумала Сильвия. Райну спасают. За ней пришли. Кто-то могущественный вспомнил о ней — и вот, пожалуйста: седобородый всадник на диковинном восьминогом жеребце. Тут как тут. А ты, несчастное чудовище, в очередной раз спасающее всех, кроме себя самой, подыхай. Подыхай, воя от жуткой предсмертной тоски, понимая, что спасения нет, что жизнь Сильвии Нагваль, мечтавшей так высоко подняться, пресекается здесь, пусть и в грандиозной битве сошедшихся в Эвиале сил, но всё равно — пресекается!

...У чудовища вырвался глухой рёв, и Смертный Ливень тотчас сделался ещё злее и гуще. Оплывал, плавяся, камень, от остатков армии зомби в красно-зелёном остались одни воспоминания — потоки разъедающей всё и вся жижи устремились вниз опрокинутой пирамиды, обращая в ничто всё на своём пути. В глубине казематов перевели дух орки Уртханга — они, конечно же, никогда не видели Смертного Ливня, но мигом поняли, что соваться под его струи не стоит.

Тихонько плакала Эйтери, всё укачивая на руках полуживую Ниакрис. Целительница сделала всё, что могла. Осталось только ждать — но не избавления, а смерти.

Чудовищный Ливень смёл и растворил и нахлынувшие орды неупокоенных Спасителя — в конце концов, их тела ещё принадлежали тварному миру Эвиала и подчинялись его законам.

Пылающие Мечи, так и остававшиеся вонзёнными в бок Спасителя, окутались едкими клубами ядовитого пара, но даже Смертному Ливню оказалось не под силу сбить с них огонь.

Да, это был удар, достойный именоваться «последним». Всё, оказавшееся под Ливнем, растворялось и таяло, а Сильвия, раскинув руки, всё гнала и гнала к земле убийственные струи.

Она ждала ответа.

Ну же, давай. Покажи себя, Ты, кому поклоняются

целые миры! Неужто станешь стоять и терпеть так дальше? Или Тебе нипочём даже мой Ливень?

...А седобородый всадник — вот он, уже совсем рядом с Райной. Протянул к ней руки. Спасает. А вот она...

Валькирия упала на колени — но только на один миг. Потому что превыше старого стыда, превыше собственного бесчестья в тот миг было иное. Битва, которую вела молоденькая, по сравнению с ней, девчонка-чародейка из Мельина, кого Райна и всерьёз-то не воспринимала.

На поясе явившегося за ней висел меч. Золотой Меч, добытый уже много после того, как на Боргильдовом поле наступила страшная тишина.

Валькирия совершила небывалое. Она вцепилась в ножны чудесного оружия, повисла на них всей тяжестью, рванула так, что едва не опрокинула Слейпнира; и прежде, чем обезоруженный Отец Дружин успел хотя бы разинуть от удивления рот, бросилась назад, к Спасителю.

Но на этот раз Он уже защищался. На этот раз Его лицо исказилось самой настоящей яростью, такой, что у Райны едва не отнялись ноги.

...Но страх валькирии — он похоронен всё на том же поле, рядом с подругами.

Золотой Меч взлетел и косо рухнул — так, что даже Смертный Ливень в ужасе расступился перед ним.

Спаситель, чье лицо и тело сейчас покрывали жуткого вида язвы, дымящиеся, словно в каждой тлеи угли, встретил Меч голой рукой, пальцами, где в глубине тех же язв стала видна кость.

Удар, вспышка, и Райна катится обратно, прямо под ноги Слейпниру. Жёсткая и сильная рука подхватывает её, втаскивает на спину коню, и волшебный жеребец с диким ржанием устремляется наверх.

— Но там же... там же... — задыхается Райна.

Она хочет сказать, что в казематах пирамиды остались её друзья. Орки, их предводитель, гнома-чародейка и даже инквизитор. Снизу катится чёрный таран,

сверху хлещет злой Ливень — простым смертным нет спасения, за ними не прискачут на восьминогих жеребцах — и осекается при одном взгляде на лик спасшего.

Отец Дружин не был таким даже в день Боргильдowego разгрома.

— Хедин... Ракот... — вырывается у него. — Не помочь... нет...

Слейпнира нет нужды подгонять. Он изо всех сил мчится вверх, к расколовшемуся, словно весенняя льдина, небу.

А Спаситель-то? Спаситель?!

Спаситель провожает Старого Хрофта долгим взглядом. У ног Его медленно истаивают обломки Золотого Меча. На левом предплечье Спасителя — глубокий разруб, однако Он не повержен. И, кажется, нет такой силы, что смогла бы Его одолеть.

* * *

Разрушитель видит и слышит всё, творящееся на поверхности. Смертный Ливень и медленную гибель Мечей в пламени. Отчаяние замкнутых в казематах орков и спокойное самоуничтожение преподобного отца Этлау. В силу обращается всё — в том числе и отдаваемое Мечами. Разрушитель не может думать и рассуждать о «меньшем зле», он сам — меньшее зло. За ним с рёвом и грохотом несётся исполинский чёрный таран, чудовищное копьё, во что обратилась Западная Тьма. Сейчас Разрушителю слышатся отчаянные, хоть и приглушённые вопли — кого-то тащит за собой его башня, кто-то кувыркается в лавине... Кто именно — Разрушителю не так важно. Он многого не узнал, не докопался до многих тайн — что поделать, сейчас он уже не личность. Он — оружие. Брошенный пилум. Пилум, отлично знающий цель.

Всё идёт, как и должно.

Грохот, острие Чёрной башни вздрагивает, и Разрушителя корчит жестокая мука: словно в его собствен-

ных внутренностях катается раскалённый стальной шар. Нечто металось сейчас и по самой Башне, сокрушая стены и перегородки, проламывая потолки; удар был настолько силен, что не выдержала даже несокрушимая броня.

И значит, ему, Разрушителю, вновь заполнять прорехи собственной кровью. А её надо беречь, потому что ещё предстоит вырваться из Эвиала — и попасть туда, куда следует.

Лопаются жилы. Что-то кричит Аэсоннэ, но поздно, поздно, дочка, — твой папа уже не человек, он Разрушитель, и обязан пройти дорогу до конца — закончив, как и положено, разрушением самого себя.

Кровь смешивается с тьмой, прорехи затягиваются, но недостаточно быстро, и по исполинскому чёрному острию начинает ползти трещина.

— Папа! Кристалл!

Ну конечно, дочка. Кристалл, и так почти лопающийся.

Спасибо за дар, Сфайрат. Это потребует от меня почти всей крови, без остатка, потому что чистой Силой такую пробоину не зарастить.

Но как же Пик Судеб? Гномы?!

Нет, Разрушитель, ты знаешь, что обратной дороги нет. Незачем держать «последнее». Копьё долетит, обязательно долетит.

...Он знает, что сейчас в опустевшей пещере Кристалл Сфайрата в последний раз вспыхивает яростным пламенем. Оно перебрасывается сквозь пространство, оживая прямо тут, в мрачных залах Чёрной башни, шипит и разбрасывает искры, вцепившись в пролитую кровь Кэра Лаэды.

Броня стягивается, раскол исчезает — Чёрная башня словно выталкивает из себя жуткий и неведомый снаряд, заставляя его возноситься вместе с собой.

Придётся постараться, чтобы не пострадали друзья, ещё остающиеся в казематах, думает Разрушитель, когда боль чуть утихает, а рассудок наконец воспринима-

ет отчаянные крики драконицы. Ещё сколько-то крови. Может не хватить на главное — но здесь принципы уже не играют роли. Всё рассчитано. И последующая судьба Разрушителя тоже.

Правь на горящую ветку, Кэр Лаэда.

И — вот оно, вот!

Поверхность, слепящий свет после вечной тьмы; один бок чёрного копья словно вминается, перестаёт бесконечно расширяться, и оторопевшие орки видят пронсящий мимо них исполинский монолит.

Сильвия Нагваль задыхается, её жизнь истаивает — а Смертный Ливень становится всё гуще, и даже Спаситель не может пошевелиться, покрытый слоем все-разъедающего, наверное, истинно-алхимического Абсолютного Растворителя. Он не побеждён, ещё не побеждён, ибо...

Нет такого оружия, чтобы прервать Его дни.

Но есть иное, что заставит отступить даже такую сущность, потому что в пределах Упорядоченного нет истинно всесильного. Всесильный же, породивший сам Хаос, — вне пределов сущего и не-сущего...

Чёрное копье взлетает над обречённым островом, оставляя лишь крошечный ломтик развалин, где укрылись орки.

— Вот и всё, — слышит Разрушитель негромкий вздох Этлау.

Маленький желтоватый череп сгорел дотла.

Сильвия Нагваль чувствует, что сердце её, пусть даже это сердце отвратительного монстра, вот-вот разорвётся. Ей больше нечего делать и некуда бежать. С отчаянным криком она бросается прямо в несущуюся чёрную лавину, Смертный Ливень охватывает свою хозяйку, она корчится, умоляя о смерти, она надеялась, что та наступит мгновенно, но нет, и тут обман, один обман, о-о-о!..

Её собственный стон сливается с яростным гудением фламберга. Меч сотрясается, он знает последнюю цель, выше которой не знало ещё ни одно оружие.

Полярная сова тяжело взмахивает дымящимися, едва удерживающими её в воздухе крыльями. В когтях — содрогающийся фламберг. Она не то летит, не то плывёт в облаках Смертного Ливня, прямо на застывшего Спасителя.

Последнее превращение. Пусть я монстр, но меч умеют держать даже самые отвратительные чудовища.

Пусть же никто не уйдёт. Пусть Эвиал станет могилкой для всех этих Сил, так любящих, подобно стервятникам, пировать над свежими трупами.

Взмах.

Чёрный фламберг, Меч Людей, не разрубает Спасителя, на первый взгляд вообще не причиняет Ему никакого вреда. Клинок просто отбрасывает Его прямо на несущуюся громаду.

В этот миг угасает маленький жёлтый череп, инквизитор мешком валится на пол, и Чёрная башня, проносясь, подхватывает с собою Спасителя, блистающая чешуя смыкается, вбирая Его в себя. Исполинский антрацитовый конус поднимается над миром, пронзая небеса, впитывая истребительный яд Смертного Ливня, втягивая в себя всю гниль, всю испорченную кровь Эвиала, оставляя на западе лишь серую гладь опустевших морей.

Кое-где грязь въелась слишком сильно.

Всё выше и выше над Эвиалом поднимается чёрное копьё. Сотрясаются основы мира; так, что корни его, ослабленные и истончённые, не выдерживают.

* * *

Для Эйвилль всё произошло почти мгновенно.

Вот лопнули последние скрепы, удерживавшие Эвиал в незримых волнах Упорядоченного. Вот мир покачнулся и поплыл — туда, к пропасти, где свет и тьма равно становятся ничем.

Вампирша вскочила, отбросив осторожность.

Обманули! Предали!

Чёрная глобула, всё ускоряя движение, начинает дрейфовать куда-то в сторону и вниз, удаляясь от упырицы. Идеально-агатový шар, заключивший в себя правых и виноватых, победителей и побеждённых, и её, Эйвилль, законную добычу!

Незримая нить, связавшая Эвиал с Мельином, натянулась и тонко загудела.

«Что такое?» — раздался холодный вопрос. — *Откуда это?»*

— Ты у меня спрашиваешь? — прошипела вампирша. — У меня, кого предал?

«Тебя никто не предавал, верная,— удивился Дальний. — Всё идёт по плану. Ты получишь обещанное вознаграждение. Скажи только, что это за нить? Мы заметили её только сейчас. Она не входила в первоначальные планы».

Как же они меня презирают, горько подумала упырица. Презирают настолько, что продолжают врать, когда даже и ребёнку стало бы ясно, в чём дело.

«Что за нить? Узнай», — настаивал голос.

Эйвилль выбралась из убежища — то ли ещё на что-то втайне надеясь, то ли потому, что приближавшаяся нить своими вибрациями напоминала о чём-то очень болезненном и неприятном, о гибели Артрейи и о человеке, её убившем.

Вот она, невидимая, неосязаемая — но оттого не менее прочная, нить, протянувшаяся через межреальность и Астрал; вампирша осторожно повела ладонью, стараясь ощутить её биения.

Что ж, если её обманули Дальние, ей осталась лишь одна дорога. Отомстить за созданную ею; и потом, схоронившись в глухом углу, подумать, как она сможет рассчитаться с обманщиками.

Но залог?! Они же оставили залог? Часть своей силы. Он безошибочно выведет к ним! Хедин отдаст за него многое, очень многое...

Но сперва она посчитается с убийцей Артрейи.

Нить сама укажет дорогу к нему.

Чёрное копьё, покрытое ядом Смертного Ливня, пронзало небеса Эвиала. Тяжесть Спасителя казалась почти неподъёмной; а это значит — нужно ещё, ещё и ещё больше крови.

Разрушитель видит, что Эвиал заключён в прочную, почти идеальную глобулу. Спаситель и все прочие, ворвавшиеся в него, не оставили двери открытыми, кроме...

Правь на мой огонь, Фесс.

Разрушитель глухо рычит — каждый звук знакомого голоса, звучащего уже с другого плана бытия, терзает хуже калёного железа.

Натянута нить, ровно горит сосновая ветвь, указывая путь.

И туда, в единственную точку неба, где идеальная сфера, отгородившая Эвиал от остального мира, дала крошечную слабину, и ударяет чёрное копьё.

Башня, превратившаяся в оружие, содрогается от вершины до потерявшегося в глубинах основания. Разрушитель чувствует, как кровь его хлещет из каждой поры, но копьё выдерживает удар, гром от которого разносится по всему Эвиалу.

Небо пробито навывлет, вместе с Чёрной башней Эвиал покидает Спаситель.

От края и до края земли поднятые Им мёртвые валятся обратно, бессильные горсти праха.

Эвиал тоже содрогается — лишённый корней, несомый течением, он изменяет свой путь, Чёрная башня увлекает его за собой. Острые же копыя пронзают Межреальность, точно следуя вдоль дрожащей нити, соединившей два сердца и два мира.

Держись, Разрушитель. Ты выгребашь сейчас против течения, ты волочишь за собой целый мир, поползший к пропасти, что ещё хуже Разлома.

Горит огонь, натянута струна — и какая разница, чем за это придётся заплатить?

Эйвилль оглянулась.

Чудовищный гром разнёсся по окрестностям Межреальности. Антрацитовая броня Эвиала раскололась, обломки её разлетелись далеко окрест; и сам мир уже не утонул в глубине Упорядоченного, а двигался следом за вскрывшим глобулу исполинским чёрным копьём.

Попытка Дальних провалилась, чья-то воля — уж не презренных ли смертных?! — вырвала Эвиал из уготованной ему западни.

А вместе с ним и Новых Богов.

Тех, кого она, Эйвилль, предала.

Нечего врать себе, незачем обманывать: Хедин не простит. Никогда и ни за что. Он станет преследовать её до самого края мироздания, и нет такой дыры, щели, провала, где она смогла бы укрыться.

Она предала оказавшегося сильнее. Планы Дальних рухнули; Хедин одолел. И чего теперь стоят все рассуждения её, Эйвилль?

Предала. Просчиталась. Предала сильнейшего.

Вампиры не знают стыда или угрызений совести. Разве что самые мудрые из них, сумевшие возродить в себе утраченное в незапамятном прошлом.

Эйвилль словно застыла, не пытаясь убраться с пути нёсшейся прямо на неё громады.

Потом — в последний момент, когда всё было уже поздно — вампириша закричала, дёрнулась, бросилась в сторону — напрасная попытка. Вырвавшись из тенет Эвиала, чёрное копьё расширилось; упырица взвизгнула, увидав совсем рядом отблеск агатовой брони — и её не стало.

Её не стало, но уцелел зелёный кристалл. Отброшенный далеко в сторону, он беспомощно вертелся там, пока его не подобрали совсем иные руки.

Руки крылатой девы Гелерры.

Но это случилось не сразу...

Мессир Архимаг, чародей Игнациус Коппер, многовековой владыка Долины, её некоронованный король — бежал.

Вернее, пытался это делать.

А ещё вернее — полз на боку, судорожно дёргаясь, словно уличный пёс с перебитой спиной.

Проклятая девка, грязная шлюха — обманула, обвела вокруг пальца, и кого! Его, многомудрого, составившего такой замечательный, со всех сторон идеальный план! Чуть совсем не убила...

Ну, последнее-то, конечно, ей не удалось. Чтобы прикончить мессира Архимага, надо кое-что поострее пары обычных клинков; но как же, проклятие, больно!.. Магия работает, однако всё имеет свою цену, и защищённость — тоже.

А теперь ещё и это чёрное чудовище, громящее всё на своём пути!.. Откуда, как, почему? Кто выпустил Западную Тьму на свободу, кто придал Ей такую форму, навсегда уводя из Эвиала?..

А ловушка-то его, как ни крути, сработала. Боги в заточении. И старые, и новые. Спаситель может сколько угодно опустошать Эвиал, твари Неназываемого сколько угодно пировать над пустой раковиной мира, но дело сделано. В главном он, Игнациус, добился успеха. Да, с последней частью замысла — поставить силу богов после их пленения себе на службу — возникли некоторые затруднения. Но чёрному шару некуда деться из Эвиала, а если он куда-то и денется — то раскрыть его невозможно. Поэтому он, Игнациус, спокойно уберётся куда подальше — может, и в Долину, почему нет? — где спокойно приведёт себя в порядок.

И займётся новым планом, куда лучше старого.

Теперь бы только поскорее выбраться отсюда.

Руки Игнациуса тряслись, слова заклятий не выговаривались — за спиной всё нарастал и нарастал грохот, чудовищный таран крушил всё вокруг себя, обра-

шая в пыль самые крепкие казематы опрокинутой пирамиды.

Чародей тонко завыл, засучил ногами, задёргался, в ужасе пытаясь отползти ещё хоть на немного, ещё хоть на чуть-чуть, потому что он не может погибать так глупо, он, всех обведший вокруг пальца, во всём преуспевший, всех пленивший!

Чары вспыхивали и распадались. Слишком близко, тут уже полный хаос, ничего не работает, ничего!..

Но до самого последнего момента он всё бормотал и бормотал какие-то слова, пытаясь заставить сработать заклятье мгновенного перемещения, — пока чёрная громада не пронеслась сквозь него, раздробив пол, стены и перекрытия и не обратив само тело Игнациуса в неразличимую глазом пыль.

* * *

Теперь Император мог ждать. Сделано всё и даже больше.

Огонь в его руке укажет путь. Именно туда, куда нужно. Не ему, конечно же — после телесной смерти человеку для себя уже ничего не требуется, — другим.

Маяк горит.

Торопись, друг. Я могу ждать — я, но не Мельин.

* * *

— Что ты делаешь? — не выдержал давящей тишины Хедин.

Брат уже долго молчит. До этого — отвечал невпопад, порою негромко, сдавленно постанывал — словно сам у себя рвал больной зуб. Познавший Тьму чувствовал — Ракот где-то очень далеко, шагает по тропам, где никогда не пройти даже ему, Хедину, Новому Богу, установившему Неназываемого.

Он с кем-то говорит, бывший Владыка Тьмы? На что он рассчитывает, там, где пасуют изощрённый разум и тонкий расчёт? Ведь ясно — чтобы открыть ло-

вушку Игнациуса, ему, Хедину, потребуются годы. Придётся отказаться от телесной формы, развоплотиться, впитаться стенами, втянуться в них, сделаться их частью, поняв скрепляющие их силы, и только тогда...

— Здравствуй, мой Ученик, — вдруг ясно и чётко проговорил Ракот, вставая.

И грянул гром.

* * *

Разрушитель точно знал, куда нацелить чёрное копьё. Над Мельином призывно горела путеводная звезда, туда звал огонь в руке друга, туда вела натянутая нить. Ведь он не просто уводил Сущность из Эвиала. Оружие, скреплённое его кровью, несло с собой и Спасителя.

Непобедимого. Неуязвимого. Почти всесильного.

Но — несло!

Потому что даже Ему не сломить волю людей, умирающих, чтобы жили другие. И чтобы жили свободно, а не по указке каких бы то ни было сил.

Уходила кровь, с нею вместе уходила и боль. Оставалось только ясное понимание — что и как надо сделать.

Чёрная башня вобрала в себя и Смертный Ливень — последний шанс его Хозяйки показать, что в любом зле и любой злобе можно отыскать хоть искорку добра.

Правь на свет, Разрушитель. Правь на огонь, Кэр Лаэда. Не ошибёшься.

И последним усилием он вдавливают чёрное копьё тьмы в нагноившуюся рану Разлома.

* * *

Император видел, как всё совершилось.

В небесах над Мельином, над разверстой пастью Разлома, возникла исполинская тень. Тень громадного острия, иссиня-чёрного копейного наконечника, нацеленного прямо в бездну.

И в тот миг, когда блестящее антрацитовое навер-

шие погрузилось в рану, словно скальпель хирурга, он услышал спокойный голос Ракота:

— А теперь иди ко мне, мой Ученик.

* * *

Мир Мельина содрогнулся от края до края. Видимое из самых дальних краёв, чудовищное чёрное копьё погрузилось в белую муть, заполнявшую Разлом. Броня Чёрной башни ломалась — ей нечего больше защищать, напротив, пришло время раскрыться.

Разрушитель знал, что это всё. Что его долг исполнен, что сейчас получит свободу Смертный Ливень и его Хозяйка тоже.

* * *

Уже совсем близко от Мельина, на развалинах Храма Океанов, по грудь в накатывающихся волнах, и Наллика застыла на коленях, запрокинув голову и сжав кулаки.

— Пожалуйста, сделай это! Ну, пожалуйста!.. — вырвалось сдавленное рыдание, обращённое сейчас к существу, совсем недавно бывшему Сильвией Нагваль. — Вспомни, о чём мы говорили! Спаси всех и дай мне спасти тебя!..

* * *

...Нечего больше держаться за призрак. Призрак собственного могущества, всеислия, непобедимости. Ты жадно гналась за ними, мёртвыми вещами, наделёнными по тем или иным причинам магической мощью.

Ты славно служил мне, отцовский меч. Но, наверное, папе б хотелось, чтобы на сей раз ты постарался уже не для меня.

Взмах, пальцы разжаты — чёрный фламберг вырывается из рук Сильвии, разлетаясь облаком ярких искр; каждая — словно крошечный фитиль.

А над Хозяйкой Смертного Ливня склоняются два человеческих лица, добрые, внимательные и чуть встревоженные.

— Мама, мамочка!.. Папа!

Ты сделала всё, что могла, последняя из Красного Арка.

— И я для тебе сделаю то же, — шепчет Наллика.
Звучит Колокол Моря.

* * *

Смертный Ливень не останавливался. Густые облака окутали острие Чёрной башни, и там, где сшибались сейчас Эвиал и Мельин, потоки извергаемого яда смешались с живым туманом.

Взлетел фламберг, взорвался, снопом огненных стрел рассыпались его обломки, и порождающая козлоногих хмарь вспыхнула. Волны пламени пронеслись от моря и до гор, по всей длине Разлома, выжигая всё, оставляя лишь мёртвый, спекшийся камень.

Разлом не имеет дна, он ведёт обратно, из Мельина в Эвиал — и сейчас этот провал заполняли бесконечные волны мрака. Тьма исполняла извечное своё предназначение — лечить и врачевать, затягивать раны, нанесённые миру неразумными его обитателями.

Но этого мало. На огромных пространствах Мельина, сейчас мёртвых, покинутых всем живым, хозяйничали козлоногие. Этого так просто не оставить, они способны истребить ещё множество жизней, забрать с собой, даже погибнув сами.

И потому следом за чёрным копьём идёт Эвиал.

Мир, сорванный с основ, его корни рассечены. Ему требуется якорь.

Император видел, как заполненная чёрным пламенем пропасть Разлома раскрывается. Тьма не стягивает разрыв в плоти мира, она не властна соединить несоединимое. Её огонь очистит рану, но исцелит окончательно её совсем иное.

И Спаситель выпускает последний вопль, от которого падают навзничь все, от мала до велика в Эвиале, крик распадающейся человеческой оболочки.

Эвиал идёт следом за чёрным копьём, и те моря, что остались серы и безжизненны под вековой тенью Западной Тьмы, первыми сталкиваются с раскрывшейся пастью Разлома.

И Мельин, и Эвиал сотрясаются. Рушатся стены городов, обваливаются высокие башни и шпили — но мёртвые камни нетрудно сложить наново.

Император видит, как исполинские массы воды врываются в Разлом. Чёрное копьё раздвигает складки реальности, творя невозможное: два мира сливаются в один. Сходят с ума потоки свободной магии, чудовищное столкновение жадно осушает их до дна, и в Межреальности разражается шторм, равного которому Упорядоченное не видело уже много, много веков...

В последний раз такой бушевал, когда один Истинный Маг, вернувшись из изгнания, принял Зерно Судьбы своего последнего настоящего ученика.

Огромный северный континент Мельина разрывает: там, где был Разлом, появляется новое море, трещина доходит до северной оконечности, до вечных льдов. И туда, в это новое лоно, ложится Эвиал.

Над слившимися мирами носится неистовый феникс, Император чувствует, как он сшивает, стягивает незримыми нитями плоть двух миров.

Моря Эвиала сузились, Правая и Левая Клешни приблизились к Старому Свету; но Западной Тьмы нет, нет и тех, кто держал прекрасного феникса в клетке.

Очищается небо, и два солнца, помедлив, тоже сливаются в одно — оперение феникса вспыхивает дивным многоцветьем.

Люди в Эвиале медленно поднимаются с коленей. Безвременье кончилось. Всё успокаивается. Дуют ветры, и плывут облака, и кошки возвращаются к нагретым местам...

— А тебе всё это хранить, мой Ученик, — слышит Император, и знает, что это правда. Ему не вернуться обратно, но он увидит, как родится и как станет расти

его сын. Иногда, во снах, Император сможет приходить к нему и рассказывать.

А ещё он придёт к Сеамни. К своей Тайде. И тоже расскажет ей всё-всё. И она поймёт, конечно же, поймёт, не может не понять!

Император раскинул незримые руки, обнимая весь Мельин. Он знал — ему предстояло стать корнем и кроной, почкой и листом, ветром и волною; ему хранить два слившихся вместе мира и постараться сделать так, чтобы обитатели их поняли, что можно жить рядом, не вцепляясь друг другу в глотки.

Но это потом.

Сейчас его ждёт Учитель.

Нет, это слово неверно. Наверное, ближе всех окажется иное — «друг».

...Это очень странное ощущение — не иметь тела и видеть всё не только перед собой, но и справа, и слева, и даже сзади.

— Гвин! — Голос спокоен и уверен. Император поворачивается — и его взор тотчас сужается, вновь делаясь как у человека.

Высокий и широкоплечий, в чёрной броне с развевающимся алым плащом за плечами, Ракот шагает навстречу, протягивая руку — как равному.

— Спасибо тебе, друг.

— Разве не ученик, нет? — Тело Императора вновь проявляется из ничего, словно выныривая из незримого сумрака. Знакомые латы, вычеканенный василиск — но белые перчатки исчезли бесследно. Впрочем, нет, не совсем бесследно — левая рука изуродована шрамами, кожа тёмно-багрова.

— Ученик? Да, наверное. Как и я тебе, — кивает Ракот. — Мне кажется, что мы можем многому друг от друга научиться. Друг от друга, — повторяет он.

— Ты знаешь моё настоящее имя?

Ракот кивает.

— Ты мне открылся.

— Так называет... называла меня только Сеамни.

Воин в чёрных доспехах кладет руку на плечо Императору.

— К этому не привыкнешь. — Он понижает голос: — Ты должен был остаться там, внизу, но, верно, горел слишком жарко и ярко. Котёл не выдержал. Ну и я помог, самую малость. Уже после того, как твоё пламя помогло вырваться и мне с братом.

— Так я...

— Да. — Ракот смотрит прямо в глаза Императору. — Ты — дух, хранитель нового мира. Мой тебе совет — отыщи Храм Океанов, с ним ничего не должно было случиться. Тебе найдётся о чём поговорить с его Хозяйкой. Ну и я тебя не оставлю.

— Моё тело. Оно...

— Только когда я рядом, — перебивает Ракот. — Большого не проси. Не могу.

— Просить не стану. — Император гордо вскидывает голову.

— Да, мы не просим, мы берём сами. Но с братом я всё-таки тебя познакомлю.

* * *

Хедин ошеломлённо огляделся.

Тела нет. Далеко под ними — мир. Новый мир. Слитый из двух старых.

Ни в Эвиале, ни в Мельине не осталось и следа гнили. Чёрная пылающая волна, выплеснувшаяся из Разлома, прокатилась по занятым козлоногими землям, не оставив после себя ничего живого. Но всё же это была земля, а человеческие руки и пот рано или поздно оживят её.

Ловушка Игнациуса лопнула, не выдержав соударения миров. Чудовищные жернова перемололи хитроумно сплетённые заклинания, и братья-боги оказались на свободе.

Никогда ещё за всё время своей «власти» над Упорядоченным Хедин не был настолько близок к гибели.

Никогда ещё не замирал так надолго перед бездной, никогда не смотрел столь пристально в многоглазую личину Ничто, терпеливо, словно подколотая змея, ожидающую редкостную добычу.

Разламывающая боль. Тела нет — распалось и вернётся не сразу.

Брат где-то рядом. Ему, кажется, досталось больше, однако он не один — с ним еще некий дух, бывший ещё совсем недавно человеком. Они о чём-то говорят, и Хедин с удивлением чувствует нечто вроде узнавания — Ракот обрёл своего Хагена.

Вернее, нет. Не просто ученика. Нечто большее, много большее.

Друга.

Где-то рядом и Хаген. С ним ничего не случилось, Познавший Тьму уже чувствовал это.

Наваливались бесконечные «дела», неисчислимые тревоги неутихающей войны, и Новому Богу некогда было даже перевести дыхание.

Пройти по следу развоплотившегося Спасителя.

Выяснить, что случилось с Эйвилль.

Узнать, сработала ли его ловушка — вампирша должна указать дорогу к Дальним. Следов не могло не остаться.

Это также не терпит отлагательств.

Но это уже обычные заботы и тревоги...

* * *

— Сильвия! Ты слышишь меня? Очнись, дочка, очнись!

Твёрдый камень, холодный, ледяной, но воздух над ним тёплый и нежный. Но странно густой, словно вода — нет, пожалуй, это не воздух, это именно вода, разреженная и смешанная с аэром до такой степени, что ею можно дышать.

Сильвия открывает глаза, с усилием приподнимает веки.

Не хочу говорить, не хочу шевелиться. Хочу просто дышать.

— Очнулась, — облегчённо вздыхает Наллика, устало роняя руки. — Как же мы тут все испугались...

Последняя из Красного Арка не спрашивает, что случилось. Это совершенно неважно. Хранительница Эвиала выполнила обещание.

— Ты больше не чудовище, не монстр. — Наллика быстрым движением утирает глаза. — И не Хозяйка Смертного Ливня. Он сгорел в им же подпитывавшемся пожаре. Зажжённом при помощи твоего фламберга.

Сильвия не хочет ни двигаться, ни отвечать, ни даже улыбаться. Она сейчас — словно золотая рыбка, вновь оказавшаяся в родной стихии.

Наллика склоняется над ней, что-то говорит, ласково и успокаивающе. Сильвия вновь зажмуривается.

Кажется, первое желание у неё появилось.

Спать.

А потом... ведь ей откроются все дороги. Пусть нет ни фламберга, ни золотой пайцзы, ни крупинок драконьего Кристалла, нет даже Смертного Ливня — но осталась память последней из Красного Арка, а это тоже немало стоит.

Может, она останется здесь, в Храме Океанов. Может, отправится странствовать по миру. А может — выберется и за его пределы, посетив, в частности, знаменитую Долину Магов. Игнациус, чувствовала она, больше не будет помехой.

Что осталось, что даровано? Что возвращено тобой, а что посеяно?

Дорога длинна, бесконечна, опасна. Но она осилит её.

* * *

Дно Миров. Некогда здесь прошёл отряд Клары Хюммель, некогда именно здесь очутились Ниакрис и её отец — а сейчас, пробив небеса, сюда медленно падала огромная иссиня-чёрная скала, словно наконец-

ник сломанного копья. Неведомая сила плавно опустила агатового исполина наземь, камни застонали, раздвинулись, подались, принимая невиданную тяжесть.

Но вот — стихли последние скрипы и стоны, воцарилась тишина, и любопытные обитатели Дна рискнули сунуться к странному пришельцу.

Безмолвие нарушил негромкий безнадежный плач — так может рыдать любящая дочь, потерявшая отца, уже почти смирившаяся с утратой, но всё равно заливающаяся слезами всякий раз при одном воспоминании об ушедшем.

Множество глаз видели, как из трещины в скале выскользнул серебристо-жемчужный дракон. Израненный, он всё равно оставался прекрасен.

Кто-то из живности прыснул в разные стороны — дракон внушал инстинктивный, необоримый ужас.

Он не летел, он медленно, из последних сил ковылял — но всё равно, даже самые сильные и злобные из обосновавшихся на Дне не дерзнули заступить ему дорогу.

Сделав круг, дракон вернулся обратно. И одним огненным выдохом закрыл за собой трещину.

А если бы жители Дна Миров смогли увидеть, что творится внутри каменного исполина, то их взорам предстало бы, как жемчужный дракон осторожно обвивается вокруг тёмного неподвижного тела на полу, обнимает, прижимается — и, уронив голову на лапы, смежает грозные очи, погружаясь в вечное ожидание.

* * *

Спи, Разрушитель. Пусть будет спокоен твой сон. Ты всё свершил, всё успел. Цена? — не бывает цены у такой победы. Отдал всю кровь. Всего себя.

Искупил, чего было искупать.

Спи. Ты знаешь, что твоя дочка — рядом, что она не покинет тебя.

Спи, до той поры, пока не изменятся круги этого мира, пока он не станет совсем, совсем другим.

И пусть последним, что задрожит на внутренней стороне смежившихся век, будет новое солнце над новым миром — миром, составившимся из Мельина и Эвиала.

Спи.

Я буду рядом, я охраню твой сон. Я, твой отец, Витар Лаэда. Ты слышишь меня? — нет, конечно же, нет. Ты теперь дух, как и я, но скован куда более крепкими цепями. Я не жду, что ты пробудишься, — даже духи, вроде бы «бессмертные», на самом деле не таковы и истаивают со временем. Истаю и я, не дождавшись твоего пробуждения, — не в пределах этого мира совершится оно, я не надеюсь.

Восстание Безумных Богов открыло мне глаза, я понял, как хрупок баланс, установившийся в Упорядоченном. И понял, что он может длиться «вечно» с точки зрения простого смертного или даже эльфа-долгожителя; но для правящих здесь сил это покажется совсем недолгим.

Равновесие нарушено. И уже, похоже, необратимо.

Но тебя, мой сын, это волновать не должно. Ты исполнил свой долг, и я горжусь тобой. Горжусь безмерно, как только может отец. Я испугался смерти, не потратил последнее — и вот скитаюсь неприкаянным призраком. Ты пошёл дальше. Ты отдал всё, отдал и жизнь, получив взамен этот сон, куда больше похожий на смерть.

Сможешь ли ты проснуться? Слишком крепки путы.

Пока не изменится этот мир, тебе на него не смотреть.

* * *

— Повелитель... — Райна стояла на одном колене перед гневно встопорщившим бороду Отцом Дружин. — Мне нет прощения. Я знаю.

Вновь звучал древний язык Асгарда, не раздавав-

шийся в пределах Упорядоченного уже невесть сколько времени.

— Прости за твой Золотой Меч...

— Оставь, валькирия. — Один положил руку ей на плечо. — Подумаешь, меч... добуду себе новый. С твоей помощью. А пока — займёмся лучше теми, кого ещё можно спасти.

— Орки?

— Да, орки. И другие, кто ещё жив. То немногое, что мы можем для них сделать.

* * *

Клара уже не кричала. Боль и отчаяние, всё имеет свой предел. И, если твоё тело отказалось умереть, рано или поздно всё отступит, оставляя тебя наедине с пустотой.

Сфайрат нёсся вверх с рёвом не то ярости, не то боли. Дракон с лёту пробил небесный свод, в облаках собственного пламени вырвавшись за пределы Эвиала. Только тут он остановился — как-то сразу, вдруг, словно в единый миг лишившись сил. Огромные крылья опустились, длинная гибкая шея вытянулась, голова, увенчанная рогатой короной, завалилась набок.

Тишина. После всего рёва и грохота — мёртвая, всепоглощающая тишина.

Клара повалилась на тропу — Сфайрат вынес её не просто куда-нибудь, туда, где она могла стоять и дышать.

— Дракон.

Безмолвие.

— Эй, что с тобою?

Нет ответа.

— Ты ранен? — встревожилась чародейка. С усилием приподняла тяжеленное веко, взглянула в неподвижный глаз со стянувшимся в тонкий вертикальный росчерк зрачком, словно на ярком свете.

«Нет, — раздалось у неё в сознании. Слабо, едва

ощутимо. Но это был именно голос дракона, и спутать его ни с чем она не могла. — *Просто мой Кристалл... его больше нет*».

— И что?

«*Значит, нет и меня*», — просто ответил неподвижный Сфайрат.

— Но ты же есть! — испугалась Клара.

«*Ненадолго*».

Огромное тело вздрогнуло, подёрнулось дымкой, стало таять. Несколько мгновений спустя перед Кларой остался лежащий человек в богато изукрашенных доспехах. Их она узнала тотчас — по той памятной встрече-поединке в пещерах.

Забрало обильно гравированного шлема откинута, под ним — бледное лицо. Слишком, слишком хорошо знакомое.

— Ну уж нет, — рявкнула Клара, чувствуя, как к ней вновь возвращаются силы и решимость. Достаточно потерь там, внизу.

— Не стоит, — прошептал дракон, и это вновь был голос Аветуса Стайна. — Ничего не сделаешь. Я нарушил договор. Бросил свой Кристалл. И он... и теперь...

— Молчи!

Клара срывала с себя так и оставшиеся невооружёнными артефакты. Они не помогли ей там, в Эвиа-ле — но кто знает, может, работают сейчас?

— Эта хворь... — Шёпот Сфайрата то и дело прерывался. — Не поддастся никаким заклинаниям...

— Кто бы говорил про заклинания, — пробормотала чародейка.

Кольцо из ничем не соединённых рубинов, всё прочее, захваченное в своё время из Долины, — вещицы одна за другой летели в кучку прямо на тропу.

Дракон теряет силы, сейчас уже неважно почему. Артефакты, магические предметы способны, сгорая, дать очень и очень много. Если этим распорядиться с толком...

— Я тебя вытащу, слышишь? — Клара склонилась

над раненым, заглянула в до ужаса знакомые и родные глаза. — Даже и не думай, что опять от меня ускользнёшь!

Мне нужен мир, лихорадочно думала Клара. Какой угодно, но мир. Якорь, плотина, стены и крыша. Здесь, в Межреальности, дракон остаётся пленником Эвиала, даже формально вырвавшись за его пределы.

Мне нужен мир. А там — там будет видно.

Потому что, когда под ногами настоящая трава, а над головой — настоящее небо, куда легче бороться с самыми страшными проклятиями и наговорами.

...И она дотащила-таки его. До самого обыкновенного мира, подвернувшегося им по пути. Её рубиновое кольцо догорело, распалось пеплом, его силы как раз хватило, чтобы мягко опустить Клару и Аветуса на поросший ароматной травой склон холма, полого сбегавшего к неторопливой широкой реке.

— Я тебя вытащу, — с яростной убеждённой повторила волшебница.

Эпилог

— А потом, тётя Клара? Что стало потом?

...Дом стоит чуть на отшибе, большое село отделено полосой садов, внизу, под холмом, извивается река. Здесь привычное голубое небо, вода в колодцах вкусна и холодна до ломоты в зубах, позднелетние яблоки тают во рту.

Крепкие бревенчатые срубы поднялись в два этажа, на первом — лавка, на широком подоконнике за стеклом выставлены игрушки — куклы, звери, повозки и так далее и тому подобное. Когда к окну подходит кто-то из ребятишек, игрушки оживают — раскрывают нарисованные глаза, тычут в маленьких зевак пальцами или лапками, дразнятся и потешаются.

Тётя Клара, Клара Хюммель, бывшая глава Гильдии боевых магов, осела в далёком мирке. Она делает и

продаёт магические игрушки, успев прославиться на всю округу.

— А потом, тётя Клара? Потом-то что было?

Дрова в камине прогорели, сложенный из них домик обрушился горкой алеющих углей. На блестящих боках яшмовых статуэток, что напротив очага, заиграли отблески — как тогда, в глубине великой опрокинутой пирамиды...

— Тётя Клара?

Восемь пар глаз — соседские ребятишки вперемешку с собственными. Сбились кучками, наташили цветасто-локутных одеял, подушек, устроили гнёзда и крепости — самые надёжные крепости в мире, защиту от детских страхов.

— Потом... — Клара обвела детвору взглядом: — Потом все устроилось. Всё кончилось хорошо.

— Как? Ну тётя Клара, ну как же? Скажи, ну, пожалуйста!

— Они встретились, все вместе. — Глаза чародейки неотрывно смотрели на пламенеющие угли. — Под голубым небом, только лёгкие облачка набежали. Трава зеленела, а роса холодила босые ноги. Над озером... над озером собрался туман, там плясали водяницы, не боясь рассвета. Они выходили из мглы, скрывшей заливные луга, миновали мокрые вётлы. Дорога поднималась в гору, вела на широкий холм, расплывшийся, словно хлеб у дурного пекаря. Там виднелся...

— Замок!

— Нет, Зося, то был постоянный двор, большой, шумный и весёлый. Потому что его хозяин был сам большим, шумным и весёлым. И очень любил гостей. Всяких. Даже тех, кто безобразничал — в меру, конечно, — поспешно добавила Клара. — Безобразничал весело, конечно же. Никого не обижая и не буяня зло...

Рассказ лился, превращался в сон, пробирался прихотливыми тропками, возвращался обратно, к «настоящему», но больше следуя привидевшемуся, открывше-

муся внезапно, словно сквозь нежданно распахнувшееся окно.

Клара рассказывала, уже не детишкам, не прислонившемуся к косяку двери Сфайрату — себе самой. Детворе подавай приключения, и обычно Клара на ходу придумывала что-то, о добрых драконах и безмозглых зомби, морских кровожадных чудовищах и злобных правителях. Но сегодня всё совсем другое.

И ребятя слушает. Вовсе не о приключениях и подвигах, что случается нечасто.

...Из мокрого тумана на солнечный свет. Там, где перекликаются птицы, а воробьи деловито купаются в песке, словно собираясь на великосветский раут. Он бредёт, впитывая тепло всей кожей, держа свою спутницу за руку. Настоящую руку, живую, обманчиво-мягкую, и даже натёртые рукоятями сабель мозоли куда-то исчезли.

Неподалеку в озёрных туманах плещутся водяницы. Заметили их, замерли, уставившись огромными глазами. Замолчали. Пялятся.

Что ж, смотрите. За погляд денег не берут.

На трактирной вывеске — обнявшиеся орк и гном, оба с пивными кружками, коронованными густой пеной.

Дверь распахивается, на пороге появляется хозяин, огромный, в кожаном фартуке, лысый.

— Ну, наконец-то! — громыхает он, протягивая ручищу. — Как добрались? Легка ль была дорога? Туман да мгла — трудно пришлось? Вижу, что не заплутали, молодцы.

— Твоим, хозяин, словом подпирались, — улыбаясь, негромко произносит коротко стриженная девушка в лихо сбитом набок берете. — А туман... что ж туман. Горько только поначалу. Потом, когда руки встретятся, уже ничего.

— Застыли только совсем, — говорит её спутник, молодой, но совершенно седой. Он опирается на чёрный посох с набитыми железными кольцами, в навер-

шии — янтарно-жёлтый, словно глаз дракона, отполированный камень.

— Это ничего, — добродушно басит хозяин, глаза его странно поблескивают. — Заходите. Все уже собрались. Только вас ждут.

— Что ж, войдём, — произносит мужчина, галантно распахивая дверь перед коротковолосой спутницей. Та благодарно улыбается, быстро пожимает ему пальцы, шагает через порог.

— Сегодня встречаются друзья, — провозглашает хозяин у них из-за спины. — Да, вы не ослышались. Друзья, хотя прежде, до времени тумана, могли и скрещивать мечи. Теперь всё по-другому, во всяком случае, здесь, у меня. За каждым стояла своя правда, и я никого не сужу. Здесь те, кто поступал, как велела им совесть, ну а те, у кого она отсутствует, — у меня не задерживаются.

Гости видят длинный стол, уставленный бочонками с пивом, деревянными подносами, где дымится вепрятина, глиняными чашами с мелкими пупырчатыми огурцами, оранжевыми земляными головками и блестящими чёрными ленивцами. Поднимается парок над чугунками с кашей, не забыты мочёные брусника и листвянка, прозрачными ломтиками нарезан копчёный жир подкорника. Простая еда, без изысков — но так здесь и дом простой.

Дом, где каждый найдет то, что искал.

— Хой! Хэ-хей! — приветствуют вошедших. Мужчина с посохом, его спутница с саблями останавливаются, молча оглядывают собравшихся, улыбаются в ответ.

Вот могучий зеленокожий орк, на бритой голове оставлен длинный чуб, тщательно перевитый кожаными шнурками и закинутый за спину, щёки покрывает клановая татуировка. Вот низкорослый гном, широкая борода лопатой, у пояса — знаменитый шестопёр. Вот девушка, задорно-курносая, высоко выгнутые брови, мягко скруглённые щёки, высокая грудь — на неё стриженная воительница с двумя саблями покосилась не без

зависти. Вот старый дуотт, усмехается, взявшись за посох, увенчанный рубиноглазой головой дракона; вот печально улыбающийся мужчина, элегантный и невысокий, небрежно прислонив к столу белый посох, обнимает за плечи красивую женщину с роскошной русой косой, переброшенной на грудь. А вот и священник в скромной рясе, улыбается, глядя на вошедшую пару единственным глазом, осторожно поглаживая нагрудный косой крест. Вот и высокий, благородной осанки воин, даже за праздничным столом не расставшийся с доспехами, на груди у него вычеканен царственный василиск, напротив воина — старый серокожий вампир в идеально чёрном. Здесь и пожилой мужчина, высокий, седой, узкие глаза с приподнятыми уголками, что могли бы принадлежать какому-нибудь эльфу.

...Клара называет имена, однако в её собственном повествовании они растворяются, улетают невесомым дымком, рассеиваясь без следа, словно тут, пройдя через туман, всё приходится начинать сначала, и даже обретение имени.

... — Садитесь, садитесь, не стойте. — Хозяин подталкивает новоприбывших в спину.

Распахиваются двери, легко впархивает тоненькая эльфийка, флейта в левой руке, в правой — огромный букет полевых цветов, совсем свежих, покрытых росой.

— Они будут с тобой. — Флейтистка протягивает букет стриженной воительнице, та смущается, но принимает дар. — Простоят, сколько ты захочешь.

— Спасибо... — Стриженная прячет лицо среди голубых и жёлтых венчиков. — Спасибо... такие красивые...

— У нас ведь сегодня свадьба, — внушительно произносит хозяин. — Вернее, у вас. Давно пора, вы и так слишком долго ждали...

... — Урааа! — голосит кто-то из девчонок — Клариных слушательниц — и тут же получает тычок в бок от подружки, мол, не мешай, самое ведь интересное!

... Мужчина с чёрным посохом и девушка с двумя саблями медленно идут сквозь двойной ряд гостей, об-

сыпающих их хмелем и цветочными лепестками. Во главе, на возвышении, стоит священник, он изо всех сил старается сохранить серьёзность, но всё равно — улыбка сама просится на лицо.

... — И они поженились. — По щекам Клары текут слёзы, хорошо, что видит их один Сфайрат. — Поженились, и всё было так красиво. Невеста надела золотистое с шафрановым, а гном подарил ей берилловую диадемку. С небес же спустилась жемчужного цвета драконница, ударилась оземь и обернулась прекрасной девушкой, с волосами цвета собственной чешуи, цвета самого лучшего и нежнейшего жемчуга. И тогда они все...

...Тогда они все садятся за стол, едят и пьют, одна-ко яства не убывают. Играет музыка, они танцуют и веселятся, рассказывают какую-то смешную чепуху.

Они знают — день миновал и за стенами сгущается вечер, с холодного озера наплзает мгла, заглядывает в окна, настойчиво напоминая о своих правах.

Начинают расходиться гости, один за другим они шагают за порог, и туман словно проглатывает их, силуэты исчезают в один миг.

Приключения закончились.

— Они ведь пошли домой, да, мама?

— Ну конечно, Зосенька. Они все пошли к себе домой. А молодожёны вместе с девушкой-драконом остаются за столом, и говорят, говорят, говорят, не в силах наговориться. Хозяин то и дело подбрасывает дров в очаг, изредка вставляет фразу-другую.

Ледяные волны тумана подступают к постоялому двору со всех сторон, исчезают забор и конюшни, сараи, амбары, клетки, кладовые — в сгущающейся тьме остаются светиться лишь пара окон, разделенных переплётками на четыре части каждое, за которыми — тёплый свет камина, и аромат свежих пирогов с вареньем, и неспешная беседа.

Клара останавливается. Боль становится почти невыносимой.

— Но никто не боится тьмы и тумана...

...Завеса мглы смыкается. Ещё некоторое время можно разглядеть сквозь колышущуюся хмарь озарённые изнутри живительным пламенем окна, но вот угасают и они.

— Никто не боится тьмы и тумана. — Голос сказчицы вновь набирает силу. — Потому что придёт новый рассвет. Туман рассеется, и наши путники вновь увидят дорогу, и лес, и озеро, и холм за ними. Только это уже будут другие дорога, лес и озеро. На холме... на холме будет город, которому грозит беда.

А какая беда, расскажу в следующий раз, — ох, ну что ж делать с этими глазами? Опять на мокром месте. И разве так рассказывают сказки детям? Им подавай волшебные приключения.

Детвора возмущённо загалдела, Зоя попыталась перекинуться в дракона — и перекинулась бы, кабы не железное «Нет!» решительным отцовским голосом.

...Укладывали ребятню, целовали в теплые лбы и облупленные носы. Подтыкали одеяла, помогали забраться живым игрушкам. Пришёл Шоня, здоровенный кот-страж, свернулся клубком на пороге коридорчика к детским спальням.

— Смотри в оба, — как обычно, напутствовал его Сфайрат.

— Когда я не смотрел, хозяин? — как обычно, с наигранной обидой отозвался котище.

Клара и дракон вдвоём вышли на крыльцо. Закат мягко угасал, небо чистое, ни единой тучки; с востока прилетел тёплый ветерок, распушил волосы чародейке.

— Всегда слушаю, как ты рассказываешь. — Сфайрат встал у неё за плечами, отвёл в сторону косу, мягко коснулся губами шеи. — И сам верю. Словно вижу всё это. Трактир, гостей, свадьбу...

— Значит, — Клара шмыгнула носом, тыльной стороной ладони стёрла следы слёз, — значит, так оно и было.

— Хочешь, полетим? — негромко предложил дра-

кон. — Сегодня спокойная ночь, я чувствую. Да и Шоня не подведёт, если что.

— Давай в следующий раз, милый, ладно? — Клара обернулась, закинула руки ему на шею. — Что-то я сегодня...

— Конечно. — Сфайрат не обиделся, Клара знала.

— И тебе завтра Зоську на обрыв брать, пора девчонку на крыло ставить. Не трать силы зря, я ж знаю, как тебе тяжело перекидываться после того, как эвильский Кристалл угас...

— Меняешь тему? — усмехнулся Сфайрат.

— Меняю. Возьмёшь Зоську и старших. У меня работы много, товар в лавке подрабозали.

— Подрабозали... скажи уж лучше — подчистую смели!

— Да, расторговались мы. Игрушки хорошо идут, — похвасталась волшебница.

— Ничего себе «игрушки»... ты ж их живыми делаешь! Ох, Клара, чую — недолго нам в этом мирке осталось. Вроде б самый тихий, самый спокойный выбирали, а всё равно — беды нас не минут. И чего не захотела ты возвращаться в Долину?..

— Ты ж знаешь, Сфай.

— Знаю, Клархен, знаю... — отвернулся дракон.

— Не могла... не хотела. Видеть их, слышать, снова во всём этом барахтаться... Даже Аглая. Не могу, ну, никак. Восточку ей послала, она знает, что я жива, — и только. Даже мой тамошний дом — глаза б на него не смотрели.

— Не кручинься. — Дракон обнял жену, стал укачивать, словно ребёнка. — Всё у нас хорошо, а будет — ещё лучше. Вот увидишь. И Зоську я завтра на крыло, как обещал...

Он говорил что-то ласковое, мирное, повседневное. Клара кивала, поддакивала и улыбалась. А потом обернулась — по самому краю ночного полумрака и последних остатков закатного пламени шли трое. Вернее, шли уже двое, потому что третья расправила крылья и взле-

тела, заложив лихой кульбит, от которого Кларин старший, Чаргос, навеки потерял бы покой и сон.

Чародейка потрясла головой.

Наваждение. Привиделось.

Нет ничего на границе света и тени, дня и ночи, никто не шагает по великому пределу.

Или всё-таки?..

Три тени растворяются в сумерках. Летит жемчужный дракон, идёт мужчина с посохом и воительница с двумя саблями. Сквозь миры и времена. И — где-то рядом с ними — воин с василиском на броне.

— Идём спать, Клара, — тихонько говорит Сфайрат, и руки дракона крепче обнимают чародейку. — Сегодня хорошая ночь.

Волшебница краснеет. До сих пор, словно девчонка.

* * *

— Вот всё и кончилось, брат. — Ракот стоял у стрельчатого окна, смотрел на испещрённое протуберанцами небо. Крепость Хедина — одна из тех, где Познавший Тьму разрешал себя навещать.

— Ну что ты. Всё ведь только начинается. — Пальцы Познавшего Тьму гладили новообретённый шрам, протянувшийся от левого уха до уголка рта по низу щеки. — Мы вырвались из ловушки Дальних, мы получили их залог. Теперь им некуда деваться. Придётся идти на открытую войну.

— А замок? Замок-то им зачем понадобился? — не оборачивался Ракот.

— Слишком очеловечились. Слишком заигрались. Стали испытывать эмоции, что-то чувствовать. Вот и не выдержали — так хотелось сделать хоть какую-нибудь гадость. Мелкую. Подлую. Бессмысленную. Показать, что и здесь мы тебя достанем. Твою цитадель, куда не допускается даже Хаген, — найдём и отправим в пекло.

— Действительно, мелко. Но ведь всё равно — от

нас они ускользнули. И Спаситель скрылся. — Верно. — Хедин кивнул, не глядя на брата. — Он — наш главный враг. Он, а вовсе не Дальние.

— С ними, кстати, у тебя хорошо получилось.

— Спасибо. — Познавший Тьму поклонился с невесёлой усмешкой. — Я знал, что Эйвилль не выдержит. Но... мне хотелось бы ошибиться.

— А мне хотелось бы знать, что они ей наговорили. Что пообещали, чем сманили? Это ведь первая измена в рядах наших подмастерьев, верно?

— Верно. А чем сманили... какой-то тайной, высшим предназначением. Эйвилль ведь потому и сдалась, что внутри у неё не осталось ничего, кроме зияющей пустоты. Вечная жизнь — это ловушка, куда угодили многие вампиры.

— Хорошо, что не угодили мы, — съехидничал Ракот.

— Мы не угодили, потому что вечная жизнь — не про нас, — серьёзно, совершенно в ином тоне ответил Хедин. — Мы с тобой только называемся «бессмертными». Наша смерть отодвинута надолго, но не навсегда.

— Ты умеешь радоваться победе, брат, — рассмеялся бывший Повелитель Тьмы.

— Я радуюсь, поверь. От всей души. Ведь сделано немало — остановлен Спаситель, сохранён Эвиал, закрыт Разлом. Два мира слились в один, и, мне кажется, они в надежных руках нового Хранителя. Старые же...

— Станут ему надёжными помощниками.

— Верно. Во всяком случае, надеюсь. Наллика не из тех, кто цепляется за «власть».

Молчание. Оба думали об одном и том же.

— Спаситель.

— Да, Спаситель. Он не успокоится.

— Пока мы наконец не потолкуем с ним по-свойски, — рыкнул Ракот.

— Мы попытались, брат. И ты сам убедился, что обычные заклятья, доставшиеся нам ещё из арсеналов Поколения, на Него не действуют.

— Верно, — согласился Владыка Мрака. — Но есть нечто иное, Ему ненавистное и для Него нестерпимое. Ведь Он дрогнул — тогда, на золотой лестнице, когда двое магов Эвиала пожертвовали собой, чтобы только остановить Его.

— Вряд ли Спасителя остановит некромантия, — покачал головой Хедин.

— Не некромантия, вовсе нет. — Ракот нахмурился, потёр лоб ладонью — скорбные воспоминания ожили вновь. — Готовность отдать жизнь за других... нет, не так, хотя и это, конечно, тоже. Встать рядом с богом, бросить ему вызов. Не польститься на обещаемую «вечность Спасения»... прости, брат, я сам ещё не могу сформулировать это. Но Спаситель претерпел куда больше от погибших мага и волшебницы, чем от всех моих чар.

— И тем не менее мы Его не уничтожили, — заметил Хедин. — Он уцелел даже в обвале миров. Я согласен, хитроумные маневры и многоступенчатые заклинания Ему нипочём. Он лишь воплощение Силы, а она-то сама — в сознании тех, кто в Него верит.

— Мы слишком долго боролись с Неназываемым, считали его главным врагом, — хмуро бросил Ракот.

— Он таковым и остаётся, — пожал плечами Хедин. — Во всяком случае, Спаситель берётся за один мир, в то время как Неназываемый готов поглотить сразу всё сущее.

— Но с последним мы научились справляться, — возразил Ракот. — Границу всеобщего разрушения мы пока что сдерживаем. А вот Спаситель одерживает победу за победой.

— Не везде. Ему пришлось убраться из Мельина.

— Но зато ему едва не достался Эвиал. И я не поручусь, что мы так же сумеем отстоять следующий мир, куда Он соизволит явиться.

— Знать бы ещё, куда именно, — заметил Хедин. — Мы не стремились иметь «глаза» во всех и каждом мире Эвиала, слишком положившись на Читающих.

— А они-то в решающий момент и подвели, — буркнул Ракот.

— Да. И, должен признаться, брат, это волнует меня едва ли не больше, чем Неназываемый, Спаситель и Дальние вместе взятые.

— Не удивляюсь.

— Да. Если Спаситель обрёл власть даже над провидением Читающих... Если Ему удаётся затуманить им взгляд... — Хедин покачал головой.

— То у нас выходит уже совсем другая история. — Ракот смотрел в окно, взглядом следя за чем-то среди бушующих протуберанцев. — Давай не торопиться. Пока что я бы не слишком уповал на Читающих...

— И не прибегал бы пока к их услугам, — закончил Хедин.

— Точно. О-о, постой, кажется, мне пора. Сдается мне, к тебе пожаловали гости. А я пойду. Поразмыслию в одиночестве.

— Г-гости? — запнулся Познавший Тьму.

— Ну да, — ехидно бросил его названный брат. — Вот, видишь? Летит... Красивый такой...

Среди пламенных фонтанов, бесстрашно ныряя в огонь и стряхивая с великолепных крыльев алые брызги, к парящему над океаном магмы замку мчался величественный феникс.

— Пойдём мы, — ухмыльнувшись, повторил Ракот. Все трое шагнули к двери — она распахнулась им навстречу.

На пороге застыла Сигрлинн, прекрасная и грозная в золотом и алом. На плече примостился игрушечный тигр.

— Сестра, — поклонился ей Владыка Тьмы. Император и Хаген повторили его жест. — Счастлив видеть тебя в добром здравии.

— Спасибо, Восставший. — Она протянула ему руку для поцелуя, Ракот с несвойственной ему галантно-

стью приложился губами к тонкой ладони. — Ты... и Хаген... и этот незнакомый мне, но, безусловно, доблестный воитель — вы уже оставляете нас?

— Вынужденно, исключительно в силу обстоятельств. Неотложные дела, знаешь ли. После всего случившегося... — Ракот чуть задержался, пропуская Хагена и Императора вперёд.

— М-да. Ну ничего, тогда я поблагодарю тебя в следующий раз. За штурм Брандея, чтобы ты не сомневался.

— О! — только и нашёлся Ракот.

— Да, Восставший, да. Я знаю теперь, каково пришлось тебе, развоплощённому, на Дне Миров.

— Несладко мне там пришлось, — проворчал бывший Владыка Тьмы, отворачиваясь. — Однако то дело прошлое, а я пошёл. Дел неспорно, Мельин с Эвиалом слились, все потоки перемешались, должен же кто-то за порядком следить, пока... — Он осёкся.

— Пока я отвлекаю твоего брата от важнейшего и неотложного? — вкрадчиво поинтересовалась Сигрлинн.

— Э... гм... ладно, счастливо оставаться. — Ракот в панике выскочил за дверь и захлопнул её с почти неприличной резкостью. Однако и Познавший Тьму, и его гостя слышали последнюю фразу Восставшего, обращённую к Хагену и Хранителю Мельина:

— Должно же хоть иногда и у богов находиться время на что-то действительно важное...

Хедин и Сигрлинн остались вдвоём.

Познавший Тьму только сейчас сообразил, что продолжает сидеть, судорожно вцепившись в резной край письменного стола, заваленного свитками. В качестве грузов, чтобы пергамент не свёртывался, служили крупные аметисты и сапфиры вперемешку с золотыми самородками причудливой формы.

— Гномы надарили, — заметила Сигрлинн без тени сомнения. — Молодцы, трудяги, но ни капли вкуса. А тебе, как обычно, не до этого.

— Сигрлинн... — Познавший Тьму прочистил горло, поспешно и неловко вскочил: — Ты...

— Ну да. Я. Вернулась. Поговорить, Хедин.

— Как тышла...

— О, мужчины. Больше всего на свете вы не любите щелчки по носу. Конечно, это не самая тайная твоя цитадель, но пути-дороги ты прятал достаточно тщательно. И тут вдруг — я. Без спросу, без предупреждения... У тебя нет какой-нибудь очередной Огненной Девы в шкафу? — вдруг подозрительно осведомилась она.

— Сигрлинн... о чём ты... что ты...

— Думаешь, — голос у неё дрогнул, — мне следовало бы разрыдаться, кинуться тебе на шею, восклицая: «Любимый! Сколько же веков я мечтала об этом мгновении?»

Хедин опустил голову.

— Я пришла, — буднично и спокойно сказала Сигрлинн, — сказать тебе, что не для того провела в плену на Брандее и потом, в тенетах Западной Тьмы, все эти столетия, чтобы сейчас пикироваться по мелочам. Я пришла сказать, что впереди у нас — война. Война, по сравнению с которой побледнеют все восстания Ракота и даже твоё собственное. Я пришла сказать, что наши враги живы и не дремлют. Я... я пришла быть с тобой. Встать рядом. Спали тебя Ямерт, Хедин, скажешь ты хоть что-нибудь?

— Скажу. — Только теперь Познавший Тьму смог взглянуть ей в глаза, полные ярости и неушедшей боли. — Мы такие, какие есть. Но можем измениться. До определённого предела. Некогда ты сказала, что я, отрёкшийся от себя, тебе не нужен.

— И я, отрёкшаяся от себя, не нужна тебе, Хедин.

Он с трудом выдерживал горящий взгляд.

— Я буду счастлив сражаться рядом с тобой, Сигрлинн. Не важно, против кого. Но важно, за что.

— На этот счёт не беспокойся.

Их руки встретились. Губы ещё произносили какие-то слова, а пальцы искали друг друга.

А потом наступило долгое молчание.

За стрельчатым окном вспух очередной протуберанец, совсем близко от замка, рассыпался торжественно-брачным салютом. Двое стояли у проёма, их тени сливались — они знали, что им предстоит, или, по крайней мере, уверили себя в этом.

— Брандей... — наконец проговорил Хедин, когда молчание стало совсем нестерпимым. — Как они... почему они...

Два его пальца, указательный и средний, касались опущенной кисти Сигрлинн. Гладкой, шелковистой и тёплой. Как тогда, в Джибулистане...

— Хедин, Хедин, — вздохнула его собеседница, не торопясь отвести руку. — Больше всего на свете ты боишься себя самого. Боишься быть сам собой. Поистине, нет у тебя врага страшнее, чем ты сам... Брандей, говоришь? Да, они считали, что выстроили неприступную твердыню. Целый мир в заложниках, не шутка, зная твою щепетильность.

— А... ты? Что они хотели от тебя?

— Многого, — поморщилась Сигрлинн, по-прежнему не убирая руки. — В кое-каких вещах я до сих пор понимаю больше, чем они все вместе взятые, хотя Макран и Эстери готовы были из-за этого удавиться — если бы только призраки действительно могли повеситься.

— Ты помогала им?

— До определённого предела, — нехотя промолвила волшебница. — Иного выхода не было. Моё существование оставалось у них в руках, хотя со временем мне удалось... воплотиться.

— Тот самый феникс?

— Да. Не случайно же первая моя смерть была от огненной чаши, которой я же сама и вооружила своих учениц. — По лицу Сигрлинн прошла тень давней, но не забытой боли.

— Первая смерть... — эхом откликнулся Хедин. — Я искал тебя, искал...

— Плохо искал, значит! — отрезала Сигрлинн. — Во всяком случае, хуже, чем брандейцы. Очнулась я тогда уже в их клетке. Ничего не могу сказать, обращались они тогда со мной вполне терпимо. Им требовался залог.

— Залог чего? — Какой же у неё взгляд. Какой взгляд!

— Бедный мой Познавший... Ладно, сочту это комплиментом. Ты резко поглупел в моём присутствии, поскольку моя красота поразила тебя в самое сердце?.. Брандейцы, по совету всё того же Макрана, считали меня залогом своей безопасности. Мол, Хедин никогда не решится на прямой штурм, зная, что его... гм... в общем, ты понял.

— Я понял. — Он не мог взглянуть ей в глаза. — А вместо безопасности...

— Получили штурм, — тихонько шепнула Сигрлинн. — И я умерла второй раз, Хедин. Было очень больно. Очень. И очень страшно. Потому что, думала я, второй раз *оттуда* мне уже не выскользнуть. И... я и впрямь не верила, что ты станешь штурмовать. Но ты с порога отверг идею, что твои враги могут порой говорить правду и... Вы с Ракотом разгулялись на славу.

— Прости. — Хедин не опустил голову, он вскинул подбородок, заставив себя взглянуть прямо ей в глаза. — Но я считал...

— Что ты считаешь, я и так знаю. Упорядоченное в опасности, множество чужих жизней на кону, и я, мол, не имею права думать о той, кто... тьфу, Хедин, ну почему я опять вынуждена всё говорить за тебя?!

Она перевела дух, сама крепко взяла его за руку — только что едва касавшиеся её пальцы чуть не отдёргнулись в ужасе.

— Я не верила, что ты станешь штурмовать. Но знала, что станешь. Да, да, вот так. Знала, но не верила. Не верила, но знала. У нас так бывает.

— А они выдернули тебя вторично. Спасли, если быть точным.

— Спасли, — кивнула Сигрлинн. — Ну, теперь ты, наверное, хочешь узнать, как они оказались в Эвиале? Почему именно там? Очевидно, потому, что там успели свить гнездо твои давние враги, а их новообретённые союзники — Молодые Боги. Не пытайся сделать вид, что ничуть не удивлён, Хедин, ты при этом ужасно глупо выглядишь.

Эвиал — ключевой мир, и это понимал не только ты. Ямерт, представь себе, в своё время тоже дошёл до этой мысли. Ключевой в том числе и потому, что Хаос здесь очень близок, что границы — в силу каких-то, сейчас не важных причин — здесь тонки, и царство бесформенного разом и далеко, и близко. Молодые Боги это понимали. Так и появились Кристаллы Эвиала. Для тебя это новость?..

Познавший Тьму промолчал.

— Но поставленные Хранителями Кристаллов драконы оказались в конечном итоге слишком независимы, слишком своевольны. А у падших Ямерта и его братьев уже не осталось сил, чтобы повернуть всё назад. Так их новые союзники — брандейцы — оказались против союзников старых.

И как же мне пришлось постараться, чтобы всё так и осталось!..

Хаос рвался в Эвиал, Хедин. Но брандейцы, наше с тобой Поколение, к тому времени уже служили не только ему. Потерпев страшное поражение от тебя с Ракотом, они отчаянно цеплялись за оставшееся у них жалкое существование — и готовили месть. Ради чего заключали любые сделки и шли на любые предательства. В том числе и с Неназываемым. Не поднимай брови, среди его козлоногих слуг есть и очень хорошо умеющие рассуждать. Стакнулись они и со Спасителем. Ну, а я... мне пришлось хитрить и играть на две стороны, делать то, от чего самой не хотелось жить, пришлось готовить свою собственную гибель. Попутно уверяя

брандейцев, что ненавижу тебя, поскольку ты, именно ты, своим отказом обрёк меня на тогдашнюю участь.

— И, надо полагать, — решился Хедин, — уверить Макрана с Эстери в последнем тебе удалось без особых усилий?

Сигрлинн вздохнула, снисходительно взглянув на Познавшего Тьму.

— Больше всего вы, мужчины, страшитесь нашего равнодушия. Вы, умеющие зажигать звёзды, — дрожите от устремлённого мимо вас взгляда.

— Я не умею зажигать звёзды! — торопливо запротестовал Хедин, и волшебница наконец-то рассмеялась.

— Да, я их убедила. Станным образом, но твой удар по Брандею причинил его хозяевам всё-таки больше вреда, чем мне. Потому что я-то и так... а вот они, сидя повыше, и рухнули куда глубже. И оказались в чём-то зависимы от меня. Ну, а я — я составила собственный план освобождения и следовала ему, — лицо Сигрлинн ожесточилось, — невзирая ни на что и не останавливаясь ни перед чем. Но... Хедин! Ты ж меня совсем не слушаешь?

— Угу. Я не слушаю. Я на тебя смотрю.

— И что же?

— Ты куда красивее, чем когда мы строили Голубой Город.

— До чего же банальный комплимент! — Сигрлинн шуточно надула губы. — Но сочтём и это за достижение. Раньше ты меня не баловал и подобным.

— Я... — Слова куда-то пропадают, дыхание пресекается. — Я так рад, что ты здесь, Сиги.

— Сколько ж ты меня так не называл... — задумалась чародейка. — Помоги, Четырёхглазый, вспомнить — три тысячи лет? Четыре?

— Три тысячи по какому счёту?

— Ах, неважно. — Сигрлинн вдруг отвернулась к окну, поглаживая игрушку на плече. — У тебя тут есть кухня, Познавший?

— К-кухня? Зачем?

— Выбрать сковородку потяжелее и, в полном соответствии с традицией, дать ею тебе по голове. Хотя иной мужчина мог бы и предположить, что его гостя голодна с дороги, но я на это не рассчитываю...

Хедин хлопнул себя по лбу. Через мгновение Познавший Тьму и Сигрлинн стояли друг напротив друга и, держась за руки, хохотали как безумные.

Ни о чём ином они сейчас не думали.

...А Ракот в это время вместе с Хранителем Мельина шагали по глухой звёздной тропе, ведя негромкую беседу. Не как учитель с учеником — но как друзья. Говорили о Мельине и Эвиале, о родившемся у Сеамни сыне и регенте Клавдии, о Храме Океанов и Наллике — обо всём.

Ракот знал, что скоро, очень скоро ему отправляться в дорогу, а бывший Император Мельина останется в доверенном ему мире, там хватает работы.

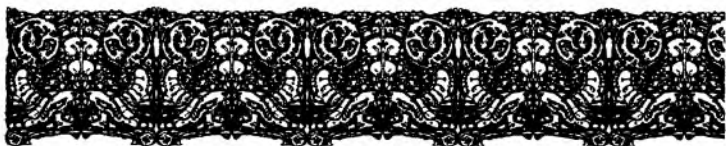
Но Восставший также и знал, что предсказание Хедина вот-вот исполнится и явится тот, идущий за ними, кому предречено оказаться сильнее их.

Но Ракот, бывший, настоящий и грядущий Владыка Мрака, не собирался сдаваться.

КОНЕЦ

2004—2006

Время отдавать старые долги. После длительных раздумий я возвращаюсь к давно объявленным, но долгие годы пребывавшим в забвении проектам. Таким, как, в частности

Тысяча лет Хрофта

ромокипящий пламенный котёл в жерле исполинского вулкана, он изрыгает высоко в аэр чёрные столбы дыма и пепла. По склонам горы струится огненная лава, достигает моря и замирает, окутавшись клубами пара, отдав великому океану свои ярость и жар.

Высоко над землёй, пронизав воздушные толщи, извергнутый вулканом дым достигает хрустального небосвода, обволакивает перекинутый от земных пределов радужный мост, что тянется к крепости, опирающейся на ещё недавно вольные облака, а ныне изловленные, зачарованные и поставленные нести службу.

Мчится сквозь небо золотой восьминогий жеребец. Бьётся под копытами пламя, мечется, не в силах вырваться. В левой руке всадника — поводья, в правой — копьё, покрытое резными рунами. Прижата напором ветра к груди седая борода.

Всадник стар. Он не помнит себя молодым. Волосы его всегда были седые, а борода и усы спускались до середины груди. Ему кажется, что таким он и возник, таким родился. Ни отца, ни матери всадник с копьём не помнит. Люди сами придумали им имена — Бор и Бестла, но это лишь звуки, ничего больше.

Наездник не помнит себя молодым, но знает, откуда он взялся, осознаёт собственное рождение, что даровано очень немногим.

В видениях-снах он видит зарождающуюся в непроницаемой бездонной черноте неба искру, огневую, словно сердце и первоначало всех пламен мира. Что за ней, за этой искрой, что породило её, откуда начался и в чём почерпнул силу её стремительный бег — всадник не знает, но чувствует. Громадную, непредставимую и неохватную мощь, творящую жизнь и её же поглощающую. Всадник не в силах охватить эту мощь собственным разумом. Он лишь знает, что порождён ею, с целью или же без оной — ему безразлично. У него есть дело, есть долг, есть соратники и сородичи, есть враги, есть дом — что ещё потребно мужу и воину?

Восьминогий жеребец торопится на север, туда, где ветер в ярости бросается на вставшие дыбом торосы, где от края до края раскинулись замёрзшие моря. Вдоль берега, где угрюмые чёрные утёсы гордо отказываются от снежной шубы, — пещеры инеистых великанов, ётунов, смертельных врагов всадника на восьминогом жеребце и его братьев. Ётуны могущественны, повелевают дикими, враждебными всему живому стихиями, могут насылать свирепые ураганы и метели, сквозь которые едва пробьётся даже лучший под этими звёздами восьминогий конь. Они умеют начертить на вечных льдах такие руны, что на помощь им, даже против собственной воли, приходят огонь и земля.

Испокон веку великаны властвуют над некогда породившей их водой, оставив своим противникам воз-

дух. Земля и пламя не встали ни на ту, ни на другую из сторон.

Всадник знает — ему не уничтожить всех ётунов. Да и великанам никогда не взять верх, чего упрямые верзилы никак не желают признавать.

Пока цело великое древо мира, незримое, но вещественное, неошутимое, но существующее, пока питают три его корня три заповедных источника — победителя в этой войне не будет.

Темна, черна и нестерпимо-горяча вода в первом из ключей, чьё имя — Кипящий Котёл. Под привычными кругами мира, под Вифльхеймом, обителью многих странных племён и магических существ, под Свартальфхеймом, домом чёрных альфов — самых древних гномьих колен, лежат Круги Адовы. Жизнь в них, пугающая и злая, порождена испарениями Кипящего Котла; туда за совершённые при жизни преступления из других миров попадают души умерших, что недостойны лучшей участи.

А ещё дальше — жуткий Унголиант, охотничьи уголья самых смелых и рискованных сородичей небесного всадника. Это мир чудовищ, не злых и не добрых, пожирающих друг друга и тех, до кого смогут дотянуться, не потому, что «плохи по природе своей», а оттого, что иной пищи для них не существует. Они очень древние обитатели Унголианта, начало их начал скрыто даже от наездника, несущегося сейчас над скованными льдом водами; где-то в тёмном мире теряется и зарождение первого из великих корней.

В тайных пределах, расположенных, казалось бы, совсем близко — протяни руку, и дотянешься, — бьёт второй источник, источник Мимира. Давным-давно самый мудрый из ётунов встал возле него на стражу, получив в награду бессмертие. Некоторое время назад всадник сумел пробраться к источнику; он оставил в залог свой правый глаз, но зато испил воды и, как ут-

верждают сладкоголосые певцы, для него «нет теперь тайн ни в прошлом, ни в грядущем».

Конечно, это не так. Загадок осталось предостаточно, но теперь он знает, как подступаться к ним, даже смотря на мир одним-единственным глазом. Кому-то это представляется великой и недоступной мудростью — но сам наездник больше всего верит в своё копьё, своё знание рун и заклятий, да ещё — в силу оружия своих сородичей.

Над головой сгущаются тучи, трутся мягкими боками о неподатливый небесный хрусталь — восьминогого жеребца, способного скакать по воздуху, словно по земле, заметили. Впрочем, наездник и не скрывался. Ага!.. что это там такое внизу?

Обычно разведка, дальний дозор — удел двух воронов, Хугина и Мунина, или волков — Гери с Фреки. Люди верят, что за день, торопясь вслед солнцу, они успевают обежать или облететь весь мир...

Но сегодня — особый случай. Вороны принесли весть, что инеистые великаны вместе с горными собратьями выкладывают на льду огромные руны, не жалея спин, откалывают от прибрежных скал острые чёрные глыбы, волокут — и на белом покрывале возникают узоры, странные, пугающие и отталкивающие. Даже вороны, устойчивые ко всякой волшбе, не смогли их разглядеть в подробностях. Не говоря уж о волках. Что-то куда могущественнее обычной магии отвело им взоры, обычно такие острые и всепроникающие.

Всадник отправился сам.

Он любил подобные странствия, как любил весёлый пир или честную схватку грудь на грудь. Порой да, приходилось нарушать слово, перетолковывать клятвы — потому что его попечению вверен целый мир, а он должен жить. Иначе нет смысла и в существовании хранящих его богов.

...Ётуны сильны, но не слишком умны. Всё лезут и лезут на рожон, лезут и, конечно же, гибнут. Остаются

их дети, обуреваемые жаждой мести, и всё повторяется сначала. Что ж, всадник отнюдь не против. Глупцов, не умеющих учиться, — ему не жаль. Пусть их кровь льётся потоками, она очищает мир. Значит, он сам и его сородичи властвуют здесь по праву. Ибо кто побеждает — тот и прав.

Пронёсся и утонул в дымке Заслонный остров, откатились волны Льдистого моря; остались позади Полуночные горы и Гнипахеллир, восьминогий Слейпнир миновал пещеру Гарма — и вот они, белые замёрзшие поля. Вотчина ётунов, инеистых великанов. Над скованными несокрушимым панцирем водами вечно кружат исполинские колёса непроглядных облаков, сеющих снегом даже в разгар короткого лета — великаны не привечают солнце, их холодным сердцам милей выюжная полумгла.

Однако вот и они сами.

Всадник сдерживает бег восьминогого коня; тот храпит и пятится, словно самая обычная лошадь, учуявшая волков.

Далеко внизу, на белой глади льдов, медленно движутся фигурки ётунов; кованный морозами панцирь перечеркнули извивы рун. Разглядеть их можно лишь с большой высоты, и как это ётуны только смогли извлекать такое? Крыльев-то у них нет, да и способных скакать по облакам жеребцов тоже.

Всадник перегибается, сощуривается — что такое? Почему глаза полны словно бабьей водой? Отчего расплываются очертания выложенных из камня руниров?

Наездник с досадой вскидывает руку в боевой рукавице, проводит по лицу. Нет, всё как и было. Придётся снизиться, может, станет лучше?

Слейпнир срывается с места, повинувшись хозяйской руке, однако волшебный конь недоволен — он явно с большей охотой повернул бы назад.

Так, тут и впрямь чуть лучше.

Что ж вы тут навывкладывали-то, ётуны? Откуда вдруг

такая любовь к заветным письмам? Вы и к простой-то грамоте питаете отвращение, до сих пор передавая секреты собственной волшбы только из уст в уста.

Нечто небывалое должно случиться, чтобы племена инеистых великанов отринули б вечные распри и вот так, дружно, как один, принялись за дело, нелёгкое даже при их росте и силе.

Руны выложены огромным кругом, словно целят со всех сторон в некую точку, «средоточие отвержения», как сказал бы Сын Девяти Матерей. Очертания вроде бы знакомые, но к каждой руне добавлено нечто, меняющее значение. Или это просто от ётунской неграмотности?

Вот как будто бы Úr, «власть», но правая ножка переречёнкнута. Вот перевёрнутая в другую сторону Thurs, «добрые вести». Вот Hagall, «горе, злая судьба», но увенчанная чем-то вроде трёхрогой короны. А вот и Yew, «путь мёртвых», но рассечена крест-накрест. И последняя, пятая — Tug, «война», но простая стрела обзавелась каким-то опереньем.

А куда ж они целются? Что в середине?

Круг. Пустой круг. Его нет в перечне обычных рун, пустой камень означает «судьбу» или «рок», начало и конец. А круг... Слейпнир яростно ржёт и мотает головой, отказываясь спускаться. Глаз режет, он слезится уже так, что всадник ничего не может разглядеть, — однако чудится ли ему, что там, в самом центре круга, крошечная тёмная точка? Ещё одна руна — но в сравнении с остальными исполинами эта — настоящий карлик.

Твёрдая рука гонит восьминогого жеребца вперёд, и чудесный конь смиряется с волей наездника.

Инеистые замечают незваного гостя. Бросают работу, тяжеленные чёрные глыбы летят в снег, однако никто не хватается за оружие. Слейпнира провожают мрачные взгляды из-под громадных натруженных ладоней, и взгляды эти наезднику не нравятся чрезвычайно. Уж

лучше бы засвистели пращи, пусть бы обрушился каменный град...

Да, вот она, последняя руна. И, против ожиданий, она ничуть не изменена. $\mathfrak{R}$, oðal, «наследственная земля». Правда, она же может значить «начало и конец», помимо пустого рунира.

Что за наваждение?

«Спускайся и поговорим, могучий Óдин».

Слова отдаются железным лязгом, Слейпнир дико ржёт, почти вскрикивает в ужасе. Холодная и злая сила тянет всадника вниз, туда, на снег, к острым, словно наконечники копий, торосам.

Что ж, он, Óдин, как его называют, «отец человечества», «сын Бестлы», «сын Бора», «потомок Бури», «Хрофт», «Игг» — и ещё множеством иных имён — спустится и поговорит. Он ещё никогда не бежал от опасности. А в случае надобности — не подведёт Гунгнир, трёхострое копьё, найденное им в своё время на равнинах Иды. Брошенное, оно всегда вернётся к нему в руку, а заветный металл, уру, неведомый никому даже в Асгарде, на века удержит начарованное.

Но даже он, отец богов, сейчас с трудом успокаивает Слейпнира. Волшебный конь словно обезумел, рвётся сквозь метель так, будто хочет разбить себе грудь о крепкие, словно гранит, ропаки.

«Поговорим, ас воронов».

Что ж, поговорим.

— Только с кем? Я не вижу никого достойного! — громко провозглашает Óдин, оказавшись на снегу. — Вокруг лишь простые камнетёсы!

«Устрою ли я тебя, о брат Вили?»

— Кто ты? Покажись! — требует Отец Дружин, для верности взмахивая копьём.

«Я и далеко, и близко. Увы, я не в силах выйти и приветствовать могучего прародителя богов так, как он того достоин. Быть может, мои речи недостаточно уч-

тивы, о Хрофт, но смысл их пусть не ускользнёт от тебя».

— Кто ты?!

«Лаувейя, о Игг, и не говори, что это имя тебе незнакомо».

— Знакомо, — усмехается Óдин. — Однако с каких это пор ты стала вещуньей, бабка Слейпнира?

Ответная усмешка, далёкая, пришедшая словно из самого сердца суровых, безжизненных гор.

«Недостойно владыки Асгарда стараться оскорбить бедную женщину. А хексой, ведьмой по-вашему, я была всегда, от начала начал».

— Допустим, — морщится Óдин. — Но что с того? Ты хотела поговорить, так говори, породившая того, кто стал отцом Ванарганду!

«Ты пришёл, потому что не понял значения наших рун, так, о великий Игг? Не отрицай, в таком признании нет урона твоей гордости. Напротив, это признак силы. Уверенный в себе не претерпит ущерба от произнесённых слов».

— Только если они не из уст троллквинны, как говорят на восходном берегу Хьерварда, — возражает Óдин.

«Возможно. Но я хочу, чтобы ты узнал кое-что, отец богов и победитель великанов. Бесчестно и недостойно ётуна было бы утаить от тебя это знание — ты наш враг, но ты и охранитель привычного нам мира...»

— Довольно слов, ведьма. Говори, что хотела сказать!

«Ты даже не хочешь притвориться вежливым, о бог павших. Словно и не занимает тебя, почему наши руны так странно изменены...» — В голосе великанши странное сожаление.

— Не хочу. Потому что это притворство, прародительница Волка. Но если ты скажешь мне, я запомню. А тебе известно, что Óдин не забывает долгов или благодарений.

Вновь усмешка, на сей раз горькая.

«Благодетелей... кто знает, чем обернутся мои слова. Так слушай же, Игг. Грядёт великое изменение. Из-за пределов нашего мира явится оно, принеся горе и свет, смерть и воскрешение. Уйдёт старое, воздвигнется новое, и тебе не будет в нём места. Я вижу это так же ясно, как ты — свою участь в старом пророчестве вельвы».

— Я знаю пророчество вельвы. — Один крепче сжимает копьё. — Я знаю, что нам предсказан Рагнарёк. Гибель всего и вся, в том числе — и рода великанов. От моего семени останутся сыновья Устрашителя Великанов, останется Владетель Железного Башмака, останутся Бог Плача и Слепой Ас. Они создадут новый мир, лучше и чище нынешнего. А вот твоё племя сгинет. И я солгал бы тебе, бабка Змея, уверяя, что последнее меня хоть сколько-нибудь печалит. Всё имеет свой конец, даже дни богов. Но я не боюсь этого — я знаю, что приму смерть, достойную мужа, а внуки мои продолжат моё дело.

Смех.

«Ах, Один, Один, многомудрый Хрофт! Отец Дружин, носитель великого копья! Как же ты наивен, как заткали твой взор победы над моими сородичами! Ты не видишь священных писем в сталкивающихся льдах, не читаешь знаки судьбы в мятущихся тучах. И даже руны ётунов для тебя — откровение. Отправляйся к мудрому Мимиру, испей вторично из его источника — первый-то раз, как видно, не помог».

— Не стоит оскорблять гостя, великанша.

«Скоро ты убедишься в справедливости моих слов. — Печаль и тоска неподдельны. — Ты убедишься, но будет поздно. Так случается со всеми истинными предсказаниями. Ты веришь вельве, но не хочешь прислушаться ко мне. Что ж, иди, Сын Бури. Иди и не говори, что тебя не предупреждали».

— Меня не предупреждали, ведьма. Ты ничего не сказала толком — в отличие от той же вельвы. Что значат ваши руны, я так и не узнал.

«Попробуй иные способы. Они есть. Если ты сумеешь прочесть написанное нами, быть может, удастся отвести большую беду».

— Если ты хочешь отвести большую беду, мудрая великанша, то лучше б тебе поведать мне прямо, в чём тут дело.

«Не могу, — с искренней болью в голосе. — Имеющий восемь зрачков запретил мне это».

— Имеющий восемь зрачков? — Впервые удивление Óдина искренне и ненаигранно.

«А тебя ещё зовут мудрейшим из мудрых... Прогони от себя льстецов, великий Хрофт, войди в смерть и выйди из неё. Тогда, быть может, твой взор очистится. А сейчас прощай, мои силы потребны в ином месте...»

Порыв ветра — и голос утих, подхваченный снежной бурей, растаял в белёсой круговерти.

Мрачные великаны вновь принялись за работу, не обращая на вековечного врага никакого внимания, — мол, хочешь убивать — убивай, это уже не имеет значения.

Слейпнир сорвался с места куда охотнее, чем направляемый к земле, точнее — ко льдам. Вновь раскрываются чёрные руны, раскинувшиеся на целые лиги; первой исчезает крошечная «одадь», руна отчей земли, начало и конец всего.

Восьминогий жеребец вновь мчится по воздуху, торопится на благодатный юг. Недалёк уже и радужный мост; вот затрубил в рог Молчаливый Ас, приветствуя Отца Богов.

Но сегодня Óдин хмур. Не глядя, бросил поводья Слейпнира; молча кивнул в ответ на приветствия и поклоны эйнхериев, прервавших бранную потеху.

Мрачно взглянул на обеспокоенную жену. Опустив голову, позволил госпоже асов и их жён увести себя во внутренние покои.

— Что тревожит тебя, муж мой? — Поданы яства, сама дочь Фьёргуна достала гребень, села рядом с мол-

чаливым супругом, стала расчёсывать ему спутавшиеся во время пути волосы.

— Руны. Руны ётунов, — коротко и угрюмо, взгляд в пол. Мать Прекрасного Бога горда и своенравна, однако знает — есть моменты, когда Отцу Дружин лучше не противоречить.

— Скажи мне, поделись, и ноша твоя облегчится, — поклонилась, как и положено знающей своё место жене.

Нет. Не время. Дочь Фьёргуна — всегда лишь дочь. Как и мать Локи. Женщина, её прорицание сильно; а битва — дело мужей. В том, что предстоит именно битва, Отец Дружин не сомневался.

Осталось лишь определить, где и когда.

Он привык сам выбирать врагов. Упреждать их, наносить удар внезапно. Те же великаны — сильны, могучи, но не привыкли сражаться сообща, и Носитель Молота расправлялся с их лучшими богатырями поодиночке.

А сейчас — ётуны трудятся все вместе, повинаясь единой воле. Породившая Локи никогда не правила ими, иные князья гримтурсенов имели власть лишь над ближней роднёй. Что же заставило инеистых великанов изменить всегдашнему обычаю? И что значат эти странные, перекорёженные руны?

Владелица Фенсалира молча взглянула на склонённое чело супруга. Покачала головой и тихо вышла; дверь покоя затворилась, а Отец Дружин даже не поднял взгляда.

...Собравшиеся на совет асы выслушали владыку Асгарда в молчании. Присмирел даже неугомонный отец Ёрмунганда.

— Ты, Одаривающий.

— Следует, чтобы брат Бюллейста отправился бы к своей матери и вызнал все подробности.

— Она не ответит, — проворчал Породивший Волка, отводя взгляд. — Даже на порог не пустит.

— Ты, Молчаливый, — прервал хитроумного аса Отец Дружин.

— Следует, чтобы владыка Бильскирнира отправился на север и пленил Лаувейю. Здесь, в Асгарде, мы узнаем всё.

— Пленить мою мать? — вскинулся Огненный Бог.

— Чтобы жил Асгард, — отчеканил Владелец Железного Башмака.

— Чтобы жил Асгард, — один за другим кивнули слепой ас, пасынок госпожи соколиного оперенья, и длиннобородый Владыка Скальдов.

— Стойте, стойте! — Устрашителю Великанов воинственно задрал рыжую бороду. — Мой Мьёлльнир сокрушит любого из рода гримтурсенов, что правда, то правда. Но много ли толку, если я притащу сюда пленницу? Она не станет говорить.

— Что нельзя вырвать силой, можно узнать чарами, — раздался низкий голос Мудрого Аса. — Я согласен с Молчаливым.

— Один раз мы уже поступили бесчестно, — гневно заговорила дочь Ньёрда, вскочив со скамьи. — Пролилась кровь ванов. Не стоит повторять той ошибки.

— Согласна. — Роскошноволосая соперница Ярн-саксы встала рядом с богиней любви. — Я согласна отправиться к Лаувейе и поговорить с ней.

— Едва ли великанша захочет сесть за стол с моей женой, супругой того, кто отправил в Хель столько её сородичей! — возразил рыжебородый ас.

— Ты, как никто из нас, умеешь убеждать, — усмехнулся Хозяин Золотой Чёлки.

— А ты, Мудрый, тогда отправился бы сам, — обиделся обладатель Мьёлльнира.

— Хватит, — поднялся Отец Дружин, и всё разом стихло. — Ничего, кроме совета идти на поклон к великанше или же вырвать у неё правду силой, я не услышал. Никто не предложил самим узнать смысл новых рун.

— Как же узнать-то такое? — Простодушный Устрашителъ Великанов развёл руками.

— Я знаю, как. — Хозяин Асгарда опустил голову, и никто из сородичей-асов не видел его взгляда.

* * *

Всё как всегда. Дети, они и есть дети. Пусть даже зовутся богами, умеют дробить несокрушимый гранит и побеждать ётунов.

Золотой Слейпнир беспокойно водит головой. Чудесный конь чувствует беду, хотел бы помочь, но не знает, как. А Отец Дружин знает, но тоже — не может решиться.

Голая равнина, горизонт тонет в низких тучах, так что непонятно, есть ли вообще здесь солнце. Под ногами ни травинки, нагая слежавшаяся глина, где не пустит корни даже вездесущий пырей. Посреди ровного поля высится одинокий дуб, странный и нелепый в этом проклятом месте. Как он вырос тут — неясно.

Ветки его протянулись далеко от трехобхватного ствола. Глина усеяна опавшими листьями, полусгнившими жёлудями — но могучее древо напрасно старается. Ничто не возшло в его тени, ничто не прижилось.

Отец Дружин стоит, вонзив трёхострое наверх Гунгнира в неподатливую, плотно сбитую землю. Царит безветрие, беззвучие; дуб-исполин не шелохнётся, чем-то напоминая гиганта-ётуна.

Вот только он, Один, пришёл сюда с миром, а не с войной.

При мысли о предстоящем начинают мелко и стыдно трястись пальцы. словно не хозяин Асгарда, а ничтожный нищий, прячущий медяки — дневную добычу — от продажной рыночной стражи.

Жди — не жди, старый Хрофт, а задуманное придётся исполнить. Твой глаз лежит залогом у Мимира, но даже всей силы Источника Мудрости не хватило,

чтобы прозреть смысл новых, изменённых великанами рун. Не говоря уж об их сочетании.

Оттягивая неизбежное, Старый Хрофт разводит костёр — сухие поленья приехали на спине Слейпнира. Немного магии — огню полыхать девять дней и девять ночей. Охо-хо... но надо вытерпеть.

Хозяин Асгарда долго ходит вокруг потрескивающего пламени. Остриём зачарованного копья чертит на земле привычные руны, раскручивая их спираль противосолонь. Соединяет отдельные письмена, так что получается окружившая костёр многолучевая звезда.

Медленно наползают сумерки. Здесь нет ярких закатов, свет просто угасает, словно истаивая, просачиваясь сквозь землю.

Вскоре воцаряется тьма. Остаётся лишь разведённый Отцом Дружин костёр.

Один подходит к дубу, закидывает ременную петлю на нижнюю ветвь, захлёстывает свободный конец вокруг левого запястья. Ловко подтягивается, повисает, держа Гунгнир в правой руке. Бросает последний взгляд на весело пляшущее пламя, выдыхает — и сильным, спокойным движением вгоняет копьё себе в грудь по самую крестовину.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава десятая	5
Глава одиннадцатая	66
Глава двенадцатая	104
Глава тринадцатая	127
Глава четырнадцатая	202
Глава пятнадцатая	295
Эпилог	443
<i>Тысяча лет Хрофта</i>	463

Литературно-художественное издание

Ник Перумов

ВОЙНА МАГА

Том 4

КОНЕЦ ИГРЫ

Часть вторая

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Б. Волков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменная ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 06.10.2006.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.

Доп. тираж 20 100 экз. Заказ № 4549.

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.perumov.com

Официальный сайт Ника Перумова

Оперативная и достоверная информация
о новых книгах, работе над фильмами
и творческих планах писателя.

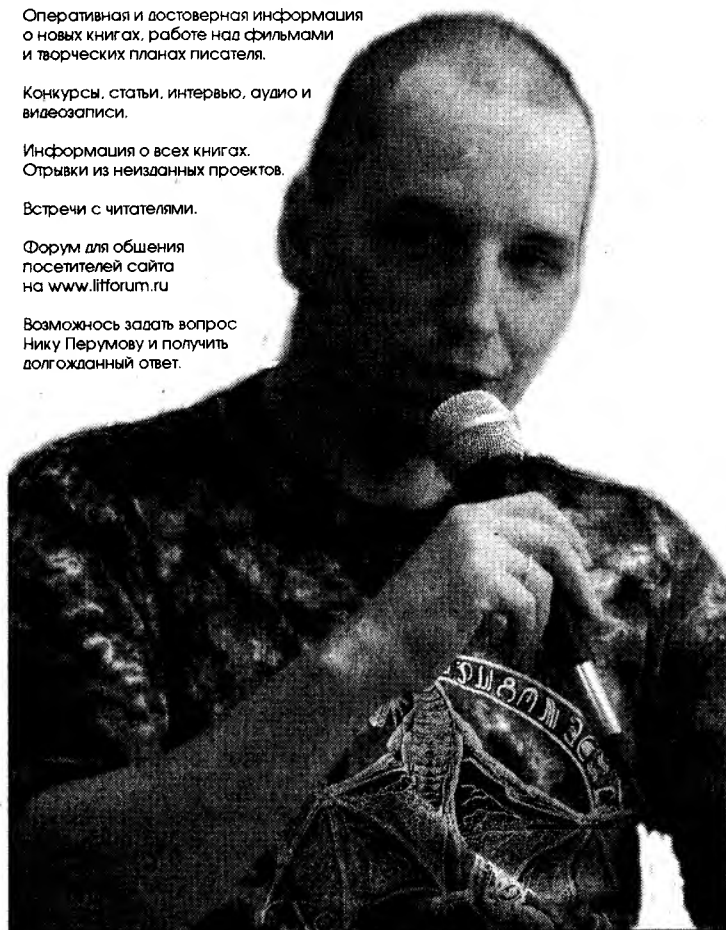
Конкурсы, статьи, интервью, аудио и
видеозаписи.

Информация о всех книгах.
Отрывки из неизданных проектов.

Встречи с читателями.

Форум для общения
посетителей сайта
на www.litforum.ru

Возможность задать вопрос
Никю Перумову и получить
долгожданный ответ.

WWW.OLMER.RU

Ведущий российский литературный портал.

Аудитория более 12000 человек.

6 лет ежедневных новостей.

Обзор книжных новинок.

Сайты популярных писателей: Вадим Панов,
Мария Семенова, Терри Пратчетт и других.

Самый популярный отечественный автор фэнтези

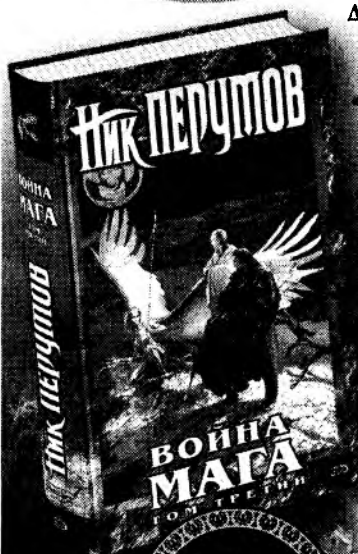
НИК ПЕРУТОВ

ВОЙНА МАГА

ДОЛГОЖДАННЫЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ
ЛЕГЕНДАРНОГО ЦИКЛА:

«Война мага. ЭНДШПИЛЬ», том 3

«Война мага. КОНЕЦ ИГРЫ», том 4

ЛУЧШИЙ
ФАНТАСТ
РОССИИ
2003

ЛУЧШИЙ
ФАНТАСТ
ЕВРОПЫ
2004

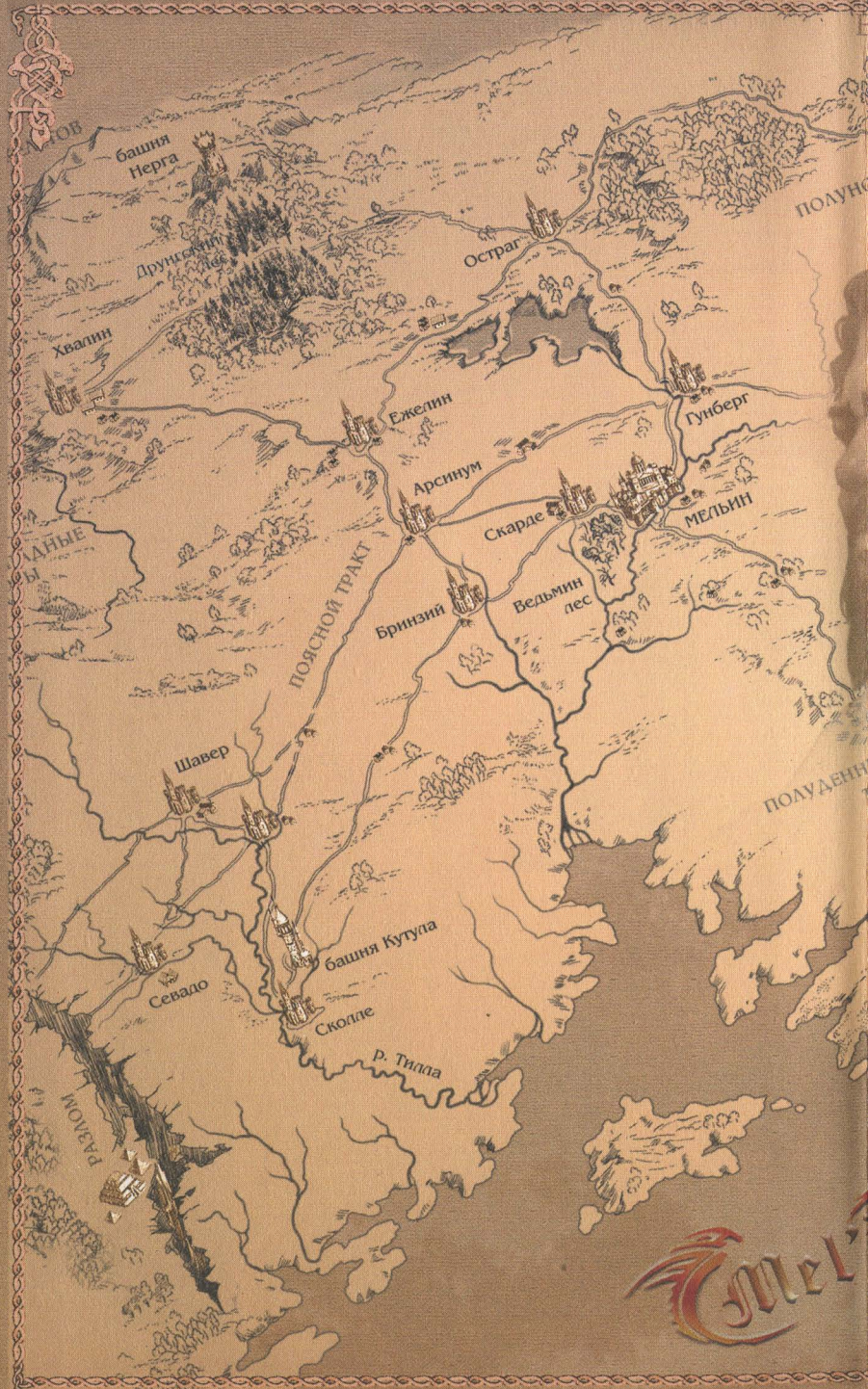
11 МЛН.
ЭКЗЕМПЛЯРОВ
КНИГ

WWW.OLMER.RU

www.perutov.com

Баламут

Сежес

Клавдий

ОЧНЫЙ ТРАКТ

ОЧНЫЙ ТРАКТ

БЕРЕГ
ЧЕРЕПОВ

in

W

S

Сеамни

ХІЖ ПЕРУМОВ

ISBN 5-699-16577-0

9 785699 165773 >